

Айя Субботина

Три короны для Мертвой Киирис

Глава первая

Ее везли в Мерод в конце второй недели предпоследнего месяца красных рун. С неба который день сыпался пепел, осколок луны освещал затянутые туманом небеса скупым алым светом, а величественный город загородил собою весь горизонт, словно черное смертельное проклятие.

Киирис поежилась от холода, натянула потрепанное шерстяное одеяло до самого подбородка. Цепи на руках были невероятно тяжелыми, обсидиановые браслеты до крови натерли запястья. Она опустила взгляд на скованные колодками ноги. Хорошо хоть сапоги не забрали: сшитые на заказ из тюленьей кожи с отделкой из бобрового меха — теперь уже единственное материальное свидетельство ее высокого социального статуса. Хотя, какая теперь разница?

— Вот, возьми. — Надзиратель протолкнул сквозь прутья решетки вонючую засаленную шкуру, всю в грязных разводах. — Почти прибыли.

Киирис с молчаливой ненавистью приняла «дар».

Проклятые убийцы. Потрошители.

Собственная слабость перед простым холодом жгучей отравой растекалась под кожей. Где же ее гордость? Куда подевалось хваленое бесстрашие рас'маа'ры?

«Истлело в том костре, вместе с костями наставниц и сестер».

Киирис оглянулась. Родная обитель осталась далеко позади. Она не могла ни видеть дым пожарища, ни почувствовать запаха горелой плоти и собственного глеющего будущего, но знала, что там, над далеким остовом, до сих пор поднимается дым. Густой и зловонный, удушающий то немногое живое, что осталось после опустошающего вторжения нэтризов.

— Сдалась она ей, чума проклятушая, — сказал, ругаясь, возница: большой мужик с трехпальными ручищами, выдающими в нем примесь крови «болотников». — Голову на хрен с плеч — и, глядишь, напасть бы эта рассеялась.

— Сам голову вручать будешь, умник? — Надзиратель, смуглый, длиннолицый вист, оглянулся на пленницу, как будто ждал, что та присоединится к разговору. Киирис молчала. Он плюнул в пленницу, мутная вязкая капля шлепнулась около нее, не долетев до сапога каких-нибудь полпальца. — Если Королева-мать желает сперва с ней говорить, значит, есть для этого причина. И не нам соваться в эти великодержавные дела. Наша работа какая? Жечь и потрошить, а еще привезти холеру королеве на потеху. А уж если прикажет освежевать ее... — Мужчина зашелся долгим лающим кашлем.

— Чтоб ты сдох, — тихо, но так, чтобы услышали оба, пожелала Киирис. — Захлебнулся собственной гнилью.

На мгновение мужчина оторопел. Киирис, предчувствуя расправу, на всякий случай втянула голову в плечи. И вовремя: вист вырвал из петли у пояса здоровенную палку, обитую железными шипастыми лентами, и принялся что есть силы колотить ею по клетке. Он даже покраснел от усердия, запыхался.

— Тварь ты эдакая, гадючье отродье! — Палка с силой лязгнула о крышку клетки совсем рядом с макушкой пленницы. — Шкуру спущу, кишки на колеса намотаю!

Киирис зажмурилась, поддавалась невольной панике. Она много чего боялась на этом свете, но смерти не было места в этом списке. Да и как бояться того, что видела собственными глазами? Можно сказать, они с Костяной старые знакомые, если не подруги. Но надзиратель вполне мог пустить в дело один из пыточных инструментов, что держал в небольшом черном футляре: единственной своей вещи, которую старательно берег от грязи и, обернув тряпицей, носил за пазухой. У надзирателя были мясистые короткие пальцы с расплюснутыми ногтями, в которых никак нельзя было угадать ловкость и подвижность. Но Киирис воочию убедилась, как виртуозно он орудовал ими, вырывая ногти ее сестрам и вырезая глаза наставницам. Они были отважными женщинами, но против умелой попытки одной только смелости оказалось недостаточно.

— Хватит! — осадил его напарник.

Вист отодвинулся, с нескрываемым отвращением зыркнул на пленницу. Киирис знала — понимала! — он с удовольствием пустил бы в ход свои проклятые инструменты, лишь бы посмотреть, как будет рыдать проклятая рогатая мейритина. Напоследок он не удержался и еще раз что есть силы грохнул палкой о крышку клетки. Звук был такой, будто разверзлись небеса. Киирис зажмурилась, чувствуя невероятный стыд за то, что ей недостает мужества стойко выдержать издевательство. Что бы сказала наставница Лорин, если бы увидела такую слабость духа?

«Ничего она уже не скажет, — с горечью подумала Киирис, — потому что свои последние слова она выкрикнула, сгорая костре».

— Гляди, что наделал, — просопел возница, тыкая пальцем в сторону скулящей пленницы. — Думаешь, нас за это по голове погладят?

— Дык, язык ейотрежем, а королеве скажем, что тварь его от злости откусила.

Киирис на мгновение подумала, что, будь она не такой слабохарактерной, приняла бы слова виста за подсказку. Но куда ей... Стоило вспомнить об идеально блестящих тоненьких иглах и молоточках, которыми мучитель орудовал с изяществом швеи — и зачатки решимости снесло новой волной страха. Тошнотворного липкого страха, от которого она сама себе была противна.

— Тссс, — вдруг всполошился вист, вновь достал палку, которую только что вернул на прежнее место у пояса. — Едет кто-то?

Возница прислушался, Киирис — вслед за ними. Из пустоты позади них, заполненной туманом и пеплом, раздался топот копыт. Лошади. Возница потянулся за арбалетом, ловко взвел стрелу, целясь в темноту.

Сначала Киирис не видела ничего, лишь размытые тени всадников, но по мере нарастания гула фигуры становились все более отчетливыми. Первым выехал всадник на белоснежном жеребце в дорогой, отделанной серебром броне и в серебряной же сбруе. Им правил тенерожденный: правил одной рукой, во второй держа обнаженный и окровавленный короткий клинок. Одет он был запросто: грязная сорочка, такие же грязные светло-коричневые кожаные штаны. Если бы не тонкая паутина кольчуги, Киирис, пожалуй, приняла бы его за гонца или фермерского сына. Впрочем, его эскорт — четверо вооруженных до зубов, закованных в тяжелые доспехи воинов — красноречиво свидетельствовал об ошибочности таких выводов.

— Глухая меня подери... — друг за другом пробормотали ее пленители — и, побросав свое оружие, спрыгнули с телеги, чтобы бултыхнуться на колени прямо в грязную жижу.

Всадник быстро нагнал телегу, безразлично оценил сперва отбивающих поклоны путников, потом бросил взгляд на скудную поклажу, и только потом удостоил внимания клетку — с любопытством уставился на заточенную в ней девушку.

В свете лунного осколка, робко выскользнувшего из заточения пепельных облаков, его лицо на миг полностью показалось из тени.

— Что это за пташку вы поймали в моем лесу? — Тенерожденный чуть склонил голову, светлые всклокоченные волосы обнажили длинное острое ухо с серьгой в верхней части ушного хряща. Невозможно серые, почти прозрачные глаза тенерожденного оцупали лицо пленницы, не пропуская ни сантиметра. — Ну?! — раздраженно, не поворачивая головы, поторопил он с ответом.

— Это пташка из Керака, — рискнул заговорить возница. — Отловлена по личной просьбе Королевы-матери, Наследник тени.

— Вот как... — немного нараспев произнес тенерожденный. Он спрыгнул с лошади, потом, словно барс, увидавший добычу, взобрался на телегу, взялся ладонями за прутья клетки. — Матушка бывает так удивительно мила в своих попытках нам угодить.

Слова прозвучали с таким подчеркнутым холодом, что Киирис невольно подтянула вонючую шкуру еще выше, пряча лицо в засаленном меху. Попытка набросить на голову

капюшон грязного плаща, чтобы скрыть свое происхождение, не увенчалась успехом: слишком низко сползла за спину треклятая ткань.

Так вот он какой, Наследник тени.

Одна из поганных голов Меродской гидры, которая третий год жжет вольные города и мелкие государства, дерзнувшие отказаться от «милости» примкнуть к великой Нэтризской империи. Словно прочитав ее мысли, тенерожденный приблизил лицо почти вплотную к прутьям — так, что на его лбу стала видна тонкая, увитая древними письменами полоска обруча.

Киирис невольно поежилась, вспоминая все, что о Наследнике тени рассказывали сестры в храме. Убийца, сумасшедший потрошитель, не прощающий ничего и никому, не дарующий пощады даже тем, кто добровольно сдался в плен.

— Как тебя зовут, пташка? — мягко осведомился он, словно замороженный разглядывая ее тяжелые, загнутые за уши эбонитово-черные рога.

Киирис промолчала. Возможно, ей все-таки стоило набраться храбрости и откусить себе язык? Возможно, тот пыточный мастер с плоскими пальцами и идеально-чистыми инструментами — всего лишь подмастерье в сравнении с настоящим садистом?

— Ну же, пташка, я жду. — Он улыбнулся одним губами.

Она отрицательно мотнула головой. Зачем, если инстинкт самосохранения твердит не перечить этому человеку? Возница и надзиратель могли лишь измываться над ней, но в их руках не было власти отправить ее на тот свет. А Наследник тени может запросто вскрыть ей глотку и наслаждаться собственной безнаказанностью.

— Мне нравится ее упрямство, — чуть повернув голову, не обращая ни к кому конкретно и в то же время ко всем сразу, сказал тенерожденный. — Я сам отвезу пташку в Мерод.

Киирис видела, как разом побледнели лица ее соглядатаев. Они переглянулись, как будто искали друг у друга поддержки для безумного поступка — попытки воспрепятствовать Наследнику тени и отговорить от задуманного.

— Но, домин... - все-таки отважился пыточных дел мастер, — Королева-мать велела...

Остроухий удрученно качнул головой, как будто надеялся, что всем присутствующим хватит благоразумия помалкивать, и только потому, что этого не произошло, его вынуждают делать грязную работу.

Он развернулся, спрыгнул с телеги и двинулся к смельчаку. Тот залепетал что-то в свое оправдание надрывно рвущимся голосом. Киирис видела страх и панику в его глазах, и с наслаждением впитывала каждую эмоцию. Вряд ли происходящее можно назвать вселенской справедливостью, но если один подонок устроит выволочку другому — это ли не повод порадоваться?

— Королева-мать велела, значит... — прошептал Наследник тени, разглядывая валяющееся у своих ног тело, трясущееся от страха. — А я велю твоему напарнику перегрызть тебе глотку, если он не хочет разделить твою участь болтаться вон на том дереве и стыдливо придерживать руками собственные кишки.

— Не гневайся, домин! — Мужчина разве что землю не ел от отчаяния. — Бери проклятую девчонку, хоть бы и убей ее.

— Вот уж спасибо за высочайшее дозволение.

На мгновение Киирис показалось, что тенерожденный не пощадит мужика. Она почти желала увидеть, как этот надменный поганец пустит в ход свой клинок, как вскрыет пыточного мастера от паха до кончика носа.

— Ключ. — Наследник протянул руку.

Перепуганный надзиратель сунул трясущуюся руку за пазуху, сорвал с веревки

массивный черный ключ, протянул господину.

Даже в полумраке Киирис хорошо увидела, как алчно сверкнула темно-серая кромка на коротком лезвии клинка. Один безупречный удар — и сумерки взорвал крик боли. Надзиратель ухватился за то место, где мгновение назад было ухо. Теперь оно куском бесполезной плоти валялось у него под ногами.

— Это чтобы в следующий раз знал, что рот стоит открывать лишь когда об этом просят, — в дополнение к кровавой науке сказал Наследник. — Я не отрубил тебе руку только потому, что ты собственность моей матушки и наверняка еще можешь быть ей полезен. С обеими конечностями, разумеется.

Наследник вытер окровавленный клинок о рубаху возницы, который все это время оцепенело и монотонно колотил лбом оземь. Грязь полностью скрыла черты его лица, но даже сквозь нее Киирис видела его ужас. Вознице совершенно не хотелось разделить участь своего болтливого напарника.

Наследник вернулся к клетке, отомкнул замок и почти галантно, словно она была заморской принцессой, протянул руку.

— Добро пожаловать на свободу, пташка, — произнес он, нисколько не смущаясь, что на его сапогах алеет свидетельство только что пролитой крови, а позади воеет и валяется в грязи изувеченный человек.

Киирис отчаянно захотелось превратиться в мышь и просочиться между прутьями, лишь бы не принимать эту внезапную помощь. Она сглотнула, заморожено изучая его узкую ладонь с невероятно длинными пальцами, больше приличествующими арфисту, а не прославленному мяснику.

— Тебе не стоит меня бояться, — подбодрил он. И тут же прибавил, уже с некоторым раздражением: — По крайней мере до тех пор, пока твое упрямство не станет утомительным.

Она не стала искушать судьбу и становится очередной жертвой его быстро рвущегося терпения — подалась вперед, протянула руку. Наследник тени рванул ее на себя: Киирис непременно распласталась бы на полу клетки, но он вовремя подхватил ее и выволок наружу. Колодки висели на ногах непосильной ношей, сводя на нет каждый, даже самый короткий шаг.

По приказу своего господина кто-то из воинов бросил ему короткий топорик. Наследник легко вколотил топориче в тонкий зазор между двумя деревянными половинками, нажал — и вскрыл, словно орех. Все это время Киирис оцепенело, боясь проронить хоть слово, наблюдала за его движениями. Что ж, с топором потрошитель обращается ничуть не хуже, чем с клинком.

— От тебя воняет, — сказал Наследник тени, заметно поморщившись.

— От тебя тоже, — честно ответила она. И тут же пожалела, что не может вернуть время вспять, чтобы проглотить эту дерзость.

Но, похоже, ее слова произвели прямо противоположный эффект. Светлая бровь Наследника удивленно надломилась, в глазах сверкнул азарт хищника. Они стояли так близко друг к другу, что Киирис запросто могла почувствовать, как тревожно колотиться в его руках ее беспомощное тело. Попытка совладать с чувствами закончилась полным фиаско. Она попыталась хоть на шаг увеличить расстояние между ними, но тенорожденный еще крепче прижал к себе заслуженную добычу.

— И так, я дам тебе еще один шанс назвать свое имя, пташка, — смилоствовался он, все сильнее вдавливая пальцы в ее плечи. — Но имей ввиду: минувшие три дня я провел в седле, ел полусырое мясо, почти не спал и упустил двух жирных оленей, прежде чем настиг третьего. Вряд ли я расположен возиться еще и с твоим абсурдным упрямством.

От него действительно не слишком хорошо пахло: смертью, старой кровью, конским потом. А еще — злостью. Киирис едва сдерживалась, чтобы не залепить нос ладонью, прекрасно понимая, что подобное поведение придется не по душе ее новому «хозяину».

«Ты не станешь полезнее мертвой, — осторожно подсказал внутренний голос. — Или безрукой».

— Киирис, — наконец, назвалась она.

— Киирис. — Он покатал имя на языке, смакуя, будто экзотическую сладость. Потом потянулся к шее пленницы, сдернул полоски ткани, которые она использовала вместо украденного ее пленителямитаэрна. — Ты — рас'маа'ра?

Его палец скользнул по тонкой, безупречно ровной линии на ее горле. Киирис сглотнула, когда тенерожденный наклонился к самому ее лицу, чтобы получше рассмотреть шрам. В его светлых волосах виднелись колтуны запекшейся крови.

— Скованная? — продолжил он допрос.

Она просто кивнула, испытывая лишь одно желание — отодвинуться от него на безопасное расстояние, сбросить прохладную ладонь со своей шеи, чтобы, наконец, перестать дрожать от проникающего под кожу страха.

— Ладно, об остальном побеседуем в дороге.

Он помог ей спуститься, легко усадил на своего жеребца. По щелчку пальцев наследнику подали бурдюк.

— Ты вся дрожишь, рас'маа'ра, — посетовал он, как будто и вправду переживал за ее самочувствие. — Вот, выпей. Это лучшее земляничное вино на тысячи миль вокруг.

Она с сомнением посмотрела на угощение. В ответ на этот взгляд Наследник лишь нетерпеливо подтолкнул бурдюк ей в руки. Киирис стоило труда поднести его к губам: в последние дни она ела черствый хлеб и пила кислое прогорклое молоко, от которого ее желудок постоянно выворачивало наизнанку. После такой диеты и тягот прошедших дней она едва шевелилась. Но вряд ли тенерожденный обрадуется, если она прольет его угощение.

Вино в самом деле было изумительным. За свои полных восемнадцать лет Киирис пила алкоголь всего дважды и понимала, что этого опыта недостаточно, чтобы по-настоящему оценить вкус напитка. Но стоило сладкому хмелю коснуться языка — как аромат спелой сочной земляники ударил в голову сладкой негой. Киирис сделала три жадных глотка, прежде чем поняла, что Наследник тени настойчиво забирает бурдюк из ее рук.

— Хватит, Киирис, иначе ты захмелеешь, — посмеивался тенерожденный, усаживаясь позади нее. — А мне бы хотелось, чтобы заморская диковинка скрасила мой скучный путь домой своими знаменитыми сказками, а не пьяным храпом. Кстати, меня зовут Руантар, но ты, пташка, можешь звать меня Рунн.

Одной рукой он обхватил ее за талию, плотно прижал к себе. Другой взял повод. Киирис очень хотелось отодвинуться, но луки седла, словно тиски, прижали их друг к другу почти с болезненной плотностью.

— Я не рассказываю сказок, — сказала она тихо. Боялась, что и этого будет достаточно, чтобы разозлить ее не отличающегося терпением спутника. — Не знаю ни одной.

Вместо ответа он приблизил губы к ее уху и прошептал:

— Ну так придумай поскорее, пташка, потому что скука злит меня сильнее, чем непослушание.

Глава вторая

Только когда их небольшой отряд выехал, Киирис увидела, на кого именно охотился Наследник Рунн. Через спину одной из вьючных лошадей была переброшена громадная лохматая туша даркера. Он был таким огромным, что передние конечности волочились по земле. Тварь убили одним точным ударом, о чем свидетельствовали ее широко-распахнутые, превратившиеся в камень глаза.

Увидев заинтересованный взгляд пленницы, Рунн пояснил:

— Даркер досаждал местным крестьянам: крал детей и развешивал их внутренности, как праздничную гидрянду. Кто-то должен был позаботиться об этих несчастных, пока один мой брат занят сочинительством приказов, а другой собирает солдатиков из гнили и костей.

Слова прозвучали так, будто Наследник действительно считал себя спасителем несчастных крестьян. На самом же деле даркеры, скрумы, трехголовые гертыи еще сотни более мелких, но таких же кровожадных тварей появились в Руханепо вине их проклятого семейства. Но не говорить же ему об этом, тем более сейчас, когда он сидит так близко, что может запросто свернуть ей шею.

— Я слышал, во время Сковывания послушницы сокупаются с н'тарами, — сказал Рунн, когда всадники выехали на тракт. — И не по разу.

Киирис едва сумела проглотить горький смешок — расхожий миф, который щедро распространяют чистоплюи из Белой зари.

— Разве я смею в чем-то разубеждать Наследника тени? — спросила она, отчего-то не в силах оторвать взгляд от руки, которой Рунн уверенно правил лошадью.

— Так «да» или «нет»?

— Ритуал Сковывания — таинство. Я не смею раскрывать секреты, которые хранились столетиями до моего рождения.

— Даже если я перережу тебе глотку?

Киирис невольно вздрогнула от того, как холодно прозвучали эти слова. Ее страх тут же почувствовал Наследник, потому что он негромко рассмеялся, и его рука мягко погладила ее живот сквозь грязную ткань платья.

— Знаешь, почему я вытащил тебя из грязной клетки, пташка?

— Чтобы перерезать глотку? — вернула она недавнюю угрозу.

— Возможно, когда ты мне наскучишь... — не стал отпираться он. — Но в большей степени потому, что ты привлекла мое внимание. А со мной такое нечасто случается.

— Разве Наследнику нужно задумываться об одной женщине, когда в его распоряжении целый арахан?

— Покорные и на все согласные женщины — что может быть скучнее?

Она скорее почувствовала, чем увидела, как Рунн брезгливо морщится.

— Еда не должна плясать на тарелке, — ответила Киирис словами настоятельницы, которая обучала послушниц премудростям любовной игры.

— Женщина — не еда, Киирис, хотя у каждой есть свой собственный уникальный вкус и запах. Разве тебя не обучили этим сакральным истинам?

Она зажмурилась, мечтая лишь о том, как бы поскорее избавиться от неожиданного внимания тенерожденного. Людская молва не врала — он был явно не в ладу со своими внутренними демонами, и его настроение менялось быстрее, чем восточный ветер. Как тут предугадать, когда ему взбредет в голову озлобиться или выместить недовольство на первом, кто подвернется под руку — на ней?

— Боюсь, мои знания ничего не стоят в сравнении с вашим опытом.

Наследник тяжело выдохнул.

— Я чертовски устал, Киирис, и едва в состоянии держаться в седле, — посетовал он, и его голос смягчился. — С удовольствием бы просветил тебя о том, какой должна быть женщина, чтобы в ее постель хотелось вернуться, но, боюсь, тогда у меня не останется сил держать тебя на коротком поводке. Так что сделай нам обоим одолжение: не смей даже надеяться, чтобы сбежать, в противном случае я буду очень недоволен. А это означает, что вот ему, — он кивнул на дохлую тушу, — повезло больше, чем тебе.

Киирис сглотнула, зачем-то кивнула, сама не до конца осознавая, с чем согласилась. Бежать? Она бы сама себя не назвала умной, если бы рискнула бежать от этого монстра, не имея в запасе как минимум подходящего плана. Да и как бежать, когда едва переставляешь ноги?

— И вот еще что, Киирис, — он с каким-то изощренным трепетом погладил острый край одного из ее эбонитовых рогов, — у меня очень чуткий сон. На тот случай, если в храме из тебя еще не выбили всю непокорность, предупреждаю: играть в «кошки-мышки» мы будем на моих правилах. И как минимум после того, как тебя отмоют.

«Что ты знаешь о покорности?» — чуть было не выкрикнула она, но нашла силы промолчать. Какой бы жестокой ни была наука настоятельниц, именно их бесконечные проповеди о том, что ей, чистокровной мейритине, следует носить рабский ошейник едва ли не с радостью, помогли ей выжить. Она и носила, и притворялась счастливой каждую секунду своего существования по эту сторону Зеркала мира.

Дальше ехали молча, а вскоре Рунн, покрепче обхватив пленницу за талию и устроив голову на ее плече, задремал. Его дыхание стало ровным, размеренным, но каждой клеточкой своего тела Киирис чувствовала — он все так же собран и готов в любое мгновение распахнуть глаза и пустить в ход свой смертоносный клинок.

Они ехали долго. Так долго, что у Киирис, не привыкшей к затяжным верховым прогулкам и измученной тяготами минувших дней, сил хватало только, чтобы держаться в седле и не шевелиться. Ей до смерти хотелось размять затекшие плечи, а то и просто лечь — свалиться кулем прямо под ноги лошади. Несколько суток в клетке больше не казались наказанием, напротив — она бы, пожалуй, согласилась обменять эту странную неожиданную свободу на то заточение.

Когда стены великого города Мерода встали перед всадниками неприступными, уходящими в небо заслонами, Рунн пошевелился. Он зевнул, проворчал что-то себе под нос и приказал одному из воинов поскакать вперед и предупредить о его возвращении.

— Видела ли ты когда-нибудь что-то столь же прекрасное? — спросил Наследник, указывая на стены и весь город сразу. — Что-то столь же непокорное и мощное?

Она видела. Множество раз видела то великолепие, что существовало во множествах изнанок миров. Но вспоминать сейчас о тех днях было еще больнее, чем прийти в себя в тот злосчастный день, когда ее выдернули из Истока, как какую-то рыбку, и посадили на цепь в насквозь пропахшем пороком и алчностью месте.

К счастью, Наследник тени был явно нерасположен к долгим разговорам, тем более что перед ними уже распахнулся громадный зев за поднятым мостом.

— Добро пожаловать в Мерод, рас'маа'ра, — с наиграно вычурным пафосом сказал Рунн, — место, где даже богам есть чему удивиться.

И как ни старалась Киирис сдерживаться и ничему не удивляться, Мерод все-таки покорила ее, захватил в безоговорочный плен своими роскошными благоухающими садами, громадными храмами в остроконечных шляпах башен, необъятными рынками и шумными ремесленными кварталами. Киирис, задрав голову, разглядывала едва заметную серебристую паутину, которая, будто кокон, раскинулась над всем этим пиром во время чумы.

— Аспект, — прошептала Киирис и зачем-то потянулась пальцами вверх, хоть и знала, что древняя теургия слишком масштабна, чтобы и помыслить прикоснуться к ее

природе.

— Идеальный и нерушимый, — подтвердил Наследник и отчего-то снова стал раздражительным. Даже больше прежнего.

Он с силой вдавил пятки в бока жеребца, понукая животное перейти с шага на рысь, благо, улицы были достаточно широкими. Всадники миновали площадь с каменным изваянием в виде замурованного в скалу человека, после пересекли мост, который, будто мастерский стежок, соединял между собой две части города. Оттуда спустились в какие-то сады, заросшие красными мхами, и снова вверх, на мост еще больше и еще шире предыдущего. Киирис давно перестала и пытаться запомнить дорогу. Наверняка это просто не под силу чужаку.

Замок туманов располагался за двумя рядами широких стен, на которых катапульта было едва ли не столько же, сколько и несущих дозор воинов. А внутри стен, словно государство в государстве, бурлила своя собственная жизнь.

— Я слышала, что в Замок туманов так просто не попасть, — вслух вспомнила Киирис, когда они въехали в гостеприимно распахнутые ворота. — Будто существует какой-то лабиринт на крови.

— Возможно, — уклончиво отозвался Рунн и тут же переключил свое внимание на едущего им навстречу всадника.

Киирис не сразу поняла, почему от безобидного на вид парня, словно от чумы, шарахаются даже безмозглые куры, а собаки, поджав хвосты, улепетывают со всех ног. Но разгадка заставила ее желудок болезненно сжаться от страха.

Он ехал верхом на какой-то костлявой, обтянутой кожей твари, куда больше самого крупного из виденных Киирис жеребцов. Длинный хвост твари змеился по земле, изредка вскидывался и опускался, выбивая целые фонтаны пыли и каменного крошева. Из пустых глазниц сочился дым, как будто где-то внутри массивной туши тлелкостер.

И правил этим монстром парень лет двадцати. Крепкий, широкоплечий и наверняка высокий. Его волнистые черные волосы были длиной до самых лопаток, на лбу виднелся простой черный обруч с темно-фиолетовым квадратным камнем.

— Не смотри ему в глаза, пташка, — предупредил Рунн, при этом делая все, чтобы всадник на костлявом страшилище услышал его слова. — Иначе превратишься в безмозглый плен.

Она была бы рада не смотреть, потому что догадалась, кто перед ней.

Но не смогла.

Потому что сиреневый взгляд Наследника костей был куда крепче обсидиановых браслетов. И намного холоднее вековых льдов Тринадцати городов Теары.

Всадники поравнялись. Точнее сказать, туша под седлом черноволосого оттеснила лошадь Рунна к самому краю моста. Киирис неосторожно скосила взгляд вниз — туда, где из глубокого рва торчали остроконечные черные камни. От одной мысли, во что превратятся их с тенерожденным тела, если Наследник костей даст еще немного воли своему страшилищу, голова пошла кругом.

— Вот уж не думал, что ты бросишься меня встречать, — с ленцой растягивая слова, сказал Рунн. — Хоть бы оделся приличнее.

Наследник костей продолжал хранить молчание. Его сиреневый взгляд без видимого интереса блуждал по лицу Киирис, но задержался на горле. Она почти физически ощущала, как он скользит по рубцу, словно пытается повернуть время вспять и увидеть, как ритуальный кинжал рассекает кожу.

— Ну и где же твои безмозглые солдатики? — не унимался Рунн.

Зачем он подначивает этого безумца? Разве не видно, что Наследник костей и глазом не моргнет, чтобы сбросить их в пропасть. Ненависть между этими двумя трещала, словно

молния. И наверняка была такой же непредсказуемой.

— Мои безмозглые солдатики могут разорвать тебя на кусочки меньше ногтя величиной, — наконец, нарушил молчание Наследник костей. — Откуда у тебя мейритина?

Киирис невольно вскинула брови. Он знает? Он правда знает, что она такое? Большинству смертных было достаточно ее ошейника и рогов, чтобы счесть заморской диковинкой — и не идти дальше в своих умозаключениях.

— Спросишь об этом свою мать, Раслер. Она же обязательно удовлетворит все прихоти любимого сыночка.

Наследник костей соскочилназемь, вплотную подошел к лошади. Он действительно был высоким, куда выше Рунна. И из всей одежды на нем была всего лишь полотняная рубашка, кожаные штаны и высокие ботфорты, которые, по-хорошему, нуждались в основательной чистке. А еще он носил перчатки, и тонкую красную цепь поверх одной из них. Не обращая внимания на недовольное ворчание Рунна, черноволосый потянулся к Киирис, поймал ее за подбородок и вынудил заглянуть ему в глаза. Она окаменела, стоило их взглядам сцепиться.

Наследник костей. Младший, любимый сын Королевы-матери, поганый некромант с собственной армией давно умерших и теперь бессмертных воинов. В сравнении с ним, его тенерожденный брат казался сущим ангелом. Потому что Наследник тени был просто кровожадным подонком, а домин Раслер — безумным расчетливым мясником.

Рука в перчатке потянулась к ее ноге, но что-то заставило Наследника передумать, и он отступил.

— Что тебе привезти, мейритина? — спросил с обжигающим холодом. Сиреневые глаза на миг вспыхнули ярче. — Голову?

— Отстань от нее, псих, — проскрежетал Рунн, но с таким же успехом он мог приказывать заткнуться грохочущему водопаду.

— Язык? Глаза? — продолжил перечислять Раслер. Внезапный ветер рванул его волосы, на миг скрыл хищные черты лица. — Или, может быть, ты предпочитаешь более изысканные подарки?

«Буду рада получить в дар известие о том, что ты не доехал до конца моста и свалился башкой вниз прямо на острый камень», — про себя ответила она.

— Раслер... — голос Наследника тени опустился до рыка.

— Ты немая? — тотбудтонарочно игнорировал попытки брата вмешаться в их странный диалог. — Тебе отрезали язык?

— Нет, — ответила Киирис.

И инстинктивно подалась назад, едва ли не предлагая Рунну обнять ее еще крепче. Тот охотно воспользовался ее страхом, притянул к себе и алчно, будто голодный кот, ухватил ее губами за ухо. Мягко и в то же время властно скользнул языком по мочке, а оттуда — на самую вершину заостренного края.

Киирис дернулась было прочь, но Наследник тени сокрушил ее попытки сбежать хрипловатым смешком.

— Ты хочешь ее трахнуть, потому что она похожа на ту рыжую козу из амбара, которую ты посещаешь в минуты слабости? Или тебе в принципе все равно, кого поиметь? — с видом, словно осведомлялся о погоде, спросил Раслер.

— А ты хранишь свою девственность до тех пор, пока твоя любимая как следует не протухнет в могиле? А то мало ли, вдруг она еще недостаточно разложилась?

На мгновение Киирис поверила, что эти двое убьют друг друга прямо сейчас. Раслер медленно стащил перчатку с правой руки, обнажил крепкую мозолистую ладонь с

выпуклыми венами. Между его пальцами блуждал темно-синий туман, в котором — Киирис могла присягнуть в этом перед богами — ютились сотни, тысячи шепотов и стенаний. Лошадь Рунна громко и ошалело заржала, когда Раслер ухватил ее за морду. Туман скользнул в ноздри, вынуждая несчастное животное храпеть и остервенело грызть удила.

— Даже не думай, — зло прошипел Рунн.

И когда только успел выхватить клинок?

— Я всего лишь ищу способы разговаривать мейритину, — отмахнулся от его угрозы Наследник костей. — Ее ответ за жизнь одной ничтожной твари.

— Голову! — выпалила Киирис.

— Ни капли не сомневался, что ты выберешь именно это. — Раслер в последний раз сжал пятерню на морде жеребца — и отступил. — Вот видишь, как легко отнять чью-то жизнь, мейритина. Всегда проще пожертвовать кем-то абстрактным, кого ты не знаешь, и чье лицо никогда не увидишь во сне. То ли дело бестолковая лошадь? Но ведь она бы сдохла прямо сейчас, у тебя на глазах. А это все равно, что намеренно вступить в дерьмо — отмоешься, но вонять будет долго.

Лишь после его откровенного издевательства Киирис поняла, как глупо угодила в элементарную ловушку. Поняла, попыталась что-то сказать, но Раслер уже снова сидел в седле. Рунн прищипорил жеребца. Животное словно почувало, что избежало верной смерти и понесло вперед. Киирис зажмурилась, когда у них на пути возник чумазый мальчишка лет десяти. Рунн громко выругался, когда конь шарахнулся в сторону, прямо на груды бочек и ящиков. Жеребец заржал, встал на дыбы — и Киирис полетела вниз.

Падение оказалось мягким. Потому что под ней оказался отчего-то громко хохочущий Наследник тени. Он продолжал смеяться даже после того, как Киирис основательно приложила лбом к его лбу.

— Ты неспроста встретила мне на пути, Киирис, — сказал он, поглаживая ее бедра, ничуть не смущаясь, что они валяются в грязи, перед глазами перепуганных крестьян. Поодаль мамаша от души лупила нерадивого сына, одновременно упрашивая домина пощадить ее полудурка. Вряд ли Раслер вникал в ее слова. — Зачем ты понадобилась моей матери, рас'маа'ра?

— Спроси у нее, домин. Мне это неизвестно. Но она явно не собиралась договариваться с сестрами из храма, потому что ее натасканные солдаты пришли резать и убивать.

— Резня — любимая забава Королевы-матери. Прими это, как данность, если хочешь выжить.

Он поднялся, поставил ее на ноги. Кто-то из воинов уже вел к нему жеребца. Рунн потрепал коня по холке, что-то неразборчиво прошептал на ухо.

— Отведите его на бойню, — бросил через плечо. Ни сожаления, ни раздражения, один лишь безапелляционный приказ. — Мне не нужен конь, который шарахается от фокусов безумного сопляка. Пойдем, рас'маа'ра, хочу, наконец, узнать, за каким лихом моей матери потребовалась вышколенная наложница. Чем ты можешь быть полезна лично мне — я, кажется, уже знаю.

Киирис оставалось лишь послушно идти следом и неустанно напоминать себе, что она вряд ли будет полезнее мертвой или безрукой, или превращенной в марионетку.

Многоголосому Потокуну нет дела до ее гордости, ему плевать на страх и отчаяние.

Он не просит.

Он требует отмщения. Требуется возмездия любой ценой.

А будет ли цена слишком высока — какая, в сущности, разница?

В замке туманов стояла пронзительная тишина, как будто самое ничто распластало свое

бесформенное тело по всем бесконечным коридорам и необъятным залам, просочилось в каждую щель. Она невольно залюбовалась громоздкими колоннами и мраморной мозаикой пола, огромными витражами, на которых застыли многоголовые чудища и воинственные стражи с окровавленными мечами и топорами. Киирис все время хотелось остановиться, чтобы получше рассмотреть заточенные в стеклянные осколки лица.

— Шевелись, рас'маа'ра, — торопил Рунн, — у меня нет желания ходить грязным еще полдня.

Они поднялись по лестнице на третий этаж, где их уже ждала сухая высокая женщина. Ее идеально выбритая голова блестела, словно отполированный нефритовый шар. При виде Рунна она почтенно, но не очень низко, поклонилась. При этом ее взгляд буквально отхлестал Наследника за неподобающий внешний вид.

— Знакомься, Киирис, эта почтенная старая заноза в заднице — личная собачонка Королевы-матери.

— Лестная рекомендация, Рунн, — холодно отреагировала та, переместила взгляд на рогатую спутницу наследника, потом выразительно посмотрела на их сплетенные руки. — Не будешь ли так любезен сообщить, чего ради сунул нос не в свое дело. В который уже раз.

— Нет, не буду, — Руннобошел ее, шагнул к двери.

— Королева-мать и Император... — попыталась остановить его женщина, но Рунн не стал слушать.

— Вот и прекрасно, что они оба там. Заодно поделюсь чудными новостями. Брату будет полезно услышать, к чему привела его политика... попустительства.

Попустительства? Киирис поперхнулась проглоченным нервным смешком. Если сжигание городов и массовые публичные казни они считают попустительством, то каков же тогда террор? Прежде чем проследовать за Наследником тени в распахнутые привратниками двери, она оглянулась на лысую женщину и с удивлением обнаружила в ее глазах сочувствие. Самое настоящее сочувствие, которое, впрочем, быстро растаяло.

— Я, кажется, просил не лезть в государственные дела! — словно гром среди ясного неба окатил их с Рунном тяжелый мужской голос.

Киирис невольно втянула голову в плечи, хотя только что давала себе зарок больше никогда и ничего не бояться. Казалось, победить резкие перепады настроения Наследника тени возможно, лишь прикрываясь ледяным спокойствием. Примерно так, как это делал безумный домин Раслер. Так она и собиралась делать — оставаться спокойной. Ну, насколько это вообще возможно. И неважно, кто будет на нее кричать.

Лишь осмотревшись, Киирис сообразила, что причиной вспышки гнева было вовсе не их с Рунном появление.

— Я правила Нэтреским государством задолго до того, как ты научился держать в руках меч! — так же яростно рявкнула в ответ невысокая статная женщина в тяжелой багряной короне поверх сложной прически из множества свернутых, будто серпентарий, кос.

— А я превратил его в Империю, которой, дьявол его задери, правлюсейчас!

Пока двое пикировались, Рунн приложи палец к губам, побуждая Киирис помалкивать, и медленно пошел вперед. Киирис семенила следом, отчего-то чувствуя себе еще более скованной, чем в цепях, колодках и в клетке.

Они успели подойти еще на несколько метров, прежде, чем их появление заметили.

— Не помню, чтобы приглашал тебя, — сказал бледный, словно лунный свет, мужчина.

— Как ты посмел снова влезть не в свои дела?! — в унисон ему прорычала женщина.

Император Дэйн, Наследник луны.

Киирис хотелось зажмуриться от палящего света множеств рубинов в его черной короне. А еще что есть силы стукнуть себя по затылку, чтобы избавиться от навязчивого желания пойти прямо на него, как безмозглый мотылекнаиспепеляющий свет.

Он был бы императором даже в рваной хламиде и босой. Потому что его темный взгляд и острые черты лица были притягательнее всего, о чем Киирис когда-либо мечтала. Белоснежная сорочка и скроенные по фигуре штаны лишь подчеркивали, что этот человек презирает шелка и бархат, и не нуждается в перстнях, чтобы показатьсвоейвысочайший статус.

Он просто был Императором самой грозной и беспощадной империи на всем Рухане.

И в эту самую секунду он с нескрываемым любопытством смотрел прямо на нее.

— Я всего лишь позаботился о том, чтобы твой подарок без проблем добрался по назначению, — отозвался Рунн в ответ на претензии Королевы-матери.

— Не припоминаю, чтобы просила об этом, — уже спокойнее ответила она.

— Откуда она? — сразу обоих спросил Дэйи. Он подошел к Рунну, одним взглядом приказал тому отступить — и Наследник тени не рискнул ослушаться.

Да и кто бы рискнул? Киирис была уверена, несмотря на все причуды и дикости Рунна и Раслера, она только теперь увидела настоящее лицо монстра. Лицо, в которое не могла не смотреть.

— Люди, которые везли ее в клетке, сказали, что рас'маа'ра из Керака, — сказал Рунн. Ему определенно пришлось не по душе, что не успевшую наскучить игрушку так бесцеремонно отобрали. Но еще больше злило, что он ничего не может сделать, чтобы помешать этому. — По личному распоряжению Королевы-матери.

Последние слова он сказал нарочно выразительно, глядя прямо на Королеву-мать.

В каждом из Наследников было понемногу от нее — теперь Киирис ясно это видела. Выразительный рот, как у Рунна, жесткая линия челюсти, как у Дэйи, и чуть раскосый разрез глаз, как у Раслера. Наверное, в пору молодости она была красавицей, раз сумела покорить трех мужчин, но в это все равно верилось с трудом. Ни вычурный наряд, ни дорогое кольцо с безумным количеством драгоценных камней, ни корона — символ положения — не могли скрыть ее сомнительное происхождение.

— Потрудитесь объясниться, матушка, — уже спокойнее осведомился Дэйи.

Пока женщина размышляла над ответом, император увлек Киирис к столу. На каменной столешнице в вазе лежали неведомые ей экзотические фрукты в меду, хрустальный кувшин был до половины наполнен чернильного цвета вином. Ему стоило лишь подтолкнуть ее к скамье — и Киирис послушно села. Она боялась его так сильно, что даже не воображала границ своего страха. Хотя этот человек пока что не сделал именно ей ничего, чтобы заслужить столь странную реакцию. Напротив, плеснул в кубок вина, протянул ей и подтолкнул ближе блюдо с фруктами. Его непроницаемый взгляд красноречиво говорил: «Ешь — и не возражай». Она схватила первый же ломтик, затолкала в рот и, практически не разжевывая, проглотила. Кажется, это было что-то терпко-сладкое, душистое и отдаленно напоминающее груши с маленького деревца в Кераке.

— Я узнала, что жрицы в Кераке прячут то, на что не имеют права. И решила забрать свое.

— Твое ли? — не глядя на нее, спросил император. — Ты ведь мейритина, да?

Киирис кивнула. Еще один, кто увидел в ней что-то большее, чем рога и чуть заостренные уши. Увидел то, почему ее не показывали ни одному покупателю.

— Скованная, я полагаю.

— У нее шрам вот тут. — Рунн плюхнулся за стол напротив Киирис, схватил нож и полоснул воздух около своего горла. Потом этим же ножом разрезал надвое дольку

фрукта и бросил ее в рот, словно заправский жонглер. — Ошейника не было.

— Таэрн, — поправил его Дэйн, — тот ошейник называется «таэрн».

— Мне, строго говоря, плевать, как он называется.

— Я и не сомневался, — уже тише, сказал император.

Под его пристальным взглядом Киирис хотелось раствориться, превратиться в пустоту, которой не будет дела до того, какие химеры и призраки скрываются в черных, словно сама бездна, глазах. Она отпила из кубка и поперхнулась от крепости вина.

— Уйдите. Немедленно. Оба. — Приказ императора прозвучал тихо и жестко. — А ты, матушка. Подумай над тем, какими словами объяснять мне свою очередную бестолковую выходку. И имей ввиду, что во власти императора отдать приказ тебя обезглавить. И, видят боги, это сразу прибавит мне народной любви.

Никто не осмелился ему перечить, и уже через несколько мгновений в опустевшем зале появилось до ужаса обнаженное уединение. Пока она гадала, что будет дальше, Дэйн занял место, где только что сидел Рунн, наполнил кубок вином и сделал несколько ленивых глотков.

— А теперь, мейритина, поведай мне, откуда ты взялась. Таким, как ты, место по ту сторону Зеркала мира, а не здесь. И прежде, чем откроешь рот, имей ввиду, что своенравная мать, бестолковый брат и пара несговорчивых князьков досуха истощили мое терпение. Боюсь, я не расположен слушать вранье, даже если оно будет сочтаться из такого соблазнительного рта.

— Мой рассказ слишком долгий, скучный и утомительный, — сказала она сдавленным шепотом, не отважившись поднять взгляд. Так и глядела на собственное отражение в бокале, отчего-то вспоминая времена, когда наставницы украшали ее рога драгоценными подвесками и витыми обручами.

— Думаю, у меня есть немного времени между подавлением двух восстаний, осадой Этира и военным советом, на котором мне предстоит решить, какую часть непокорного населения взятого утром города отправить на виселицу: большую или меньшую.

— Разве не разумнее сохранит жизни... всем? — отважилась высказаться она.

— Разумнее, — согласился он, продолжая лениво потягивать вино. — Это показало бы черни, какой я милосердный и великодушный. Людям почему-то приятнее подчиняться мягкотелым святошам. Но, видишь ли, император должен держать свое слово. Я предлагал капитуляцию. И немного золота взамен на мое благодушие. И предупредил, что в случае отказа, повешу каждого второго. Они отказали. Это было храбро, но совершенно бессмысленно. Скажи мне, мейритина, будут ли люди бояться императора, который бросает слова на ветер?

— Императору не нужен мой ответ, — лаконично ответила она.

— Мне приказать?

Киирис подняла взгляд, в который раз проклиная себя за то, что какая-то часть ее прямо сейчас, сию секунду, стремится к этому мужчине. Стремится заглянуть императору в душу, чтобы познать всю глубину его личной боли.

— Прикажи мне, император Дэйн, — сказала низким шепотом, больше похожим на урчание хищного кота.

«Нет, нет, нет... Не теперь. Не с ним!»

Заточенная в ней сущность лениво выгнула спину, наслаждаясь тем, как под взглядом властного мужчины плавают ее обнаженные нервы. Он просто сидел там, с другой стороны громадного стола — и просто поглаживал взглядом ее выпирающие под грязной одеждой узкие плечи.

«Пожалуйста, убирайся вон!»

Тщетно. Она и раньше не слишком умело держала в узде все свои ипостаси, а теперь одна из них окончательно сошла с ума. Интересно, почему?

— Прикажи мне — и увидишь, какой покорной я могу быть...

Она подалась вперед, выразительно очертила взглядом столешницу и грациозно взобралась прямо на нее. Прохладный камень пощекотал голые колени. Какими-то отголосками мыслей Киирис ощущала приятную ноющую боль в самом низу живота. Как давно это было? В другой жизни, не с ней. Но здесь и сейчас этот мужчина напротив был словно магнит. Это какое-то безумие. Она знает его всего несколько минут, она даже с трудом понимает, готов ли он сохранить ей жизнь за столь непопустительную дерзость. И все же...

— Иди сюда, — приказал он. Мягко хлестнул двумя словами по заднице, словно мастер изощренной порки.

Она поползла к нему через весь стол, пригибаясь и мурлыкая в унисон похотливым мыслям той, что в эту самую секунду окончательно подчинила ее беспомощное тело.

Киирис остановилась перед ним, пригнулась чуть ниже — так, чтобы их взгляды сомкнулись в неразрывную связь. Император Дэйн определенно нравился той раскрепощенной бестии, которую наставницы из храма так долго пытались приручить. Им это не удалось, но стоило на горизонте появиться подходящему мужчине — и развратница сама пошла к нему, без понуканий и угроз.

— Ты грязная, — бросил император, краем глаза рассматривая ее спину и бедра под туго натянутой тканью остатков одежды.

— Не грязнее моих мыслей, император Дэйн, — подзадорила она.

— Сколько вас там, м? — Он макнул большой палец в вино и медленно очертил черничной влагой ее полураскрытые губы. — Двое? Трое?

— Здесь и сейчас для тебя — лишь я.

Киирис прихватила палец зубами, погладила шершавый сгиб кончиком языка. На ум пришли слова Рунна о вкусах и запахах. О да, у Наследника луны был ни на что не похожий вкус: вкус власти, вседозволенности, беспощадности. Такой, должно быть, вкус первой выигранной битвы и аромат сожженной дотла столицы мятежного государства.

— Не уверен, что здесь и сейчас подходящее место, — сказал он медленно, тягуче, как будто смаковал первый весенний мед.

— Место никогда не бывает достаточно подходящим, тебе ли не знать?

Она приподнялась, нарочито соблазнительно потягиваясь. Потом так же соблазнительно повела плечами, позволяя рванью скользнуть вниз. Теперь лишь затвердевшие соски удерживали ткань на теле. Ей до смерти хотелось, чтобы этот холеный мужчина протянул руку, сдернул то небольшое, что мешает ему увидеть остальное... Но он продолжал разглядывать ее, поигрывая почти опустевшим бокалом. Черничное вино расплескалось по стенкам, распустилось восхитительным букетом горечи и сладости. Киирис с наслаждением втянула его носом.

— Ты уже была с мужчиной? — спросил он и, наконец, потянулся было вперед. Стоило ей отозваться на этот порыв — нахмурился и взглядом велел занять прежнее место. Киирис разочаровано выдохнула.

«Это не я, это просто другая душа в моей огранке».

Ничего более. Просто порыв. Ради этого ее и достали с обратной стороны Зеркала мира, чтобы превратить в то, чем она становилась сейчас — идеальной безупречной мечтой любого мужчины. Одна и та же, но всегда разная. Сумасшедшая, развратная, невинная, игривая, романтическая. Она была слишком дорогим сокровищем, чтобы показывать его простым королькам и принцам. Но, волею судьбы, досталась бесплатно единственному мужчине, который мог бы заплатить полную цену — и даже сверх того.

— Императора правда занимает этот вопрос?

— Отвечай, пока мое терпение не лопнуло.

Император хочет ответ, но он жаждет игры. Этот мужчина уже начал игру, бросил кости, и знает, что будет разочарован, если она отступит за ширму личины испуганной пленницы.

Она обеими ладонями обхватила его руку, потянула на себя, удерживая контакт с его, наконец, заинтересованным взглядом.

— Так проверь сам.

Она оседлала его ладонь, развратно вильнула бедрами, присаживаясь все ниже и ниже, пока колени не разомкнулись максимально широко. Ткань не выдержала и скользнула ниже, обнажая упругую грудь с темно-красными сосками, плоский живот с крохотной капелькой украшения в нижней части пупка. Единственное, что осталось после того, как натасканные Королевой-матерью мародеры отобрали все. Даже серьги из ушей.

Его ладонь была прохладной, а пальцы — соблазнительно твердыми, мужскими. Он определенно не гнушался по многу часов упражняться с мечом.

Киирис негромко вскрикнула, когда палец скользнул внутрь нее. Откинулась назад, опираясь на руку, чтобы не упасть. Она была гибкой, и дьяволица внутри нее от души использовала это качество, бессовестно выставляя тело так, чтобы император видел каждый изгиб. Та, другая, пусть скромничает и хныкает, но это все равно будет потом, после насыщения.

— Ты просто как шелк. — Он залпом допил вино, бросил кубок под ноги и ухватил пленницу за шею. Надавил пальцем на линию шрама. — Встань — и сядь снова.

Она подчинилась, зажигаясь от одних лишь слов. Палец выскользнул — и она торопливо насадила себя на него. Выкрикнула, закусил губу. Это не то, совсем не то вождение, но вряд ли сейчас можно рассчитывать на большее.

— Ты доволен моим ответом, император Дэйн? — мурлыкнула она.

— Никогда не понимал, отчего всем непременно нужна девственница. — Кажется, это означало «да».

— Был всего лишь один. — Она наклонилась, вынуждая его опустить ладонь ниже, на ключицу.

Ох, она думала быть соблазнительницей, а теперь едва ли не скулит от желания поскорее попробовать этого мужчину. Увидеть, каков он в минуты страсти, увидеть, что станет с его лицом, когда она пустит в ход язык.

— Еще хоть слово о том, что было до меня — и я сверну тебе шею. — Он не угрожал, он сделал все, чтобы пленница поняла всю категоричность заявления.

— Хочет ли мой император, чтобы я была послушной?

— Сиди смирно, Киирис.

Она замерла, хоть сидеть недвижимой, когда его рука скользнула ниже по ее телу и накрыла одну грудь, было все равно, что уговаривать возведенного на костер не кричать и наслаждаться огоньком. Он мягко, почти невесомо, прихватил пальцами сосок, чуть потянул на себя — и недовольно зарычал, стоило ей потянуться за этой неожиданной лаской.

— Я велел сидеть смирно. Мои слова недостаточно ясны?

Ответить она не успела, потому что внутрь нее проскользнул еще один палец. Было немного больно, но сладко и одуряющее, как будто ее всю щекотали самым невесомым перышком. Пальцы на ногах вытянулись, колени разошлись так широко, что от натуги заняли сухожилия на внутренней части бедер. Пятки сомкнулись под ягодницами, бедра

сделали виток, пуская его все глубже.

— Не закрывай глаза, — предупредил он, когда Киирис, уступив слабости, сомкнула веки.

Она распахнула глаза и, наконец, увидела, что его взгляд затуманился от желания. Не огнем и пока не бешеной страстью, но какая-то часть этого мужчины была бы рада овладеть ею прямо сейчас на жестком столе.

В дверь поскреблись. Киирис попыталась отмахнуться от раздражающего звука, но он повторялся снова и снова.

— Узнай, что там, — бросил Дэйн кому-то за спину.

И Киирис с изумлением обнаружила, что все это время они были вовсе не одни. Из тени дальнего угла вынырнула щуплая женская фигура. Ее голова тоже была до блеска выбритой, из всей одежды — черная необъятная хламида. Возраст женщины угадывался с трудом, но она была определенно младше той, за дверью.

— Ты смугилась?

Киирис медленно выныривала из омота дурмана, в котором ее без спроса утопили. Сквозь пелену забытья, словно замороженная, разглядывала собственное наполовину обнаженное тело, впитывала ощущения чужих пальцев у себя между ног.

«Как далеко они... мы?..»

Лысая выскользнула за дверь, но тут же вернулась. Бесшумной тенью подошла к императору, что-то коротко шепнула ему на ухо. Дэйн с сожалением покачал головой, высвободил руку и вытер пальцы о салфетку. Все методично, четко, но с некоторым раздражением.

Киирис потянула одежду вверх, укутала плечи. Было бы хорошо, если бы император не заметил, как она трясется от страха, как не знает, куда спрятать взгляд, с трудом держится, чтобы не рвануть со всех ног куда глаза глядят.

— Боюсь, я несколько преувеличил время, которое могу посвятить простым радостям жизни. — Он поднялся и одним неуловимым движением подхватил ее на руки. Поморщился. — Все же тебя нужно хорошенько вымыть, мейритина. Ты могла нахвататься вшей.

«Боги милостивые...»

Она была бы рада отрезать уши, выколоть глаза и провалиться сквозь землю, лишь бы не видеть, не слышать и больше никогда не поддаваться слабости той, непокорной ипостаси. Но, кажется, ничего из этого больше не в ее власти.

— Какая бы часть тебя не пыталась только что меня заинтересовать — она преуспела в этом больше всех тех женщин, что были раньше. Надеюсь, мейритина, в следующий раз нас не побеспокоят.

— В следующий... раз? — почти беззвучно переспросила она.

Дэйн поставил ее на ноги и принялся отдавать распоряжения лысой «тени»:

— Позаботься о том, чтобы мейритину привели в порядок. Все, что нужно. Если я по возвращению буду недоволен ее видом — спущу с тебя шкуру.

— Она будет в арахане? — только и спросила «тень».

Император смерил Киирис взглядом.

— Нет, Киирис — гостя Королевы-матери. Я напомню Королеве, если вдруг она забыла, о ее обещании оказать мейритине радушный прием.

У Киирис даже язык зачесался от желания спросить, чего ей будет стоить такая опека. Но молчание — золото. Тем более в моменты, когда император даже не пытается скрыть

свое раздражение. Киирис вдохнула и выдохнула, пытаясь привести мысли в порядок. Между тем, Дэйн твердым шагом уже направлялся к двери, и лысая «тень» не слишком-то любезно подтолкнула мейритину следом. Уже в коридоре Дэйн оглянулся на гостью, но на этот раз в его взгляд вернулась прежняя непроницаемая пустота. Как будто он скупился на любые проявления эмоций, боясь, что окружающие не смогут заплатить за них достойную цену.

— Куда мы идем? — рискнула спросить Киирис, когда лысая надзирательница провела ее хитросплетениями пустынных, наполненных сквозняками коридоров.

— Исполнять волю императора, — ответила та.

Киирис мысленно пожала плечами. Страх оказаться в очередной передрыге никуда не делся, но теперь она хотя бы не боялась открыть рот. Император достаточно ясно высказался на ее счет, и вряд ли эта «тень»...

Провожатая так резко сграбастала ее за руку и пихнула в какой-то пыльный, темный закоулок, что Киирис не успела и подумать о защите. Так и стояла, прижатая спиной к холодным стенам, пока над ней, словно потревоженная гадюка, нависала чья-то фигура. Киирис скорее догадалась, чем почувствовала приставленный к горлу кинжал. Сглотнула, соображая, что успела натворить за столь короткое время. На ум пришло только одно, и знакомый голос подтвердил это шипящим:

— Даже не думай пробраться к нему в постель, тварь рогатая. — Рука твердо и умело надавила на кинжал, лезвие противно вонзилось в зарубцевавшийся шрам. — Здесь не место ни тебе, ни твоим фокусам.

Вот тебе и неприглядная «тень».

От собственной неосторожности Киирис захотелось как следует поучить себя плеткой по мягкому месту. Ведь ее же учили, множество раз предупреждали о подобном. А она вместо того чтобы вспомнить мудрость наставниц, непростительно размечталась о таких простых, и таких желанных вещах: горячей ванне, душистом мыле, гребне, чистой одежде. Можно сколько угодно убеждать себя, что всему виной та, другая ипостась, которая превратила ее тело в нашпигованную желанием и развратными помыслами оболочку, но разве не она, Киирис, должна властвовать над своими ипостасями? Разве не она должна решать, когда и которую из них выпускать из заточения в темнице ее сознания?

— Я всего лишь гостя, — стараясь придать голосу мягкость, ответила Киирис. Вряд ли лысой «тени» требовался ее ответ, но нужно было потянуть время. На тот случай, если надзирательница решит, что самое время прирезать пришлую диковинку. — Я не собиралась становиться кому-то поперек дороги.

— Заткнись, рогатая, и слушай в оба уха. Дернешься — изуродую твою грязную мордашку так, что на тебя не позарится и кастрированный хряк.

Киирис просто кивнула. Так должна была поступать рас'маа'ра, в случае, если ее жизнь подвергалась опасности. Она — слишком ценная вещь, слишком дорогой цветок, чтобы позволить придворным козням причинить ей вред.

— Здесь все идет своим чередом: наследники развлекаются со своими фаворитками в арахане. Время от времени кто-то из наложниц умирает, подавившись виноградной косточкой, или, споткнувшись, случайно накальвается глазом на столовый нож. На их место приходят новые. Со стороны это может показаться хаосом, но поверь, все в арахане подчинено единому своду порядков. И знаешь, каков первый пункт этих порядков?

— Не заходи на чужую территорию? — предположила Киирис.

— Верно. Значит, ты не совсем бестолковая. Хотя, честно, я рассчитывала на другой ответ. И мне до зуда в заднице хочется выпустить тебе кишки. Ты здесь как бельмо на глазу.

Ну и на кого же работает эта лысая стерва? Кому служит? Первой фаворитке императора? Той, о которой говорят, что она красивее луны и великолепнее солнца? Или

ее первой сопернице, которая предпочитает медленно, но верно избавляться от возможных конкуренток, ведь те могут занять так долго и старательно подготавливаемое для себя место?

— И вот еще что, — уже спокойнее, спохватилась «тень». — Ты, конечно, можешь пожаловаться императору на мои угрозы. А он может приказать меня выпороть. Моей спине не привыкать. Но прежде чем вытворить подобное, имей ввиду: это будет лишь твое слово против моего. За меня есть кому замолвить словечко, рогатая. А кто вступится за тебя, когда ты в первый же день примешься клеветать на личную этару императора?

На это вопрос Киирис тоже предпочла промолчать.

Кажется, этара осталась довольна ихнемногословным диалогом, потому что убрала кинжал и, как ни в чем не бывало, вытолкнула Киирис обратно в коридор.

— Сейчас я сделаю все, что приказал император, но на твоём месте я бы не рассчитывала на личные покои. Ты, как и многие другие до тебя, ухватила толику его внимания. Не раскатывай губу на большее, если, конечно, не хочешь быть одной из тех, кто случайно поскользнулся во время ночной прогулки по внешней стене.

За следующим поворотом их ждал долгий и утомительный подъем по узкой винтовой лестнице внутри сырой башни. Этара нарочно подтолкнула Киирис первой и все время подъема мейритина не могла отделаться от мысли, что провожатая только и делает, что ищет предлог, как бы подтолкнуться жертву к тому самому последнему полету. И, что хуже всего, Киирис остро осознавала всю глубину своей беспомощности. Что она может сделать? Только защищаться напускной краткостью. По крайней мере, пока не раздобыла мало-мальски подходящее оружие.

«Ты можешь попытаться толкнуть ее, — зашевелилась та ипостась, которую в Кераке побаивались даже самые старые и опытные жрицы. — Можешь просто схватить за руку и сигануть вниз вместе с ней. Есть сотни способов сдохнуть красиво вместо того, чтобы жить в ошейнике».

А что делать, если хочется жить? Если той, бестелесной ипостаси все равно, ведь она уже давно потеряла собственную физическую оболочку, а живому телу всего-то и нужно, что надежда?

«Давай, Киирис, это буде весело!» — продолжала подначивать безумная ипостась.

И так всю дорогу до купальни. К счастью, та, другая, терпеть не могла шумную компанию и горячую воду, и стоило Киирис окунуться в царство душистого белого, как молоко пара, бестию как ветром сдуло.

Скромная комната для купания в Керакене не шла ни в какое сравнение со всем тем великолепием, которое обрушилось на Киирис вместе с приятной расслабляющей негой жара. Ей стоило громадных усилий не податься искушению сбросить рванье и окунуться в первый же наполненный горячей водой мраморный бассейн. Пришлось стиснуть зубы и идти, куда подталкивала этара, попутно не отказывая себе в удовольствии наслаждаться открывающимися видами. О, боги, да здесь одних только фонтанов и мозаик такое великое разнообразное множество, что не сосчитать по пальцам обеих рук! Что уж говорить о позолоченных умывальниках, нефритовых колоннах, вырезанных из бирюзы статуй обнаженных прелестниц, застывших в таких позах, что Киирис хотелось провалиться сквозь землю от стыда.

А еще здесь были женщины. Такое количество обнаженных женщин, что выделить какую-то одну просто не представлялось возможным. Смуглые, курчавые тариски, такие гибкие, что об их мастерстве экзотического танца ходили легенды. Белокожие и крепкие, рослые ска-ри, непревзойденные воительницы не только на поле боя, но и в постели сумевшего их покорить мужчины. Огненные ююн, шустрые и ловкие, настоящие мастерицы игр языка и рта.

— Вот, принимай новенькую, Гоц'Ри.

Киирис так увлеклась, что не заметила, как «тень» подтолкнула ее прямоком к

здоровенному мужику. Тот охотно «распахнул объятия». Киирис стало противно от одного лишь прикосновения покрытых густыми жесткими волосами рук. А еще от него до тошноты воняло совершенно не приличествующей мужчине цветочной водой.

Гоц'Ри схватил ее за рог, потянул назад, вынуждая смотреть прямо ему в лицо. На месте одного глаза была криво заштопанная рана, кое-где покрытая засохшей слизью.

— Что ты за холера? — Он озадаченно потер оба подбородка, крикнул и одним резким движением сорвал с новенькой ее хламиду. — Ну, сиськи как у обычной бабы. Это какой же теург осчастливил и которого из наследников?

Вспоминая о том, как еще минуту назад желала избавиться от грязного тряпья, Киирис от всей души прокляла богов и их ядовитое чувство юмора. Она попыталась прикрыться, но Гоц'Ри опередил ее. Невесть откуда выудил тонкий, обернутый кожаной лентой прут — и ударил мейритину по рукам. Да так мастерски, что одним махом перетянул обе ладони.

— Я тут гляжу на все, на что пожелаю, — не без гордости заявил толстяк. — Захочу — будешь в таком виде передо мной весь день стоять. А то гляди-ка, стесняется она.

— Заморская диковинка, — не преминула ответить этара. — Император велел привести ее в порядок. Видел бы ты, как она на него набросилась — чуть не отдалась хоть в зад, хоть в перед.

Киирис зажмурилась, опустила руки, невидящим взором разглядывая вызванное ее появлением столпотворение. Девушки, только что занятые своими делами, собирались вокруг нее, образуя плотный круг, будто боялись, что жертва сбежит раньше, чем они насладятся травлей. И всех этих южанок, северянок и островитянок объединяло одно: каждая видела в ней соперницу. И каждая желала смерти.

— Заморская диковинка, значит?

Хрустальный и чистый, словно горный родник голос, был до омерзения холодным. Он зазвенел над головами наложниц — и те, склонив головы, расступились, пропуская в круг безупречную ослепительную красавицу-иникеру.

— Новенькая, — нехотя бросил толстяк, но от Киирис не укрылась ни его внезапная покладистость, ни плохо скрываемые нотки заискивания. — Не иначе выведенная каким-то таургом химера.

Иникера вскинула бровь, посмотрела на Киирис пронзительными желтыми, как у кошки, глазами и небрежно сказала, обращаясь к «тени»:

— Так ты сказала, что она собиралась отдаться моему Дэйну? И почти преуспела?

— Я бы сказала, что рогатая чуть из шкуры не вылезла, привлекая внимание императора. — Голос «тени» стал елейным.

Иникера подошла к Киирис почти вплотную, оценила ее долгим высокомерным взглядом. От этой женщины веяло опасностью, но, удивительное дело, Киирис почти не испытывала страха. Было лишь легкое недоумение из-за подобного собственнического настроения. Разве женщины в арахане не бесправные наложницы, чье существование служит лишь одной цели — ублажать трех самых сильных мужчин империи? Они все принадлежат наследникам, но ни один наследник не принадлежит ни одной из них. Какими бы изощренными любовницами ни были эти красотки, ни одна из них не могла всерьез мечтать о чем-то большем, чем неопределенное время в их постели.

— Если ты всерьез думаешь заполучить императора, то, боюсь, твое пребывание здесь будет очень коротким и болезненным. — Иникера манерно сморщила нос.

— Я собираюсь всерьез не воспринимать твои слова, — спокойно ответила Киирис.

Видеть, как красивое лицо первой императорской фаворитки исказилось от гнева, было почти таким же изысканным лакомством, как и черничное вино. И, по правде говоря, в гнев иникера была не так уж и красива. Недаром же наставница в Керাকে любила говорить, что злость не красит ни одну женщину, равно как и безупречная покорность, и

всепоглощающая любовь к одному единственному мужчине.

— У нее острый язык, — гоготнул Гоц'Ри и втиснулся между соперницами, словно слишком толстый кусок вяленого мяса между тонкими ломтями поджаренного кукурузного хлеба. — Хватит собачиться, Алура, потому что обычно шипишь ты, а нагоняй получаю я. А ты, — толстяк подтолкнул Киирис в сторону бассейнов, — ступай, пока у меня нос не отвалился.

Мейритину не пришлось просить дважды. Киирис с удовольствием отдалась в руки трех служанок.

Она не считала время, которое провела в купальнях. Знала только, что в сравнении с тем, как сестры из храма до красна растирали кожу жесткой мочалкой, головомойка от служанок были сущим удовольствием. Даже невзирая на то, что служанки не особо старались быть аккуратными.

После завершения купания, Киирис усадили на стул и привели в порядок волосы. Одна из служанок вычесывала их до тех пор, пока каждый волосок не лег к волоску, превратившись в безупречный блестящий медовый водопад. Из всей одежды Киирис выделили что-то полупрозрачное, длинное и восхитительно простое. В странной одежде мейритина чувствовала себя еще более обнаженной, чем без нее.

По окончании омовения жирный Гоц'Ри оценил ее вид и сально прищелкнул языком.

— Все равно страшилище, — заключил он с видом знатока.

Толстяк определенно собирался сказать что-то еще, но, подумав, промолчал. Лишь передал Киирис на поруки лысой этаре и поплевал вслед, будто боялся подцепить какое-то проклятие.

— Я отведу тебя на кухню, — по дороге рассказывала лысая надзирательница. — А потом тебя желает видеть Королева-мать. Очень надеюсь, она пообломает тебе рога.

Кухня оказалась просторным помещением, как сокровищницы богов, до краев наполненная соблазнительными ароматами всевозможных фруктов, выпечки и изысканных блюд. Появление Киирис заставило суетливых служанок на время отложить свои дела и во все глаза таращиться на рогатую диковинку. И в наступившей тишине звук ее громкого урчащего желудка прозвучал до невозможного отвратительно. Наверное, эта тишина тянулась бы еще дольше, не разруби ее насмешливое:

— Да тебя почти не узнать, пташка. Почистила перышки?

Неизвестно, в каком углу прятался Наследник тени, но он появился словно из ниоткуда. Судя по не слишком удивленным лицам обитателей кухни, подобное было им не в диковинку.

Рунн в два счета оказался рядом, поймал Киирис за руку и, завораживая ее пристальным взглядом, медленно, осторожно поцеловал внутреннюю сторону запястья. Киирис рванула руку, но наследник держал ладонь, словно клещами.

— Можешь убираться, Сеа, — не потрудившись посмотреть на лысую «тень», приказал он. — От твоей кислой рожи у меня несварение. Твое место — за порогом. Можешь посидеть за дверью, послушать, как мы всем миром будем плести заговоры против моего коронованного братца. Уверен, Дэйи по достоинству оценит усердие своей шавки. Ведь он только и ждет, как бы найти повод избавиться от ближайшего конкурента.

Этара согнула спину в низком поклоне и, не отрывая взгляда от пола, покорно сказала:

— Император вверил рас'маа'ру моим заботам. Я должна оберегать ее до тех пор, пока на этот счет не поступит других распоряжений.

— Ты — и вдруг будешь оберегать ее жизнь и здоровье? — Рунн от души расхохотался. — От такого грубого вранья у меня ведь и зубы могут разболеться. А ты знаешь, в кого меня превращает боль.

В интонации этих слов было куда больше истины, чем в самих словах. Лысая Сеа,

пробормотав что-то о своей неучтивости, вышла. Рунн развел руки, отвесил шутовской поклон, словно артист с театральных подмостков — и увлек Киирис за стол около крохотного зарешеченного окошка.

— С этими слизняками, Киирис, следует обращаться именно так: вытирать ноги, желательно прежде, как следует, потоптавшись в свинарнике. Иначе рано или поздно они посмеют думать, что стали «своими», и это дает им некоторые преимущества. Например, считать, что гнуть спину можно и не так усердно.

Пока Рунн посвящал ее в тонкости собственного мировоззрения, поварята накрыли на стол: за считанные мгновения на столешнице не осталось свободного места от блюд, тарелок и кувшинов. Киирис зажмурилась, открыла глаза, надеясь, что все это — не созданный ее голодом мираж.

— Попробуй, тебе понравится.

Рунн подковырнул вилкой кусочек мяса с кроличьей ножки, подул на него, при этом разглядывая свою молчаливую спутницу со все возрастающим любопытством. А потом перехватил мясо пальцами и протянул Киирис. Она потянулась было, чтобы взять предложенное угощение, но Наследник тени осадил ее насмешливым:

— Разве тебя не учили, что вышколенная рас'маа'ра должна принимать пищу из рук хозяина и никак иначе?

Киирис сглотнула, изо всех сил желая себе терпения. Обилие запахов сводило с ума, подстрекало затолкать в рот все и сразу — и плевать, будет ли она выглядеть недостойно.

— Меня учили, что рас'маа'ра может принадлежать лишь одному мужчине, Наследник тени, — стараясь держать ровный невозмутимый тон, ответила она. — А вы мной не владеете.

— Ба! — Рунн закинул мясо в рот, откинулся на спинку стула и, ничуть не стесняясь, закинул ноги на стол. На пол полетели тарелки, кубки, столовые приборы. Он и глазом не повел. — Общение с Дэйном сделало тебя дерзкой. Может быть, император *уже* заявил на тебя свои права? И как, дьявол задери, это вообще происходит? Нужно совершить какой-то ритуал? Сказать таинственную абракадабру? Поиметь тебя раньше других, в конце концов?

Киирис все-таки не выдержала, украдкой схватила ломтик ветчины и с наслаждением откусила сразу большой кусок. От вкуса мяса, приправленного смесью душистых трав и перцев, захотелось счастливо улыбаться. Как же давно она не ела ничего в свое удовольствие! Жрицы в храме так и вовсе не давали ей мяса, опасаясь — и не беспочвенно — что это будет дурно влиять на ту ее ипостась, что всегда ищет повод пустить кому-то кровь.

Но здесь, похоже, не все столь глубоко понимают, с кем имеют дело, и Киирис лучше бы откусила себе язык, чем раскрыла хоть малую толику всех своих тайн. Ведь именно с их помощью она сделает то, что должна, а потом, если посчастливится, сбежит. На последнее, впрочем, особой надежды нет. Потому что голоса из Потока говорили — это с самого начала была дорога в один конец.

— Мной может владеть тот, кто купил, — стараясь подавить нотки грусти, произнесла Киирис. Этому мужчине нет дело до ее боли, он видит лишь красивое тело, которым страстно желает владеть. И чем дальше — тем сильнее будет становиться жажда обладания.

— Что ж, в таком случае ты принадлежишь Королеве-матери! — Рунн от души расхохотался. — Она купила тебя за кровь и грабеж. Этой монеты у нее предостаточно, и она никогда не скупится.

— Я рада, Наследник тени, что смогла удовлетворить ваше любопытство. Могу ли я надеяться, что вы в качестве жеста вашей доброй воли удовлетворите и мое любопытство?

Он плотоядно осклабился, взглядом поигрывая ее грудью под полупрозрачной тканью

платья. Киирис невольно зажмурилась, воображая, что и руки у него, должно быть, довольно ловкие.

«Я бы с удовольствием перерезала ему горло после того, как досыта наиграюсь», — шепнула ее вечно жаждущая крови ипостась.

Боги всемогущие, она всего-то съела ломтик ветчины.

— Я бы удовлетворил тебя столь многим количеством способов, пташка... — Слова прозвучали как обещание. — Знаешь, каким хитростям могут обучить мужчину вестаннис Горячих островов?

— У меня нет повода сомневаться с правдивости твоих слов, Наследник тени.

— Рунн, — поправил он. — Если я пожелаю, чтобы твой прекрасный ротик называл меня «Наследником», я непременно дам об этом знать. А пока — только имя. Оно мне дорого как память.

— Как пожелаешь, Рунн.

— Так чем я могу удовлетворить тебя, рас'маа'ра?

Она помедлила, еще раз оценила возможные последствия, и все-таки рискнула.

— Наследник костей — что с ним?

Рунн поморщился, но, хвала богам, кажется не собирался впадать в ярость. Киирис положила себе не забыть новый секрет: эти двое недолюбливали друг друга, но не до такой степени, чтобы по-настоящему желать зла сопернику.

— У него... как же эта дрянь называется. — Наследник пощелкал пальцами, помогая себе вспомнить. А, вспомнив, хлопнул по колену. — Глубокая душевная травма.

Он даже не скрывал, что издевается. За все недолгое время их знакомства Киирис успела запомнить — этот мужчина больше всех прочих масок любит носить личину шута. Почему? Она ощущала необходимость выяснить это. И чем раньше — тем лучше.

— У каждого свои шрамы на душе, — сказала Киирис, вспоминая времена, когда была простой, но единственной и любимой дочерью своего величественного отца. Могла ли она тогда знать, что пройдет каких-нибудь несколько человеческих лет — и ей будет уготована участь мартышки на привязи? — Что с ним стряслось?

— Можешь лично спросить у моего полоумного братца, — сказал Рунн и указал взглядом куда-то поверх ее плеча.

Киирис вскинулась, зачем-то встала и едва устояла на дрожащих от страха ногах.

Наследник костей стоял в дверях: в одной руке держал мешок, а другую неловко прижимал к боку. Между обнаженными пальцами вскипал и пенился фиолетово-серый туман. Люди пятились от него, будто от прокаженного, но Раслер не придавал этому значения. Наверняка давно привык.

Киирис боялась его. Боялась так сильно, что с трудом подавляла желание раствориться без остатка. Совсем как сегодня, на мосту: стоило появиться наследнику, как всё ее существо завопило о смерти, которой этот странный парень имел наглость приказывать.

— Мы видимся второй раз, мейритина, — все тем же сухим голосом напомнил Раслер, — и во второй раз ты оказываешься в дурной компании. Тебе нравится окружать себя клоунами?

К счастью, он не ждал ответа. Просто отпустил края мешка и вытряхнул содержимое на пол. Две тяжелые головы глухо стукнулись о камень, покатались, словно подпорченные плоды. Замерли у ног Киирис, уставившись остекленевшими мертвыми глазами. Возница и Мастер пытки.

«Боги, он прекрасен!» — взвизгнула сумасшедшая ипостась и застонала так громко, будто ее пощекотали между ног.

И в кои-то веки Киирис совсем не хотелось с ней спорить.

Повинуясь внутреннему порыву, она присела, уставилась в перепуганные глаза пыточника. Скорее всего, Раслер использовал теургию, чтобы законсервировать «дары» до состояния, пригодного для дарения. Срезы были ровными, обугленными по краям, на полу не осталось ни капли крови.

— Ты псих, — бросил Рунн. — Не боишься, что мамочка даст по заднице за порчу ее игрушек?

— Ни один смертный не смеет причинять боль мейритине, — глухо ответил Раслер. — Это следует наказывать смертью.

— Сказал мясник, — поморщился Рунн.

Раслер шагнул к Киирис — и, глухо застонав, упал на одно колено. Она едва успела подхватить его. Spина заняла под тяжестью обмякшего тела. Она с трудом услышала измученный шепот:

— Ты из Первых?

На мгновение Киирис потеряла дар речи. Откуда он знает?!

Раслер снова застонал — и на этот раз силы покинули его. Киирис поднатужилась, перевернула парня лицом к себе — и охнула. Рука, которой он так странно придерживался за бок, беспомощно сползла на пол. По сорочке стремительно расплзлось алое пятно. Киирис неосторожно потрогала кровь пальцами, ощущая, что древняя сущность вот-вот одолеет ее страх и возьмет свое. Киирис хотела попробовать Раслера, узнать все его загадки и сокровенные тайны, его глазами увидеть все ужасы, что извратили Наследника костей до такой степени. Она как будто со стороны увидела собственную ладонь, подрагивающие окровавленные кончики пальцев. Всего-то стоит посидеть вот так еще немного — и судьба все решит за нее. Хорошее подспорье для предназначения.

Нет!

— Наследник ранен, — пробормотала Киирис.

Тряхнула волосами, мысленно отхлестала себя по щекам. Наследнику костей всего двадцать лет. И сейчас она не готова дать Раслеру отправиться на тот свет. И пусть Поток отвернется и онемееет. Хотя бы на какое-то время.

— По-моему, братец почти труп, — заглядывая мейритине через плечо, сказал Рунн. Сказал — и пальцем не пошевелил.

Киирис ловко расстегнула пуговицы на сорочке, распахнула края. Слишком много крови.

— Мне нужны чистые тряпки, горячая вода, — бормотала себе под нос. Подняла голову, с непониманием уставилась на застывших служек. — Ну?! Или вы хотите, чтобы император и Королева-мать узнали, что никто из вас и пальцем об палец не ударил, чтобы спасти жизнь наследнику империи?

Люди бросились врассыпную.

— Помогите мне положить его вон туда. — Киирис взглядом указала на длинный стол в самом центре кухни. Кто-то тут же бросился убирать с него миски, разделочные доски и подготовленные нарезки. — Пол слишком холодный.

Рунн стал сидеть, где сидел. Лишь с нескрываемым любопытством рассматривал стремительно бледнеющее лицо брата, но явно не собирался вмешиваться. Точнее, своим бездействием намеревался помочь его скорейшей смерти.

— Не самый лучший способ избавиться от соперника, — нисколько не смущаясь своего резкого тона, бросила Киирис. — Я думала, ты сильнее и предпочитаешь играть по-честному. Жаль, что ошиблась. К счастью для всех нас, империя находится в надежных и достойных руках твоего брата, Рунн.

Она очень рисковала. Этот тенеражденный мог запросто убить ее и за меньшее. Прямо в эту секунду, воспользовавшись тем, что она сидит с соблазнительно обнаженной шеей, прирезать, словно жертвенное животное. Пожалуй, тогда они с Раслером превратятся в трагический сюжет для полотна известного художника. Но Киирис верила в свой расчет: этот человек слишком тщеславен, и он не позволит обвинению в трусости обрести реальную подоплеку. Сегодняшняя дерзость еще аукнется в будущем, но сейчас главное, что Рунн, ругаясь на чем свет стоит, все-таки поднял тело Раслера и в два счета уложил на стол.

— Остальное без меня. Пусть этот мелкий паршивец тебе потом ноги целует, рас'маа'ра, потому что иначе сегодня встретился бы в пекле со своим папашей. Но я все еще буду надеяться, что твои таланты врачевательницы куда скромнее прочих умений.

Киирис больше не обращала на наследника внимания. Какое ей дело до почти беззлобного шипения Рунна, если Раслер уже переступил за грань?

— Мне нужны льняные нити, мазь из красной пыли. Заварите побольше ночного корня. И пусть кто-то со всех ног бежит за лекарем, ну?!

Все необходимое в избытке водилось в специальном ящике на кухне в Кераке, ведь повара то и дело резали руки, ошпаривались, рвали ладони об острые кости. Киирис множество раз видела, как седая настоятельница Ольферияштопала порезы, обрабатывала раны, чтобы зараза не попала в кровь. Но лишь раз помогала ей сама, и то лишь потому, что зашивать пришлось саму Ольферию. И тогда на шее Киирис был таэри, и столь тесный контакт с кровью ничем не грозил. А сейчас это могло обернуться чем угодно.

— Ты, — мейритина поманила сухую женщину в чепце, — макай тряпки в горячую воду и давай мне. Шевелись. Ты, — палец переместился на мальчонку лет тринадцати — одного из немногих, кто не выглядел перепуганным. — Хорошенько вымой руки и приготовь мне иглу с нитью. Сможешь?

Тот закусил нижнюю губу, решительно кивнул.

Смыв кровь, Киирис с облегчением увидела, что рана не такая глубокая, как она опасалась. С ладонь длинной, но вряд ли повреждены внутренние органы. Тонкий, идеально-ровный, почти безупречный порез. Тот, кто сделал это, был мастером своего дела, но что-то помешало ему в полной мере пустить в ход свои навыки.

— Ее нужно подогреть. — Она отодвинула локтем услужливую девчонку, что протягивала ей плоску с мазью. Та отчего-то даже в такой момент умудрялась поглядывать на едва живого Наследника с нескрываемым интересом.

Конечно, он был красив. Особенно сейчас, когда хмурая безэмоциональная гримаса растаяла под странным умиротворением. Пожалуй, больше всего Раслер напоминал молодого ворона: аккуратный, но не слащавый, как пухлощекие выкорымыши графьев и корольков.

Девушка вернулась вскорости, и на этот раз плоска с мазью была нужной температуры. Стараясь не попадать пальцами в рану, Киирис быстро нанесла толстый слой месива, от запаха которого желудок подавал недвусмысленные позывы.

— Игла, госпожа. — Парнишка протянул ей приготовленный инструмент.

— Кто-то должен держать его. — Киирис приподняла веко бесчувственного Раслера. — На всякий случай.

Желающих оказалось немного. В глазах служек Наследник костей был беспощадным монстром. Возможно, некоторым из них так или иначе перепало от него лично. Киирис же видела в нем лишь молодого мальчишку, которого собиралась спасти вопреки голосу рассудка и причинам, по которым оказалась здесь.

К появлению лекаря Киирис успела зашить рану и обработать шов новой порцией мази. Следом за жилистым молоджавым лекарем, в кухню вошла и Королева-мать. Точнее — влетела, едва не бросившись на наследника со слезами. К счастью, мужчина вовремя придержал ее за локоть, успокоил парой осторожных, но разумных доводов — и, обойдя

стол с другой стороны, скрупулезно осмотрел рану.

Киирис попятилась, обессилена села на скамью и окинула взглядом кухню. Рунна, ожидаемо, уже и след простыл. А вот Королева-мать едва не шинкует ее взглядом.

— Подарки мне от вашего сына, — повинуюсь необузданному желанию, сказала Киирис. Кивнула на головы, которые, к слову сказать, так и остались лежать на прежних местах, хоть в кухне царил полный хаос. — Славные головы.

Королева изо всех сил старалась владеть собой, но переживания за сына мешали ей сосредоточиться. И все же, Рунн не преувеличивал, говоря, что королева все простит младшему сыну. Если она и злилась, то лишь за сам факт дара.

— Я бы сказал, что все сделано почти безупречно, — вынос вердикт немного удивленный лекарь. — Наследника нужно перенести в его комнату, я хочу провести некоторые дополнительные процедуры.

— Но он поправится? — в унисон спросили обе женщины и переглянулись.

— Я бы сказал, что сейчас жизни наследника почти ничего не угрожает. Но если рана была обработана недостаточно хорошо, то в кровь могла попасть зараза. Все же кухня — не самое подходящее место для подобных манипуляций.

— У меня не было времени искать подходящее. — Киирис ковырнула обида. Да, детская и глупая, но разве она не заслужила хотя бы «спасибо»?

Пока мужчины натягивали кусок кожи, чтобы на нем отнести Раслера, Киирис потихоньку изловчилась и макнула мизинец в его кровь. Быстро сжала руку в кулак, дожидаясь, пока Королева-мать рассудит ее участь. Та же была всецело поглощена хлопотами о сыне.

Когда Раслера переложили на кожу, и четверо крепких мужиков понесли его прочь, Киирис посторонилась, уступила дорогу. Она запретила себе смотреть в его лицо. Потому что продолжала бояться, но и не могла противиться желанию еще раз оценить и горбинку на носу, и короткий росчерк шрама поперек правой брови.

— Киирис...

Она чуть не подпрыгнула, когда холодные пальцы сомкнулись вокруг ее запястья. Сиреневый туман обжег кожу таким невыносимым холодом, что из глаз брызнули слезы.

— Ты... рядом... — неразборчиво бормотал Наследник костей.

Королева-мать попыталась расцепить их руки, но чем больше усилий прилагала, тем крепче сжимал пальцы Раслер. Он яростно мотал головой, что-то бормотал и рычал, и, как заведенный, продолжал требовать мейритину.

— Похоже, тебе придется провести ночь с моим сыном, — скрепя сердце, согласилась королева.

Киирис ответила ей вымучено-покорной улыбкой и единственным уместным в этой ситуации вопросом:

— Разве не для этого меня похитили?

Глава третья

В комнате Наследника костей было темно, как в склепе. Лишь несколько свечей давали неверный тусклый свет, который робкими попытками пытался разогнать мрак.

Когда Раслера уложили на кровать, Киирис пришлось сесть рядом, потому что он так и держал ее за руку, и каждая попытка высвободиться стоила ей нового приступа боли. Как будто какая-то часть Наследника костей до сих пор бодрствовала, невзирая на его обморочное состояние.

— Киирис, значит... — начала Королева-мать, пока лекарь занимался осмотром раны. Его служки приволокли несколько подносов, на которые было не протолкнуться от обилия склянок, колб и горшков. — Я слышала, что ты недурна собой, но не думала, что у тебя... рога.

А вот и еще одна фальшь. Киирис распознала ее сразу: слишком уж женщина выпячивала свое незнание и удивление. Она все знала задолго до того, как придумала повод напасть на храм. Хотя это и поводом нельзя было назвать — обыкновенный грабеж.

— Слышала, ты бойкая девица, — продолжила сыпать «комплиментами» королева, одновременно пристально наблюдая за каждым движением лекаря. — Мой сын не так падок на женщин, как может показаться.

— Императору не к лицу ветреность и безрассудство, — согласилась Киирис, нарочно выделив интонацией титул Дэйна. Может быть, для королевы он по-прежнему сын, но для всех остальных — император самой беспощадной империи континента. И Киирис нравилось осознавать, что та ее сущность очень ловко привлекла его внимание. Будет не лишним намекнуть об этом королеве. — Было бы странно, заинтересуйся он грязной диковинкой с другой стороны мира.

Пара служанок быстро и ловко раздели наследника, уложили под одеяло. Раслер слабо застонал, когда лекарь дунул ему в лицо каким-то порошком из коробки.

— Это немного притупит боль, — пояснил лекарь. — Теперь наследнику нужен покой и сон.

На последнем слове он почему-то осекся, а королева едва не линчевала его взглядом.

— Если с моим сыном что-нибудь случится, вы оба и представить не можете, какие изощренные пытки вас ждут. — Королева обогнула кровать, предприняла еще одну попытку ослабить хватку Раслера на руке мейритины, а когда поняла, что бессильна, стала мрачнее тучи. — Имей ввиду, девочка: личная охрана наследника останется здесь и будет следить за каждым твоим движением во все свое великое множество глаз.

Что бы это могло означать? Киирис успела мельком осмотреть покои Раслера, насколько это возможно в полутьме. В углах и возле стен вполне могли прятаться соглядатаи, вот толькокнужалинекромантуоудушевленная охрана?

— За дверью тоже стража, — продолжала стращать королева. — Даже не смей вытворить хоть что-нибудь.

— Лишь то, чему усердно училась, королева.

Киирис очень надеялась, что женщина в полной мере распробует ее многозначительный ответ. Да, она боялась королеву едва ли меньше, чем Наследника костей, но та успела наговорить и сделать достаточно, чтобы обнажить свои самые страшные опасения: королева до смерти не хотела потерять власть над своими сыновьями. Ни над одним из них. И терять она ее начала задолго до того, как мейритина переступила порог Замка туманов. Наверняка королева рассчитывала использовать рас'маа'ру с выгодой для себя, как инструмент манипуляции. И о ее плане Киирис уже начинала догадываться. Теперь же каждой минутой королева все яснее будет осознавать свою промашку. И обязательно попытается ее исправить.

— Как только Раслер придет в себя и поймет, что ты не та, за кого он принимает тебя в

бреду— твоя жизнь в замке несколько усложнится.

И на этот раз королеве все-таки удалось заставить Киирис вздрогнуть. Было в этих словах что-то скользкое и холодное, за чем скрывался целый выводок неприятностей, которые эта жадная до власти мамаша могла устроить любому, кто становился у нее поперек дороги.

Когда комната опустела, Киирис не спешила радоваться внезапному одиночеству. В сухой, наполненной запахами лекарственных трав и припарок тишине, удары ее сердца звучали пророчащим беду набатом.

Она просидела на корточках перед наследником столько, сколько смогла. Но в конце концов спина не выдержала, плечи заныли, а в коленях появилась отвратительное колючее онемение. Раслер же, кажется, так и продолжал блуждать в мире грез, одурманенный порошком и болью.

И все же, когда она совсем отчаялась и в который раз пообещала себе, что это будет последняя попытка, дернула руку — пальцы Раслера бессильно разомкнулись. Киирис поднялась и на ватных ногах отошла к стене, опасаясь, что наследник вот-вот встанет и вернет беглянку. Запястье несчастно было. В том месте, где его сжимали пальцы Раслера, остались багровые пятна, словно от ожогов. С той лишь разницей, что прикасаться к ним было не так больно.

Наследник костей, вне всякого сомнения, владел теургией высокого порядка и обращался с ней достаточно умело, раз до сих пор сохранил свой человеческий облик. Разрушительная теургия извращала людей после малейших попыток овладеть самой темной стороной древнего искусства.

Киирис как раз размышляла, где устроиться и переждать время, пока Раслер будет спать, когда ее слуха коснулось скребущее шуршание. Она напрягла зрение, вглядываясь в едва разбавленный полумрак. В ответ на нее уставилась пара маслянистых точек. А потом еще пара и еще. Киирис попятилась, попыталась сообразить, что за чудовище мог держать на привязи некромант, но ей не пришлось долго гадать. Шуршание повторилось, на этот раз громкое и злое, и на незваную гостью поползла долговязая бесформенная тень, вся испещренная глазами без век. Зрачки хаотично вращались, смотря сразу во все стороны.

Монстр потянулся к Киирис беспальными конечностями.

— Не трогай меня, — храбрясь из последних сил, предупредила она.

Понимало ли существо слова? Если да, то не собиралось к ним прислушиваться. Оно парило в паре сантиметров над полом и вальяжно, не торопясь, преследовало отступающую жертву. Киирис отступала до тех пор, пока не наткнулась на стену позади себя. Тут-то многоглазая тварь ее и нагнала. От одной мысли о том, чтобы попасться многоглазому в лапы, хотелось кричать.

«Я обещала, что не буду помогать тебе, пока ты не станешь сговорчивее», — не без ехидства сказала кровожадная ипостась. Вот уж кто без страха и сомнений вступил бы в любой, даже неравный бой. Но у той, другой, были свои планы на этот счет, и она высказала их предельно ясно. Во внутреннем хаосе Киирис ипостась повернулась задницей к ее проблемам и скрылась, отвесив прощальный поклон.

В поисках безопасного места Киирис наткнулась взглядом на кровать. Не размышляя, не анализируя, она в два прыжка оказалась в ней, схватила подушку, собираясь использовать ее хоть в качестве щита, хоть как снаряд. Глазастый монстр замер на какую-то долю секунды, а потом снова потянулся к ней. Ей показалось, или он стал двигаться быстрее?

В растущем напряжении что-то прикосновение к голой лодыжке заставило Киирис громко и от души выругаться. Она крутанулась на коленях, попыталась высвободиться, но лишь окончательно потеряла равновесие и неловко завалилась на бок.

— Это мой Страж, — не открывая глаз, пробормотал Наследник костей и облизал сухие губы. — Ему не нравится чужой запах. Если бы он к тебе притронулся, мейритина,

боюсь, тебя не спасли бы все лекаридворцавместе взятая. А мне бы пришлось его усыпить, что стало бы сущей несправедливостью, учитывая, чего стоило его создание.

Киирис сглотнула, с некоторым замешательством осознала, что голова Раслера повернута набок и сейчас они лежат друг напротив друга. Так близко, что губы щекочет его частое горячее дыхание.

— Рада, что тебе лучше, домин, — прошептала она.

— Ты славно ругаешься, Киирис. — Он вымученно улыбнулся.

Ямочки на щеках Раслера были настолько непривычно-милыми, что это казалось настоящим надругательством над его резкими чертами лица. И еще ресницы. Такие длинные и густые, невообразимо черные, что она поддалась импульсу погладить их подушечкой большого пальца.

— Щекотно, — проворчал он.

— Это несправедливо, — зачем-то сказала она. — Несправедливо, что мужчинам достается столь изысканная красота, ради которой многие женщины продали бы души Огненному.

На самом деле она просто боялась тишины. Боялась снова услышать тот противный звук. Что если безумный Наследник костей спустит своего Стража с поводка? Воображение так услужливо рисовало картины ее то окровавленного, то обескровленного тела, что Киирис невольно вздрогнула.

— Ты боишься?

— Мне неприятно знать, что ты можешь в любой момент лишить меня жизни, — не стала юлить она.

— Я правда прослыл таким ничтожеством? — В его словах не было обиды, лишь намек на любопытство.

— Кровожадным мясником — так будет точнее.

Кажется, ему это польстило, потому что на этот раз наследник улыбнулся во весь рот. А потом бросил несколько фраз в пустоту и шипение растворилось без следа.

— Это ведь ранское наречие, — пробормотала Киирис и удивилась, что до сих пор помнит. Столько лет не упражнялась, а надо же тебе — распознала даже тонкие интонации. — Ты обучил его мертвому языку?

— Всего лишь предосторожность на случай, если убийца будет достаточно удачлив, чтобы выжить первых несколько мгновений после вторжения в мои покои.

Он, наконец, открыл глаза. Рана ослабила его тело, но взгляд сохранил прежнюю холодную заинтересованность. Но и та быстро растворилась, уступая чему-то более глубокому и пылкому.

— Как ты себя чувствуешь, домин? Я могу быть чем-то полезна?

— Можешь и будешь, если перестанешь ерзать в поисках способа побега. Я настолько безобразен, что тебе противно находиться рядом?

«В одной постели», — мысленно дополнила Киирис.

Безобразен ли он? О нет, скорее притягателен совершенно ни на что не похожим животным магнетизмом, от которого невозможно отмахнуться. Она пыталась избавиться от сиреневого наваждения странных глаз, но это было равносильно борьбе со встречным течением: изматывающее и обреченное на провал занятие.

— Я полагаю, наследнику стоит прежде как следует отдохнуть, набраться сил, а после искать общества рогатой пленницы его царственной матери.

— Слабость почти лишила меня сил, но я вполне владею языком и губами.

Это прозвучало так развратно и невинно одновременно, что Киирис залилась румянцем. Главное, не реагировать на эти недвусмысленные провокации, держать себя в руках. Не реагировать на очарование наследника, подавлять каждую мысль о том, что для его языка она с удовольствием раздвинула бы ноги. Приняла ласку, о которой читала лишь в книгах, и которую видела лишь во времена обучения наложниц для «особых удовольствий».

— Ты покраснела? — Раслер удивился, как будто у нее только что отросла еще одна пара рогов. Второй ладонью, которая так и осталась в плену перчатки, он погладил Киирис по щеке, очертил линии подбородка, вглядываясь куда-то так глубоко, что мейритина едва не взмолилась о пощаде. — Я лишь хотел сказать, что могу говорить с тобой столько, сколько смогу. Даже у сумасшедшего мясника есть парочка баек про запас.

Она думала, что выдохнет с облегчением, но взамен с губ сорвался разочарованный скулеж.

— Но твоя трактовка нравится мне куда больше, мейритина, — неожиданно продолжил он, продолжая гладить ее подбородок. Шершавая замша отчего-то приятно щекотала кожу.

— Но разве ты не...

Киирис поздно спохватилась, что стала непозволительно болтливой. И всему виной его обжигающая близость.

— Девственник? — Кажется, он и не думал обижаться. — Мейритина, уж ты-то должна знать, что существует столько способов, которыми мужчина может удовлетворить женщину. И далеко не всегда ему нужно снимать штаны. Признайся, ты захотела меня уже тогда, на мосту. Потому что мы друг для друга — запретный плод.

Слишком смелое заявление, слишком самоуверенное. Киирис собиралась ответить «нет», но не смогла. И все ее ипостаси упрямо молчали. Как будто исчезли. Здесь и сейчас была только она и Наследник костей. И многоглазая химера, от одного воспоминания о которой Киирис бросало в дрожь. А ведь она побывала за гранью, видела Поток и Пустоту.

— Может я и кровожадный мясник, но не собираюсь причинять тебе вред.

— Почему я должна верить?

— Может потому что до сих пор жива? — Ответ прозвучал как вызов.

Она хотела спросить, что с ним приключилось, почему из молодого красивого наследника империи Раслер превратился в угрюмого психопата, который компании людей предпочитает общество оживших мертвецов, призраков и ужасных тварей. Но эти мысли стали вязкими, неповоротливыми, словно патока. Потому что на самом деле ей хотелось узнать о другом.

Он лишь пошевелил пальцами — а она сама подняла лицо, устремилась в самую клокочущую глубину его глаз. Там было столько бесконтрольной злости, что Киирис накрыло с головой.

— Я просто ищу особенного человека, — сказал Раслер.

— Ты читаешь мои мысли?

— Я вижу то, что люди сами выставляют напоказ. Это легко, если знать, на что смотреть. А ты, Киирис, просто целая неизведанная земля.

Он говорил простые вещи. Ничего особенного, ничего непристойного и вычурного. Но каждое слово обволакивало, будто нежнейший шелк. Повинуясь внезапному желанию, Киирис придвинулась к нему, лишь малой крохой сознания понимая, что под одеялом Наследник костей совершенно голый.

— Расскажи мне что-то такое, чего я сама о себе не знаю, — прошептала дрожащим голосом.

— И что же я получу взамен? — Его рука переместилась ниже, ей на плечо, скользнула по плечу. — В моей постели, Киирис, всегда будут действовать такие правила: я даю что-то — я получаю что-то. Я не занимаюсь благотворительностью, как Рунн, и не приказываю, как Дэйн. Если ты хочешь получить меня — предложи что-то, от чего я не смогу отказаться.

Она приподняла руку, приглашая обнять себя. Раслер обхватил ее, осторожно притянул. Он был чудовищно слаб, но и сейчас Киирис не рискнула бы вырваться. Да и не хотела. Наследник костей притягивал ее до тех пор, пока их тела не слились с болезненной плотностью. От нехватки воздуха в легких полыхнул огонь.

— Какие еще правила мне следует знать, прежде чем соглашаться?

— Кто же сразу раскрывает все секреты, прежде не заманив жертву?

Он не заставлял. Этот безумный мальчишка, который запросто превращал людей в безмозглые покорные марионетки, оказался на удивление спокойным, стоило им оказаться так тесно друг к другу. И его загадочность была едва ли не такой же притягательной, как власть и жесткость Дэйна.

— Я согласна, — покорила Киирис. Она — рас'маа'ра, ее готовили быть лучшей женщиной для любого мужчины, стать его солнцем и небом, оазисом в пустыне, амброзией. Разве не потому ее так тянет к Раслеру, что раны младшего наследника так соблазнительно глубоки? — Что ты хочешь взамен на право посмотреть на тебя, Наследник костей?

— Сотню слов, мейритина. Всего лишь сотню слов.

А, гори оно все синим пламенем!

Киирис порывисто села на колени, взялась за верхний край одеяла и с мольбой посмотрела в сиреневые глаза мясника. У небожителей определенно странное чувство юмора: она боялась его задолго до того, как узнала. Впервые их встречу больше всего на свете желала, чтобы Раслер свалился с моста и размозжил голову. Час назад по доброй воле и без принуждения спасла ему жизни. И вот теперь жаждет посмотреть, каков он без шелухи одежды. И тянется к нему, словно ночной дурман к лунному свету.

Безумие, Наследник костей ранен, слаб, того и гляди снова впадет в беспамятство. А она вместо того чтобы оставить его в покое, едва ли не умоляет сыграть с ней в его игру с туманными правилами.

— Я весь твой, — произнес он бархатным шепотом.

Вот так метаморфоза. Кто бы сказал, что под личиной холодного безумца скрывается столько соблазна.

Она потянула одеяло вниз, обнажила его грудь, живот. Раслер перехватил ее руку в тот момент, когда ткань обнажила тонкую дорожку темных волос, убегающую вниз от пупка. Как же мешают эти проклятые повязки!

Киирис остановилась, перебросила через него ногу — и села сверху. Повинуясь импульсивному желанию, поерзала.

— Не сегодня, мейритина, — предупредил он, хоть в глубине отказа сквозило неприкрытое желание уступить.

— Я приняла правила, Раслер. — Его имя на языке было едва ли не таким же сладким и терпким, как пьяные вишни, из которых наставницы готовили изысканные десерты для почтенных гостей.

Наследник костей был прекрасно сложен. Поджарый, рельефный, без единого волоска на всем теле. Его широкая грудь часто поднималась и опускалась, выдавая скрытое в сердце волнение. А еще от него невообразимо пахло осенними травами и молодым мхом. Длинные черные волосы разметались по подушке, редкие пряди паутинкой прилипли к влажному лбу. Киирис склонилась ниже, к самой его шее, впитывая каждый удар колотящейся под кожей артерии.

— Могу я... — Она облизнулась, едва отдавая себе отчет, о чем просит.

Вместо ответа он повернул голову, обнажая шею с почти непристойной откровенностью. Киирис скользнула губами по коже, вбирая, словно драгоценный нектар, каждую грань его личного неповторимого вкуса. Раслер выдохнул, замер. Она медленно, словно смаковала блаженство, провела языком вдоль артерии, выше, до самой ямочки под ухом.

Раслер застонал. Киирис едва касалась губами его кожи, боясь, что более смелая ласка сможет нарушить момент. Но еще больше боялась, что, переступив черту, больше не сможет быть бесстрастной рас'маа'рой, не любящей никого и отдающей каждому частичку своей страсти.

Ей нельзя любить по множеству причин.

Невесомыми поцелуями Киирис проложила дорожку вверх по линии его скулы, к виску. В ответ на ласку Наследник костей обнял ее за талию, скользнул пальцами по позвоночнику. Какой же толстой казалась сейчас невесомая прозрачная ткань платья! Как будто между кожей и его прикосновениями существовала целая вселенная. И еще эта его перчатка, будь она неладна.

Киирис вымученно зарычала, распрямилась, любуясь тем, что сотворили с ним ее невинные поцелуи. На бледных щеках Раслера появился несмелый румянец. Он запрокинул голову, жадно облизал губы и снова посмотрел на мейритину. Ладонь опустилась ей на бедро, пальцы с жадностью впились в нежную кожу.

— Теперь твоя очередь, Киирис, — остановил ее Раслер.

— Но разве ты выполнил свою часть игры? Я только начала. — Она едва узнала себя в этой капризной попытке отвоевать еще немного права насладиться его телом.

— Ты уже получила намного больше остальных. — Раслер плотоядно оскалится, ничуть не скрывая, что упивается ее реакцией. Стервец!

Боги, как вообще возможно, что он остался невинным так долго?!

— Так какие же слова ты желаешь услышать, Наследник костей?

Он поднял руку выше, указательным пальцем очертил ее пупок, поддел блестящую подвеску. Ладонь устремилась к груди — и замерла, не притронувшись.

Это было бесчеловечно даже для кровавого мясника. В отместку Киирис снова поерзала на нем — и вернула ему едкую улыбку, почувствовав, каким твердым он стал.

— Я ведь могу и прогнать тебя. — Никто из них не поверил в эту ложь.

— Можешь. Но тогда игра не будет законченной.

Он хрипло рассмеялся. Острый край кадыка заходил под кожей, и Киирис пришлось что есть силы вцепиться в одеяло, чтобы не поддаться искушению обхватить его губами. Безумие, но в этом безжалостном психе все было идеально и гармонично.

— У тебя потрясающая грудь, мейритина. — Он лишь говорил, но ладонь держал ниже, на ребрах. — Не большая и не маленькая. Даже сквозь ткань вижу, что соски у тебя цвета растопленного в молоке шоколада. Я слишком слаб сейчас. Но в следующий раз... Какой ласки ты желаешь, Киирис?

— Эти сто слов ты хочешь услышать, Наследник костей?

Пусть он скажет «нет»! Это слишком жестоко: просто лежать и смотреть, как она будет обнажать перед ним свои сокровенные фантазии, а взамен дать лишь жалкие крохи своего тела. Как же глупо было соглашаться. Глупее разве что сунуть руку в улей диких пчел.

— Именно эти, Киирис.

Мейритина до крови закусил губу, лишь бы не дать себе слаbinу и не расплакаться от досады. Оставалось лишь одно — сделать так, чтобы он в полной мере прочувствовал ее

муку. Сыграть по его правилам и доказать, что в этот раз победа останется за ней.

Он хочет сто слов? Он их получит!

— Я хочу, чтобы в следующий раз ты поцеловал ее. У тебя великолепные дорогие перчатки, Раслер, но они не могут быть мягче твоего языка и теплее рта. Хочу, чтобы взял в рот каждый сосок и свел меня с ума. Хочу, чтобы гладил их языком, пока я не буду кричать от удовольствия. Никто и никогда не делал со мной ничего подобного. Знаешь, как наставницы в храме учат девушек отдаваться своим будущим хозяевам? Они дают нам дурман, после которого мы грезим и видим самые изощренные сны. Меня ласкали призраки собственного разума, Наследник костей, но я никогда не знала этой ласки от настоящего мужчины. Уверена, что понравлюсь тебе, ведь я, — Киирис провела пальцами по груди, нарочно погладила твердые соски, — куда слаще шоколада... Но, кажется, я сказала уже больше ста слов.

— Проклятье! — Он закрыл глаза тыльной стороной руки, вымученно застонал, потом засмеялся — и снова застонал. — Я начинаю жалеть, что валяюсь беспомощной перебинтованной мумией.

«Я тоже», — едва не сказала она.

— Ляг рядом со мной, — сказал Раслер. Не приказал, но и не попросил. Оставил иллюзию выбора, как будто знать не знал, что сейчас она меньше всего желает его покинуть.

Киирис устроилась рядом, но наследник чуть отодвинул край одеяла, приглашая лечь ближе. Она, как кошка, только этого и ждала: прильнула к его груди, опасаясь, как бы не перегнуть палку. Какими бы разгоряченными они ни были, на сегодня игра закончена. Еще немного — и Раслер, того и гляди, испустит дух. Ему необходимо поспать. Да и ей тоже. Тем более, что в последний раз она лежала в роскошной постели так много лет назад, что почти разучилась получать удовольствие от шелковых простыней и приятной тяжести перины.

— Кто была та девушка? — Возможно, уже через полчаса, сидя в сыром подzemелье, она проклянет себя за несвоевременное любопытство. Но Киирис должна была знать. Хотя бы увидеть нить, за которую сможет ухватиться, чтобы пройти лабиринт его темной души. — Из-за нее ты стал таким?

— Каким таким, Киирис? Сумасшедшим некромантом? Безумным подонком? Кровавым мясником? — Он перечислял свои прозвища, будто титулы, которые будет носить с честью до конца своих дней. — Уверена, что сейчас лучшее время для таких разговоров? Я ожидал другой вопрос.

Хорошо, пусть будет так, как он хочет. Возможно, это безумие с ее стороны думать, что почти целомудренная ласка и сотня слов проложили хрупкий мостик между их душами, но ломать то, что еще не окрепло, она не станет.

— Откуда ты узнал про Первую кровь?

— Твои глаза, мейритина. Форма и цвет рогов, кожа цвета поцелованного солнцем янтаря. Я видел таких, как ты.

— Ты не мог видеть. Потому что нас больше нет. Все ушли в Поток.

— Я видел вас в Осколке Зеркала мира.

Осколок?!

От неожиданности Киирис едва не закричала. Нет-нет, нельзя! Нельзя ни словом, ни жестом, ни взглядом выдать свое волнение. Возможно, это новая игра, или продолжение старой, где он продолжает заманивать ее в ловко расставленные силки.

— Каждый Осколок — это огромная мощь и власть, — сказала Киирис как можно спокойнее. Хвала наставницам, что учили ее держать себя в руках и контролировать каждый вдох. Это делалось на случай, если хозяин расм'маа'ры окажется любителем «жестоких удовольствий», но она всегда знала, что наука изощренного притворства

пригодится и далеко за пределами хозяйской спальни. — Тот, кто владеет им, может получить почти безграничную силу и власть.

— Ты же хочешь спросить, где он, Киирис. Так спроси.

— Боюсь, тогда тебе придется убить меня, ведь подобные артефакты слишком ценны, чтобы рассказывать о них первой встречной расм'маа'ре.

— Возможно, я бы не сказал о нем, будь Осколок цел. Но Бергата разбила его десять лет назад, и от Осколка осталась лишь бесполезная, усыпанная драгоценными камнями рама. Никто не в состоянии восстановить то, что стало Пылью забвения. Никому это не под силу. И двое уже поплатились за самонадеянность. Думаю, Бергата спрятала раму так далеко, что и сама забыла, где.

Он слабо застонал, повернулся на бок, подставляя Киирис спину. Мейритина охотно подвинулась ближе. Не обняла, просто уткнулась носом ему в шею, закрыла глаза — и, словно сирота из сказки, пошла по скупо разбросанным Раслером хлебным крошкам.

У Королевы-матери был Осколок Зеркала мира. Одна из величайших реликвий, созданных во времена, когда теургия была подвластна лишь богам. За право владеть Осколком велись кровопролитные войны, дотла сжигались города, горы превращались в пепел, а океаны — в мертвые пески. Бергата была странной женщиной, но ее жажду власти Киирис чувствовала так же отчетливо, как собственные руки и ноги. Что же заставило королеву уничтожить то, что подняло бы ее на вершину мира?

И кто были те двое? Пытаться воссоздать сотканное из забвения — безумие! Это под силу лишь богам, которые давно глухи к молитвам смертных и Первой крови, которая давно утекла в Поток.

Киирис словно обухом по голове огрели. Внезапная догадка раскрылась, словно жестокая рана, обнажая всю глубину возможной подоплеки ее похищения. Что если Королеве-матери вовсе не была нужна вышколенная дорогая наложница для плотских утех своих сыновей?

«Нам нужно оружие, — хищно осклабилась Кровожадная ипостась. — Я бы предпочла пару легких мечей, но сгодится любая длинная булавка, гребень. Яд, — тут она брезгливо поморщилась, — хотя это оружие убийц, старух и трусов. Если королеве в самом деле понадобилась Первая кровь, то ты знаешь, что будет дальше».

Она знала. И не боялась.

Но нужно подумать, как потянуть время, чтобы сделать то, ради чего она здесь. А потом, после исполнения воли голосов предков, ее собственная жизнь больше не будет иметь ценности.

Глава четвертая

Она проснулась от того, что в тишину комнат ворвался стук распахнутой двери, а вместе с ним влажный холодный сквозняк. Киирис даже веки толком разлепить не успела, как ее грубо подхватили под локти, стащили на пол. Перед глазами мелькали несколько пар ног. В дремоту, будто гвозди, втискивался шипящий свист выхваченных из ножен клинков. Она инстинктивно прикрылась руками, но это не помогло. На голову обрушился удар закованной в латную перчатку руки. Оплеуха опрокинула Киирис на спину. Перед глазами разлилось красное марево, под носом стало влажно. Она рассеянно мазнула по влаге ребром ладони, отрешенно посмотрела на кровавый след.

— Что ты сделала с моим сыном?! — Королева визжала громче застрявшей в капкане суки, на глазах которой выпотрошили ее последнего щенка. — Что ты с ним сделала?!

Еще один удар, от которого голова едва удержалась на шее. В затылке хрустнуло.

— Моя королева, прошу вас...

Голос просителя донесся откуда-то с периферии сознания и был смутно знакомым, хоть нерешительность скрадывала все интонации. Ах да, лекарь. Что он тут делает? И почему старая мегера вопит о сыне?

Раслер?!

Киирис попыталась встать, но попытка не увенчалась успехом. От удара перед глазами до сих пор плыло, пол качался, словно палуба попавшего в шторм корабля.

— Моя королева, домин Раслер... Он спит.

Беготня неожиданно прекратилась. С горем пополам Киирис удалось сесть, опереться на стену. Кровь хлестала из носа, стекала на платье и расплывалась по тонкой ткани уродливыми кляксами. В их завораживающих завитках Киирис виделись то хищные оскалы, то непролитые слезы. К счастью, громкий и удивленный шепот Королевы-матери вывел ее из оцепенения.

— Он спит? Правда спит?!

Королева, словно молодая девица, скинула бархатные туфли, и на цыпочках подошла к постели сына. Очень медленно, словно боялась спугнуть диковинку, присела на самый край, склонилась к умиротворенному лицу сына.

— Он в самом деле, как будто спит, — сказала с таким замешательством, что Киирис едва не пожелала ей сгореть в пекле за свои преждевременные выводы и огульные обвинения. — Боги всемогущие, неужели, мой сын... исцелится?

— Я бы не стал делать поспешных выводов, моя королева, — сказал лекарь, но под ее грозным взглядом. Сменил тон на заискивающий. — Но прогноз действительно благоприятный. У Наследника костей хороший крепкий сон, и здоровый цвет лица.

— Что за порошок ты дал ему в этот раз? Какой-то новый рецепт? Почему мне не сказал?

— Всего лишь поменял пропорции прежнего, моя королева. Он должен был снять боль, и я, признаться, сам удивлен побочным эффектом.

— То есть ты хочешь сказать, что подсунул наследнику империи что-то такое, что...

Она чуть не задохнулась от гнева, но в этот момент Раслер что-то пробормотал во сне и повернулся на бок. Одеяло сползло ниже, обнажило повязку на животе — и злость Бергаты как рукой сняло. С безграничной любовью женщина подоткнула ему одеяло и несколько долгих минут всматривалась в лицо спящего сына.

С кровати Бергата встала уже прежней жестокосердной королевой, готовой до последнего вздоха бороться против каждого, кто посягнет не только на ее детей, но и на ее право оставаться возле них так долго, как это возможно.

— Тебе стоит поблагодарить лекаря за то, что он уже дважды спасает твою шкуру:

первый раз подчищая за тобой неумелое лечение моего сына, и сейчас, рискнув встать между тобой и моим гневом. И, помнится, я предупреждала о том, что тебе следует знать свое место, потому что оно точно не в постели ни одного из моих сыновей.

— Я запомню, королева-мать. — Киирис приложила ладонь к кровоточащему виску и шмыгнула окровавленным носом. — Теперь-то наверняка запомню.

«Мы запомним», — прошипела в унисон ее словам Кровожадна ипостась.

— Кто-то объяснит мне, что тут происходит?

Раздраженный голос императора заставил Киирис собрать последние остатки сил и подняться, чтобы сделать поклон. Хотя она едва стояла на ногах и, ее отчаянно шатало из стороны в сторону. Нельзя показывать слабость, нельзя обнажать свою попранную гордость. И тем более, сейчас не время становиться между обезумевшей волчицей и ее волчатами, которые давно превратились в охотников на людей, но для нее по-прежнему остаются щенками.

Нужно во что бы то ни стало узнать про Осколок. А как это сделать, если за один день в замке она успела насолить этой гарпии везде, где только можно?

— Твой брат спит, Дэйн!

Удивительная метаморфоза! Киирис стоило усилий сдержать иронический смешок и не выдать свою злость. Только что Королева-мать была спятившей ссукой, но, стоило появиться императору — и ее безумие растворилось без следа. Осталась лишь дрожащая от счастья женщина, которая не стесняется подтирать набежавшие в уголках глаз нечаянные слезы.

Вот только императора эта комедия несколько не тронула. Он едва скользнул взглядом по лицу матери, подошел к постели брата, прислушался, чтобы убедиться в правдивости ее слов. Потом поднял взгляд на Киирис: ей хотелось снова согнуться в поклоне, лишь бы спрятаться от этих ледяных непроницаемых глаз, но она не рискнула. Лучше вытерпеть эту пытку, чем позорно потерять сознание от нарастающего шума в голове.

И что, в конце концов, такого необычного в том, что после ранения Наследник костей провалился в заслуженный и необходимый для выздоровления сон?

— Твой брат был ранен, потому что вот эта девчонка охмурила его своими проклятыми чарами и ...

— Раслеру необходим покой, — грубо перебил мать Дэйн. Хватанул словами так, что вышколенная стража вытянулась по выправке, словно их приколотили гвоздями к стенам. При этом он даже не повышал голос — лишь слегка изменил интонацию. — Странно, что Королева-мать не понимает таких очевидных вещей.

Ох и не понравилась же ей эта публичная оплеуха!

Киирис позволила себе слабость насладиться зрелищем, которое вряд ли будет часто лицезреть: Бергата побледнела, поджала губы, будто сдерживала рвущийся наружу поток слов. Слезы тут же высохли.

— Никто не смеет упрекать меня в нелюбви к моим детям, император, — сказала она дрожащим от напряжения голосом.

— В этой империи, Королева-мать, я смею все, что угодно. Еще раз попытаешься ограничить мою власть — и будешь коротать время с Башне плакальщиц. С клеймом на языке. Вон отсюда все.

Этот человек обладал удивительной властью, и еще более удивительной способностью ею манипулировать. И ему было плевать, что произнесенная в присутствии посторонних угроза еще одной унижительной пощечиной. И это несмотря на то, что — Киирис в этом не сомневалась — Дэйн знал, как силен ее материнский инстинкт.

— Ты пойдешь со мной, мейритина. — Стоило им выйти за пределы комнаты, император властно и жестко взял ее под локоть. — Мне кажется, нам есть, о чем поговорить.

Она всего лишь собиралась поклониться и выразить свою покорность. Уже дважды Дэйи показал, что не спускает ни одного кривого слова в свой адрес, и не делает побряжек даже для той, которая его родила. Страшно представить, что император сделает с рогатой химерой, по вине которой, пусть и весьма призрачной, пострадал наследник империи. Возможно, мужчины этого семейства не пылают братской любовью друг к другу, но подобные проступки обязаны караться со всей строгостью вне зависимости от личных отношений. Как говорила одна из наставниц: лучше наказать за кражу чужого гуся, чем после сетовать на пропажу собственного.

Но поклон вышел смазанным. Ее шатнуло в сторону так сильно, что если бы не поддержка Дэйи, Киирис непременно бы упала.

— Будь оно все неладно! — прорычал он и легко, словно ноша весила не больше пуховой подушки, поднял мейритину на руки. И пошел дальше, что-то бормоча себе под нос. — Ты хоть осознаешь, что от тебя кругом одни хлопоты?

— Да, мой император. — А что еще ей оставалось, кроме покорного признания несуществующей вины? Хозяевам мира нельзя говорить, что они не правы, если только на черный день не припрятана запасная голова. — Я искренне сожалею, что своим присутствием доставляю столько неприятностей и отвлекаю тебя от куда более важных дел.

Он остановился, за их спинами, лязгнув стальными сапогами, остановились гвардейцы из личной охраны императора. Киирис предпочитала не думать о том, кто скрывается за двухметровыми громадными фигурами, закованными в полную броню и шлемы с узкими прорезями для глаз. Вряд ли люди. Вряд ли вообще живые существа.

— Если хочешь выжить и не осточертеть мне через неделю, придется выучить несколько правил. — На этот раз пришел ее черед получать порцию словесной трепки. — Правило первое: не ври мне. Я ненавижу лицемеров, мейритина, но их, увы, слишком много в моем окружении, чтобы я мог без ущерба для управления империей обезглавить каждого. Но ты — другое дело. От тебя я не потерплю ни вранья, ни притворства. Поэтому, скажи мне еще раз — сожалеешь ли о том, что твое присутствие так досаждало всем нам?

У него был совершенно невозможный взгляд: одновременно и обжигающий, и ледяной, страстный — и совершенно безучастный. Император Дэйи определенно владел каждой своей эмоцией, знал каждое слово наперед. Но где-то там, в глубоких темницах его души пряталась настоящая животная страсть, свойственная любому живому человеку. Простая эмоция, что была не по карману лишь императору.

— Я слишком большая диковинка, мой император, чтобы со мной все было так же, как с любой смертной женщиной. И, конечно, от меня будет масса хлопот.

— Королева уже тысячу раз пожалела, что задумала привезти тебя в Замок туманов. Надеюсь, я не повторю ее ошибку.

— Император решил оставить меня для себя?

— Храбрость, Киирис — это следующее правило. — По его возмущительно четко очерченным губам, скользнула тень улыбки. — Ты должна быть смелой всегда и во всем. А это был смелый вопрос.

Киирис сглотнула, почему-то подумав, что ему удивительно идут эти длинные светлые волосы и выстриженные на висках затейливые узоры.

— Все в Нэтреской империи принадлежит мне, мейритина. До тех пор, пока я жив, но, кажется, это продлится не так уж долго. — Ни страха, ни иронии, лишь четкое понимание своей судьбы. Он горел, словно солнце — так ярко и беспощадно, что обжигал слишком многих. — И ты — тоже моя. Хоть, признаться, мне бы не хотелось знать, что это лишь по моему приказу.

— Я не могу принадлежать одному мужчине до тех пор, пока он не заявит свои права: золотом и ключом.

— Да-да, таэрн, как же.

Он зашагал дальше, гвардейцы двинулись следом.

— Куда ты несешь меня, император Дэйи?

— В твою комнату, Киирис.

— У меня будет собственная комната?

— Разве все это не приличествует твоему статусу рас'маа'ры? Комната, служанка, платья, драгоценности. Но прежде, хочешь показать тебе кое-что.

Они вышли на мраморный арочный мост, который соединял между собой две башни Замка туманов. Дэйи все-таки поставил свою ношу на ноги, крепко обнял за талию и похозяйски прижал к себе, вынуждая Киирис жадно глотать прохладный морозный воздух. На ней было легкое платье, и промозглый ветер пробирал до самых костей. А рядом был великолепный соблазнительно-теплый мужчина, чей очерченным рассветным солнцем профиль был одновременно и красивым, и ужасающе-беспощадным.

— Вон там, Киирис.

Под ними лежал маленький внутренний двор, единственным «украшением» которого был позорный столб. И в эту самую минуту к нему была привязана личная этара императора. По обе стороны от столба стояли одетые в строгие черные хитоны женщины с завязанными глазами — скраги. Киирис видела их лишь однажды, когда за одной из ее сестер в Керак приехал престарелый герцог. Скраги были среди его свиты, как будто старик нарочно хотел показать, что не будет церемониться с наложницей, какой бы дорогой и вышколенной она ни была.

— Мужчина не должен причинять вред женщине, — сказал Дэйи. — Я первый отрублю руки тому, кто осмелится это сделать в моем присутствии или вопреки моему запрету. Скраги же помогают воспитывать тех, кто недостаточно ясно понимает свое место и обязанности.

Он лишь слегка кивнул — и жрицы одновременно выпустили свернутые, словно змеи, плетки. Сеа странно всхлипнула. Едва ли громко, но в наступившей тишине Киирис слышала каждый испуганный предстоящей поркой вздох.

Первый удар хлыста заставил ее взвизгнуть так громко, что эхо многократно отразилось от каменных стен. Второй мастерский удар полоснул обнаженную спину ровно поперек лопаток, отчего где-то в груди этары громко и противно булькнуло.

— Она ослушалась моего приказа, хоть и пыталась доказать, что лишь недопоняла. — Дэйи беспристрастно, даже с некоторой скукой наблюдал за тем, как каждый новый удар превращает спину женщины в кровавое месиво. Что и говорить, жрицы знали толк в своем грязном ремесле. — Сеа хотела мне соврать. И, что совершенно неприемлемо, возмнила, будто имеет право не подчиняться моим приказам, которые я всегда отдаю четко и ясно. Я обещал спустить с нее шкуру, и должен быть последовательным.

— Император никогда не бросает слов на ветер, — повторила Киирис его недавние слова, чем заслужила одобрительную улыбку.

— Тебе жаль ее, мейритина?

— Нисколько, мой император. — Никогда еще говорить правду не было так легко и приятно. Никогда еще крики боли и мольбы о пощаде так не ласкали слух. Эта женщина посмела угрожать ей кинжалом, унизила и, что несоизмеримо важнее, забыла, кому служит. Вряд ли стоит жалеть человека, что расписался под собственной глупостью. — Я жалею лишь об одном.

— И о чем же? — В черных глазах сверкнула иска любопытства.

— Что не могу видеть в этот момент ее лицо. — И с подчеркнутой издевкой, добавила: — Уверена, оно полно раскаяния.

Ответ пришелся ему по душе: он на мгновение прижал ее чуть крепче, позволил теплу своего тела опалить мейритину даже сквозь несколько слоев их одежды. Киирис боялась

пошевелиться. Почему тогда, та, другая, тянулась к нему невзирая на все ментальные преграды, а сейчас — ничего, лишь пустота и грохот колотящегося в ребра сердца.

— Мой император хотел, чтобы я увидела, какой жестокой может быть его справедливость?

— Верно. Мне бы не хотелось устроить нечто подобное тебе.

— Я запомню этот урок, мой император.

Он снова взял ее на руки, но на этот раз шел неторопясь, разглядывая ношу с видом задумчивого сытого хищника. А Киирис пыталась гнать прочь мысли о том, что ей до сладкого трепета в кончиках пальцев приятно видеть, как перед ними расступаются и гнут спины десятки более влиятельных вельмож: вон та напوماженная девица с взглядом коровы — явно дочка герцога, а этот почтенный господин с перевязью поперек груди наверняка титулованный генерал.

— Не сейчас, Страм, — перебил его попытку заговорить Дэйн. — Я пришлю за тобой.

Ее комната располагалась в отдельном крыле замка, вход куда запечатывали шесть гвардейцев, чей внешний вид был даже устрашающее тех, что следовали за императором, будто тени. Две громадины в черных, будто эбонит, доспехах, пропустили их внутрь покоев — и закрыли двери.

— Надеюсь, тебе понравится, потому что на мой вкус, здесь слишком светло.

Дэйн поставил ее на пол, и отпустил, убедившись, что мейритина не собирается падать.

В комнате действительно было очень светло: сквозь пастельно-карминные занавески в окна проникало утро нового дня. Киирис подошла ближе, чтобы убедиться, что ей не показалось: двойные толстые решетки перекрывали любые попытки к побегу. И хоть она не планировала ничего подобного, осознание себя зверьком в клетке испачкало красоту момента.

— Это ради твоей безопасности, — угадав ее мысли, сказал Дэйн. — Ради безопасности всех, кого оберегают стены моего замка.

Он сел на край кровати, устало потер переносицу. Киирис только теперь сообразила, что накануне видела его в той же сорочке и с куда меньшими кругами под глазами. Боги, да император, похоже, совсем не спал!

«И что, это повод жалеть убийцу? — наконец-то напомнила о себе Кровожадная ипостась. — Еще посочувствуй его тяжелой участи, тряпка!»

Киирис поскорее отвернулась, разглядывая — впрочем, без прежнего восторга — убранство комнаты. Здесь был и массивный гардероб из орехового дерева, украшенный филигранной резьбой и серебром, стол, с солнцем из янтаря в центре столешницы, пара дорогих кресел, туалетный столик настолько тонкой работы, что даже подходить к нему было боязно.

Но, конечно, главным украшением покоев была громадная кровать: со столбиками из цельных кусков лунного камня, белоснежным балдахином, расшитым голубыми и золотыми звездами, целой горой подушек и одеял. Сама постель, словно трон, стояла на возвышении с тремя ступенями. У подножия растянулась обитая кремовым бархатом кушетка.

А около нее, на подушке, на коленях, уткнувшись лбом в пол, сидела девушка. Ее бритую голову от лба до затылка пересекали две желтых полосы.

Рабыня.

— Могу ли я говорить, император? — спросила Киирис.

— Говори, — разрешил он.

— Меня обучили всему, что необходимо знать девушке, чтобы всегда быть красивой для

своего господина. Мне не нужна помощницы. Тем более — рабыня.

— Ты имеешь что-то против рабыни, мейритина?

— Я имею много чего против рабства в целом, мой император.

Он просил быть честной. Нет, император фактически не оставил ей выбора, показав, что будет, если ее уличат во лжи. Сейчас самое время показать, что она усвоила урок. Тем более, присутствие рабыни разом всколыхнуло все самые горькие и черные воспоминания.

Мужчина, собираясь с мыслями, прикрыл глаза. И внезапная тишина прозвучала настоящим гимном испытанию его терпения. Тем не менее, Киирис не собиралась отказываться ни от одного слова. Хотя от мысли оказаться около позорного столба и собственной спиной почувствовать мастерскую руку скраги, в желудке стало холодной пусто.

— Назови свое имя, — приказал император рабыне.

— Корта, — отозвалась та.

— Почему и как ты стала рабыней? Расскажи своей госпоже, чтобы она не думала, что я убил твою мать и собственными руками вынул плод из еще теплого живота.

— Моя мать была недостойной женщиной. Она предлагала свое тело мужчинам за деньги, а когда мне исполнилось десять, она продала меня своему клиенту. Через два года во мне побывало столько мужчин, сколько вшей у бродячей собаки. Через два года я едва не скончалась от болячки между ног. В ту пору Скалта уже сдалась на милость Нэтреской империи, и меня подобрали Девы рассвета. Если бы не их забота — я бы сгнила изнутри. За два года меня выучили всему, что должна знать рабыня благородной госпожи: я умею делать массаж, причесывать волосы и ублажать госпожу всеми доступными способами. Император купил меня за сотню нэтреских солнц.

Сотня золотых монет империи? Цена вышколенного боевого коня в полной сбруе и овса ему на пропитание на год вперед.

— Надеюсь, рас'маа'ра, тебя не унижает общество бывшей шлюхи? Не всем нам улыбается удача родиться в золотой колыбели и не каждому хватает смелости бороться с судьбой.

Киирис с замешательством смотрела на склоненную бритую голову. Но еще большее смятение вызвал поступок Дэйна. Для чего жестокосердному императору за баснословные деньги покупать шлюху, через которую прошла добрая половина Скалта?

— Я с радостью приму этот дар, мой император. — Слова больно царапали горло, не желали выходить наружу.

— Вот и славно, Киирис. С этого момента, Корта — твоя личная сеах. Она останется сеах до тех пор, пока ты не пожелаешь подарить ее кому-нибудь, отказаться от нее или избавиться любым другим способом.

Киирис просто кивнула, ведь попросту не знала, как благодарить за полученную в дар рабыню. Как вообще благодарить за человеческую жизнь?

— Вот и славно. Корта?

— Да, мой император. — Рабыня поднялась, но продолжала смотреть в пол, будто боялась, что стоит распрямить шею — и та сломается, лишив того немного, что еще можно было назвать жизнью.

— Позови моего личного лекаря — рас'маа'рунужно осмотреть и заняться ее ранами.

— Слушаюсь, мой император.

Рабыня беззвучно, будто не касалась ногами пола, вышла.

А Киирис с ужасом поняла, что снова осталась наедине с человеком, в чьей власти было

превратить ее жизнь в сказку или в бесконечный кошмар. К счастью, император Дэйн как будто благоволил ей, раз за одну почти невинную шалость расщедрился на столь дорогие подарки.

— Тебе нужно переодеться, Киирис.

Еще один приказ и взгляд из-под лба, от чегосердце затрепетало, словно припиленный к доске еще живой мотылек.

— Ты выглядишь лучше, чем в нашу первую встречу, но я все еще недоволен.

— Император желает, чтобы я переделалась прямо сейчас? — Она потянулась к завязкам, которые удерживали на плечах тонкую, невесомую, словно паутинка тунику. Та, другая, развратная и раскрепощенная, знала, как управляться с этим мужчиной, безошибочно угадывала его желания. Но сейчас ее не было, а Киирис знала лишь то, что одна мысль о близости с хозяином Нэтреской империи бросает ее в дрожь.

— Я бы с удовольствием, Киирис, но, боюсь, если я не посплю хотя бы пару часов, то с меня будет мало толку на сегодняшнем военном совете.

Он криво усмехнулся, поднялся, снял рубиновый обруч — символ его власти над всеми и вся — и небрежно бросил его на кровать.

— Поможешь мне, рас'маа'ра?

Киирис подошла к нему, стараясь держать дистанцию и все еще не до конца понимая, чего от нее желает император.

— Ближе, Киирис.

Она сделала еще шаг, несмело потянулась к завязкам на его сорочке. Пальцы предательски дрожали, выдавая волнение, а император не делал ровным счетом ничего, чтобы облегчить задачу. Кое-как справившись с завязками, Киирис потянула сорочку вверх. Дэйн поднял руки, его тело легко выскользнуло из плена дорогой ткани.

— Брось на пол, — приказал он, когда мейрититна стала осматриваться в поисках места, куда бы сложить его одежду. — Ты дрожишь. В чем дело? Разве в прошлый раз тебе не понравилось то, что я делал? Я не великий знаток женщин, Киирис, но не настолько слеп, чтобы не увидеть желание в их глазах.

— В прошлый раз, мой император... то была не я, а лишь часть скованных со мной душ.

— И это я тоже понял. Поэтому и спросил, сколько же их в тебе.

— Трое, мой император.

— Стало быть, той, бестелесной и скованной, я нравился больше, чем тебе живой из плоти и крови.

— Я пока не знаю, готова ли...

— Но разве рас'маа'ра не должна быть готова по первому требованию своего господина? Я ей-богу пытаюсь понять, как устроена твоя сложная душевная организация, Киирис, но чем глубже заглядываю, тем больше чувствую себя безмозглым мальчишкой, которому подарили бесполезную игрушку.

Так вот она кто — игрушка.

Киирис положила ладони на завязки его штанов, но окончательно растерялась, обескураженная не сколько его словами, сколько своей на них реакцией. Да, безусловно она всего лишь игрушка: баснословно дорогая, экзотическая, да еще и Скованная в одно целое с тремя такими же, как и она, иномирянками. Ее готовили быть игрушкой, учили, как ублажать мужчину, скрашивать его досуг светскими беседами или, если он пожелает, бессмысленной болтовней, учили владению тремя музыкальными инструментами и игре в «камни и кости». Потому что та женщина, которую господин назовет своей женой, будет рожать ему наследников и наследниц, будет с ним на пирах

и торжественных церемониях, будет управлять его домом и следить за тем, чтобы в замке всегда был уют и достаток. Жена, а не какая-то игрушка, будет истинной хозяйкой его сердца, даже если он будет ложиться с ней лишь чтобы зачать потомство.

— Если мой император пожелает, я буду такой, как ему хочется, — проглотив горечь, покорно ответила она.

— Но до тех пор, пока у меня нет ключа... — Он сделал многозначительную паузу, предлагая мейритине продолжить.

— До тех пор, пока кто-то не отопрет таэрн, я не могу принадлежать ему всем телом и душой.

— Но на тебе не было ошейника и, если зрение меня не подводит, его нет до сих пор.

— Таэрн — это всего лишь выкованная в таургии вещица, мой император. Им нас Сквали, но чтобы завладеть мной, необходим ключ. Сам по себе таэрн всего лишь красивая вещица из стали и золота, и теургические путы невозможно снять просто разбив замок.

Дэйн положил свои руки поверх ее ладоней и, уже более мягко, произнес:

— Ты же не рабыня, Киирис, хватит смотреть в пол, иначе я буду думать, что омерзителен тебе.

— Нет! О нет! Конечно нет...

Последние слова замерли на губах до того, как она поняла, что в самом деле не испытывает отвращения к этому человеку. Но ведь боится его и чувствует, что лучше бы станцевала босая на раскаленных углях, чем стояла так близко. Она медленно скользнула взглядом по его телу: великолепный плоский живот, с очерченными мышцами, широкая развитая грудь, руки, увитые выпуклыми мускулами, как будто он день и ночь напролет занимается тяжелым физическим трудом. Взгляд Киирис коснулся его лица: безупречно мужественное, хоть и бледное. Наследнику луны положено быть светлокочим, ведь его отец был из шигеру. Красив ли Дэйн? Безусловно. А его внешняя красота и великолепное сложение, приправленные тяжелым характером и привычкой всем командовать и все держать под контролем, делают императора Нэтреской империи почти идеальным мужчиной. Или... идеальным без всяких «почти»?

— Могу ли я... — С молчаливого согласия мужчины, мейритина скользнула ладонью вверх по его животу, замерла, едва касаясь пальцами рваного шрама с правой стороны ребер. — Откуда он?

— Оттуда же, откуда и прочие мои шрамы — с поля боя.

— Разве император не должен беречь свою жизнь?

— Император должен вдохновлять воинов собственным примером, а не трусливо прятаться за их спинами.

Да, пожалуй, он идеальный.

— Только что ты боялась меня и дрожала, будто перед заплочных дел мастером, а сейчас в тебе снова что-то переменялось. — Он сел на кровать, потянул мейритину на себя.

Киирис негромко охнула, когда император усадил ее на себя, положил ладони на ягодицы, поглаживая одновременно и ласково, и требовательно.

— Мне нравилась смелость той, другой, но куда больше мне нравится твоя собственная робость и загадочность. И меня сильнее самого крепкого ююнского вина пьянит тот факт, что я могу запросто овладеть твоим телом, но ты все равно останешься недоступной. Меня не возбуждают женщины, что корчат из себя недотрог, потому что у каждой из них такой список любовников, что трахаться с ними все равно, что совать член в помойную яму. Но ты выглядишь такой искренней в попытках держать меня на расстоянии.

Он крепче обхватил ее за задницу одной рукой, а другой скомкал ее одежду на спине, потянул, вынуждая Киирис отклониться. Сейчас она целиком зависела от его рук: уберет одну — и она свалится прямо к ногам императора. Но, похоже, Дэйн не собирался подвергнуть свою новую игрушку такому унижению, напротив — наслаждался видом ее целиком подчиненного тела.

— Где твой ошейник, Киирис?

Он склонился над ней, осторожно, губами, прихватил один из торчащих под тканью сосков. Почти простая ласка, она тысячу раз проделывала нечто подобное со своими сестрами в Керাকে, но тогда в этом не было ничего приятного, лишь механическое разучивание очередного урока любовной игры. Сейчас же в ее теле будто появилась пружина, о существовании которой Киирис раньше не догадывалась. И когда Дэйн смочил ткань языком, отодвинулся и легонько подул, эта пружина круто сжалась. Еще одна такая же ласка — и она сорвется, и тогда неизвестно, что может произойти.

— Киирис, — растягивая ее им по слогам, позвал император, — я жду ответ.

Он что, всерьез думает, что женщина в состоянии говорить, когда его взгляд томительно поглаживает ее возбужденные соски?

— Те люди, мой император. — Мейритина охнула, когда Дэйн прикусил второй сосок, а потом мягко поцеловал сквозь ткань.

— Я весь обратился в слух, рас'маа'ра.

Он заставил ее сесть ровно, прижал к себе так, чтобы ее возбужденная грудь прижалась к его груди. Что за извращенная пытка? Ведь император хочет ее — она явственно ощущает его желание сладко ноющей влагой между ног. Но, кажется, сегодня Дэйн не намерен заходить дальше.

— Люди, которых послала Королева-мать — они забрали таэрн, мой император.

— И ты, конечно же, не знаешь, куда он делся потом. — Его губы были так близко от ее рта, что Киирис едва не поддалась соблазну попробовать, такие ли они теплые и жесткие, какими кажутся.

— Не знаю, мой император.

— А мой безумный младший брат позаботился о том, чтобы эти двое умолкли навеки. Как удобно, рас'маа'ра. — Дэйн не выглядел ни расстроенным, ни злым. — Только ради богов, не смей говорить, что такой поворот дел тебе не по душе.

— О нет, мой император. — Она позволила себе хищную полуулыбку — и едва не растаяла под его удовлетворенным темным взглядом. — Те люди были извергами, они заслужили смерть. Надеюсь, Наследник костей как следует помучил их прежде, чем позволил сдохнуть.

— И ты была так благодарна, что поспешила утешить его в постели? — Последние слова прозвучали с плохо скрытым раздражением. Дэйн схватил ее за волосы на затылке — не жестко, но достаточно сильно, чтобы она и не помышляла вырваться.

Этот взгляд, и голос, и повадки собственника! Киирис купалась в новых для себя чувствах, наслаждалась каждой гранью обжигающе ярких эмоций, плавилась под ними, словно лед под солнцем. Разумнее всего было бы сказать правду: что она лишь подчинилась воле Наследника костей и Королевы-матери, а потом просто сделала то, чему ее учили. Но разве он заслужил такую правду?

— Домин пожелал меня рядом. Кто я такая, чтобы противиться воле наследника империи?

— Ты могла сопротивляться, — скрипнул зубами Дэйн.

— Сопротивляться тому, кто лишь взмахом руки мог обратить меня в прах? И я все еще не принадлежу тебе, мой император. Я не принадлежу ни одному из вас. И все три моих души вольны делать, что им заблагорассудится до тех пор, пока истинный господин не

снимет таэРН с моей шеи.

На этот раз самообладание покинуло его и мужчина, скрипнув зубами, потянул ее голову назад, одновременно нависая над ней, бешенный, словно бледное проклятье.

— Наверное ты уже поняла, что мы с братьями не пылаем любовью друг к другу. Мягко говоря. Но Раслер — он просто не от мира сего. И мне бы не хотелось желать смерти младшему брату лишь потому, что мы не можем поделить женщину. Поэтому, будь добра — держись от него подальше. Иначе, клянусь Несокрушимым, я прикажу посадить тебя на цепь.

«Еще, умоляю...»

— Все это касается и Рунна. Вот только, боюсь, он слишком распушен, чтобы прислушиваться к твоим возражениям. — Император, наконец, отпустил ее волосы и снова притянул к себе, касаясь губ одним лишь сиплым дыханием. — Хотя, кого я обманываю? Мы скоро друг другу глотки перегрызем за право владеть тобой единолично.

«Именно то, что нужно, — высунулась из своего логова Кровожадная ипостась. — Просто все, как по маслу».

— Одного не пойму, — продолжил говорить прямо в ее полураскрытые губы Дэйи. — Королеву тяжело назвать примерной матерью, но она скорее сама кого угодно загрызет, чем подсунет нам кого-то вроде тебя. Понятия не имею, зачем ей делать это сейчас.

«Может быть затем, что я была нужна вовсе не в качестве сахарной косточки для ее волчат?»

— У моего императора есть прекрасная фаворитка в арахане. Вряд ли она даст тебе скушать по рогатой бестии.

На этот раз Дэйи отпустил ее и сделал все, чтобы Киирис поняла — лучше бы ей отойти подальше. Так она и поступила: отошла в другой конец комнаты, опустила в одно из кресел, только теперь вспомнив, как нестерпимо болит разбитый висок и опухла переносица. Когда завтра, во вех цветах и красках, проступят последствия общения с королевой, император еще долго не пожелает видеть непокорную рас'маа'ру в своей постели.

— Надеюсь, ты понимаешь, что в моем возрасте мне просто необходимо иметь наследника?

— В твоем возрасте, мой император?

— Мне почти тридцать, Киирис, и, строго говоря, у меня уже давно должен быть выводок спиогрызов, которых я смогу воспитать настоящими волкодавами, чтобы не проклинать их на том свете за то, что не смогли удержать в узде мою империю. Королева постоянно подсовывает мне каких-то принцесс, которые то слишком безобразны, то слишком безмозглы. Толстые, кривые, бесхарактерные... — Дэйи хохотнул. — Через двенадцать дней в Мерод пожалует ее очередное откопанное «сокровище» — принцесса Рэйна. Я уже воображаю, чего мне будет стоить отправить девицу обратно под опеку папаши, который возомнил себя Царем горы прямо под моими восточными границами.

— Возможно, принцесса Рэйна хороша собой, — осмелилась заметить Киирис.

Разговор о будущих женах императора неприятно царапал сердце. Но ведь на то она и вышколенная рас'маа'ра: должна уметь сказать то, что от нее хотят услышать, натолкнуть на правильные мысли, расположить к душевному разговору. Даже если императору вздумается обсуждать прелести своей фаворитки — она, Киирис, будет слушать и улыбаться. Все, лишь бы доставить радость своему господину. Хотя, пока он не стал ее полноправным хозяином, некоторые вольности позволительны.

— Мне необходимо трахать кого-нибудь хотя бы пару раз в неделю, — сказал он так, будто речь шла о неприятной рутинной работе. — До тех пор, пока у меня нет жены,

сгодится бастард наложницы. Когда у Нэтреской империи появится законная императрица — мне придется завести минимум двух-трех законных наследников.

— Здоровые размышления, мой император.

— Поэтому, будь добра, не вздумай упрекать меня тем, что я буду периодически проводить время с другими женщинами. Достаточно того, что мать то и дело сует нос в мою койку, и на каждом шагу тычет носом, будто в дерьмо, в чертово проклятье.

Киирис разом отшвырнула все непрошенные и неожиданные мысли о том, что ей до смерти неприятно думать о губах Дэйна, которые будут ласкать другую женщину. Об этом она подумает — и не раз! — в другое время, возможно, уже сегодня ночью, пряча лицо в подушку. Но сейчас, раз он сам об этом обмолвился, просто необходимо выведать, чего же боится Королева-мать. Но спрашивать прямо в лоб — слишком грубо. Поэтому, раз уж Дэйн слишком устал для ласки и не намерен разделить с ней постель, отчего бы не попытаться «соблазнить» его беседой?

— Любая мать заботится о своих детях, мой император. Тем более, если у опасений есть реальная подоплека.

— Нет никакой подоплеки, Киирис. Просто дурацкий шепот из дурацкого Осколка, который, как утверждает Королева-мать, проклял ее троих сыновей никогда не знать любви, не иметь наследников и скончаться в муках, не дожив до тридцати лет. Строго говоря, у меня осталось всего-то три месяца, чтобы стать полноценной жертвой проклятия.

Он запрокинул голову и от души расхохотался. Потом упал на кровать, приподняв бедра, стащил штаны, оставшись в полотняном белье. Даже с того места, где сидела, Киирис рассмотрела большой, размером с ладонь, старый ожог над правым бедром. Мысль о том, как это, должно быть, было зверски больно, полоснула по нервам.

Дверь в покои отворилась, на пороге появилась крохотная, сморщенная, словно старая слива, темнокожая тариска. Надо же, да она седая! Киирис сроду не видела жительниц теплых островов седыми, была уверена, что тех и в гроб кладут с идеально-черными шапками курчавых волос.

— Ты вовремя, Фредана. Займись гостьей Королевы-матери.

С этими словами император шустро, как мальчишка, забрался под одеяло, ничуть не смущаясь, что драгоценный обруч остался валяться где-то в самых ногах. Похоже, он всерьез намеревался обновить постель собственным телом.

Пока Киирис снова и снова прокручивала в голове его случайные откровения, старая тариска разложила на столе содержимое мешочка, который принесла с собой. Одну за другой достала баночки и горшки занялась ранами мейритины. Рабыня заняла место на подушке около кровати и уткнулась лбом в пол. Вид ее смирение раздражал Киирис сильнее, чем щекотка за пятки, но она уже пообещала присматривать за девчонкой — не отказываться же от столь щедрых даров?

Через несколько минут над кроватью раздалось мерное и громкое сопение. Киирис пыталась сдерживать смех, но грозный владыка империи так мило сопел во сне, что она не смогла сдержать смехок. Даже у тиранов есть что-то человеческое.

Седая тариска неодобрительно на нее зыркнула. Ну и что? Имеет она право расслабиться и побыть простой девчонкой, даром что рогатой и украденной с обратной стороны Зеркала мира.

— Ты ему приглянулась, — шепотом сказала Фредана, прикладывая к вспухшему подтеку кусок мокрой тряпицы, пахнувшей весенним разнотравьем. — Мой Дэйн никогда не спит в чужой постели.

Ее Дэйн? Кто же, в таком случае, Фредана? Кормилица? Нянька?

— С этого момента ничего не ешь и не пей, не дав прежде попробовать своей рабыне, — продолжала шептать и хлопотать над ней седая тариска. — Здесь кое-кто раскатал губу выбраться из арахана и сесть на трон возле моего гхашара, и не брезгует никакими

способами, лишь бы добиться своего.

Тхашар, это, кажется, молочный сон. Значит, кормилица.

— Ты говоришь о красавице-иникере?

— Да какая она красавица. — Кормилица не скрывала отвращения. — Гнилая вся и везде. Когда ее привезли в Замок, с ней была куча хлопот: это не так, то не эдак. Засранка, а гонору на десятерых. Уж что только не делает, чтобы от моего мальчика понести, а все никак. Оно, конечно, и хорошо бы, чтобы у империи появился законный кровный наследник, но если эта мегера так высоко взберется — худо будет нам всем.

Когда тариска смазала царапины целебной мазью, у Киирис зубы свело от боли. Она шумно выпустила воздух сквозь зубы, сжала кулаки с такой силой, что ногти впились в ладони.

— Терпеливая, это хорошо, — похвалила ее выдержку Фредана. — Завтра и следа не останется. Я столько ран и царапин со своего Дэйна вывела...

Она махнула рукой, заторопилась, собирая свои горшки обратно в мешочек. Киирис все-таки изловчилась заглянуть ей в глаза: так и есть — стала чернее черной тучи.

— Это все из-за проклятия? — отважилась спросить мейритина.

— Ох. — Седая тариска махнула сухонькой рукой, попятилась к двери, но Киирис успела поймать ее за запястье. — Горе над всеми ними висит, рас'маа'ра. Над всеми нами. Все потому что королеве вздумалось заглядывать богам за шиворот. — Фредана суеверно скрестила большой и указательный пальцы, трижды дунула на каждый перекрест.

Больше Киирис так ничего от нее и не добилась. Мейритина еще долго сидела в полной тишине, воскрешая в памяти отголоски каждого случайного и не случайного слова. Стало быть, проклятие действительно существует не только на языке простого люда. Но реально ли оно? Если Королева-мать не была осторожна, заглядывая в Осколок, одним богам известно, что она могла пробудить. А если самонадеянно попыталась заключить сделку с одним из Древних, то проклятие вполне может быть настоящим. В конце концов, действительно более, чем странно, что к тридцати годам у императора до сих пор нет ни одного бастарда. Киирис положила себе не забыть при случае обязательно разузнать, если ли дети у Рунна.

Она выскользнула из кресла, как только боль от лечения тариски поутихла. Сложила на софе разбросанные императором вещи. Его рубашка приятно пахла мужским телом и древесной корой, и мокрым после дождя сумеречным лесом. Совершенно иной запах, ни капли не похожий на запах Раслера.

Повинуясь импульсу, Киирис взяла рубиновый обруч, погладила пальцами острые края грубо ограненных рубинов. В каждом срезе ей мерещились то горящие города, то гроздя висельников, то триумфальный крик победившей нэтреской армии. Этот человек принес боль столь многим, что она должна безоговорочно презирать его. Ее натаскивали уничтожить то, что он с таким трудом создал. А она, вместо того, чтобы думать о том, как бы поскорее превратить жизнь императора в кошмар, продолжает улыбаться с его мерного посапывания.

Киирис скинула одежду, быстро, пока не передумала, натянула его сорочку и самолично короновала себя рубиновым обручем. В отражении вставленного в раму из красной кости какого-то животного зеркала, на нее смотрела соблазнительная восемнадцатилетняя мейритина — дитя Первых, тех, что испили кровь богов. И алые рубины так шли ее багряным глазам, что Киирис поддалась минутной слабости и представила, каково оно — быть женой императора Дэйна, человека, за десять лет подчинившего множество государств и вольных городов.

Быть его женой, а не стать его погибелью.

«Дура, — выругалась Кровожадная ипостась. — Идиотка».

— Заткнись, — шепотом приструнила свое отражение мейритина. — То, что таэрен навсегда утерян, не означает, что я совсем не могу тебя контролировать.

«Ты хотела сказать — нас, — наконец-то объявилась Соблазнительница. — Немедленно разбуди этого самца и устрой ему ошеломительный секс. Он же просто воплощение силы и власти. Боги, он великолепен! Я нарочно дала тебе почувствовать его силу, но у тебя не хватило ума подставить ему задницу или хотя бы поработать языком. Мертвецам все равно, нарушишь ли ты обещание. Зато мы можем стать императрицей всея Нэтреская империя».

— Не можем. Императоры не женятся на рас'маа'рах.

Киирис сняла обруч и положила его на свободную подушку около Дэйна. Даже во сне этот мужчина выглядел настоящим беспощадным хищником: ровный крупный нос, твердая линия губ, острые, будто бритва, скулы. Короткая нитка шрама вдоль правого виска пряталась где-то в волосах.

— А Поток никогда не спит, — прошептала Киирис одними губами. — Ничего не забывает и не прощает.

Глава пятая

Фредана не соврала: на следующий день на лице практически не осталось следов общения с королевой. А остальное Корта умело скрыла используя всего лишь щепотку пудры. Несмотря на то, что на туалетном столике оказался целый арсенал разнообразных баночек, бутылочек и коробочек с косметическими принадлежностями, Киирис не притронулась ни к одной из них. Разве что нанесла на запястья по капле масла цветов персика. Аромат у масла был ни с чем не сравнимый: мягкий и сладкий, но не удушающий. Кроме того, раз из всех масел здесь нашлось только это, значит, таково было пожелание императора. Или это просто совпадение?

Киирис была уверена, что несмотря на всю расположенность Дэйна, блага не повалятся на нее из рога изобилия. Кроме того, она и так стала хозяйкой собственной комнаты и немногословной рабыни. Которая, к слову сказать, даже спала на корточках, напроочь отказавшись прилечь хотя бы на софу. И все же, когда утром за ней явилась Сеа и, покорно склонив голову, передала, что завтрак ждет ее, Киирис все равно удивилась. И сразу двум вещам. Во-первых, после порки Сеа была бледнее смерти и едва держалась на ногах, но кланялась изо всех сил низко. Было ли в ее глазах раскаяние? Вовсе нет, лишь злость безысходности. Киирис и не ждала, что порка прибавит ей любви, да и сама не собиралась мучиться угрызениями совести. Никто в здравом уме не рискнул бы послушаться императора, а уж его личной этике это должно быть известно, как никому. Она получила то, что заслуживала. Возможно, через несколько дней боль, наконец, отрезвит женщину от злости, и она поймет, что винить в случившемся стоит лишь собственную самонадеянность. Хотя в подобное просветление верилось с трудом.

А вот вторая странность была еще и очень неожиданной. Арахан, традиционно, располагался в отдельном крыле замка, и занимал его с первого по последний этаж. Наложницы редко покидали отведенные им пределы, и лишь по исключительным поводам. Обычно, по случаю своей безвременной кончины. Купальни, кухня, обеденный зал — все было в предельной близости и доступности. Даже рас'маа'ра, какой бы дорогой и экзотической наложницей она ни была, должна подчиняться заведенным порядкам. В том числе, сидеть за одним столом с другими женщинами из араhana. Это должно бы показать им, что она такая же игрушка господина, как и они, только в дорогой одежде и с собственными покоями. То, что император распорядился иначе, было... неожиданностью. Пленница-рас'маа'ра — и вдруг завтракает отдельно ото всех, да еще и не приколоченная на цепь. Приятное исключение, что и говорить, но оно ставило ее под еще один удар.

Сеа вела свою спутницу, будто по лабиринту. Этара едва переставляла ноги, поэтому у Киирис было предостаточно времени, чтобы осмотреться и начать запоминать. Чем раньше она станет ориентироваться в здешних хитросплетениях лестниц и переходов, тем лучше.

Место, куда привела ее этара, располагалось во внутреннем дворе. Здесь уже был накрыт стол, на одном из стульев лежала скроенная из рыжего меха накидка — утро выдалось прохладным и ветреным. Если бы не навязчивый лязг металла и частая ругань вперемешку с триумфальными выкриками, Киирис бы почитала, что есть придется в полном одиночестве. Честно говоря, после всех тревог предыдущего насыщенного дня, одиночество и тишина были бы лучшим блюдом к завтраку.

Она обернулась на звук: неподалеку, шагах в двадцати, на просторной арене из песка, развлекался Наследник тени собственной персоной. Именно развлекался, потому что его тренировочный поединок сразу против двух противников больше напоминал какой-то хитроумный танец. Киирис невольно засмотрелась на происходящее, кивком поблагодарила предусмотрительную Корту, когда рабыня укутала ее в меховую накидку.

— У вас что, рук нет? — Рунн ловко нырнул противнику под руку, одним клинком парировал удар, другим — контратаковал. Плавно и точно рубанул замешкавшегося мужчину наискось по шее и когда тот зашатался — без сожаления, пинком в грудь, отправил валяться в грязном песке. — С вами и ребенок справится!

— Я могу принести стул, если госпожа желает, — бесцветным голосом предложила рабыня.

— В этом нет необходимости, я сяду за стол.

Киирис пришлось буквально силой заставить себя отвернуться. Та, другая часть, что впадала в экстаз от одного лишь предчувствия хорошей драки, колотилась в клетке ее сознания и требовала немедленно вернуться, а еще лучше — найти повод и...

— Киирис?

Мейритина не успела сделать каких-нибудь пару шагов, чтобы сесть. Рунн возник перед ней, словно вынырнул из тени. Захотелось даже обернуться и проверить, не померещилось ли ей, что мгновение назад он был так далеко? Никто не может двигаться так быстро. Никто... Кроме первого убийцы империи.

— Доброе утро, Наследник тени, и пусть боги благоволят тебе. — «Только если ты не задумал снова резать и потрошить».

— Кажется, я велел называть меня Рунн, — напомнил он.

— Прошу прощения... Рунн. Мне тяжело привыкнуть называть тебя без приличествующего твоему положению титула.

— Титул — это всего лишь пара слов. От того, что твой соблазнительный ротик перестанет его произносить, в моей жизни, уверяю, ничего не изменится.

К счастью, он отступил, но с нескрываемым интересом наблюдал за тем, как рабыня помогла Киирис сесть, как попробовала из каждого блюда и послушно уселась на подушку около ног своей хозяйки. Мейритину так и подмывало найти повод заставить Корту встать — от вида покорности этой потрепанной жизнью девчонки собственная завидная участь становилась еще печальнее.

— Я тренируюсь здесь время от времени. — Рунн показал на клинки, которые держал подмышкой. — Головорезам, знаешь ли, навыки и ножи следует затачивать ежедневно.

«Судя по тому, что я видела, — Кровожадная ипостась издала низкий гортанный рык, — этот зверь в идеальной форме. Боги, ты обязана его спровоцировать, пока этого не сделала я!»

Киирис сглотнула, надеясь, что ничем не выдала своего волнения. Если эта часть души решит заявить о себе в полный голос, то последствия могут быть самыми плачевными. Не зря же ее боялись даже закутанные в защитную теургию жрицы в Кераке.

— Ты превосходно владеешь своими навыками, — отозвалась Киирис, заставляя себя смотреть куда угодно, лишь бы не на рукояти клинков. Это тренировочные мечи, и вряд ли они могут причинить серьезный вред, но если она сорвется с цепи — Рунн не раздумывая пустит в ход один из своих настоящих мечей, с которыми, если верить слухам, даже в постель ложится. И тогда ее жизнь сократится до пары вздохов или и того меньше.

— А ты совершенно не умеешь льстить. — Тенерожденный отмахнулся от ее неуклюжей похвалы.

Он бесцеремонно стащил ломтик сыра с тарелки, подмигнул собеседнице — и вернулся на арену.

— Четверо, — приказал достаточно громко. И с нескрываемым хвастовством, добавил: — Хочу, чтобы рас'маа'ра увидела, каким ловким и горячим я могу быть.

В круг вышли четверо здоровых воинов — все заметно превосходили Наследника тени и ростом, и весом. И против их тяжелых мечей и топоров его короткие клинки казались сущими безделушками, годными разве что шинковать ветчину. И все же от Киирис не укрылось замешательство на лицах воинов этой импровизированной армии. И кто, скажите на милость, должен быть испуган?

Она наивно полагала, что сможет хотя бы перекусить, пользуясь тем, что Рунн увлечен придуманной им самим забавой. Даже подцепила на вилку присыпанный душистыми травами ломтик рыбы. Но стоило Рунну отдать приказ начинать — и голод, равно как все

прочие потребности, отступили на задний план.

Тенерожденный двигался подобно ручью: мягко, плавно и неудержимо. Киирис сразу отказалась от попыток уследить за его ногами и руками. Казалось, в этом сухом поджаром теле нет ни единой кости, одни лишь рефлексы и инстинкты. Ничего из того, что Наследник тени проделывал своими клинками, было недоступно простому человеку. Да и отпрыску тенерожденных тоже, хоть за этими длинноухими закрепилась репутация истинных акробатов и трюкачей.

Сперва он просто загонял всех четверых, вынуждая их раз за разом промахиваться и делать ошибки в обороне. Дразнил, издевался, как сытая кошка над беспомощными мышами. Подпустит — и снова уходит, открываясь, словно бы говоря: «Ну же, теперь-то кому-то из четверых точно повезет со мной покончить». И они все сильнее, все отчаяннее втягивались в игру, принимая навязанные правила.

А когда бахвальство ему надоело, Рунн просто разметал всю четверку, словно котят. Игра в «поймайте меня, если сможете», измотала здоровяков так, что Наследнику тени всего-то и требовалось триумфально поколотить их тупыми гранями клинков и отправить валяться у него в ногах. И при этом Рунн даже не запыхался. Разве что слегка вспотел, но казался целиком довольным произведенным эффектом.

«Кто-то должен устроить ему взбучку, — снова напомнила о себе Кровожадная. — Ты же видишь, что засранец просто напрашивается?»

Нет. Нет. Нет!

Киирис пыталась обуздать ее, но девчонка и при жизни была слишком дикой и непокорной, а после ритуала Скоровывания подчинялась лишь потому, что не могла противиться хозяйке таэрна. Теперь же, увидев достойного противника, завелась с пол-оборота, и Киирис оставалось лишь пытаться сохранить то немногое, что еще подчинялось ее разуму.

Мейритина поднялась, повела плечами, скидывая тяжелый мех. В теле появилась приятная, знакомая легкость, как будто все это время она носила непосильную ношу, а, избавившись от нее, в полной мере ощутила каждую мышцу.

— Вижу, пташке понравилась моя игра, — словно нарочно поддразнивал Рунн. Не глядя, пинком под зад вытурил с арены последнего несчастного, развел руки, предлагая девушке присоединиться.

Неужели ее желание так очевидно?

Киирис отбросила эти мысли. Если Кровожадной не дать желаемого, та все равно возьмет свое, но с куда большими разрушительными последствиями. Переступит через чужие жизни — и не поморщится. А сейчас эта ипостась больше всего на свете желала задать хвостуну трепку. И Киирис начинала нравиться эта затея. Возможно, получив по самолюбию, Наследник тени станет разговорчивее?

— Я не играю в игрушки, Рунн. — Киирис перешагнула за короткий каменный борт арены. Скинула туфли, не без наслаждения погружая ступни в холодный песок. Кровожадную привезли оттуда, где людей зачинали во льду и в лед же отправляли после смерти. Холод был ей словно названный отец.

— Я тоже, но, видишь ли, ты слишком очаровательна, чтобы портить тебя следами нашей игры.

— Или чтобы позволить мне оставить следы моего мастерства на твоем лице, а?

Белоснежная бровь тенерожденного вопросительно надломилась.

— Вещи, которые ты щебечешь, пташка, просто услада для моих ушей. Ты уверена, что хочешь того, на что восхитительно напрашиваешься?

— Позволь мне показать — и у тебя больше не останется вопросов.

Рунн лишь щелкнул пальцами, а вышколенные рабы уже несли оружие: длинные мечи,

короткие мечи, сабли, кинжалы. Киирис выбрала легкий чуть изогнутый клинок ююнов: легкий и тонкий, такой острый, что ним можно нашинковать падающий волос. Для верности она потрогала его большим пальцем: кожа треснула, выпустила пару капель крови. Киирис с наслаждением слизнула соленую влагу, зажмурилась.

Это не она, но сейчас ей хочется быть другой: девчонкой, что в двадцать лет командовала целой армией и не знала проигрыша ни в одной битве. Лишь в той, где побелили бы разве что боги.

— Не возражаешь, пташка, если я уравнию шансы? — Рунн взял точно такой же ююнский клинок. Взвесил его в ладони, оскалится, не без удовольствия наблюдая за тем, как его соперница слизывает с пальца дорожку крови. — Каким богам мне помолиться, Киирис, чтобы вернуть время вспять и не везти тебя в Мерод? Дьявол, ты слишком соблазнительна, чтобы запрет его императорской задницы удерживал меня на расстоянии и...

Мейритина не дала ему закончить. Потребовался лишь один рывок и выпад, который Рунн, ожидаемо, без труда парировал. От второго он ушел с такой же легкостью, но на третьем наследнику пришлось круто повернуться — и Киирис воспользовалась ситуацией, которую сама же и создала. Они обменялись парой скользких ударов, сошлись над сцепленными гардами, дыша друг другу в лица с азартной злостью. Разошлись — и снова схлестнулись, выуживая друг из друга предел возможного.

Он подцепил ее самым кончиком клинка, она скользнула по нему всей режущей кромкой.

Разошлись, словно безумные художники, наслаждаясь своим диким искусством.

— Красивая, горячая — и опасная. — Рунн покосился на срезанный почти у самого плеча рукав сорочки, без сожаления оторвал его, обнажая увитую разноцветным рушти мускулистую руку. — Соблазнительно недоступная пташка.

Его взгляд скользнул по крутому бедру, которое выглядывало из разрезанной до самого пояса туники.

— Ты заговариваешь мне зубы, чтобы не продолжить игру, в которой проиграешь? — Киирис перехватила разорванную ткань, задрала до талии, перевязав на боку. Вот так, теперь ничто не будет сковывать движения. Есть лишь ее кожа, прикрытая крохотным клочком ткани на бедрах — и холодный сырой ветер.

— Боюсь, пташка, я уже проиграл, — ухмыльнулся он, изображая нечто отдаленно напоминающее раскаяние.

Ей нравился его дразнящий взгляд: одновременно и манящий, и осторожный, пронзительный и жадный. Наследник тени обмолвился, что император запретил прикасаться к ней, но Рунн отчаянно боролся с желанием нарушить запрет. Как ребенок, ходил вокруг сладко пахнущего пирога и отчаянно искал повод нарушить запрет невзирая на гарантированную взбучку.

— Где ты научилась так превосходно владеть клинком? — Тенерожденный сделал обманный выпад, не дав ей времени собраться после короткого перерыва на болтовню.

Киирис успела уйти с линии атаки, но кончик его клинка все же подцепил тунику под грудью. В прорехе показалась тонкая, мало что скрывающая ткань короткой нижней сорочки, которая лишь на пол ладони ниже прикрывала грудь. Киирис поняла, что краснеет, когда в глазах ловкого Рунна появился плотоядный блеск, а сам он недвусмысленно облизнул губы.

«Хватит перед ним цвести, слабачка! — прикрикнула Кровожадная. — Сперва покажем, что и пленницы могут задать трепку самовлюбленному ублюдку!»

Киирис почти физически ощущала, что несмотря на всю показную агрессию, этот мужчина определенно привлекает самую темную и самую необузданную часть ее души. Нравился ли он ей в том смысле, в каком мужчина может нравиться женщине? Лишь отчасти. Но притяжение было настолько сильным, что и сама Киирис не устояла перед соблазном хоть немного, но уступить. И побить хитреца его же оружием — лучший

способ утереть ему нос. Пусть они и не равные противники, и оба знают, что импровизированный опасный танец лишь игра в поддавки, ей есть чем удивить длинноухого.

— Я много чего умею, наследник Руни, — ответила она, нарочито медленно стаскивая тунику с одного плеча. Оголиться до самого нижнего белья было бы слишком предсказуемо, но зато полуприкрытая нагота заставит тенеражденного думать не о поединке, а о том, что скрывается за теми немногими клочками одежды, которые не удалось достать его мечу. Не железный же он, в конце концов. — Многие мои навыки спрятаны так глубоко, что их невозможно увидеть с такого расстояния.

Она нарочно очертила взглядом дистанцию между ними — и первой пошла на сближение.

Они снова схлестнулись, на этот раз куда мягче. Как две хищных кошки в период случки: мысленно рычали друг на друга, отчетливо осознавая, что им попросту некуда деться друг от друга. Киирис позволила Рунну вести, шаг за шагом отступая к самому краю арены, чтобы в последний момент сделать обманный финт, заступить ему за спину, одновременно скользнув мечом по сорочке на его груди. Кульбит был далеко не идеальным, и такой умелый воин, как Рунн, не мог не угадать элементарную уловку. Но наследник охотно поддался, повернулся, рывком сдернул развалившуюся на две половинки сорочку, обнажаясь до самых штанов.

Тяжело дыша, Киирис отступила еще на шаг, чтобы дистанция между ними хоть немного остудила ее вспыхнувшие щеки. Он был совсем не таким, как братья: не мощное сложение Дэйна и не атлетическая грация Раслера. Он был поджарым и худощавым, но крепким и сухим, как молодое дерево, которое уже успело нарастить непробиваемую кору. Рушты красного, черного, серебристого цвета покрывали обе его руки, нижнюю часть живота и прятались за поясом сидящих едва ли не на косточках штанов.

Идеально гладкая смуглая кожа была лишь кое-где испорчена уродливыми шрамами. Их было гораздо меньше, чем у Дэйна, но Киирис не сомневалась, что Наследник тени едва ли меньше брата побывал в бою. Просто Рунн воевал иначе: в тени и шепоте, в вылазках, где в купе с небольшим отрядом верных воинов без единого звука просачивался в непокорный город.

Киирис тряхнула головой, избавляясь от мыслей, которые превращали ее воинственную ипостась в кровожадную фурию. Рунн — всего лишь Рунн, вторая голова Меродской гидры, и его руки, точно так же, как и руки братьев, в крови по самые плечи.

— Ты устала, пташка? — Прозрачно-серый взгляд Наследника тени недвусмысленно блуждал по ее оголенному плечу. — Не стану скрывать, что мне до смерти хочется продолжить выуживать твоё соблазнительное тело из этих тряпок.

— Даже вопреки запрету императора? — Киирис, наконец, выдохнула и усилием воли приструнила Кровожадную девчонку. — Я слышала, у тебя девять жизней, но парочку ты уже отдал Костлявой, так стоит ли рисковать оставшимися, чтобы досадить старшему брату?

Этот удар он точно не был готов ни парировать, ни принять. Потому что против ядовитого подначивания тенеражденного не спасла бы и самая крепкая теургическая броня.

Без присмотра Кровожадной, она была и в половину не так предусмотрительна, поэтому даже не пыталась угадать его следующее движение. Рунн приблизился к ней, гипнотизируя взбешенным взглядом, приспустил тунику со второго плеча. Она не противилась, когда Наследник тени отобрал у нее клинок и бросил куда-то за спину, а потом погладил ее по обнаженному животу. Прихватил пальцами крохотный камешек в пупке, скосил взгляд, любуясь тем, как кожа жертвы покрылась мурашками.

— Я знаю, что ты делаешь, Киирис, — прошептал Рунн ей на ухо. — Дразнишь каждого из нас. Зачем? Возможно из женской природы обладать сразу всем, даже если это претит твоему целомудренному сознанию. Ведь ты хорошая девочка, да, рас'маа'ра? Хорошая, но жадная и расчетливая. Зачем ограничиваться одним мужчиной, если можно иметь сразу трех?

Он не дал ей ответить — опустил на колени, прошелся теплыми ладонями по бокам. Киирис беззвучно выдохнула, когда тенеражденный мягко скользнул языком по краю пупка, подцепил губами украшение, потянул, практически не оставив ей сил сдержать стон. Его ладони опустились ниже, погладили обнаженные бедра. Простая и почти невинная ласка, но жара в дыхании Рунна было достаточно, чтобы по ее телу растеклась согревающая слабость.

— Учти, Киирис, никто из нас не захочет делить тебя с остальными. У нас и без того предостаточно поводов желать друг другу скорейшей смерти. Поэтому, если уж тебе так хочется... — Он положил ладонь на внутреннюю часть ее бедра, большим пальцем отвел в сторону тонкую ткань. — Придется играть в кошки-мышки. Уверена, что хочешь рискнуть?

Он скользнул пальцем между складками нижних губ, оскалился.

— Боги всемогущие, никогда не видел, чтобы женщина была такой гладкой! Наложницы в арахане чего только не делают, чтобы вывести каждый волосок, а ты словно насмешка над их потугами. Моя сладкая пташка, отыметь тебя будет настоящим блаженством.

Его поглаживание было дерзким и осторожным, и он издал довольный смешок, когда от внезапного прилива удовольствия Киирис задрожала и едва не рухнула на колени.

— Что такое, рас'маа'ра? — издевался Рунн. — Только не говори, что императорская задница не соизволил даже приласкать тебя? Молчишь? Дэйн полный кретин.

Киирис знала, что рискует слишком многим. Что еще мгновение — и палец Наследника тени подарит ласку, против которой она будет беспомощна.

Поэтому, пока не поздно и все не рухнуло в тартарары...

Она запустила пальцы в его взъерошенные волосы, сжала в кулаке, вынуждая Наследника тени оторваться от разглядывая ее между ног. Длинноухий громко, как кот, фыркнул, но вырваться не спешил.

— Где мой таэрн, Рунн? — спросила громким шепотом.

На этот раз тенеражденный громко залиvisto рассмеялся — и щедро шлепнул ее по заднице. Киирис охнула не сколько от силы удара, сколько от полоснувшего по ушам развратного звука.

— Так вот для чего были эти игры, пташка? — Он встал так, чтобы их тела соприкасались, при этом недвусмысленно заложив руки за спину. — С чего ты решила, что я коллекционирую ошейники наложниц?

— Таэрн сломали прихвостни королевы-матери. Он был у них, когда меня везли в Замок туманов.

— Я забрал у поганцев пташку, а не ее золотую клетку. Я вообще до конца не понимаю, что это за ошейник и в чем его суть. Ты — Скованная. — Рунн все-таки не удержался и погладил тонкий шраму на горле мейритины. — Значит, тебя убили — и воскресили. Понятия не имею, для чего это делается. Дурь из вас так, что ли, выколачивают?

Киирис задумчиво изучала его лицо. Нет, не похоже, чтобы длинноухий врал. В конце концов, догадка, будто таэрн у него, с самого начала была слишком смелой. С таким же успехом его мог забрать Раслер — вот уж кто точно знал, что она такое и для чего так важен треклятый ошейник.

— Без таэрна я всего лишь оболочка, Скованная древней теургией с тремя заблудшими душами. — Правда ли это? Отчасти. Но большее наследнику знать и не нужно. Не от нее — так уж точно. — Таэрн помогает их контролировать.

— А еще без него и ключа, никто не сможет владеть этой химерой целиком без остатка, — врезался в их разговор хлесткий голос Королевы-матери. — А если она сама снимет таэрн, то будет принадлежать лишь себе и сможет сама выбирать. И самое важное: к ней вернется сила Первых. Та, при помощи которой они создавали множества миров в Зеркале мира. Я ничего не упустила, химера?

«Лишь то, что мы же их и разрушали», — мысленно ответила Киирис, а вслух послушно сказала:

— Все верно, королева.

Глава шестая

Руун забрал из рук Корты меховую накидку и сам укутал в нее Киирис. Мейритина поблагодарила его взглядом, стараясь даже не смотреть в сторону королевы. Та, невзирая на спокойный тон беседы, разве что не метала молнии.

— Ты дал этой... — Королева-мать в последний момент запнулась, сцепила губы, будто боялась, что неприличествующее ее статусу слово все-таки выскочит изо рта. — Ты дал пленнице оружие?

Взгляд королевы переместился на клинки, которые Руун как раз подобрал из песка, и разглядывал так, будто увидел их в совершенно ином свете.

— Дал, матушка. — Его ответ был небрежным. — И даже позволил рас'маа'ре подойти ко мне на расстояние удара. Только не говори, что ты бы заливалась горючими слезами по случаю моей безвременной кончины.

— Ты забываешься, Руун.

— Мне следовало упасть на колени и облобызать подол твоего восхитительного платья? Странно, что оно не из человеческой кожи — тебе было бы очень к лицу.

Королева-мать яростно сцепила руки в замок. В ее взгляде ясно читалось желание отхлестать дерзкого сына по щекам, и лишь присутствие посторонних людей удерживало ее от воплощения этой стороны «материнской любви». Что ж, похоже, со средней «головой» гидра определенно не в ладу. Интересно, почему?

— Мейритина — моя, — жестко обозначила свой интерес королева. — Что бы там ни придумал Дэйн, девчонка принадлежит мне. Химеру следует посадить на цепь, а не вооружать и верить, будто она невинная овечка и не помышляет о том, как бы устроить резню.

— Она — и невинная овечка? — Руун позволил себе издевку, и — наверняка только, чтобы позлить мать — придвинулся к мейритине, собственнически обхватив за талию. — Эта очаровательная пташка кто угодно, но не бесхребетное существо, которым ты, матушка, наверняка жаждала помыкать. Поверь, мы оба прекрасно знали, что поединок — не более, чем способ согреть наше одиночество. До тех пор, пока я не решу, что время игр прошло.

Киирис кожей ощущала растущую между ними вибрацию неприязни, настолько сильную, что мейритине стало неприятно находиться у нее на пути. Руун просто нашел повод поиздеваться над матерью. У них определено более, чем тяжелые отношения, и Наследник тени не упускает случая напомнить об этом всем окружающим. И все же, Киирис нравилось осознавать, что королеве-матери придется попотеть, чтобы выудить свою добычу из лап несговорчивого сына. Совсем некстати появилась мысль о том, что в прошлый раз Дэйн приструнил королеву, и его появление сейчас было бы очень своевременным.

— Дэйн сам сказал, что девушка — моя гостья. — Тон королевы резко изменился, стал приторно-елейным. Но взгляд остался прежним: холодным, злым. — Как же мне проявить гостеприимство, если никто из вас даже не подпускает меня к ней?

— Потому что мы знаем, чего будет стоить мухе гостеприимство паука, — тем же манером вернул Руун и, все еще прижимая Киирис к своему боку, уверенно направился в сторону ступеней, что вели к дверям в замковую пристройку.

Мейритина едва успевала шевелить ногами: босые пятки мгновенно заledenели, и от каждого прикосновения к земле ноги до самого колена прошибала волна холода. Но Киирис и не думала жаловаться. Напротив, мысленно благодарила наследника за его присутствие именно сегодня и именно здесь. Вряд ли королева рискнула бы причинить ей вред на виду у всех, но она была королевой — главной женщиной этой огромной обители, и ее слово имело вес.

— Не возражаешь, если мы продолжим наше общение в более спокойной обстановке? — негромко поинтересовался Руун.

— Не возражаю ни против одного места, кроме твоей спальни, — тут же ответила она.

— Пташка, ты меня без ножа режешь, — хохотнул он. — Но ты права — сейчас надо просто поесть. Мне совесть вот-вот глотку перегрызет за то, что я не дал тебе насладиться завтраком. Однако мудрость учит, что голодная женщина — раздраженная женщина, а раз я собираюсь всерьез потягаться со своими братьями, то будем считать это форой на старте.

Киирис оглянулась, чтобы увериться, что рабыня семенит следом. И наткнулась на ее обеспокоенный взгляд. Правда, стоило Корте увидеть, что хозяйка ее раскрыла, как она тут же опустила голову. Интересно, получила ли девчонка указания обо всем увиденном доносить лично Дэйну?

Как бы найти способ поскорее избавиться от Рунна?

Способ, впрочем, отыскался сам собой. Буквально вышел им на встречу, прикидываясь о чем-то негромко беседующими Дэйном и Раслером. И судя по выражению на лицах мужчин, обоим этот разговор был мало приятен. Реакция Рунна на встречу была предсказуемой: он снова нацепил маску сволочи, скроил ядовитую ухмылку и нарочито громко пожелал братьям славного дня в это хмурое утро.

Братья дружно замолчали. Пока Дэйн изучал блуждающую по бедру Киирис руку тенеражденного, Наследник костей рассматривал ее лицо с таким видом, будто видел впервые.

— Какого лешего ты творишь? — поинтересовался Дэйн. Ни единой эмоции, ни единого намека на его истинные чувства — лишь холодный вопрос, на который нельзя было не ответить.

— Не позволяю рас'маа'ре скучать, — с липовой беззаботностью сказал Рунн.

— Кажется, я отдал распоряжения на ее счет. Не припоминаю, чтобы просил тебя впрячься шутом.

На всякий случай Киирис попыталась отодвинуться от Рунна, но куда там: едва почувствовав попытку побега, хватка Наследника тени стала железной.

«Ты же собиралась их травливать, — гаденько захихикала Кровожадная ипостась. — Вот и наслаждайся первой ласточкой».

Киирис подумала, что между «хотеть» и поступать по велению предков — бесконечная пропасть, но разве это имеет значение? Она не должна быть беспомощной игрушкой, и, словно победный стяг, кочевать из одних жадных рук в другие — от одной этой мысли становилось противно от себя самой. А с другой стороны, Поток шепчет даже когда она делает вид, что не слышит его наставлений.

— Мы с рас'маа'рой чудно потанцевали только что, — продолжал подзадоривать Рунн. — Ты знал, что она мастерски владеет мечом? Почти убедила меня, что у нее острые и опасные коготки.

Как бы невзначай, он потянул мех вниз. Киирис на миг зажмурилась, когда поняла, что осталась стоять перед всеми тремя одетая в пару почти прозрачных лоскутков. Почему там. На арене, это казалось таким естественным, а здесь и сейчас ей хочется провалиться сквозь землю от стыда?

— И разве ты не должен быть на военном совете?

Вместо ответа — да и собирался ли он вообще отвечать? — Дэйн проткнул Корту взглядом. Рабыня живо подняла мех, набросила его на плечи хозяйки, мягко, но настойчиво, помогла Киирис отодвинуться на безопасное расстояние. Вот так. Теперь можно выдохнуть и быстро придумать наиболее безболезненный выход из этого многоугольника. И пусть Поток заткнется, потому что сейчас не место и не время для кровной мести.

Где-то за ушами появилась тупая ноющая боль. словно чья-то невидимая рука крохотными молоточками вколачивала туда ржавые гвозди.

— Я тебя убью, Рунн, — с видом невинного младенца, пообещал Раслер, одновременно стаскивая с руки перчатку. — Или даже лучше — кастрирую. Посмотрю, во что ты превратишься, оставшись без мошонки.

— Уверен, что не хочешь забрать свои слова обратно?

Киирис ошарашенно уставилась на невесту откуда взявшийся в руке тенерожденного кинжал. Короткий, но хищный, словно жало гигантской осы. Наследник тени легко и непринужденно очертил кончиком силуэт младшего брата, прищелкнул языком.

— Умоляю, дай мне только намек на повод — и я сделаю так, что твоя улыбка растянется от уха до уха.

Мейритина с немой мольбой уставилась на Дэйна: если кто и мог остудить этих выпустивших когти хищников, то только он. Но императору до них и дела не было. В отличие от нее.

Если бы взгляд мог убивать, то сейчас от Киирис осталась бы в лучшем случае пара горстей пепла.

Боги всемогущие, и что теперь делать?

— Я не принадлежу ни одному из вас, — сказала она раньше, чем сообразила, что собиралась благоразумно помалкивать. — Вы можете покалечить друг друга или даже убить, но от этого ничего не изменится.

Киирис стиснула зубы, попыталась унять дрожь во всем теле. Странно, что замок до сих пор ходуном не ходит от того, как она трясется. Но слова были сказаны, и, несмотря на брошенный вызов, они были справедливы: мальчишкам до язвы охота завладеть тем, чем они завладеть не могут. Оттуда и навязчивое желание получить игрушку любым способом, и желательнее до того, как соперники по аналогичным целям не найдут слишком далеко.

— Клянусь, что я прикажу свернуть шеи вас обоим, как цыплятам, если кто-то сделает еще хоть шаг, — тихим злым шепотом произнес император. — Или лучше: я вас сам прикончу, и да простят меня боги за то, что пролил родную кровь.

От ярости Дэйна даже замковые сквозняки улеглись, а Киирис снова осознала, что сила этого мужчины была отнюдь не в его титуле и положении. Наследник луны, император нэтрэзов, мог бы приказывать и горам, и морям. И те слушались бы, обладай они хоть каплей разума и толикой инстинкта самосохранения.

Рунн передернул плечами, и с выражением лица «Не очень-то и хотелось», спрятал кинжал за пояс. Наверняка чтобы не показывать, где хранит этого невидимку на самом деле. Раслер, напротив, не спешил надевать перчатку: сиреневый туман клубился между его пальцами, время от времени потрескивая зловещими молниями. И, что хуже всего, его взгляд с каждым мгновением становился все отрешеннее, как будто Наследник костей уже знал, что не смирится и готовился принять заслуженное наказание.

«Пожалуйста, не нужно... — умоляющим взглядом попросила Киирис. Надежда, что безумный мальчишка послушается, была невелика, но хотя бы попытаться следовало. — Не позволяй злости тебя уничтожить».

Раслер несколько раз моргнул, нехотя стряхнул с ладони клубящуюся теургию — и отошел, как будто сомневался в собственном благоразумии.

Киирис выдохнула — и замерла, когда в голове мелькнула оформленная мысль, что она не хочет — и вряд ли захочет в будущем, видеть этих своенравных мужчин рвущими друг другу глотки за право владеть ею. И это идет вразрез с предназначением, которое она обязана выполнить, даже если придется наступить на горло собственным чувствам.

Это откровение свалилось на нее, словно камнепад среди чистого поля. Оно оглушало, оскверняло все то небольшое, что она каким-то чудом сохранила в самом дальнем уголке души: она — мейритина, последняя капля крови богов, ей суждено отомстить за предков. А вместо того, чтобы стоять и смотреть, как жизнь дает шанс исполнить предназначение, ей хочется лишь одного — одним махом разрубить проклятый узел.

— Королеве не понравилось, что я дал рас'маа'ре оружие, — словно сквозь толщу воды донесся до Киирис уже более сдержанный голос Рунна. — Думаю, если бы не моя физиономия поблизости, она бы упекла Киирис куда-то далеко и глубоко. Вряд ли матушка остановится — мы все прекрасно это знаем. В следующий раз она подкараулит девчонку без свидетелей и желающих отстоять честь прекрасной... — Рунн все-таки позволил себе вольность напоследок приласкать Киирис похотливым взглядом, — принцессы.

— Какого дьявола Бергата в нее вцепилась? — сквозь зубы процедил Дэйн.

— Полагаю, кровь Первых может кое-что знать, — бесцветным голосом произнес Раслер. Сейчас Наследник костей вполне оправдывал свой страшный титул: был бесцветным и отрешенным, будто умертвие. — Во всяком случае, так говорит ее взгляд.

Взгляд? Киирис порылась в памяти, вспоминая все, что знала о той теургии, которой владели простые смертные. Некоторым удавалось достичь приличных высот, но мозгоправство и чтение мыслей относились к теургии высшего порядка, и даже если Раслер активно практиковал нечто подобное, он никогда бы не смог заглянуть ей в голову так... глубоко. Значит ли это, что домин просто ткнул пальцем в небо, основываясь лишь на своих догадках о ее происхождении, или он действительно была настолько неосторожна, что успела себя выдать?

— В таком случае поговорим без свидетелей, — повелел Дэйн.

Киирис позволили идти в середине: первым шел император, позади нее — Рунн, сбоку семенила молчаливая рабыня. Раслер держался в стороне, с видом случайного гостя разглядывая вышитые на гобеленах сцены эпических битв и портреты великих нэтрэзов. Что творилось в его голове, Киирис не бралась даже представить.

Для разговора «по душам» император выбрал вымощенную белым мрамором трофейную комнату. Чего там только не было: окровавленные флаги покоренных городов, покореженные короны их бывших правителей, стойки с мечами, которые некогда держали в ножнах их не слишком удачливые хозяева. В центре, на круглом, целиком вырезанном из красного мрамора столе, лежала россыпь камней: обычных грязных булыжников, покрытых недвусмысленными темно-бурыми пятнами.

По одному из каждого завоеванного города — так говорили. Покоря очередных упрямых свободолюбцев, Дэйн лично выковыривал кусок камня из городской стены. Со временем эти камни стали класть в мешок, который император показывал тем непокорным городам и государствам, которые предпочитали держаться до последнего, лишь бы не сдаваться на милость кровожадной Нэтрэзской империи.

Камней было так много, что Киирис даже не стала пытаться представить, сколько человеческих жизней стоит за каждым таким «свидетельством» мощи императорской армии и его военного гения. Сейчас куда важнее было придумать правдоподобную ложь. И сделать это поскорее, потому что даже расположенность к ней, не остановит Дэйна от того, чтобы лично отправить ее на тот свет. На его месте Киирис так бы и поступила: лучше сразу уничтожить непонятное растение, даже если оно сладко пахнет.

— С чего ты взял, что она кровь Первых? — спросил Дэйн без прелюдий.

Пока Раслер собирался с мыслями, Рунн небрежно подвинул трофейные камни и прямо с ногами уселся на стол. Парочкой он даже по жонглировал, но клоунада ему быстро надоела.

— Я видел таких, как она, в Осколке, — ответил Раслер. Он блуждал взглядом по комнате, как будто отчаянно искал, за что бы ухватиться. И улыбнулся, когда на пути оказалась мейритина. — Она такая же. Мейритина из Первых. Посмотри на ее багряные глаза, Дэйн. Ручаюсь, ты в жизни не видел ничего подобного.

— Я много чего видел, Раслер, что мне хотелось бы развидеть и вырвать из памяти, — уклончиво сказал Дэйн. — Поэтому, говори по существу.

— Мейриты Первой крови создали Зеркало мира. Они знали, как с его помощью создавать множества миров, и знали, как их уничтожать. Потом появились желающие

обладать их силой: сам посуди — что бы ты отдал за возможность ходить между мирами, словно из комнаты в комнату, возможность играть человеческими жизнями лишь скользя взглядом по отражению в зеркале? — Раслер не стал дожидаться ответа. — Желающих было много, а Зеркало мира — всего одно. И мейриты оказались слишком несговорчивы.

— Мне не нужен этот экскурс в историю, — все-таки остановил его старший брат. — Я хотел услышать, с чего ты взял, будто Киирис знает, для чего понадобилась нашей матери.

— Потому что, если все верно, то Бергата решила возродить разбитый Осколок, которым владела наша семья. И не придумала ничего лучше, чем использовать для этого кровь его создателей.

Все три пары глаз уставились на Киирис в немом ожидании ответа.

«А тебе всего-то требовалось сделать так, чтобы каждый мог думать лишь о том, как бы поскорее уложить тебя на лопатки, — фыркнула Соблазнительница в ее голове. — Мужчину, моя дорогая, тоже можно отыметь, да так, что он будет думать лишь о том, как бы поскорее повторить. Но твои потуги такие жалкие, что их не хватает даже вспомнить науку наставница Керака».

— Я не знаю, зачем могу надобиться королеве-матери, — сказала Киирис. Ведь это правда? Наследники не спрашивали о ее догадках и...

— И у тебя нет ни малейшего представления, как с твоей помощью она может воскресить Осколок? — опередил ее мысли проницательный Дэйн.

Киирис стало не по себе от столь неприкрытой угрозы в его голосе. Страх перед этим мужчиной и без того повергал ее в отчаяние, а теперь, когда император перестал прикидываться готовым соблазниться на ее прелести самцом, стало предельно ясно, что никаких поблажек больше не будет.

Оставалось одно.

Признаться.

И молить богов, чтобы те сжалились над ее грешной слабохарактерной душой.

— Полагаю, тем же способом, которым мои предки создали само Зеркало мира, мой император — используя мою плоть, кровь и немного древней теургии. — Она постаралась, чтобы улыбка вышла беззаботной, но фальшь разбилась о Дэйна, словно волна о непокорный утес.

— Грубо говоря, наша милая матушка решила тебя выпотрошить? — уточнил тенеражденный, и на сей раз он был безоговорочно серьезен.

— Я могу лишь предполагать, Рунн. Таэрн сделал меня Скованной, и я потеряла всю свою теургию. Но чтобы провести ритуал возрождения Осколка, меня так или иначе следовало сначала освободить. Полагаю, королева-мать планировала сделать это несколько... позже, и не собиралась посвящать в свои планы простых пешек. Мой таэрн сняли, потому что он был из чистого золота и весь покрыт шестью сотнями самых чистых Слез Ранимой — слишком дорогой трофеей, чтобы перед ним устоял страх попасть в немилость к королеве-матери.

— Без таэрна Киирис все еще Скованная, — вслух пробормотал Наследник костей. — Но больше ничто не сдерживает ее первородную теургию. Как много ты уже вспомнила?

— Ничего, — бросила мейритина, призывая на помощь все силы, чтобы выдержать его недоверие.

— Бергата не собиралась показывать тебя нам, — продолжил некромант. — Она вообще не собиралась оставлять тебя живой.

— Никаких игрушек от мамочки, Раслер, — все-таки поддел брата Рунн. — Никакого особенного цветочка для полоумного любимчика.

— Нас поэтому так к тебе тянет, Киирис? — Дэйн подошел к ней, разглядывая с высоты своего немаленького роста. Он даже руки не протянул, но Киирис сразу почувствовала себя скованной еще сильнее, чем в треклятой клетке. — Потому что ты — Первая кровь?

— Да, мой император, — не стала скрывать она. Эту правду *необходимо* сказать. Какими бы горькими не были ее последствия. — Такова моя природа.

«И никакой любви для рогатой химеры, всего лишь щепотка любопытства и десять горстей похоти».

И будь она проклята на этом свете и на том, если от одной этой мысли весь ее мир не переворачивается с ног на голову.

«Скажи, Поток, как так случилось, что я успела привязаться к каждому из них?»

Глава седьмая

— И что нам с ней делать? — спросил Рунн, когда пауза после откровения Киирис стала просто невыносимой и болезненно давила на уши.

Слова прозвучали так, будто речь шла о симпатичной безделушке, которая резко стала никому не нужной и бесполезной. И осознать это было ... больно.

Киирис незаметно для всех сглотнула, мысленно приказала себе держаться. Все идет правильно, все так, как нужно. Ее сердце должно быть — и будет! — свободным. Ей нужна трезвая голова.

— А с ней нужно что-то делать? — отозвался Раслер. Его пустой взгляд на мгновении вспыхнул — и потух. — Мейритина может быть нашей гостьей.

— Бред, — отмахнулся от младшего тенеражденный. — Я понимаю, что сладкая богоподобная девочка сотворила настоящее чудо, уморив тебя до состояния сна, но это не повод держать в руках отраву. Не знаю, как вам, а мне не хочется, чтобы навязчивая идея королевы снова стоила кому-то жизни.

— Я думал, она решила отказаться от этой затеи, — пробормотал Дэйн, отходя к стойке, на которой болтались короны поверженных им правителей. Подтолкнул одну пальцем, прислушался к нестройному лязгу, когда корона стукнулась о своих соседей. — Королева заходит слишком далеко.

— Я говорил, что ей самое место в Башне плача, — сказал Рунн. — С кляпом во рту и на цепи.

— Хватит! — рявкнул на брата император. Киирис видела, как напряглись его плечи, как на жестких скулах перекатываются желваки. — Она — твоя мать! Она родила тебя в муках и заслуживает уважения хотя бы за это. Скажешь подобную ересь еще раз — и я велю приковать тебя к позорному столбу и самолично выпорю.

— Она — безумная тварь! — тем же манером вернул ему Рунн. Спрыгнул со стола, громко и грязно выругался. — Боги, ты не можешь быть таким слепым, Дэйн! Ей нужна лишь власть, все, что королева делала — она делала так или иначе для собственной выгоды. Если потребуется, она переступит и через тебя тоже, даром, что ты — порождение ее порченного чрева и император. Уверен, что паучиха уже не сплела заговор против тебя?

— Уверен, что ты слишком много болтаешь. И в тебе говорит старая обида.

— Она убила его, Дэйн, и будь я проклят тысячу раз и гореть мне в брюхе Плающего, если я до самой могилы хоть на миг забуду об этом.

Последние слова прозвучали с такой неприкрытой болью, что Киирис едва не поддалась слабости просто взять его за руку. Здесь, в белоснежной мраморной клетке, их было четверо, но Рунн был бесконечно и абсолютно одиноким, как отбившийся от стаи волк. Он и выглядел так же: взъерошенным, озлобленным, с затравленным взглядом одиночки.

Кого убила королева-мать и почему это так сильно повлияло на ее среднего сына? Почему эта смерть превратила его в плюющего злобой мерзавца?

— Туард знал, на что шел, — сказал Дэйн достаточно жестко, чтобы приструнить негодование брата. — Я был старше тебя, и прекрасно помню, что он и сам был одержим идеей использовать Осколок. Вина королевы лишь в том, что она не остановила его. Хотя могла бы.

— Это все чушь собачья, — огрызнулся Рунн. — Ссука внушила ему бредовую мысль, будто он сможет. Она его подначивала, а пока отец часами торчал в лаборатории, трахалась вот с его ублюдочным папашей!

Палец тенеражденного уткнулся в грудь Раслера. Наследник костей посмотрел на брата с полным безразличием и, воспользовавшись тем, что спорщики заняты друг другом,

подошел к Киирис. От него веяло могильным холодом. От соблазнительного молодого мужчины, чей запах и слова заставили сердце Киирис бешено рваться из груди, не осталось и следа. Перед ней стоял отрешенный от мира мясник, о котором говорили, что он водит смерть на поводке. И мейритине захотелось отодвинуться от него хотя бы на шаг.

— Ты будешь спать в моей постели, Первая кровь, — сказал он тоном, не предполагающим возражений и своеволия. — Рядом и всю ночь.

— Не уверена, что я буду все еще жива до заката солнца, домин.

— Будешь, конечно, что за вздор. Никто тебя и пальцем не тронет.

Это издевка или безумие? Не может же Раслер всерьез думать, что пока старшие братья решают судьбу мейритины, он может сделать это самостоятельно, и никого не спросив?

— Почему про твой сон все говорят с таким видом, будто это какое-то чудо?

Руин опередил ответ брата, ловко втиснулся между ними и агрессивно отпихнул Раслера локтем. Киирис ожидала новую вспышку гнева, но ничего не произошло. Наследник костей спокойно отодвинулся, но при этом выглядел так, будто полностью контролировал ситуацию. Возможно, он в самом деле настолько глубоко безумен?

— Потому что с тех самых пор, как его двенадцатилетнюю невесту вернули из плена вернули по частям в двух сотнях сундучков, Раслер больше никогда не спит. Бродит по замку, как призрак, воеет и скулит, и калечит всех, кто попадет под руку. До твоего появления, пташка, сумасшедший девственник не спал шесть лет.

Шесть лет без сна? В поисках ответа мейритина поймала взгляд Наследника костей — и осознала, какой непозволительно слепой была с самого начала. Теургия, ну конечно же. Вот откуда этот сиреневый взгляд: наверняка, он использует чистые потоки. Сначала были нужны маленькие порции, но страшно представить, какими они стали за шесть лет.

Боги, да этот мальчишка убивает себя! И ради чего? Ради смерти двенадцатилетней соплячки? Да они знать не могли, что такое любовь и привязанность.

Киирис с трудом приструнила растущее негодование, хоть ладони нестерпимо зудели от желания хлестать наследника по щекам до тех пор, пока проклятая синева не покинет его взгляд. И чего только завелась? Как будто ей не все равно, сколько лет отмеряно этому убийце? Судя по насыщенности цвета — возможно, год или два? А если так, то уже второму сыну беспощадной королевы Бергаты не судьба дожить до тридцати. Значит ли это, что проклятье, о котором Дэйн говорил с такой небрежностью, действительно существует?

— Киирис — рас'маа'ра, — вторгся в ее размышления Дэйн. — И она ею останется до тех пор, пока мы не решим, как лучше всего поступить. Наверное, я не один, кому не хочется видеть ее обезглавленной?

— Вот еще, — фыркнул Руин, — эта пташка слишком сильно меня заводит, чтобы я вот так просто отказался от желания попробовать ее на вкус.

— Кажется, я предельно ясно высказался на этот счет.

— Засунь свою ясность в задницу, братик, потому что одного твоего «я запретил» недостаточно, чтобы убрать меня с пути.

Несколько секунд они сверлили друг друга взглядами, а потом их зарождающуюся перепалку остановил Раслер.

— Я не претендую на мейритину, но спать она будет в моей постели. Каждую ночь. Я смогу позаботиться о ее безопасности.

— Как ты позаботишься о ней, если спишь, как убитый, стоит этой девчонке придвинуть задницу? — Руин сделал все, чтобы все распробовали его недовольство. — Матушка при тебе ей оплеух отвесила таких, что девчонка чуть не отдала богам душу, а ты и ухом не повел.

— Это больше не повторится, — механически ответил Раслер. — Но мейритина должна спастись со мной.

— Ага, а я тогда забираю ее каждый нечетный день, — осклабился тенеражденный. — Императору остаются четные дни. Только давайте договоримся, не затрачивать бедную девчонку до потери сознания, не забывать ее баловать подарками и кормить. Ничего не забыл?

Он определенно издевался, но Раслер передернул плечами и бросил: «Я согласен».

Лицо Дэйна оставалось непроницаемым. О чем он думает, рассматривая Киирис с таким видом, будто ищет то, что потерял — и не знает, что именно? Ведь он может одним лишь словом закончить эту вакханалию. И что дальше? Забрать для себя или проявить щедрость и подарить кому-то из братьев? Почему, в конце концов, никто не спросит, готова ли она ходить по рукам, как трубка с курительными травами?

«Потому что ты — рас'маа'ра, — услужливо напомнила Соблазнительница. — Тебя сделали для того, чтобы молча и с восторгом целомудренной девственницы, которую первый раз полизали между ног, ублажать мужчин. И прекрати сопли жевать. Радуйся, что они красивы, как боги. Ведь на их месте мог быть старый воняющий козлятиной толстяк с гнилыми зубами и волосатой мошонкой. Лучше подумай о том, что если будешь хорошей и послушной девочкой, каждый из них с радостью приласкает тебя в ответ. Только представь, на что способен Дэйн, если растормошить его страсть?»

В унисон своим наставлениям Соблазнительница громко и томно выдохнула.

— Нужно найти таэРН и ключ, — наконец, сказал Дэйн. — А до тех пор Киирис должна быть под присмотром одного из нас. И когда я говорю «под присмотром», я имею в виду совсем не то, что ты сказал. — Император прищипил Рунна недвусмысленным взглядом. — В арахане полно шлюх, если у тебя между ногами чешется.

— Но там нет ни одной богини с тремя душами, — тут же парировал тенеражденный. — Но если тебе станет легче, готов поклясться на сиськах Рассветной, что не сделаю ничего такого, чего рас'маа'ра сама не захочет. Но при условии, что и ты, и полудурок согласитесь на то же самое.

— Я уже сказал, что хочу лишь, чтобы Первая кровь лежала в моей постели — и ничего больше, — напомнил Раслер.

— Ну а ты? Или кишка тонка? — подначивал императора Рунн.

Дэйн еще раз осмотрел на Киирис: ее взлохмаченные волосы, выглядывающую из-под меховой накидки обнаженную до самого бедра ногу. Мейритина быстро завернулась в мех до самого носа.

— Хорошо, раз она все равно не может целиком принадлежать ни одному из нас.

Вот так. Судьба рас'маа'ры — подчиняться. Судьба рас'маа'ры-пленницы наследников Нэтресзской империи — подчиняться беспрекословно, ведь непокорность может стоить ей жизни.

Вот только древняя теургия уже начала будоражить кровь. И она покажет всем троим, что в эти игры можно играть в обе стороны.

— Через одиннадцать дней, — не без ехидства сказал Рунн, — к тебе, императорское величество, приедет невеста. И ты сразу останешься не у дел.

Дэйн смерил брата раскаленным взглядом, потом одним рывком приблизился к Киирис и без особой нежности сомкнул пальцы у нее на запястье. От того, с какой силой они впились в кожу, мейритина произвольно охнула, но тут же взяла себя в руки. Отныне и до самого конца — никакой слабости. Ни капли слез, ни одного вторжения в душу или сердце. Она и так на грани фиаско, и последнее, что удерживает ее от полного провала — внутренняя гармония. Никто не тронет самое сокровенное, а тело — это всего лишь тело. Впрочем, тело, в жилах которого течет такая притягательная для простых смертных кровь древних мейритов. Будь на ней таэРН — все было бы куда проще. В конце

концов, в арахане полным-полно красивых страстных опытных женщин, готовых доставить удовольствие по первому требованию.

А она... Она будет пленницей, и постарается не потерять хотя бы то небольшое живое, что уцелело после обучения наставниц из Керака. И найти способ исполнить предназначение.

— Сегодня четное число, — в лицо Рунну сказал Дэйи. Почти без злости, как будто говорил о том, что солнце встало там же, где и тысячи лет до этого. — И рас'маа'ра будет со мной до полуночи. Увижу кого-то из вас хоть в ста шагах поблизости — напомню, каким я бываю с теми, кто не подчиняется моей воле.

Широким твердым шагом император вышел в дверь. Киирис едва за ним поспевала. Уже в пороге оглянулась: Рунн, словно пес, у которого самым наглым образом отобрали кость, раздраженно сморщил нос и оскалился, а Раслер провожал ее все с тем же отрешенным сиреневым взглядом. Проще разгадать звездный узор безлунной ночью, чем мысли этого некроманта.

Весь путь за Дэйином, Киирис разве что не бежала. Несколько раз едва не запуталась в собственных ногах, но каким-то чудом сохранила равновесие. Император почти силой толкнул мейритину в ее же комнату, позволил рабыне закрыть за ними дверь. А потом резко, почти брезгливо, отпустил руку Киирис и отошел на приличное расстояние. Киирис так и осталась стоять посреди комнаты, ожидая своей участи.

— Если бы я хоть на минуту заподозрил, что ты так сильно отравишь собой всех нас, клянусь, Киирис, я бы приказал бросить тебя в подземелье и удушить той же ночью.

Дэйи отвернулся к зарешеченному окну, выдохнул, что-то бормоча себе под нос. Его широкая спина разве что не рвалась из плена тонкой сорочки, заставляя мейритину вспоминать, как много на ней старых и новых шрамов, как много боли носит на себе этот властный мужчина. У Киирис не было иллюзий на его счет: Дэйи не из тех, кто бросает слова на ветер, и мысль о том, чтобы избавиться от рогатой бестии одним махом, еще не раз посетит его обремененную заботами о государстве голову. Но выпрашивать помилования она не станет.

— Если мой император желает видеть меня униженно стоящей на коленях в попытках выпросить право жить, то в таком случае тебе лучше сразу избавиться от меня. — Она была уверена, что скажет это без заминки, но уверенность и гордость разбились о его громкое чертыханье. Киирис пожелала себе терпения, и все-таки закончила. — Я говорила, что не могу быть ничьей до тех пор, пока надо мной тяготеет древняя теургия.

— Я помню, Киирис, вовсе не обязательно напоминать об этом ежечасно.

Какое-то время император просто молча изучал что-то за прутьями решетки, а Киирис села на софу около кровати. Надо же, от страха забыла, что пятки безбожно замерзли, стали белесыми и сморщенными. Киирис отказалась от помощи, когда услужливая рабыня потянулась к ней с недвусмысленным желанием растереть замерзшие ступни. Почему-то сейчас присутствие девчонки раздражало, хоть Корта была идеальна в своем умении быть неприметной и обыденной, как табурет или ваза на прикроватном столе.

— Тебе нужно переодеться во что-то более приличное, — наконец, распугал тишину император. Когда он повернулся, злости на его лице уже не было. Легкое раздражение вперемишк с фатализмом. Похоже, он все-таки нашел выход, чтобы остаться в ладу со своими внутренними демонами. — Ты будешь присутствовать со мной на военном совете.

Киирис стоило невероятных усилий не выдать своего недоумения. Женщина — и на военном совете? Пленница-рас'маа'ра — среди командующих целыми армиями мужчин?

— Странно, — Дэйи подошел к ней, взял за подбородок, вынуждая смотреть ему в глаза. Киирис поднялась, но он все равно был слишком высоким, чтобы от натуги у нее тот час не затекла шея. Головы на две выше как минимум. Не мужчина, а кровь великанов.

— Что тебя так удивляет, мой император?

— Ты не выглядела испуганной, когда я погрозил лишить тебя жизни, но стоило заикнуться о совершенно безопасной вещи — и от твоей храбрости осталась лишь тень.

Что тебя так пугает, рас'маа'ра?

— Лишь то, что ты будешь испытывать мою стойкость столь... странным способом.

— Испытывать? — То, что ответ Дэйна не удивил, говорило в пользу ее догадки. — И что же я буду испытывать, Киирис?

На сей раз шершавые пальцы императора погладили ее подбородок с едва уловимым налетом нежности. Ох, боги, настроение этого мужчины меняется стремительнее, чем любовники ветреной молодой вдовы. И, судя по тому, что Киирис успела узнать о нем, эта странность распространялась исключительно на нее одну.

— Мою силу воли, Дэйн, — глядя прямо в его непроницаемые глаза, ответила она. — Все те мужчины будут смотреть на твою новую игрушку, подшучивать и высказываться о том, хороша ли я в постели и доволен ли их император. Вероятно, так дрессируют молодых борзых, мой император: заставляют сидеть на месте вопреки всему и покорно ждать, пока хозяин отдаст команду.

— Ты слишком много болтаешь, Киирис, — беззлобно пожурил он. — Просто дьявольски много как для пленницы, чья жизнь висит на волоске. У тебя совсем отсутствует желание жить?

— Напротив, мой император — мне бы не хотелось умереть, так и не распробовав жизнь. Но однажды меня уже отправили на тот свет, и во второй раз это уже не так страшно.

Дэйн скосил взгляд на ее шею, снова нахмурился — и отступил. Она с немym облегчением помассировала затекшую шею.

— Раздевайся, Киирис. Тебе нужно надеть что-то более пристойное, чтобы мои военачальники и генералы не видели то же, что вижу я.

На этот раз император не стал уходить: уселся прямо на пол около софы, согнув одну ногу в колене.

Киирис приказала себе не смущаться ни его присутствию, ни взгляду. Была уверена, что присутствие Дэйна оставит ее равнодушной, но реальность в который раз разорвала эту уверенность в клочья. Стоило Кorte справиться с застежками ее туники, уронить одежду на пол, а следом спустить со своей госпожи то небольшое, что с трудом прикрывало все интимные места, как Киирис от души покраснела. Да так, что даже уши вспыхнули. Казалось, от ее тела исходит самый настоящий жар, настолько осязаемый, что стыд видно за сто миль вокруг.

— Повернись, Киирис, — приказал император.

Мейритина исполнила приказ. У нее будет время показать характер, но сейчас, когда жизни ничего не угрожает, и император в своем законном праве, кем она будет, если станет брыкаться, как необъезженная кобыла? Разве что разделит ее участь и отведаст хлыста.

— Когда ты была с мужчиной в последний раз?

— Разве мой император не желал ничего не знать о том, что было до него? — украдкой переспросила она.

— Я не спрашиваю о количестве, Киирис, меня интересует, когда ты была с мужчиной. Вопрос предельно ясен. У меня нет иллюзий на счет того, что мои братья успели к тебе прикоснуться, но в данном случае меня интересует лишь секс.

— Это было давно, мой император.

«Да-да, расскажи-ка ему как это было, моя дорогая, — похихикала Кровожадная. — Тогда он разве что ноги об тебя захочет вытирать».

— Как давно, Киирис? Прекрати испытывать мое терпение. — Рожденный где-то в глубине его горла рык красноречиво подчеркнул неуместное ситуации раздражение. Император должен быть доволен своей рас'маа'рой, а не раз за разом спотыкаться о ее

неуклюжесть.

— Два года назад, мой император.

— И что же ты делала все эти два года? Играла с сестрами?

Намек был недвусмысленным.

— В том числе и это, мой император. Наставницы учили нас познавать свое тело... множеством способов. — Странно, но вопросы понемногу успокоили Киирис, заставили привыкнуть к тому фактом, что она по-прежнему стоит перед ним абсолютно голая.

«Боги, пусть он не прикажет рабыне...»

— Я хочу увидеть твоё удовольствие, Киирис, — приказал он. Жестко и четко обозначил свою потребность. — И у нас совсем нет времени, поэтому советую поторапливаться с этим, вместо того, чтобы искать причину отказать.

— Разве я могу отказать моему императору?

Киирис шагнула к нему, но Дэйи остановил её одним коротким «Нет».

— Корта, пододвинь госпоже кресло.

Рабыня тот час исполнила приказ. Киирис села, руки сами дернулись вверх в попытке прикрыться, но она справилась с минутной слабостью. Дэйи хочет смотреть. Пару раз наставницы заставляли делать нечто подобное тех сестер, которых одолевала непозволительная слабость к стыду. Наложница должна быть раскрепощенной, иначе она не сможет доставить радость своему господину. А о том, каких именно «радостей» желают богатые господа, ходили целые легенды.

Сама Киирис лишь раз прошла через подобное и не сказать, чтобы справилась блестяще. Но тогда напротив сидели наставницы, которые желали лишь приструнить её стыд: она выполнила требование почти механически, без возбуждения со слабой физической разрядкой. Ощущения были сродни простой щекотки: быстры и короткие. От них даже голова не закружилась.

Но сейчас напротив сидел Дэйи: крепкий сильный и безупречный мужчина, под взглядом которого все её сознание трепетало, будто одинокий листок на ветру.

— Ноги, Киирис, — напомнил император, когда она несмело опустила ладонь на живот.

Она развела колени, но Дэйи все ещё не выглядел довольным. Пришлось сесть на край кресла, оперевшись сзади на руку, чтобы не упасть, и развести ноги под прямым углом.

— Мой император желает именно этого? — Она опустила ладонь ниже, скользнула пальцами по гладкой коже, нырнула между складками — и замерла.

— Продолжай, мейритина, — уже чуть тише, с заметно хрипотцой, потребовал Дэйи. — Спой для меня.

Безумие какое-то. По голодному взгляду видно, что он хочет большего, чем пару раз почти целомудренно её приласкать или смотреть, как она собственными пальцами будет доводить себя до экстаза. Похоже, у императора тоже есть своя игра, но, в отличие от странностей Рунна и Раслера, Киирис не видела и намека на правила. Знала лишь, что Дэйи любит подчинять, будь то города или женщины, и не будет благосклонен к строптивым.

И всё же, что-то в его взгляде заставляло мейритину думать, что именно с ней его жажда повелевать обретает новые, ему самому непонятные эмоции. И эти эмоции... намеки на эмоции, намеки на его желание обладать ею всецело и безгранично позволили родиться в её теле чему-то теплему и пока непонятному. Чему-то такому, чего не было на испытании перед наставницами. Да и не могло быть.

Она прикоснулась к себе легко, едва порхнула пальцами по тонкой грани удовольствия.

Подобные игры никогда особо ей не нравились, но сейчас это было представление для него, для Дэйна. И от одной этой мысли в голове сладко зашумело. Все трезвые мысли и остатки стеснения постепенно выветривались, уступая место единственному желанию — доказать ему, что ей не нужно быть страстной любовницей, чтобы заставить его тело изнывать от желания. Он должен желать ее вот такую: смущенную, но покорную, податливую, но неразгаданную.

Его сила и уверенность будили в ней странное ответное желание: подчиниться, стать той, рядом с которой он забудет о всех своих Военных советах и походах. И она разгоралась. До дрожи в коленях, до сбивчивого дыхания, до искусанных губ.

Пальцы скользили вниз и вверх, лишь изредка прикасаясь к той точке, которая уже трепетно ныла даже от намека на прикосновения. Когда-то, в Кераке, одна из сестер научила ее, что удовольствие нужно смаковать, будто сладости: не запихивать все сразу в рот, лишь бы проглотить, а смаковать, откусывая крошечные кусочки. И наслаждаться каждой нотой вкуса. Иначе для чего тогда вообще начинать?

— Не закрывай глаза, Киирис, — был следующий приказ. — Смотри на меня и не останавливайся.

Это было куда сложнее, чем справиться с недавним приступом стыда. Дэйн так и сидел там: почти расслабленный, как будто видел нечто подобное множество раз. Скорее всего, так и было. Но его горячий взгляд выдавал истинные чувства.

И Киирис, насытившись его с трудом сдерживаемой страстью, раскрылась еще больше, ощущая себя едва ли не экзотическим цветком, который живет лишь для того, чтобы на несколько мгновений распахнуть лепестки.

Она невольно застонала и выгнулась, когда подушечкой среднего пальца прижала самую горячую точку. Томное удовольствие сменилось яркими ударами наслаждения. Они, словно бич в руках мастера, хлестали ее по ногам, бедрам, затем поднялись выше, раз за разом обжигая с каждым новым движением пальцев. Ладонь стала влажной, клитор набух, и Киирис с трудом заставляла себя усидеть в кресле. Бедра едва не подпрыгивали, ерзали из стороны в сторону.

— Я хочу тебя слушать, Киирис. В твоём мычании сквозь зубы нет ничего приятного.

Губы разомкнулись сами собой, от самого низа живота к груди хлынула волна едва сдерживаемого удовольствия. Она закричала: сначала это был почти неслышный стон, но когда пальцы надавили сильнее — из горла вырвался настоящий крик.

— Киирис, где ключ? — спросил Дэйн.

Что? Боги, он что, действительно хочет поговорить об этом СЕЙЧАС?

— Мой... император... — Голос предал ее, слова больше напоминали жалобный скулеж.

— Не останавливайся, Киирис, — приказал он уже жестче. — И отвечай на вопрос: где проклятый ключ к твоему таэрну?

Она прикусила губу — и едва не вскрикнула, когда Дэйн неожиданно оказался рядом. Встал между ее широко разведенных ног, лишь слегка притрагиваясь к обнаженной коже.

Его лицо за пеленой длинные волос было одновременно и диким, и потрясающе красивым. Как будто в этого мужчину вселился сам Соблазн, и с каждой секундой отсекал куски от его самообладания.

— Я не знаю, где он, — с трудом, но все-таки смогла произнести она.

— Уверена, что не лукавишь? — Дэйн перехватил ее руку, останавливая. А потом навис всем телом, словно хотел раздавить в случае неудовлетворительного ответа. — Ты должна знать, Киирис, потому что я никогда не поверю, будто мысли о побеге и свободе никогда не посещали твою рогатую голову.

Мейритина зашипела прямо в его суровое лицо, отпрянула, пытаясь поймать

собственные пальцы, но Дэйн отодвинул ее руку, отодвинулся сам. И вовремя.

— Я не знаю, мой император, — простонала она сквозь лихорадочно стучащие зубы. Злость смешалась с вскипевшим желанием и, вопреки ее воле, выплескивалась бесконтрольными вспышками агрессии. Будь он чуть ближе, этот коронованный поганец, она бы обязательно вонзила в него зубы.

— Он где-то в Кераке? Спрятан под завесой? Такие вещи не кладут в сундуки и не зарывают под землю.

— Жрицы маскировали все, что представляло хоть какую-то ценность, Дэйн. — Она нарочно назвала его по имени, чтобы, наконец, разрушить преграду отрешенности, которую император так тщательно оборонял. — И если ты, Дэйн, желаешь им владеть, придется постараться, потому что это яблочко ни за что само не упадет тебе в руки.

Он ослабился: широко, плотоядно, как триумфатор улыбается в лицо поверженному. А потом рывком поставил ее на ноги. Киирис пришлось вцепиться в его плечи, чтобы не упасть. Колени предательски дрожали, между ногами болезненно ныло. Мейритина даже укусила себя за нижнюю губу, лишь бы не захныкать или, что было бы куда хуже, умолять Дэйна разрешить испытать последние, самые сладкие эмоции.

— Корта, одень госпожу. Полагаю, будет уместен риэг. Я распоряжусь, чтобы мои гвардейцы лично сопроводили вас в зал, где собирается Малый военный совет.

Глава восьмая

С уходом императора комната словно выдохнула: стала просторнее и светлее. Киирис бессильно сползла на пол, с немой благодарностью позволила рабыне укутать ее плечи в сдернутое с кровати покрывало. Тело продолжало предательски дрожать, низ живота выкручивали унижение и обида.

«Бедная сопливая деточка сломалась и чуть не плачет, потому что большой злой самец отказался ее поиметь, — издевалась Кровожадная. — Кто бы сомневался, что ты бесхребетная тряпка».

«Заткнись уже, — усмирила ее Соблазнительница. — Наш император хотел ее. Будь у него ключ и таэрен — малышка Киирис давно была бы в его единоличной собственности».

Пока молчаливая Корта помогала ей одеваться, Киирис в сотый раз прокручивала в голове все произошедшее. Дэйн оставил так много хлебных крошек, что как только схлынули злость и возбуждение, она увидела очевидные вещи: из всех трех наследников, именно император доверял ей меньше остальных. Но, в отличие от братьев, он не собирался довольствоваться ролью одного из трех. Возможно, именно из желания не делить ее ни с кем, Дэйн предпочитает держаться на расстоянии.

Риаг оказался будто на нее скроен: темно-синие замшевые штаны плотно облегли ноги, к ним шла такого же цвета сорочка и тугий черный корсет. Корта затянула его достаточно сильно, но оставила Киирис возможность нормально передвигаться и дышать.

Гвардейцы без приключений и остановок провели ее в зал, где уже было не протолкнуться от количества мужчин. Киирис сглотнула, когда десять пар глаз уставились на нее, стоило переступить порог. Что полагается делать в таких случаях? Наставницы обучили сотням уместных в той или иной ситуации приветствий, но ни одно не годилось для подобной ситуации. И все же она не могла долго игнорировать это молчание.

— Пусть ваши мечи не знают поражения ни в лучах грит'ра, ни в лунном сиянии, — сказала она сдержанно и дружелюбно. И позволила себе едва заметную улыбку для всех сразу. Дэйну же подарила пристальный холодный взгляд. Он хотел ее, но отказывался получить — так пусть же впредь так и будет. Рано или поздно Дэйн либо сломается, либо сломает ее. — Пусть ваши жены и дети никогда не льют слезы от грусти, а лишь от радости и гордости за победы своих мужчин.

Минуту или больше в зале стояла такая плотная тишина, что было слышно, как где-то под крышей от мышинной возни скрепят половицы. А император не собирался делать ровным счетом ничего, чтобы внести ясность в возникшую неловкость. Но над ней сжалились сами боги: из толпы вперед протиснулся молодой — вряд ли старше Дэйна — мужчина в сером, с пронзительным взглядом высматривающего жертву коршуна.

— Что ты такое, незнакомка? — Он не без удивления то цеплялся взглядом за ее рога, то изучал лицо, но в конце концов снова возвращался к рогам.

— Моя рас'маа'ра, — вместо Киирис ответил Дэйн.

«Твоя ли?» — выразительным взглядом спросила она, одновременно с фальшивой улыбкой принимая от мужчины в сером почтительный поцелуй в подушечку над большим пальцем.

— С каких пор на военные советы стали приглашать потаскух? — Недовольное ворчание принадлежало тучному обрюзгшему мужчине с перевязью на правом глазу. Несмотря на скверный голос и отталкивающую внешность, Киирис не чувствовала к нему отвращения. — Женщинам место за вышиванием, а бабам — в арахане.

— Желаете обсудить мои решения, Торальд? — вкрадчиво поинтересовался император.

— Желая сказать, что это срань собачья, — огрызнулся тот, но уже куда более покорно. А потом и вовсе рукой махнул, как бы говоря: «Делайте, что хотите!»

— В таком случае, приступим. Киирис, сядь вот там.

Дэйн указал на сиротливое кресло неподалеку от массивного стола, вокруг которого расселись мужчины. Мейритина заняла место, а верная Корта пристроилась около нее и, по обыкновению, уткнулась лбом в пол.

Зал, где собирался Малый военный совет, был, пожалуй, самым скучным из всех, которые Киирис довелось увидеть в Замке туманов. Даже в кухне обстановка располагала к болтовне. Здесь же кроме грубой мебели и множества стеллажей с кипами книг, бумаг и пергаментов, больше ничего и не было. Зато прямо в столешнице была вырезана довольно подробная карта всего Рухана, и Нэтреская империя занимала самую массивную ее часть. Киирис сгорала от любопытства, и желая хоть одним глазком поближе рассмотреть всю карту. Вряд ли, если она сорвется с места и станет заглядывать ему через плечо, Дэйн простит эту вольность

— Что творится с Золотыми долинами, Набиш? — Император вопросительно посмотрел на мужчину средних лет, с выразительной сединой на висках, которая резко контрастировала с его безупречно-черной густой шевелюрой. — Почему твоя армия до сих пор не перешла реку?

— Местное население сопротивляется, — нехотя отрапортовал Набиш.

— И? С каких пор это стало проблемой?

— С тех, как его дочка оказалось женой одного из тамошних касхаров, - вместо Набиша ответил сидящий напротив молодой мужчина с уродливым ожогом на лице. — Я говорил, что его следовало еще тогда повесить, а не ждать, пока он вразумит малолетнюю дрянь. Думаешь, Набиш, никто не понял, чего ради ты отдал дочь за сидящего на золотых рудниках соседа?

— Не помню, чтобы давал тебе слово, — осадил болтуна Дэйн.

Поразительно, но императору даже не требовалось повышать голос, чтобы разом повесить печать молчания на рты всех присутствующих.

— Я все еще жду ответа, — уже более раздраженно поторопил Набиша император.

Мужчина с седыми висками пошамкал губами, одновременно теребя в пальцах то ли платок, то ли какой-то другой кусок ткани. Присмотревшись, Киирис заметила на нем потрепанную вышивку с охранными рунами. Нечто подобное женщины дарили своим мужьям в день, когда давали брачные клятвы, в знак того, что отныне и до самого конца их жизнь будет посвящена заботе о муже и их будущих детях. Многие давно не придерживались старых обрядов, из чего Киирис сделала вывод, что Набиш и его жена из тех нэтресов, что сторонятся всего нового, предпочитая жить так, как завещали предки. В подобном укладе не было ничего страшного или смешного, но здесь же крылся и огромный вопрос: как в таком случае этот человек поддерживает новые, заведенные Дэйном порядки?

— Я отдал приказ форсировать реку, мой император, но там сильное течение. Если бы воины пошли вброд, я бы потерял две трети армии. Накануне кто-то сжег его дотла.

— Ты говорил про мост десять дней назад, — напомнил император. Он лениво подпер кулаком щеку и выглядел бесконечно скучающим человеком. Вот только взгляд остался таким же хищным и острым. — Я предупредил тебя о дурном нраве этих людей, и дважды напомнил о необходимости выставить охрану.

— Людям выпустили кишки, — уже более раздраженно ответил Набиш. — Мы находили трупы дозорных почти каждое утро.

— И ты решил, что проще совсем ничего не делать? Или в твоей армии сражаются трусливые женщины?

— В моей армии сражаются воины, которые привыкли доверять своему генералу. — Мужчина заметно нервничал. То ли из-за недвусмысленной насмешки над ним, то ли потому, что чувствовал за собой вину.

— Воины в бабских юбках, — вставил свое слово мужчина в сером.

— И сражаются они одним местом, а не руками, — подхватил насмешку седовласый тощий и костлявый, как сама смерть, мужчина со сморщенной плешивой головой. Киирис даже не пыталась угадать, сколько ему лет: плешивый выглядел таким же древним, как и трехсотлетние деревья в Пустыне смерти. — Вероятно, Набиш не знает, что в его армии воюют рукожопые девки, потому что он и сам давно забыл, для чего мужику яйца.

Это замечание было встречено громким одобрительным хохотом. Киирис же не сводила взгляда с лиц генерала и императора, и видела, что их молчаливый поединок вот-вот выйдет из-под контроля. Чего же добивается Дэйн?

Когда Набиш сорвался с места, в зале мгновенно образовалась тишина. Слова генерала разорвали ее беспощадной яростью.

— Может быть, мои воины и чрезмерно осторожны, но они, по крайней мере, не таскают на поле боя обозных шлюх, а я не тешусь тем, что власть позволяет мне вести себя как играющий в куклы мальчишка.

Каждое слово, словно стрела, полетело в Дэйна, но ни одно не тронуло императора достаточно глубоко. Он лишь нахмурился, и медленно встал, опираясь ладонями о столешницу. Киирис даже показалось, что над его макушкой собрались грозные облака и сверкают молнии, не предвещая вспыльчивому генералу ничего хорошего.

— Вот уж и помыслить не мог, что мое самодурство заденет тебя настолько... глубоко, — еле слышимым голосом заметил Дэйн. — Наверное, у тебя есть и другие претензии к моему правлению?

— Я лишь сказал, что некоторые твои поступки...

Набиш сглотнул, в попытке выторговать несколько секунд для поиска безопасного ответа, промокнул вышитым платком лоб.

— Отвечай! — рявкнул Дэйн.

Киирис тут же захотелось сжаться до размеров изюмины и закатиться в какую-нибудь щель. В свете этой внезапной вспышки гнева казалось просто невыносимым, что Набиш продолжает стоять на месте и даже на своих собственных ногах.

— Твои поступки слишком опрометчивы, мой император, — тихо покорился мужчина.

— И поэтому ты решил примерить на себя мою корону?

Дэйн подошел к ближайшей полке, взял из выдвижного ящика пару свернутых пергаментов. Печати на них были сломаны.

— Третья строчка, — Дэйн бросил пергамент на стол, но никто не посмел прикоснуться к нему, пока бумага не докатилась до попавшего в немилость Набиша. Такая же участь постигла и второй пергамент. — А здесь я разве что не расплакался над твоим талантом лизать задницу.

Дрожащей рукой Набиш потянулся было к письмам, но его пальцы замерли где-то на полпути. С видом затравленного зверя он разглядывал два ровным полукруга сломанной сургучной печати, как будто видел в них свое собственное незавидное будущее.

— Я могу объяснить... — начал мужчина.

— Не припоминаю, чтобы нуждался в объяснениях. — Взгляд Дэйна не предвещал ничего хорошего. — Взять его.

Его слова прозвучали тихой командой, сродни той, что отдают натасканным на травлю человека псам. Набиш и пикнуть не успел, как соседи по столу скрутили его в бараний рог, заломили руки так, что даже сквозь возню был слышен противный хруст суставов.

Дэйн подошел к незадачливому генералу почти вплотную. Император еще ничего не

сделал, но на лице мужчины появился неистовый ужас.

— Ты — предатель, — в лицо Набишу выплюнул император Нэтреской империи. — А предатели не заслуживают смерти на плахе.

Киирис тихо охнула, когда Дэйи одним плавным и почти невидимым движением перерезал Набишу глотку. А потом сграбастал его за волосы на затылке, удерживая от падения. Генерал хрипел, вращал глазами и как будто даже пытался говорить, но лишь приближал свой конец. Кровь пульсирующими толчками вытекала из смертельной раны вместе с жизнью. Но император держал генерала даже, когда силы почти покинули его, и Набиш начал медленно оседать на пол.

— Предатели заслуживают участи свиней на бойне, Набиш. И чтобы на том свете ты горел в Бесконечном пламени, вот тебе моя клятва: я под корень вырежу весь твой род, и твое имя сгниет вместе с твоими костями.

Дэйи с брезгливостью отшвырнул уже безжизненное тело. Генералы молча вытащили мертвеца за дверь, передали гвардейцам.

Киирис, словно зачарованная, смотрела на блестящую алую дорожку крови на полу. Вот то самое свидетельство, которое подтверждает всю правдивость людской молвы: император нэтресов беспощадный и жестокий тиран, и он исполнит кровавую клятву, которая превратила взгляд мертвеца в бездонные колодцы отчаяния и боли.

Глава девятая

Дальнейшее обсуждение военных забот империи нехотя просачивалось в сознание Киирис. Генералы быстро поделили армию мертвеца, обсудили новый план захвата Золотой долины, сговорились, где и как обойти реку с наименьшими человеческими жертвами. Потом они что-то долго обсуждали, склонившись над картой, то ругаясь друг на друга самой отборной бранью, то нахваливая военную смекалку и находчивость.

Сколько времени прошло? Достаточно, чтобы в животе Киирис поселилась гремучая змея, то и дело напоминая урчанием о своем существовании. А к тому времени, как Дэйн, наконец, распустил своих военачальников, мейртина даже перестала стесняться этих громогласных звуков. Просто сидела в кресле, словно приколоченная, и ждала возможности заговорить.

— Можешь взглянуть, — сказал император, как только Малый военный совет разошелся исполнять его поручения, и в зале остались лишь они и безмолвная рабыня. — Наверняка тебе любопытно.

Киирис и правда было интересно, что в тех письмах, хоть она смутно догадывалась о содержании. Первое адресовалось дочери Набиша: в нем генерал просил сделать все, чтобы удержать мужа от желания покориться императору и спасти ни в чем не повинное население от участи превратиться в рутину для палачей. Другое Набиш написал одному из касхаров, чьи земли граничили с землями его зятя. И судя по тону письма, эти двое были в сговоре уже не один месяц. Касхар должен был собрать войска и смести нерадивого зятя с его законного места, пока сам Набиш будет искусственно тянуть время. А потом эти двое планировали объединить армии и потеснить границы владений самого императора. Безрассудство, продиктованное жадностью.

— Он заслужил куда более мерзкой участи, — сказал Дэйн, когда Киирис положила пергаменты обратно.

— Ты меня использовал, — почти шепотом, чувствуя себя морковью на удочке, которой приманивают свинью, ответила Киирис. — Спровоцировал генерала, чтобы с чистой совестью прирезать.

— Тебя это огорчает?

«Да», — устало отозвалось ее собственное угнетенное тяготами последних дней сознание.

— Ты просил, чтобы я говорила лишь правду, — напомнила Киирис.

— Говори сейчас, пока я разрешаю. Потому что как только мы переступим порог этой комнаты — ты забудешь все увиденное и услышанное, сотрешь из памяти, как дурной сон. Иначе, Киирис, мне придется от тебя избавиться. Даже ты не стоишь такого риска.

«Рас'маа'ру не разменивают на целую империю, да, Дэйн?»

— Мне противно от одной мысли, что я стала инструментом для твоей расправы. Даже если этот человек заслуживал той участи. Даже если все его родственники должны последовать за ним, чтобы дурная кровь больше никогда не давала порченые всходы. Ты знал, что мне придется выслушать — и все равно сделал это.

— И сделаю снова, если понадобится, — не стал отпираться император. — Такова моя натура, Киирис. Это урок и для тебя: не стоит идеализировать ни одного из нас. Мы все глубоко испорчены жестокостью и безнаказанностью, и вседозволенностью. Одной твоей красивой мордашки и божественного происхождения недостаточно, чтобы переломить хребет нашей природе. Чем раньше ты поймешь это, тем проще тебе будет выжить.

— Возможно, мне не так уж нужна жизнь вашей игрушки? — Это был смелый вопрос-вызов. Дэйн до сих пор был на взводе и одним богам известно, успел ли остыть достаточно, чтобы отличить правду от непокорности.

— Возможно, — равнодушно ответил он. — Возможно, ты и есть то самое проклятие, о котором королева твердит не переставая: девчонка, которая заставляет меня

чувствовать себя засранцем даже когда моя жестокость целиком оправдана.

Дэйн погладил ладонью ее щеку, но на этот раз Киирис потребовалось собрать в кулак все мужество, чтобы не отклониться от непрошеной ласки. Тот Дэйн, что накануне спал в ее постели и сопел, словно кот, тот Дэйн, что был нежным, даже отдавая ей приказы, ушел так далеко, что во властном императоре нэтрезов не осталось и намека на его существование.

— Я всего-навсего рас'маа'ра, мой император, — скупой ответила она, — а никакого не проклятие.

— Может, ты и сама не знаешь, что ты такое. Я видел, ты хотела посмотреть карту. — Он сделал широкий жест, приглашая Киирис к столу. — Понимаю, что демонстрацией своей жестокости несколько подпортил тебе настроение, но в ближайшее время у тебя вряд ли будет шанс побывать здесь еще раз.

Настроение в самом деле было безнадежно испорчено, но мейритина не смогла противостоять соблазну. Вблизи карта представляла собой вырезанное в столе углубление, в котором, словно мозаика, располагались разноцветные камни-пластины. Они плотно прилегали друг к другу, невзирая на искривленные контуры и формы. Присмотревшись, Киирис увидела поверх всего этого призрачные горы и равны, леса и реки. С молчаливого согласия Дэйна, вынула из мозаики темно-синий камень, контуром напоминающий женский сапожок. Он оказался теплым и тяжелым, и приятно покалывал ладонь.

— Это древняя теургия?! — Киирис не смогла справиться с удивлением, как не смогла одолеть и волну знакомого жара, которая просочилась в ладонь и потекла по венам, пробуждая давно забытые ощущения. — Откуда?

— Отец Рунна, — ответил император. Он стоял по другую сторону стола, но и оттуда Киирис чувствовала его мощную ауру подавления. — Он был самым сильным теургом, которого я когда-либо знал. Самым талантливым и самым тщеславным. В конечном итоге, то и другое выпили его досуха.

Киирис с трудом положила камень на место. Воскрешенные им отголоски воспоминаний были слишком сильными, чтобы их контролировать. А до поры, до времени, никто не должен догадываться, какая часть ее божественной крови уже вернула память предков. Иначе она рискует оказаться на цепи.

— И тот Аспект, что хранит Мерод... — Она сделала паузу, предлагая Дэйну закончить.

— Последний подарок жене. Он и есть этот Аспект, хотя ты наверняка разбираешься в таких вещах лучше меня.

На эту неприкрытую провокацию Киирис отвечать не стала, но еще какое-то время с наслаждением изучала карту, которая жила своей собственной жизнью: реки текли, в деревьях шумел ветер. Настоящее мастерство, в которое создатель вложил не только теургические потоки, но и часть своей души.

— Но у Рунна совсем нет таланта, — вслух сказала Киирис, насытившись созерцанием гениального творения. — Так не бывает. Должны были остаться хотя бы отголоски.

— Загадка. Никто из нас не разгадал ее до сих пор. Еще когда Рунн был маленьким, он все время таскался за отцом, плакал, как девчонка, упрашивал, чтобы Туард научил его хоть чему-то. Но отец отмахивался от него, и не гнушался прохаживаться палкой по спине. У него была ужасная палка: с локоть длиной, тонкая, как хлыст, но ломала кости с одного удара. У проклятого фанатика теургия была везде. Наверное, и в нужник ею ходил.

Киирис с трудом представляла Рунна таким: маленьким, плачущим, с остервенением одинокого ребенка требующим к себе внимания. Но у Дэйна не было повода врать в таких вещах.

— Пару раз Рунн по несколько месяцев лежал как перебинтованная мумия, потому что

после отцовской науки в его теле целых костей оказывалось меньше, чем сломанных. Когда Туард в очередной раз вздумал отходить его своей палкой, я вмешался. Не мог смотреть, как подонок убивает ребенка ни за что. Честно говоря, я просто хотел превратить эту ушастую тварь в котлету, чтобы он хоть раз почувствовал, каково это — не иметь возможности самому сходить по нужде. Но Рунн вмешался... — Дэйн легко перевернул плечами. — Встал на его сторону, обозвал меня убийцей и пообещал перегрызть мне глотку, пока я буду спать. Брат так хотел отцовского внимания, что был готов потерять последнего защитника. В конце концов, я дал ему желаемое: пустил все на самотек. Даже нашел себе оправдание — все-таки, он мой соперник, и в очереди на престол второй, а значит, именно от него будет больше всего хлопот. Через несколько лет Туард решил восстановить Осколок, — Дэйн нахмурился, — не без подсказки королевы, разумеется. Он был сильным теургом, но у него ничего не получилось.

— Чтобы повелевать такими материями, одного теургического дара недостаточно, — согласилась Киирис.

— Иногда тщеславие делает нас слепыми и наивными. Туард закрылся в своей лаборатории на несколько дней, но однажды ночью там что-то гроыхнуло. Мне никогда не забыть увиденное той ночью. И Рунну тоже. После этого прежний плаксивый Рун просто исчез. Остался человек, которого ты знаешь сейчас. Мне иногда до смерти хочется избить его, — с обнаженной откровенностью признался Дэйн. — Бить до тех пор, пока я не увижу в его взгляде прежнего мальчишку. Но, боюсь, уже слишком поздно.

Киирис боялась произнести хоть слово, чтобы не нарушить это внезапное откровение. Только что Дэйн показал еще одну грань своей жестокости — и тут же раскрылся другой, уязвимой стороной. Возможно, никто из младших не испытывает к нему ни любви, ни хотя бы кровной привязанности, но он будет стоять за каждого из братьев, даже если оба станут плевать ему в спину.

— Ты голодна, — «заметил» император после того, как желудок Киирис в который раз возмущенно зарычал. — Ну, раз сегодня ты целиком моя, а завтрак, я так понимаю, не удался, то обедать будем вместе.

Мейритина молча последовала за ним, про себя надеясь, что обед с императором не предполагает присутствие его этары или, упаси боги, фаворитки. В присутствии хоть одной из женщин точно кусок в горло не полезет, а если она, наконец, нормально не поест, то к вечеру просто упадет от истощения.

— Я не люблю болтать за обедом, — предупредил Дэйн, когда они вошли в зал, выполненный из массивных пластов безупречного агата. — Поэтому будь добра держать рот на замке до тех пор, пока я не инициирую разговор. Это понятно?

— Да, мой император.

В отличие от зала для советов, здесь все кричало о роскоши. Живописные картины природы плотными рядами украшали одну из стены, на другой красовалось тканое шелковое полотно, изображающее сцену застолья богов, на третьей, в причудливых, вмурованных прямо в стену горшках, цвели невообразимой красоты растения. Выполненная из темной породы дерева мебель казалась одновременно и простой, и изящной.

И здесь же, на полу около камина, валялись два огромных фира. Увидев хозяина, псы бросились ему навстречу, радостно виляя тяжелыми хвостами. На всякий случай Киирис не стала подходить ближе, с опаской поглядывая на тяжелые клыкастые морды. В книгах писали, что фiry за просто перекусывают людей надвое, и теперь Киирис понимала, почему.

— Ты боишься собак? — насмешливо поинтересовался Дэйн, как мальчишка, забавляясь со своими любимцами, щедро поглаживая их по покрытым блестящей шкурой бокам.

— Я не боюсь собак, мой император, но это — не собаки. Это чудовища.

— Брось, мейритина, тебе ли бояться фиров! — На этот раз Дэйн от всей души расхохотался. — Они же тоже, в некотором смысле, потомки богов. Иди сюда, они должны тебя понюхать.

«Боги, дайте мне силы», — мысленно попросила она и осторожно встала около Дэйна. У Наследника костей под кроватью жила сотворенная теургией бестия, у императора были личные четвероногие убийцы. Интересно, что за «домашний любимец» у Рунна?

На незнакомку фиры отреагировали, ожидаемо, настороженно. Обошли несколько раз, принюхиваясь и присматриваясь, при этом в красных глаза псов не было и намека на дружелюбие. Одно лишь желание получить от хозяина команду и атаковать незнакомку. Киирис приказала себе не дергаться и выдержала испытание до конца.

— Ты молодец, — похвалил Дэйн. — У суки есть щенки, после обеда выберешь одного.

— Мне не нужен щенок, мой император.

— Нет, Киирис тебе *нужен* щенок фира, — отрезал Дэйн. — Женщины никогда не пренебрегают моими подарками. Уверена, что хочешь стать первой?

— Нет, мой император. Я с радостью подчиняюсь твоей воле.

— Проклятье, женщина, ты вообще умеешь радоваться?

Император молча указал на место за столом, а сам сел напротив. К счастью, не считая рабыни самой Киирис, в зале были лишь они с Дэйном. Слуги по одному появлялись в дверях, ставили блюда — и уходили, уступая место следующим. Прошло несколько минут, а стол ломился от еды. Дэйн жестом отослал виночерпия, и сам разлил вино в два кубка. А потом занял свое место — и тут же уткнулся носом в одну из бумаг, которые большой неаккуратной кипой лежали на приставном столике рядом. К еде Дэйн даже не прикоснулся.

— Могу я... помочь моему императору? — рискнула предложить Киирис. Правила поведения запрещали рас'маа'ре начинать есть, пока тарелка хозяина пуста.

— Можешь не ждать меня, — отмахнулся Дэйн. — И я не помню, чтобы разрешал тебе отвлекать меня разговорами.

Больше Киирис не стала рисковать и закрыла рот на замок. А открывала его только, чтобы полакомиться очередным кулинарным шедевром императорского повара. Кем бы ни был этот человек, талант к превращению простых продуктов в настоящие изыски был заложен в нем богами. Как иначе объяснить, что из простых продуктов он умудрился приготовить настоящую пищу богов? Киирис наслаждалась тишиной, покоем, вкусной пищей и, как ни странно, чувством защищенности. Дэйн столько раз угрожал свернуть ей шею, что она сама бы не назвала себя умной, полагая, что рядом с ним ей не о чем беспокоиться. Тем не менее, эти чувства были настоящими, и она не видела смысла от них отпираться, будь они хоть трижды продиктованы глупостью и наивностью.

На десерт подали... королеву-мать.

Мейритине стоило усилий сдерживать стон разочарования, когда Бергата молча уселась за стол по правую руку от сына, самым очевидным образом игнорируя его гостью. Несколько мину женщина придирчиво изучала содержимое блюд, порывалась взять то одно, то другое, но в конечном счете так ничего и не выбрала. Зато щедро налила себе полный кубок вина, и осушила его на добрую половину парой жадных глотков. За все это время Дэйн ограничился одним коротким «Главное, не мешай мне» и продолжал изучать бумаги. На некоторых он что-то писал, делал пометки размашистым почерком, другие просто комкал и без сожаления бросал на стол.

— Ты уже решил, какие торжества нужно устроить, чтобы встретить твою будущую жену с соответствующим ее положению размахом? — спросила Бергата, как бы невзначай заглядывая в пергамент, который Дэйн только что снял с заметно уменьшившейся стопки. — Я, если помнишь, предлагала свою помощь, но...

— ... но я отказался от нее, — перебил и закончил за мать император. — Уверю, королева, я не страдаю старческим слабоумием. Нет необходимости ежедневно напоминать мне о твоей дурацкой выходке. Хотя, если желаешь продолжить разговор, я, пожалуй, начну склоняться к мысли, что пара месяцев в Башне плача научат тебя

смирению куда больше, чем мое сыновье терпение.

— Я забочусь о будущем империи.

— В данный момент меня куда больше интересует ее настоящее, королева. Я сегодня собственноручно перерезал глотку Набишу. — Дэйн, наконец, поднял взгляд над бумагой и очень пристально заглянул матери в глаза. Киирис не сомневалась, что нарочитая многозначительность — совсем не случайная приправа к такой простой фразе. — Надеюсь, ты огорчена?

Со стремительностью молнии эмоции мелькали на лице королевы-матери, сменяя друг друга бесконечным потоком. Боль, разочарование, обида, злость, паника, страх... Мейритина многое бы отдала за то, чтобы поймать хоть малую их часть и спрятать в свою пока еще не существующую сокровищницу. Вряд ли судьба будет часто расщедриваться на подобные подарки.

— Только за то, что он был... близок мне? — сиплым голосом осведомилась Бергата, и в ожидании ответа, залпом допила остатки вина. Кубок в ее пальцах заметно подрагивал.

— Близок тебе? Думаешь, мне есть дело до того, кто и когда греет тебе койку? Я уже привык, что за королевой-матерью закрепилась репутация слабой на передок женищины, и пришел к выводу, что больше пальцем об палец не ударю, чтобы закрывать рты каждому досужему сплетнику. В конце концов, мы все знаем, что эти слухи — чистая правда. А мне и так есть за что отвечать перед богами, когда придет черед отправляться в загробный мир.

— Ты не смеешь говорить об этом при ней! — Королева яростно припечатала стол пяткой кубка, но тот зашатался, покатился по столу. Палец Бергаты уткнулся в сторону Киирис, а взгляд на сына.

Дэйн спокойно выдержал волну ее возмущения, бросил пергамент на стол и только после этого с видом, будто ничего не происходит, поддел вилкой кусок поджаренного с орехами и финиками окорока. Откусил, смакуя и растягивая удовольствие.

— Я требую, чтобы она убралась отсюда, — продолжала негодовать королева.

— С чего бы вдруг? Киирис — моя гостя за этим столом, я пригласил ее разделить со мной еду и она, в отличие от тебя, не портит аппетит и не досаждаешь бестолковыми разговорами. Ты же ворвалась без приглашения, рискуя устроить своему императору несварение. Если здесь кому-то не место, так уж точно не Киирис. Кроме того, Бергата, ты забываешь, что до недавнего времени мейритина была твоей гостьей и именно по твоему приглашению она здесь. — Дэйн почесал бровь, и от Киирис не скрылся уголок его скабрешной ухмылки. — На твоём месте, королева, я бы больше тревожился из-за связи с предателем, который сплел вокруг меня самый настоящий сраный заговор. Откуда мне знать, что ты только ноги перед ним расставляла, а не надиктовывала указания к действию. Мы оба знаем, что в подобных шалостях ты была не единожды замечена.

«Боги, этот мужчина прекрасен! — Соблазнительница разве что не визжала от восторга. Будь это в ее власти — тот час выбралась бы наружу и показала императору всю силу страсти, которую в ней пробуждали его слова и поступки. — Слишком несправедливо, что он до сих пор настойчиво игнорирует желание заняться с тобой любовью».

К счастью, на этот раз Киирис была в состоянии держать ипостась под контролем, хоть не могла не признать, что каждая новая грань Дэйна превращает его в настоящий алмаз. Можно сколько угодно противиться обаянию императора, но это все равно, что заставлять облака плыть против ветра.

— Ты в чем-то меня обвиняешь? — глухо, все еще пытаясь сохранить лицо, спросила Бергата.

— Скажем так — я рассуждаю вслух. Мало ли, о чем ты болтала, пока этот засранец тебя ублажал.

— Он...

Дэйн взмахом пресек ее попытку говорить.

— Набиш — предатель, и перед тем, как он сдох, я пообещал искоренить всю его родню под корень. То же касается и всех его приспешников. Так что, королева, с этой минуты говори лишь крепко подумавши, потому что мой аппетит и настроение окончательно испорчены. А терпения, даже на собственную мать, не осталось вовсе.

«И это все, на что оказалась способна эта, с позволения сказать, королева? — Кровожадная громко и непристойно, словно матрос в кабаке, заржала. — Просто не верится, что бабенку в короне можно держать на таком коротком поводке».

Бергата в самом дела заметно присмирела, вышла из-за стола, зачем-то почтительно и низко — едва ли не до земли — поклонилась императору. Тот и глазом не повел, и точно не смягчился.

— Я лишь хотела напомнить, мой император, что твоя невеста прибудет через десять дней, и мне тревожно, будет ли гостеприимство достаточным, чтобы после о нас не ходила дурная слава.

— Обо мне и так говорят много всего нелестного, детвору пугают на ночь глядя, я слышал. Одной ересью большое, одной меньше — все равно. И эта девица мне не невеста, и тем более не будущая жена. Она лишь плод твоего навязчивого желания обременить меня детьми. Но об этом я, будь уверена, в состоянии позаботиться без костылей и свечки.

Когда королева вышла, Дэйн еще долго изучал алую дорожку вина, коротким ручейком вытекающую из перевернутого кубка. А Киирис покорно ждала разрешения заговорить. Но его так и не последовало.

Глава десятая

Остаток дня Киирис следовала за императором безмолвной бесправной тенью. Просто шла за Дэйном шаг в шаг, радуясь хотя бы тому, что государственные заботы отвлекают его от мыслей о таэрне и ключе.

Поразительно, как многое этот человек успевал сделать: рассмотреть несколько новых законов, пересмотреть целую кипу прошений с такими абсурдными просьбами, что когда он изредка зачитывал их вслух, Киирис с трудом сдерживала смех. Еще были приказы о казни и помиловании, разрешения на брак. Он едва ли знал, что такое отдых, но ни разу, ни единым жестом не выдал усталости. Лишь, когда время почти приблизилось к полночи, позволил себе устроиться в библиотеке перед камином и, скинув сапоги, протянуть ноги к самой каминной решетке.

— Я забыл, что обещал тебе щенка. — сказал он немного погодя, хотя к тому времени Киирис убедил себя, что император совсем позабыл о ее существовании. — Кажется, моя очередь «кружить» тебя будет теперь лишь послезавтра. Напомни мне об этом обещании, если вдруг я снова позволю себе слабинку забыть.

Не хотелось это признавать, но облегчение, с которым Дэйн спешил передать ее на поруки Рунну, было до неприятного обидным. Слово он стряхивал с руки колючую рукавицу.

— Я обязательно напомню, мой император. Я с нетерпением жду обещанного подарка.

— Вот и славно. — Он вскинул палец, прислушиваясь. — Кажется, Раслер уже идет за тобой. — Киирис как раз собиралась спросить, откуда подобная пронизательность, но Дэйн ее опередил. — Если бы ты шесть лет изо дня в день слышала его шаги каждую ночь, ты бы тоже научилась отличать их даже в полной вакханалии. Погоди, младший брат педант, он откроет дверь ровно после двенадцатого удара колокола.

В самом деле, где-то над их голова глухо и протяжно ухнул колокол. Один удар, второй, пятый... Седьмой. После двенадцатого дверь библиотеки распахнулась — и Раслер ворвался в их пахнущее горящими дровами и одиночеством, безмолвие, будто сквозняк. При этом взгляд у него был таким, будто Наследник костей собирался в одиночку воевать с целой армией, встань такая на пути к его цели.

— Полночь, — только и сказал он.

— Я же говорил, что педант, — сказал Дэйн.

Раслер протянул Киирис руку в перчатке, слегка склонил голову в вежливом поклоне и дождался, пока она вложит свою ладонь в его пальцы. Киирис испытывала смешанные чувства освобождения и грусти. Уже стоя за порогом оглянулась. Надеясь на что? И сама точно не знала. Но Дэйн продолжал смотреть на пляшущий в камине огонь.

Раслер вел ее за руку, целенаправленно и уверенно. Не спешил, как Дэйн, но шел достаточно бодро, чтобы порядком уставшая за день Киирис почти не замечала ничего вокруг. Была уверена, что Раслер ведет ее в свою комнату. Интересно, что он имел в виду, когда говорил, что хочет лишь спать с ней, лежать в одной постели — и ничего больше? В прошлый раз не было похоже, чтобы она совсем не заинтересовала Наследника костей.

И все же, когда они вновь очутились в его комнате, а Раслер не сбавил шагу, Киирис начала подозревать неладное.

— Мое особенное место, Кровь богов, — сказал он с лихорадочным безумством во взгляде, приподнимая теургическую завесу, замаскированную под продолжение стены. — Хочу, чтобы ты взглянула.

Киирис потребовалось несколько мгновений, чтобы прийти в себя после увиденного. Как она могла не заметить, не почувствовать такую мощную теургию под самым носом? Хотелось изловчиться и хорошенько пнуть себя под зад за эдакую невнимательность. То, что она до сих пор не очнулась после Сковывания таэрном, не могло быть достаточным оправданием для такой слепоты.

Завеса была безупречной. Никто, ни единая живая душа не догадалась бы, что в паре метров от кровати стена отсутствует. Наверняка камни и на ощупь как настоящие.

По ту сторону завесы стоял тусклый серебристый полумрак, а довольно просторный коридор заполнял плотный туман. Киирис утонула в нем почти по колени. Ведомая Наследником костей, мейритина позволила себе осмотреться, надеясь зацепиться взглядом хоть за какое-то несовершенство. Тщетно: таким идеальным могло быть лишь то, что сотворено теургией. Причем самого первоклассного уровня.

«Что же ты с собой сделал, Раслер, чтобы заполучить такую силу?»

Сейчас даже широкая спина Наследника костей не казалась достаточным свидетельством его силы. Возможно, именно так он глушит боль? Возможно, именно через самоуничтожение снова и снова пытается что-то доказать окружающим. Или самому себе.

Коридор быстро кончился, впуская их в просторный каменный зал, по всему периметру уставленный массивными полками. В центре, в кованой треноге тускло пульсировал метровой высоты кристалл.

— Что в них? — Киирис окинула взглядом одинаковые сундуки, которые отличались разве что размером. Те, что побольше, стояли отдельно, маленькие занимали все полки у правой стены. — Твои сокровища?

— Нет, — с уже привычной отрешенной улыбкой ответил Наследник костей. — Меня неуклюже попытались убедить, что там — моя невеста.

Киирис сглотнула — и настойчиво вытолкала из головы мысли о подсчете. Не важно, что сундуков определено больше сотни. Не имеет значения, что некоторые из них настолько малы, что в голове не укладывается, какие именно части человека могут там находиться. Главное — молчать. И слушать. Он сам привел ее в свое «особенное место». Вот пусть и рассказывает.

— Я получил это через месяц после того, как королева сговорилась про нашу помолвку. До этого видел Феану только на гравюрах, и, если честно, в жизни не встречал девушки безобразнее. Тому художнику следовало отрубить руки вместе с головой. Но королева считала, что наш союз будет на пользу империи Дэйна, а мне, в четырнадцать лет, было все равно, на ком жениться.

— Разве к тому времени никто не покорил твое сердце, домин? — не удержалась от вопроса Киирис.

— Я и был покорен, мейритина. С того дня, как научился видеть слова за буквами, я безоговорочно покорился книгам и наукам. А в четырнадцать уродство будущей жены виделось едва ли не благословением богов. Никто бы не стал упрекать меня в том, что я посреди ночи бегу из супружеской постели в библиотеку. — Раслер позволил себе расслабленную и почти человеческую улыбку: такая вполне могла появиться на лице Дэйна или Рунна, но почему-то выглядела совершенно неуместной на их младшем брате. — А когда Феана приехала в замок, оказалось, что все не так уж плохо. По крайней мере, нос у моей невесты был куда меньше нарисованного, а щеки — не такими толстыми. Но все это не имело значения, ведь стоило Феане открыть рот, как стало ясно, что она безупречно, восхитительно умна.

В двенадцать-то лет? Хотя, возможно, книги — все, что было у некрасивой девочки, чтобы скрасить одиночество и укрыться от насмешек.

— Мы говорили дни и ночи напролет. Обо всем на свете. Вместе читали, вместе изучали древние свитки. Я не любил ее, надеюсь, ты это понимаешь.

— Я понимаю, что в ваши годы ни один не мог знать, что такое настоящая любовь, — уклончиво ответила Киирис.

— Мы были словно два проклятия, которые непостижимым образом встретились, чтобы превратить друг друга во что-то совершенно новое. И я до сих пор уверен, что та доверчивость была моей самой большой ошибкой. К сожалению, понимание этого пришло слишком поздно. К счастью — выводы остались со мной по сей день.

Он зачем-то окинул собеседницу долгим взглядом, а потом взял с полки стоящий отдельно ото всех маленький сундучок размером с ладонь.

— Через три недели нашей помолвки, Феана, со всей свитой, отбыла домой. И в тот же вечер я узнал, что эта мелкая кроткая тварь украла у меня кое-что важное. То, что я ценил выше собственной жизни. Я даже уговорил брата пуститься в погоню, но эта мера не пригодилась: мы получили письмо от людей, которые называли себя освободителями Рифина — брат битый месяц осаждал эту неприступную крепость, и считал покорение Рифина делом чести. Освободители Рифина были лаконичны: либо Дэйн отступает от их границ, и они заключают мир на выгодных Рифину условиях, либо невесту его младшего брата доставят к свадебному торжеству по кусочкам. Мне было плевать, что мясники с ней сделают, меня интересовала лишь моя пропажа. Ради нее я бросился Дэйну в ноги. — Раслер выждал паузу, как будто ждал ответных комментариев. — И мы даже почти нашли компромисс. Но было слишком поздно. Эти люди присылали сундуки по десять штук каждый день. Ровно столько, сколько длилась осада их треклятого города. И только последний сундук был один.

Наследник костей взвесил сундучок на ладони, но, к большому облегчению Киирис, не стал открывать. Лишь гипнотизировал взглядом хитроумные завитки вокруг замочной скважины.

— Там были глаза, Киирис, которые бестолочи наивно пытались выдать за глаза мелкой воровки.

— То есть ты хочешь сказать, что тебе прислали глаза какой-то другой девчонки?

— Мейритина, просто представь. — Он безразлично вернул сундучок на полку, поравнялся с гостями и с любопытством заглянул ей в глаза. — Ты проводишь время с человеком, который понимает тебя лучше, чем понимаешь ты сама, с которым все твои устремления не выглядят бредом сумасшедшего, а обретают смысл и суть. Вы вместе всегда и везде. Как думаешь, сможешь ли ты отличить цвет глаз этого человека от сотен других?

— Пожалуй. — Скупой ответ был единственной адекватной реакцией. — Возможно, те люди не были такими уж мясниками. Или хотели показать серьезность намерений.

— Я подумал точно так же. Тем более, что мне мерзавка позарез нужна была живой. Шли дни, недели, месяцы — а Феана так и не раскрыла себя. Словно сквозь землю провалилась.

Киирис хватило ума оставить при себе замечание о его ошибке. Раслер выглядел настоящим психом, когда рассказывал о проклятых глазах в коробке. Реакция на ее сомнение могла быть самой непредсказуемой.

— И так я понял, Киирис, что девчонка просто использовала меня. С самого начала, слово за слово втерлась в доверие к одиночке, выпытала у него все секреты — и, сбежав, мастерски замела следы. Это заслуживает похвалы. И я поклялся всем богам, что обязательно похвалю ее перед тем, как вырежу ее дрянные глаза ржавым тупым ножом.

От того, как резко тон Раслера с флегматичного перетек в неприкрытую холодную злость сумасшедшего, Киирис снова сделалось не по себе. Раслер не из тех, кто бросает слова на ветер, наверняка у него где-то и нож припрятан именно такой: тупой, зазубренный и весь в ржавчине. Возможно, на рукояти даже написано имя «Феана». А, возможно, он просто чокнутый мясник, как говорят люди, и нашел повод обозлиться на весь свет, когда узнал, что даже его общество не по душе даже маленькой уродине.

— Могу я поинтересоваться, что же обманщица у тебя украла? — мягко, будто пробовала носком первый снег, спросила Киирис.

— Голову моего отца, — был его ответ. — Я потратил несколько месяцев, за которые расплатился собственной жизнью, чтобы сохранить его голову в первозданном виде. За одни мысли о воровстве Феане следовало срезать крышку черепа и накапать в мозг яда мантикоры. Чтобы подыхала медленно, корчась в судорогах и извиваясь в собственных испражнениях.

Вот так. Ни древний артефакт, ни единственная в своем роде книга, ни семейная реликвия. Всего лишь забальзамированная теургией человеческая голова. Стоило представить подобное — и к горлу подкатила тошнота. Возможно, девчонка была под стать жениху.

— Все это, — Раслер обвел свои подземные владения широким взмахом, — свидетельство того, что я помню о клятве. И обязательно выполню ее.

— Но ведь теургия...

— Убивает меня, ты хотела сказать? — Еще одно одна бесцветная полуулыбка. — Мне все равно. Я с самого начала знал, что мне следовало родиться в каком-то ином мире, где мне будет с кем поговорить о чем-то более содержательном, чем деньги и политика. И твое появление здесь и сейчас, подтверждает эту веру.

Киирис знала, какие слова будут следующими, и на всякий случай прикрыла глаза, опасаясь — и не напрасно — что не сможет сдержать боль.

— С твоей помощью, Кровь богов, создам свой собственный Осколок.

— И что же ты собираешься сделать с помощью столь могущественной реликвии? — подавляя дрожь, уточнила она.

— Сотворю новый мир, чтобы хоть перед смертью узнать вкус идиллии.

«Только вот я к тому времени буду давным-давно мертва».

Должно быть, он снова читал ее мысли, словно открытую книгу, потому что в следующую секунду приблизился почти вплотную, с наслаждением истинного ценителя взял ее лицо в плен своих спрятанных в перчатки ладоней. Раслер долго, бесконечно долго и безмолвно изучал ее глаза, будто сомневался, настоящая ли она.

— Я не причиню тебе вред, Киирис, — уверил Наследник костей. — Ты слишком глубоко проникла мне под кожу, чтобы вырвать тебя без губительных последствий. Мне кажется, что я охотнее дал бы оторвать себе руку, чем позволил кому-то хотя бы помыслить о том, чтобы причинить тебе боль.

— Ты не можешь не знать, что тиеургия старшего порядка всегда забирает что-то взамен. — В эту минуту лицо Раслера было так близко, что его теплое дыхание ласкало ее губы. — Обычно — жизнь.

— Я знаю, как обхитрить смерть, — заговорщицки прошептал он, мягко прижимаясь губами к ее скуле. — Но для твоей же безопасности, не стану делиться знанием. Тебе придется просто довериться мне, Кровь богов.

Киирис задержала дыхание, когда Раслер осторожно, словно прикасался к смертельной отраве, прижался ртом к ее губам. Бережно разомкнул их поцелуем — и скользнул языком внутрь рта.

Его поцелуй больше походил на прикосновение призрака: одновременно и ощутимый, и невидимый, несуществующий. Словно в комнате появился кто-то третий, нагло вторгся в их одиночество — и проник сразу в обоих. Киирис даже дыхание задержала, боясь спугнуть эту внезапную эфемерную нежность.

— Ты на вкус — словно сама жизнь, — пробормотал Раслер, одновременно сжимая ее лицо все сильнее. — Настоящее блаженство.

Поцелуй наследника стал настойчивее, язык скользнул по внутренней части ее губ, потянулся к ее языку, приглашая к чему-то большему, чем мимолетное прикосновение губ, о котором они оба могли бы забыть уже к утру.

Киирис хотела отстраниться: чувства были слишком острыми и слишком хаотичными, чтобы принять их все разом, но... взгляд Дэйна сегодня был таким безразличным, а она так хотела тепла и внимания, и простой ласки. Хотела почувствовать себя способной получить хоть что-нибудь.

— А как же игра, Наследник костей? — Киирис позволила себе вольность сжать в кулаках его рубашку на груди. Слизнула с собственных губ вкус его поцелуя.

В сиреневых глазах Раслера вспыхнула искра азарта, а сам он настойчиво подтолкнул Киирис к кристаллу. Тот оказался невероятно теплым, мейритина с наслаждением потерлась о него лопатками.

— Желаешь сыграть, Кровь богов? — Одной рукой Наследник костей надежно удерживал ее за талию, другой провел по бедру. Он даже не пытался скрыть, что огорчен таким обилием одежды. Но все равно не торопился. — Я обещал лишь держать себя в своей постели всю ночь и до восхода солнца.

«Правильно боишься, что старший братец тебе руки оторвет, если станешь слишком много себе позволять, — внутри Киирис прошипела Соблазнительница. — Поэтому лучше просто сон, хотя бы из соображений безопасности... для всех»

На этот раз Киирис сделала вид, что не слышит ее. Проигнорировала каждый звук призрачного шепота в своей голове. В объятиях Раслера это оказалось не так уж сложно, а приправленная, невесть откуда выросшая обида на императора, стала финальным аккордом ее личной песни капитуляции. В конце концов, она заслужила немного иллюзии.

— Что ты хочешь, чтобы я рассказывала на этот раз, Наследник костей? — спросила мейритина, наслаждаясь тем, как пламя азарта все больше распалает взгляд домина.

— Для начала, я хочу снять с тебя всю эту дрянь и уложить в свою постель, — не стал оригинальничать Раслер.

Из его убежища они возвращались быстрее, едва ли не бежали. А в комнате Раслер нагнал Киирис около самой кровати и без лишних церемоний потянулся к завязкам корсета. Мейритина с облегчением выдохнула, когда пыточное приспособление женской красоты упало к ее ногам. Следом полетела сорочка и штаны. Девственность определенно не помешала Наследнику костей приобрести определенные навыки по части раздевания. Киирис сама не заметила, как он избавил ее почти от всей одежды. Стыд украдкой просочился в ту часть сознания, которая, невзирая на пикантность момента, по-прежнему думала о другом.

— Сегодня, Киирис, будет сто слов о себе, — избавляясь от сорочки, плотоядно улыбнулся Раслер. — Хочу услышать каждую твою эмоцию, Кровь богов. Упиваться каждой гранью твоего экстаза. В прошлый раз мне дьявольски понравилось упоение, с которым ты меня дразнила.

— Я лишь послушно следовала правилам твоей игры, домин, — не без кокетства произнесла она, рассматривая его подтянутое крепкое тело. Повязки больше не было, а о ранении напоминал лишь темно-красный росчерк шрама. Киирис приподнялась на локтях, протянула руку и провела пальцами по выпуклой линии. — Так быстро зажило? Разве здешний лекарь так плох, что ты...? — Она не отважилась закончить.

— Если тебе интересно, использовал ли я теургию, то мой ответ — нет.

— Но ее так много в тебе, что она просачивается в каждый кусочек тела?

— Это мое личное проклятие, Киирис. Я что-то вроде носителя для этого паразита, и он делает все, чтобы не лишиться удобного тела.

«Мальчишка окончательно съехал с катушек, — безглаголиво прокомментировала Кровожадная. — Хотя, лично мне азартно быть его первой»

— Я хочу попробовать тебя, — пробормотал он неожиданно ласковым шепотом, присаживаясь около кровати на колени. — Ты позволишь мне, Кровь богов?

Она зажмурилась, воображая, что будет дальше. Крохотная часть души противилась этой ласке, стыдилась тех чувств, которых может попросту не быть. В Кераке сестры частенько делали подобное, разучивая и эту форму любви на тот случай, если их пожелает приобрести женщина. Или если в их обязанности будет входить так же и забота об удовольствии жены хозяина. Наставницы говорили, что частенько наложили

покупают для того, чтобы держать третьей в постели, и лишь изредка — чтобы наслаждаться ее талантами единолично. Киирис никогда не нравились такие ласки. Было в них что-то... странное, ненастоящее, будто выдаваемая за молоко подкрашенная вода. А еще сестры и наставницы говорили, что притворщица она из рук вон плохая.

Поэтому, если Наследник костей сделает желаемое и не увидит надлежащей реакции, вряд ли это улучшит его настроение.

«Ну, так придумай что-нибудь, чтобы остановить его, — подсказала Соблазнительница. — Предложи другую игру, да не спрашивай — а делай, чтобы у него не было шанса возразить»

Киирис резко села, позволяя Страстной стать течением, по которому потекло ее сознание. Мгновение в глазах Раслера плескалось удивление, но ровно до тех пор, пока мейритина не вцепилась в его плечи и не потянула на себя.

— Надеюсь, домин, ты не будешь против, если на этот раз поведу я? — В пронизанном покорностью голосе, от настоящей Киирис не осталось ровным счетом ничего.

— Два раза подряд? — Только Наследник костей умел одновременно выглядеть и рассерженным, и увлеченным.

— Все, чтобы и в эту ночь ты так же сладко спал.

Ей пришлось широко раскинуть ноги, чтобы Раслер лег между ними. Штаны он по прежнему не снял, и когда руки Киирис скользнули ниже по его животу, перехватил ладонь, заведя ей за голову.

— Не сегодня, раз уж ты снова желаешь быть главной. Однако, ты все еще должна сто слов.

«И что, прикажете, с ним делать, если упрямый мальчишка даже штаны не разрешает снять? — На этот раз Соблазнительница откровенно забавлялась полученной, наконец, властью. — Ладно, настоящий секс мы прибережем для настоящего мужчины, а пока — лишь игра»

— Расскажи, какая ты между ног, Кровь богов, — потребовал Раслер, прижимаясь пылающей щекой к ее виску. — Расскажи так, чтобы я почувствовал.

Она вскинула бедра, недвусмысленно вильнула ими из стороны в сторону. Раслер зажмурился и в отместку довольно болезненно прикусил ее за ухо. Страстной нравилась эта игра: она завела ногу ему за спину и стукнула пяткой по ягодиче. Домин позволил себе усмешку и взял в плен вторую ее руку, тоже убирая пленнице за голову.

— Ты прекрасна, когда пытаешься изображать непокорность, — разглядывая ее сверху вниз, похвалил он. — Я почти готов тебе поверить.

— Твой член уже верит, Раслер. — Киирис поерзала из стороны в сторону, наслаждаясь твердостью в его штанах. — Тебе нравится то, что ты видишь, но еще больше тебе нравится игра, иначе зачем держать себя на поводке столько лет?

— Возможно, чтобы не причинить тебе боль? — неожиданно серьезно ответил он.

«Нет, нет, нет, сейчас мы точно не будем обсуждать твое намеренное уродство и его причины»

— Я могу вытерпеть столь много боли, домин, что ты и представить не можешь. — «Но, кажется, ты не из тех мужчин, которым подобное по душе». — Но в твоей постели я готова подчиниться твоим правилам.

Она сползла чуть ниже, прижалась животом к его члену. Это стоило неприятной ноющей боли в суставах рук, которые Раслер продолжал крепко удерживать.

— Думаю, я бы тебе понравилась, домин, — глядя в его горящие глаза, начала она, одновременно поглаживая животом его выпуклость в штанах. — Влажная ровно настолько, чтобы принять тебя всего. Узкая, для твоего полного удовольствия.

Раслер зажмурился, осторожно подхватил ее ритм. Киирис нравилось, что сейчас они соприкасаются лишь там, потому что так ее голова могла оставаться достаточно ясной, а удовольствие — целиком контролируемым. От одной мысли о возможной близости с этим странным молодым мужчиной, в голове появлялись странные размытые образы, от которых соски мгновенно затвердели. Вот только в этих образах...

«Сейчас я главная! — взбрыкнула Соблазнительница, и бесцеремонно вытряхнула Киирис обратно на задворки сознания. — Мы же не хотим, чтобы маленькую рогатую бестию потом мучили бесконечные угрызения совести?»

— Если бы ты пожелал взять меня, — продолжала она с заметным придыханием, — то понял бы, что я — словно теплый жидкий шелк. И я бы приняла тебя так глубоко.

— Мокрая и податливая? — Раслер тоже опустил ниже, на этот раз прижимаясь членом к влажному месту между ее широко раскинутыми ногами. Толкнулся несколькими дразнящими движениями, каждый раз заставляя ее всхлипывать от плотного трения. — Горячая? Отвечай!

— Горячая, — подхватила она, и, повинувшись воспоминаниям, запустила руку между ног, скользнула пальцами внутрь, выгибаясь дугой.

— Что ты чувствуешь? — Он с силой толкнулся вперед, подталкивая ее пальцы еще глубже.

— То, что может подарить тебе удовольствие, Наследник костей. — Киирис высвободила ладонь, влажными пальцами очертила контур его рта. — Попробуешь?

Вместо ответа Раслер обхватил губами ее пальцы, соблазнительно слизнул влагу самым кончиком языка, одновременно наращивая темп.

— В следующий раз, Киирис, я должен буду попробовать тебя по настоящему, — пообещал он сбивающимся от страсти голосом.

Вместо ответа она вынула пальцы из его рта, хотя напоследок Раслер все же ухитрился их укусить — и поцеловала его. Сплела свой язык с его языком, впитывая рвущиеся из горла Раслера хрипы. Вот так, больше — никаких разговоров. Возможно, игры наследника нельзя назвать нормальными и привычными, но сейчас ей нравилось быть их участницей. И нравилось, что при других обстоятельствах она вполне могла бы отдаться им вся без остатка.

Их приглушенные стоны, всхлипывания, шелест простыней — все слилось в набирающую темп мелодию. Киирис чувствовала лишь восхитительный вкус его требовательного поцелуя, то подчиняясь — то забирая инициативу. Чувствовала, как яростно он вколачивает свою твердость ей между ног и рычит от негодования, что не может получить все сполна. В какой-то момент ее собственная ноющая слабость превратилась в сосредоточение удовольствия, в которое Киирис окунулась без оглядки.

Последний толчок был таким сильным, что кровать недовольно скрипнула. Киирис разорвала поцелуй, позволяя Раслеру выплеснуть свой долгий стон. Ее била мелкая дрожь, голова кружилась, а тело медленно раскачивалось на волнах полученного удовольствия.

— Воображаю, что подумают прачки, когда найдут мои штаны, — пошутил Раслер, когда к нему вернулась способность говорить.

— Они молча сделают свою работу, чтобы сохранить головы при себе.

На этот раз Раслер поцеловал ее едва касаясь губами губ, перевернулся на спину и раскинул руки.

— Кажется, сегодня я увидел обитель небесную, Кровь богов.

Глава одиннадцатая

Десять дней спустя

— Ну и что ты придумал на этот раз?

Киирис с восхищением разглядывала двух оседланных породистых ююнских жеребцов: тонконогих, крепких и изящных, словно струны на музыкальном инструменте. Их шкуры лоснились на солнце, грация была безупречной, а седла стояли, должно быть, цену небольшой деревни со всеми ее обитателями.

— Прогулку за город, — бесшабашно, будто речь шла о совершенно обыденной и безопасной вещи, сказал Наследник тени, и вручил ей что-то завернутое в отрез дорогой ткани.

— Мне кажется, жеребца было достаточно. — Она не отважилась взять предложенный подарок.

— А мне кажется, рас'маа'ра здесь ты, а значит, я имею полное право решать, что ты примешь в дар, а что — нет.

Киирис незаметно поморщилась от прозвучавшей в его голосе небрежности.

Страшно представить, что прошло уже больше недели с тех пор, как она оказалась пленницей в замке Меродской гидры. Хотя, какая же она пленница? Киирис не имела привычки лукавить себе, поэтому вынуждена была признать, что жизнь «пленницы» была во всех отношениях куда приятнее вынужденного существования в Кераке. Даже если сначала она думала совсем противоположное.

Раслер и Рунн продолжали баловать ее своими постоянными знаками внимания, каждый на свой манер. На прошлой неделе Наследник тени преподнес ей в подарок коня великолепного, безупречно-гнедого жеребца. Как оказалось, больше, чем женщин и хорошие клинки, Рунн любил разве что лошадей. Мог говорить о них часами, восхищаясь с такой же страстью, с какой иной ценитель описывает прелести красавиц с Теплых островов. В другой жизни, по ту сторону Зеркала мира, Киирис выучилась сидеть в седле раньше, чем говорить, вот только ездила она совсем не на смиренной лошади. Да и после похищения в Керак так ни разу и не ездила верхом. О чем сразу же честно сказала Рунну, в ответ на что тенерожденный плотоядно ухмыльнулся и пообещал самолично заняться ее обучением. А учитывая то, что Дэйна днем и ночью занимали государственные дела, у Наследника тени появилось в два раза больше времени, чтобы осуществить обещание. За это время Киирис успела привыкнуть и к его странной манере шутить, и к комплиментам, от которых сквозило если не издевкой, то весьма сальной шуткой. И успела рассмотреть, что все это — не более, чем ширма, за которой Рунн старательно прячет своего обиженного на весь свет, недолюбленного ребенка.

— Ну же, рас'маа'ра, смелее. — Наследник тени всучил ей сверток.

Не имея ни малейшего представления, что же там может быть, Киирис откинула края ткани. Внутри, в простых кожаных ножнах, лежал короткий ююнский клинок. Киирис вынула его, не без удовольствия наслаждаясь игрой света на чуть голубоватой стали.

«Я готова была отдаться за коня, — возбужденно простонала Кровожадная, — а за такой подарок мы обязаны трахнуть ушастого до потери сознания!»

В отличие от одной из своих ипостасей, клинок нравился Киирис лишь как произведение искусства: великолепный образчик кузнечного мастерства и таланта, который она предпочла бы вовсе не брать в руки.

— Благодарю за подарок, Рунн.

— Я вижу, что тебе он не слишком по душе, — безошибочно угадал Наследник тени. Расстроенным, впрочем, не выглядел. Киирис вообще редко замечала за ним какие-то другие эмоции, кроме вездесущего разгильдяйства и попыток высмеять все и вся. — Надеюсь, другая часть тебя оценит его по достоинству. Дьявол, до сих пор не представляю, как ты устроена.

— Разве это столь важно?

— Мне бы хотелось знать, чтобы по возможности самому решать, с кем из тебя... вас я предпочту проводить время сегодня, или завтра, или в любой другой день.

— Боюсь, до тех пор, пока таэрн не вернулся на свое место у меня на шее, ни о каком контроле не может быть и речи. Я сама с трудом понимаю тех, что скованны вместе со мной.

Рунн приблизился к ней почти вплотную, как делал всегда, когда собирался пустить в ход свое сумасшедшее обаяние. От него всегда удивительно пахло дождливым лесом и травой в утренней росе, и полуночной грозой. Как будто этот молодой мужчина существовал в одной из тех реальностей, где люди жили в вековых лесах и умели подчинять природу.

— Пока, но лишь пока, меня устраивает все, как есть. Так забавно все время пытаться тебя разгадать, рас'маа'ра. — Он положил ладонь поверх ее руки на рукояти клинка и недвусмысленно погладил пальцами острые костяшки. — Как только мне начинает казаться, что я разгадываю тебя — ты снова ускользаешь.

«Это все потому, что ты — Охотник, а я — привлекательная добыча, раз за разом ускользающая у тебя из-под носа. Азарт, за которым не стоит ровным счетом ничего».

Возле ее ноги раздалось недовольное громкое рычание. Наследник тени скосил взгляд вниз.

— Он так и будет таскаться за тобой?

Киирис пожала плечами, присела, чтобы погладить щенка фира за ухом. Подарок Дэйна, который император даже не пожелал вручить лично. Просто передал щенка через свою этару без каких-либо указаний. С самого дня показательного во всех отношениях военного совета, император полностью и во всем ее игнорировал. Она и видела его всего-то пару раз, да и то издалека и в обществе своей фаворитки. Часть Киирис испытывала огромное облегчение из-за его остывшего интереса, но в глубине души невыносимым холодным комком ныла болезненная обида. Возможно, почуяв соперницу, первая фаворитка применила все свои женские чары, чтобы вернуть расположение императора, но это ни в коей мере не оправдывало его безразличия.

— Ты так и не дала имя этому чудищу? — Рунн даже не скрывал, что целиком и полностью презирает увлечение старшего брата этими псами. — Предлагаю назвать уродца «Дэйн». Так у тебя появится свой личный император: будешь пинать его под зад и тыкать носом в лужу. Хоть какая-то польза.

Киирис разделила шутку искренним смехом, но осеклась, когда на широком внутреннем дворе перед центральным входом, где они с Рунном как раз собирались оседлать лошадей, наметилась неожиданная возня. Щенок — в три месяца он уже перерос высоту ее колон — навостри уши и занял боевую стойку. Возможно, фир в самом деле был не слишком мил и больше смахивал на помесь недокормленного волчонка и бескрылой выверны, но врожденные инстинкты подсказывали ему защищать хозяйку от всего, что, по его мнению, вызывало подозрение. Киирис успела подумать, что щенку все-же стоит дать приличное имя, но через мгновение эту мысль вытеснил громкий и шепот Рунна:

— Ба! Похоже, приехала обещанная императорской заднице племенная кобыла из Халар'Шая.

Через гостеприимно распахнутые ворота во внутренний двор вливалась целая река людских тел: вооруженные до зубов всадники, герольды, знаменосцы, тяжелые кованные экипажи, больше напоминающие неприступную крепость чем средство для комфортного передвижения. Открывали и замыкали процессию личные гвардейцы императора. Должно быть, они сопровождали девушку от самой границы и головой отвечали за ее безопасное прибытие.

Киирис отвернулась, пристегнула меч к луке седла, мысленно сосчитала дни. В самом деле, невеста должна была прибыть с дня на день, так почему бы и не сегодня, не сейчас? От одной мысли, чтобы столкнуться с ней лицом к лицу заскребло где-то под

ребрами. Нет уж, на такое она точно не подписывалась. Хватит и тех уничижительных взглядов, которые ей «посчастливилось» получить от императорской фаворитки. Будет куда лучше, если эти двое вцепятся в глотки друг другу, а о ней, Киирис, и думать забудут. В игре за право быть первой и лучшей для самого сильного мужчины всего континента, она им точно не соперница.

— Куда бы ты ни собирался поехать, предлагаю сделать это прямо сейчас, — поторопила мейритина.

Не хотелось признаваться себе в этом, но кроме попыток в очередной раз спрятать голову в песок, она еще и до смерти не хотела столкнуться с девушкой лицом в к лицу. Боялась увидеть, что та хороша и юна, и невинная. Боялась, что на ее безупречном личике огромными буквами будет написано: «Я абсолютно невинна и Дэйн оценит, что до него ни один мужчина не касался моего тела».

— Как? Ты не желаешь увидеть представление? — В отличие от нее Рунн не скрывал, что жаждет увидеть невесту брата и, возможно, будущую императрицу нэтрэзов. А когда глаза Наследника тени загорались азартом, переубедить его было практически невозможно.

Киирис мысленно вздохнула и пожелала себе терпения, благоразумия и мудрости. Это всего лишь девица: достаточно благородная, чтобы быть парой самому императору, и, вероятно, весьма милая.

Но все попытки убедить себя держать лицо, провалились, стоило Дэйну появиться на крыльце. За его спиной маячили разодетая в бархат Королева-мать и заметно присмирившая после порки этара.

Одновременно, прислужники распахнули двери кареты, спустили приставную лесенку, на которой тут же появилась обутая в великолепную, расшитую золотом и серебром туфлю, женская ножка. Киирис стало неловко за свой, пусть и ладно скроенный, но куда менее изящный риаг, и высокие сапоги без намека на каблук. Она, будь все неладно, собиралась на прогулку верхом, а не покорять хозяина самой Нэтрэзской империи.

«Ты забываешься, что красивые одежды и вольности не освобождают тебя от статуса игрушки трех избалованных мужчин, — охотно напомнила Кровожадная. Ей доставляло истинное удовольствие при случае и без напоминать Киирис о ее уничижительном положении. — Даже если бы тебя раздели в шелка и бархат, ты все равно не будешь стоять и ногтя этой девчонки, потому что ты — всего лишь дорогая и экзотическая наложница. Вещица, которую изредка кладут в постель, чтобы поразвлекаться».

Киирис охотно согласилась. Даже несмотря на то, что в постель ее так никто и не уложил. Дух соперничества и честолюбивое желание быть всегда первыми — коль скоро Дэйн потерял к ней интерес — удерживали наследников от решительных действий.

Киирис покорно склонила голову, когда Дэйн поравнялся с ними. Пробормотала невнятные пожелания доброго дня, уверенная, что он не станет задерживаться и поспешит проявлять радушие. Но у императора на этот счет были свои соображения.

— Мне нужны твои Вороны, — без прелюдии, обратился он к брату.

— Вот как? — Судя по лицу Рунна, он знал, о чем идет речь. — Дай подумать... Наверное... отправлю-ка я тебя куда подальше с твоим этим «надо».

— Не надоело ерничать? — Дэйн проигнорировал откровенную насмешку. Равно как продолжал игнорировать и невесту. — Предупреждение первое: еще одна подобная шутка — и я тебя собственноручно обезглавлю.

Киирис, пользуясь тем, что мужчины сцепились и не обращают на нее внимания, украдкой посмотрела на гостью, тем более, что та, устав ждать, сама пошла навстречу жениху.

Девушка оказалась высокой, под стать Дэйну. Светло-зеленое платье модного покроя с оголенными плечами и множеством пышных тонких юбок приковывало взгляд к его хозяйке. Она не была так, чтобы уж безумно красива, скорее привлекательна обычной

женской красотой, которая с возрастом может либо расцвести, либо увянуть. Но вот ее взгляд Киирис сразу не понравился. Прежде всего потому, что незнакомка смотрела прямо на нее, и делала это оценивающе, с пренебрежением настоящей аристократки. И гостье совершенно точно не нравилось, что именно эта рогатая бестия находится в эпицентре событий, которые помешали жениху встретить ее со всеми почестями.

— Вороны заняты исполнением других моих приказов, — более спокойно ответил Рунн, одновременно недвусмысленно подталкивая Киирис к лошади.

— Это чушь собачья, — не поверил Дэйн. — Мне кажется, однажды у нас уже был разговор на эту тему, и мы пришли к некоторому соглашению. Я слишком занят, чтобы повторять дважды одно и то же. Но если тебе хочется, чтобы я снова сказал все те слова в ее присутствии...

Дэйн недвусмысленно кивнул на Киирис, при этом, не подарив ей даже полвзгляда.

— Этот разговор не может подождать? — откуда-то сбоку зашипела Королева-мать. — Ради богов, Дэйн, вспомни, ради чего мы здесь.

Император нашел гостью взглядом, выдохнул — и кое-как изобразил улыбку. Был ли он рад увидеть, что его возможная избранница недурна собой и достаточно изящна? Киирис попыталась не думать об этом. Она мечтала лишь о том, как бы поскорее выехать за ворота, а дальше будь, что будет. Вот только вся процессия уже спешила навстречу гостье, и они с Рунном оказались в числе тех, кому полагалось одарить девушку словами радушия. И делать это следовало совершенно точно не сидя верхом.

К счастью, Рунн без слов понял ее невысказанные догадки, и мягко оттеснил Киирис себе за спину, а она с благодарностью опустила взгляд на кончики собственных припыленных сапог. И чтобы не слышать, не видеть и не понимать принялась повторять в уме какую-то дурацкую считалку.

Это помогло, потому что дальнейшие события протекли сквозь нее лишь призрачными отголосками. Были слова пожелания здоровья и всяческих благ, обещания показать гостье все красоты Великого города Мерода, на удивление сладкое щебетание королевы и пара скупых комплиментов Дэйна. Совершенно точно Киирис запомнила лишь две вещи: гостью звали Обри и она, по ее собственным заявлениям, собиралась задержаться в Замке туманов «так долго, как это будет возможно».

Когда гостью, наконец, сопроводили в замок, а они с Рунном не сговариваясь, уселись верхом, их снова остановил голос Дэйна.

— Куда ты собираешься ехать? — спросил у брата император.

— Разве ты не должен окучивать свою будущую женушку? — вопросом на вопрос ответил Рунн. — После того, как она на тебя пялилась, ручаясь, кобылка вся мокрая и готова спариваться хоть сейчас. Она не уродина, и этот союз даст тебе такой желанный кусок земли. Демоны все задеря, да я вообще не понимаю, почему ты до сих пор здесь, вместо того, чтобы затащить девку в койку и настроить парочку-другую наследников.

— Киирис, — на этот раз Дэйн оказался так близко, что невольно касался плечом ее колена. — Куда этот ненормальный тебя везет?

«То есть спустя полторы недели ты вдруг вспомнил о моем существовании, и тебе стало не все равно?» — хотелось ответить ей, но Киирис ограничилась коротким и более уместным:

— На прогулку, несколько мне известно.

— И для этого дает меч? — Дэйн выдвинул часть клинка из ножен — и задвинул его обратно.

— Это подарок, — встрял в их разговор Наследник тени. — Куда лучше, чем твоя бесполезная псина.

Псину, кстати говоря, уже взяла на руки верная рабыня Корта, хоть щенок изо всех сил брыкался и норовил вернуться к хозяйке.

— Я не припоминаю, чтобы разрешал мейритине покидать замок, — глядя Киирис в глаза, возразил император.

Киирис было не по душе, что о ней говорят так, будто она безмолвная бестолковая вещь, но мейритина стойко выдержала и этот удар. Рас'маа'ра никогда не должна забывать, где ее место, и чем крепче она вдолбил в голову эту аксиому, тем проще в итоге будет ее существование.

— Я не припомню, чтобы ты вообще проявлял интерес к ее жизни в последнее время, — парировал Рунн.

— В отличие от тебя, я не бездельничаю. Как далеко ты собираешься ехать, Рунн?

— На охоту в Скарский лес, — все-таки подчинился Рунн. — Рас'маа'ре нужно развезаться.

На охоту? Киирис сглотнула, вспоминая гушу даркера, которую видела на лошади Рунна в день их первой встречи. Тенерожденный был из тех, кому даже высокое положение и перспектива стать императором не были помехой в рискованных играх со смертью. Он определенно не собирался охотиться на кроликов и лис, вот только перспектива принять участие в травле чего-то покрупнее, вызывала в Киирис лишь ужас и панику. Чего нельзя было сказать о Кровожадной. Та чуть ли не визжала от восторга.

— Ты собрался угробить ее, потому что так и не смог получить? — насмешливо поинтересовался Дэйи, одновременно протягивая руку и обхватывая пальцами лодыжку Киирис. — Возможно, это тебя, а не мейритину, следовало посадить на цепь?

От его прикосновения, пусть и сквозь сапоги, Киирис прошибла острая сладкая боль.

— Уверю тебя, жизни девчонке ничего не угрожает. И я верну ее до полуночи, — сквозь зубы процедил Рунн и прищипил коня. — Будут тебе Вороны.

Киирис растерянно посмотрела ему вслед, и, наконец, позволила себе слабость заглянуть в лицо императору. Боги милостивые, до чего же у него невероятные глаза: темные, бездонные. И эти губы.

«Ты, что ли, соскучилась за ним? — фыркнула Кровожадная. — Соскучилась за мужиком, который дважды проигнорировал возможность заняться с тобой сексом?»

— Если императору больше нечего сказать мне...

Мейритина выдохнула, когда ладонь Дэйи скользнула выше. Она всегда восхищалась видом его рук: жилистых, с длинными жесткими пальцами. И помнила, что ладони у него мозолистые, шершавые. Совсем не как у вельмож.

Киирис осторожно сглотнула, когда император перехватил повод левой рукой, а правую переложил еще выше, на колено.

— Хочешь, чтобы я сказал какую-то глупую романтическую чушь, Киирис? — Он придвинулся ближе, загоразивая спиной свои бесстыжие поглаживания. — Что-то несусветно бредовое и слащавое? — Его ладонь поднялась вверх по ноге, властно, без сомнения обхватила бедро.

Какая разница, что хочет она, если император волен делать, что ему вздумается? Киирис зажмурилась, когда он переместил ладонь еще выше и неожиданно мягко погладил сгиб бедра, осторожно касаясь большим пальцем места между ногами.

— Каким из своих призраков ты одержима в данный момент, мейритина?

Она хотела выкрикнуть прямо ему в лицо, что сейчас — есть ли она, но вместо слов получилась невнятная череда вздохов, которые смутили даже ее саму.

— Ты стала неразговорчивой, — пожурил он, надавливая подушечкой пальца на самое чувствительное место между ее ногами. — Размышляешь над тем, как перерезать мне глотку?

Киирис собиралась отозваться какой-нибудь уместной колкостью, но из горла снова раздался лишь перемешанный с всхлипыванием стон. Дэйн хищно улыбнулся, продолжая свои поглаживания. Хвала богам, она в штанах. Тяжело представить, что бы случилось, прикоснись он точно так же к обнаженной коже. Тяжело — и желанно. В самом низу живота так сильно и сладко заняло, что она была едва способна сидеть верхом.

— Ты зарумянилась, Киирис.

Стервец, он еще и издевается!

В следующую секунду Дэйн убрал руку и снова почти безразлично погладил ее по колену. Чтобы не завывать от разочарования, Киирис закусил губу.

— Будем считать это моим извинением за то, что ты стоишь пунктом последним в списке моих ежедневных забот, — пояснил император. — Постарайся не лезть на рожон, мейритина. Мне бы не хотелось, чтобы Раслер снова начал выть по ночам. Судя по всему, ты действительно хорошо обученная, раз умудряешься изматывать его которую ночь подряд.

Что?!

Прежде чем она задала вопрос вслух, Дэйн развернулся на пятках — и оставил ее одну.

Глава двенадцатая

В полной тишине, ни обменявшись и словом, они выехали за пределы замка. После покинули Мерод тем же путем, которым Киирис въехала в оплот Нэтреской империи несколько недель назад — и окунулись в сумрачные просторы опустошенных земель.

Лишь пожив столько дней под благодатной защитой Аспекта, Киирис в полной мере смогла ощутить ужас расплзающейся во все стороны войны. Бесконечные выжженные огнем и теургией земли, разорванные в клочья равнины. То, что некогда было зеленым и плодородным, превратилось в могильник, словно снегом, укрытый толстым слоем пепла, который не переставая сыпал с неба.

Время от времени им попадались разоренные деревни, в которых теперь хозяйничали воронье и смерть. Однажды, примерно через час пути, всадникам встретилась небольшая группа беженцев: они везли свой нехитрый скарб на крохотной телеге, которую костлявая кляча — ее и лошадью-то назвать было страшно — волочила, едва переставляя ноги. Чумазные детишки облепили свою затравленную горестями мать, и поглядывали на всадников с неприкрытым ужасом и ненавистью, одновременно. Киирис все ждала, что Рунн поделится с ними хотя бы частью провизии, но Наследник тени просто проигнорировал их. Проехал мимо, «одарив» разве что недобрый взглядом.

Киирис, вопреки громогласному голосу рассудка, придержала лошадь и, спрыгнув на землю, помахала обозным, знаками показывая, что не причинит им вреда. Малышня попряталась за мать, а та, после недолгих раздумий, все-таки остановила повозку.

— Что ты собираешься делать без моего разрешения, рас'маа'ра? — недовольно осведомился Рунн.

— Собираюсь проявить сострадание к тем, кто в нем нуждается, — сказала она, не слишком заботясь о том, что тон был совсем неподобающим.

— Эти люди — беженцы из Лаатриса, — пояснил Рунн. — Армия Дэйна разрушила его три дня назад, потому что жителям не хватило ума самостоятельно прирезать несговорчивого бургомистра и подарить его голову вместе с гостеприимно распахнутыми воротами.

Лаатрис. Это название было до боли знакомо, но Киирис так и не смогла вспомнить, чем. Женщина и дети продолжали посматривать на нее с опаской, при этом все скопом держались смирно. В каждом взгляде Киирис без труда прочла готовность все без раздумий упасть в ноги и вымалывать право на жизнь. Ну, или хотя бы кусок хлеба.

— Люди не виноваты в том, что бестолковые правители не в состоянии позаботиться об их благе, Рунн.

— У Дэйна на сей счет другое мнение. И это едва ли ни единственный раз, когда я согласен с императорской задницей. Если каждого прощать без показательной порки — кто же будет бояться?

— Страх — лучший способ вызвать уважение? — с горечью спросила она, отстегивая от луки седла небольшую поклажу с провизией.

— Страх — лучший способ держать Империю в стальном кулаке. Пока люди боятся — они послушны, покорны и безропотно выполняют обязательства: возделывают землю, растят скот, создают товары и платят налог в казну. Ничего это не будет, коль скоро за так называемы «уважением» не будет стоять ровным счетом ничего. Мне казалось, ты достаточно разумна, чтобы понимать очевидные вещи.

Киирис молча выслушала его, а потом поманила того из мальчишек, который выглядел самым старшим. Он подтер нос, растирая вместе с соплями сажу и бурые потеки, с опаской, но все же подошел к ней на расстояние вытянутой руки. Киирис протянула мальчишке сверток.

— Возьмите, здесь немного, но вам хватит, чтобы перекусить и добраться до Мерода.

Мальчишка недоверчиво развернул содержимое «дара», но когда его ноздри втянули

запах свежей ветчины и благородного сыра, он несколько раз судорожно сглотнул и стал неловко кланяться, бормоча какие-то благодарности. Киирис остановила его коротким взмахом руки. Возможно, если бы она не была такой размазней и хоть ненадолго прислушалась к Потоку, который в последнее время безобразно игнорировала, эти дети не узнали бы, что такое война и нужда. Сколько еще подобных напоминаний нужно увидеть, чтобы вспомнить о данном обещании? Чтобы, наконец, исполнить предназначение?

«После того, как нам всем стало известно, что от одного вида этого самца у тебя мокреет между ног? — с издевкой мурлыкнула Соблазнительница. — Ты правда думаешь, что глупое обещание мертвецам того стоит?»

«Я думаю, что того стоит моя совесть ... Должно быть», — самой себе ответила Киирис, и под недовольным взглядом Рунна вернулась в седло.

— Мне категорически не по душе такие выходки, рас'маа'ра, — высказал он свое недовольство спустя какое-то время, когда на горизонте уже появилась черная шапка леса. — Есть некоторые рамки, за которые ты не должна выходить, даже невзирая на наше к тебе попустительское отношение.

Это прозвучало, как если бы он погладил щенка, прежде чем со всего размаху ткнуть его мордой в дерьмо. Киирис и не рассчитывала на понимание, уж точно не от того, кто собственноручно принимал участие в самых кровавых, пусть и оправданных войной расправах.

— Если тебе угодно наказать кого-то — я готова, — безразлично предложила она. — Я, в конце концов, знала, на что шла, соглашаясь на эту прогулку.

— Ради Костлявой, Киирис! — Рунн позволил себе целую оду из ругани. — Никто из нас не причинить тебе вред, мне казалось, это очевидно даже такой не слишком-то проницательной бестии, как ты. Я лишь высказал пожелание впредь не делать ничего подобного, по крайней мере, в моем присутствии. Хотя, будь уверена, от Дэйна за подобную доброту ты получила бы куда более увесистую моральную оплеуху.

— Мне все равно, — ответила она, как никогда остро осознавая, что даже упоминание его имени будоражит в ней странную смесь боли, обиды, разочарования — и тревоги. — Возможно, ты поведаешь мне, о каких воронах шла речь?

— О моих личных, — уклончиво ответил Наследник тени. — О тех, которые помогают императору хоть изредка, но проявлять человечность по отношению к тем, кто не в состоянии сделать правильный выбор.

Киирис могла лишь предполагать, опираясь на слухи и собственные знания, что речь, скорее всего, идет о воинах из тени. Они проскальзывали в осажденные города под покровом ночи и устраивали так, чтобы с рассветом в городе было ровно столько трупов, сколько требовалось для безоговорочной капитуляции на всех условиях осаждающей армии. В народе об этих невидимках говори непременно в дурном свете, проклинали и желали им и их детям корчиться в муках и гнить заживо. Сам Рунн, похоже, считал себя и своих Воронов едва ли не спасителями.

— И какую неприступную крепость Дэйн собирается брать на этот раз? — был ее следующий вопрос.

В широкой улыбке Наследника тени было много похвалы и еще больше — предостережения больше не задавать провокационных вопросов. Решив, что на сегодня и так достаточно испытывала терпение всех вокруг, Киирис все-таки отступила, выбрав для беседы более нейтральную тему.

— Позволено ли мне хотя бы узнать, на кого ты желаешь поохотиться?

Настроение Наследника тени вновь стало бесшабашным, и к нему вернулась привычная болтливость.

— На людей, рас'маа'ра, — ответил Рунн тоном восторженного ребенка, и его невероятно-светлые глаза полыхнули жадной кровью.

Боги, пусть это будет лишь еще одна дурацкая шутка...

— На людей? — чувствуя себя душой, которая не в состоянии понять с первого раза, на всякий случай переспросила она.

— У тебя сейчас такое лицо, пташка, будто я пообещал отыметь тебя в задницу без предварительной ласки, — хмыкнул он. — Ей-богу, мне почти жаль, что я не обладаю никаким треклятым теургическим мастерством, чтобы запечатлеть этот момент!

С досады, что позволила чувствам взять верх, Киирис все равно повторила вопрос.

— Хорошо, раз это напрямую касается непосредственно тебя, — «сжалился» Рунн. — Скажем так, не только у королевы-матери и императора везде есть свои глаза и уши. И не только они имеют право все обо всем знать. Вот я, например, задался целью и предпринял кое-какие шаги, чтобы ее достичь. Например, чтобы узнать, куда же подевался твой таэрн. Был уверен, что поганцы успели передать его королеве, но по моим сведениям, проныры не торопились являться к ней с повинной. Полагаю, хоть в чьей-то голове хватило ума сообразить, что за потерю столь ценного сокровища, — Наследник тени насмешливо посмотрел на свою спутницу, — Бергата не погладит их по головам. И ребята не придумали ничего лучше, чем потихоньку убраться из города так далеко, как возможно. Ну и попутно сбыть украденное из Керака.

Киирис начала улавливать, к чему он клонит.

— Вот только, если верить сумасшедшему полудурку Раслеру, когда он их выследил и превратил в два чудесных подарка для своей пассии, никакого добра при них уже не было. Но зная его придурковатость, я все равно поручил перепроверить. И выяснилось, что день у ребят совсем не задался. Потому что сперва их ограбил я, — Рунн расхохотался над собственной шуткой, — а потом — молодчики из местных. По моим сведениям, в этих краях орудует несколько шаек.

— Так вот что за охоту ты затеял, — пробормотала Киирис. — Желаешь получить мой таэрн?

— Желая получить тебя, рас'маа'ра, — без тени улыбки признался Рунн.

— Потому что не хочешь делить с братьями?

— По множеству разных причин, — отстраненно сказал Наследник тени — и вновь превратился в бесшабашного шута. — И да, если вдруг ты не поняла: я не собираюсь возвращать себя до полуночи. Я вообще не собираюсь возвращаться в Мерод в ближайшие дни. И прежде, чем упрекнуть меня во вранье, подумай об услуге, которую я тебе оказываю.

— Услуге?

— Мы будем избавлены от необходимости изображать счастливых восторженных идиотов, на празднике по случаю приезда белобрысой коровы, и нам не придется пить за крепкий брачный союз, желая императорской заднице поскорее обзавестись наследниками.

Картина будущего торжества так живо развернулась в воображении, что Киирис пришлось до боли зажмуриться. Разве Дэйн не говорил матери, что не собирается жениться? И разве эта девушка — не приехала лишь на смотрины?

— Ты так уверен, что император возьмет ее в жены, — стараясь держать голос ровно, произнесла Киирис.

— Потому что Дэйн сделает все, лишь бы укрепить империю. В том числе — разменяет свою холостяцкую жизнь на союз с человеком, владеющим третьей по величине армией в Нетрэзе. Учтивая, что девчонка не уродина, у него просто нет причины отказаться от этого союза.

В самом деле, почему бы и нет?

«Потому что тогда одна рогатая девчонка будет совсем не у дел», — рассмеялась

Кровожадная.

— Благодарю за этот подарок, Рунн, — как никогда искренне поблагодарила Киирис, осознавая, что попросту не вынесла бы подобного зрелища.

В ответ на ее благодарность Рунн, в уже знакомой Киирис манере, прищурился. После такого она не ждала ничего стоящего в ответ, разве что очередную порцию его вездесущих сальных шуточек. В большинстве случаев они были целиком неуместны, но нельзя было игнорировать и тот факт, что именно благодаря этим подшучиваниям Рунн снова и снова выуживал ее из дурного настроения, в котором она пребывала все чаще.

— Полагаю, рас'маа'ра, уже сегодня вечером у тебя будет возможность выразить всю глубину этой благодарности. Со своей стороны, обещаю делать все, чтобы выветрить из твоей головы мысли о всех тех ужасах, которые творит с тобой по ночам чокнутый некромант.

Вот уж кого никаким боком не задевал тот факт, что ценный трофей приходится делить на троих. Или, возможно, Наследник тени и здесь использовал одну из своих масок безразличия. Иначе, для чего ему так утруждаться поисками таэрна?

— С учетом того, какие приключения ты нам приготовил, я бы погодила с подобными заявлениями. — Киирис вернула ему хищную улыбку. — Возможно, кому-то из нас не суждено дожить до вечера.

В ответ на этот Рунн поравнялся с ней и, прихватив за самый краешек подбородка, заставил посмотреть ему в глаза. Киирис невольно облизнула ставшие сухими губы: все же из всех троих, именно у этого мужчины взгляд был таким, будто мысль о ее убийстве с каждым днем крепла все сильнее. Было в этом что-то... жуткое и завораживающее одновременно. Как будто ей предлагали съесть божественную сладость с кончика смертельно острого клинка.

— Я не собираюсь погибать, пташка, — совершенно серьезно, хоть и с улыбкой, сообщил тенеражденный. — И не дам кому бы то ни было причинить тебе вред, даже если ради твоей безопасности придется вырезать не один десяток людей. Как бы не неприятно было это признавать, но, полагаю, подобное справедливо и в отношении моих придурковатых братьев. Пора бы тебе свыкнуться с мыслью, что каждый из нас готов на многое, лишь бы сохранить тебе жизнь. Даже если это не сулит нам ничего хорошего. Дьявол, я с каждым днем все больше склоняюсь к мысли, что это не ты, а мы — твои игрушки. К счастью, в отличие от Дэйна, я ничего не имею против того, чтобы изредка отдавать инициативу в женские руки.

— Это были бы справедливые слова, если бы хоть кто-то из вас поинтересовался, чего же на самом деле хочу я.

— Разве мы не спрашивали? — Он выглядел искренне озадаченным. А потом прищелкнул языком и поторопил рукой своих всадников. — Поговорим об этом после, рас'маа'ра, если у нас останутся силы на разговоры.

Несмотря на то, что густая шапка леса виднелась над горизонтом достаточно отчетливо, дорога заняла еще по меньшей мере несколько часов. К тому времени у Киирис с непривычки онемела задница, а внутренняя сторона бедер горела так, словно она ехала верхом на раскаленной сковороде, а не на покладистой лошади. Оставалось лишь снова и снова мысленно благодарить Рунна за предусмотрительное решение не возвращаться на ночь в замок. Несмотря на то, что после той ночи с Раслером, некромант не спешил осуществлять свою угрозу «попробовать ее», всякий раз, стоило им оказаться в постели, Киирис чувствовала его потребность углубить знакомство. И знала, что какая-то часть ее охотно подчинилась бы этому желанию. Тяжело представить, что было бы, прояви Раслер инициативу сегодня, когда она вряд ли будет способна нормально ходить. И еще более страшно, как поступит Рунн, когда они, наконец, окажутся наедине.

«У императора появится повод снова назвать тебя «опытной» рас'маа'рой, — охотно подсказала Кровожадная. — Вероятно, воспитание не позволяет ему использовать куда более понятное слово «потаскуха».

После подобных замечаний, Киирис мечтала лишь об одном: как бы поскорее отыскать треклятый ошейник и ключ, чтобы раз и навсегда избавиться от тех Скованных, с которыми вынужденно делить собственное тело.

«Только в том случае, дорогая, если кто-то из наших самцов будет столь щедр, что подарит ключ тебе, — напомнила Соблазнительница о том, что мейритина и так знала. — Но, боюсь, они куда более заинтересованы в том, чтобы сделать тебя своей личной неделимой собственностью, а не свободной девчонкой, имеющей право решать, когда и перед кем раздвинуть ноги».

— Нам правда необходимо... ехать прямо туда? — Не веря, что позволила себе обнажить слабость, Киирис кивком указала на витиеватую тропу, убегающую в непроглядную чащу. — Возможно, есть какой-то другой план?

— План? — Руин от души посмеялся. — Пташка, серьезный и продуманный план у меня есть лишь в том случае, если я собираюсь пробираться ночью в осажденный город и бесшумно неадресовать половину мужского населения. Для всех остальных вариантов, есть лишь один план — прийти и всех перерезать до того, как в меня полетит хоть одна стрела.

— Очень... необычно, — только и сказала она, мысленно пожелав себе терпения, а им всем — удачи.

Глава тринадцатая

Чем глубже в лес пробирались всадники, тем холоднее и молчаливее он становился. Если сначала звук копыт разбавляли редкие шорохи спугнутого зверья, то, когда тропа увела их на добрых пару сотен метров, тишина стала невыносимой. Киирис стоило трудов спокойно сидеть в седле и не ерзать от желания повернуть коня обратно. Вряд ли Рунн оценит пусть разумную, но все же трусость. Он никогда не скрывал, что ценит лишь ту ее часть, что знает цену хорошему клинку и способна наподдать ему в поединке, хоть пока что всякий раз победа все равно оставалась за ним.

— Не слишком-то похоже на убежище головорезов, — чтобы как-то разбавить невыносимую тишину, заметила Киирис.

— По-твоему, здесь повсюду должны висеть указатели и предостережения?

— Я лишь хотела сказать, что не понимаю, почему нас до сих пор не перестреляли.

— Потому что, пташка, ни один уважающий себя головорез не станет стрелять в того, кто настолько безрассуден, чтобы лично явиться к нему на порог. Знаешь почему?

У Киирис было несколько догадок, но она смолчала, предлагая Наследнику тени удивить ее своим вариантом.

— Настоящий головорез никогда не откажется от возможности получить выгоду. За нами уже давно наблюдают, пташка, нас взяли на прицел еще до того, как мы переступили порог этой, с позволения сказать, обители. И тот факт, что мы до сих пор не услышали свиста тетивы буквально вопит о заинтересованности. Главари знают, что в случае чего, одного можно взять в плен и потребовать солидный выкуп. Но этот вариант хлопотный и сулит много проблем. Куда перспективнее для начала выслушать встречное предложение.

Мейритина не могла не признать его правоту, даже если она, как и все, что делал Рунн, была насквозь пропитана безумием и наплевательским отношением к собственной жизни. Впрочем, было кое-что, чем Наследник тени всегда щедро одаривал ее: каждая минута их общения в итоге показывала, как сама Киирис стала одержима жадной жизни. Жадной во что бы то ни стало познать так много вещей, сделать множество дел, о которых раньше думала со снисхождением.

— Ну вот, — перебил ее размышления Рунн, когда отряд выехал на явно рукотворного происхождения поляну, в центре которой лежало «гостеприимное» массивное бревно. — Мы на месте. Только хозяин что-то опаздывает.

Киирис собиралась выдохнуть с облегчением, но стоило словам Наследника тени смолкнуть, как откуда-то из-за бревна раздался ворчливый женский голос:

— Хозяйка, дорогуша, а для незваных гостей — Крыса.

«Что за женщина добровольно назовется таким прозвищем?» — размышляла Киирис, наблюдая за тем, как хозяйка голоса медленно появляется из своего укрытия.

Женщина, которой незачем называться Сладким персиком, чтобы компенсировать недостаток подаренного природой обаяния. Женщина, которая может называться хоть Святым дерьмом, потому что это все равно не затмит ее сумасшедшую, совершенно неправильную и оттого притягательную красоту.

— Ненавижу грызунов, — в ответ на «дорогушу», разоткровенничался Рунн. В отличие от Киирис, на него экзотическая красота собеседницы не произвела никакого впечатления. Или же он снова искусно притворялся. — А так же прочих падальщиков и паразитов, которые промышляют тем, что сунут свои грязные руки в мои карманы.

— Тебе, дорогуша, я бы засунула руки куда глубже. — Желтый взгляд Крысы недвусмысленно ощупал Рунна с ног до головы. — И даже заплатила бы за услуги. Сколько ты стоишь?

Киирис с любопытством наблюдала за их перепалкой, с каждой секундой все четче

осознавая, что эти двое ведут себя как старые знакомые. Во всяком случае никто из женщин не позволял себе столь фривольного обращения с непредсказуемым тенерожденным, даже та рыжеволосая южанка из арахана, которую Наследник тени навещал чаще остальных.

— Полагаю, у тебя есть то, на что я готов обменять право воспользоваться своим членом... несколько минут. — В речи Рунна сквозило подчеркнутое пренебрежение, как будто он точно знал, что интимная близость с этой красоткой не принесет ему удовлетворения.

Девушка сделала вид, что размышляет над его словами, рассеянно оседлала бревно — и Киирис почувствовала чей-то невидимый взгляд в затылок, приправленный нацеленным туда же наконечником стрелы. Она сглотнула, соображая, как бы незаметно подать знак Рунну.

— Юджит, хватит корчить из себя целку. Я приехал поговорить — и сделать встречное предложение, а ты за каким-то лешим разыгрываешь целое представление, как будто я слепой баран и не в состоянии увидеть твоих молодчиков на деревьях. Особенно вот того, — он взглядом указал куда-то в кроны позади Крысы. — Роба у него такая, будто ему живот скрутило. Как бы не обгадился.

— Всего лишь обычная предосторожность, — отмахнулась рыжая. — Я простая смертная, и мне становится неуютно, когда меня без разрешения посещают такие высокородные седалища.

— Простая смертная, — хмыкнул Рунн и, наконец, спешился. — Эта шутка стара, как мир, и мне просто неловко над ней смеяться даже из уважения к тому восхитительному минету, который ты делала, если память мне не изменят, два месяца назад.

— Удивлена, что ты помнишь. — Крыса в самом деле выглядела удивленной. — После трех бутылок «сладкого сна» вырубилась даже моя личная охрана. Видать, правду говорят, что ты заговоренный.

— Я предупреждал, — пожал плечами Наследник тени. — А теперь давай-ка поговорим как взрослые люди.

— Разве мы не разговариваем сейчас?

— Ну если ты так желаешь...

Тенерожденный сделал неуловимый жест — и его воины как по команде обнажили клинки. Шелест освобожденной стали прозвучал подобно дурному предзнаменованию. Киирис стало неуютно из-за того, что подаренный Рунном меч так и остался в ножнах, и она изо всех сил надеется, что его не придется пускать в дело.

— Фу, Рунн, как грубо, — без тени беспокойства пожурив рыжая. Теперь лишь они троем остались безоружными, и Киирис категорически не нравилось быть в числе этой троицы. — Я тебя в гости пустила, даже против шерсти не погладила за то, что ноги не вытер, а ты вздумал дать своим солдатикам зубочистки.

— Я лишь отвечаю дружелюбием на гостеприимство.

Крыса покачала головой, поднялась, поигрывая плечами как истинная соблазнительница. Она была достаточно крепкой, но вместе с тем и грациозной, как молодая косуля. В ней не было ни одного видимого изъяна, и все же рыжая категорически не нравилась Киирис. Было в ней что-то такое же непредсказуемое и бешенное, как и в Рунне. А близость двух безумцев не сулила ничего хорошего.

— Ладно, говори зачем пожаловал — и убирайся, — первой остановила из взаимное словесное пикирование рыжая. — Ты хорош, но в малых дозах, а сегодня у меня к ужину более сладкий и покладистый десерт.

— Здесь? Ты издеваешься?

— Хорошее место, Рунн. Я до сих пор вспоминаю, как первый раз трахнула тебя под вот тем деревом. Непременно прикажу срубить его и выстрогать деревянный сапог, чтобы в

следующий раз как следует пнуть тебя под зад.

Она явно собиралась сказать что-то еще, но тенерожденный опередил ее. Одним из своих неуловимых движений в два счета оказался около рыжей и сжал пальцы на ее горле. Девушка выпучила глаза, когда он с садистским наслаждением крепче сжал пальцы. Наверное, собиралась даже кричать, но могла лишь безмолвно открывать рот. Одновременно с этим в землю около его сапога вонзилась прилетевшая из чащи стрела.

Киирис сглотнула.

«Боги, неужели сейчас начнется настоящее веселье? — Кровожадная чуть ли не силой заставляла ее достать клинок. — Ты должна попробовать каково это — убивать. Должна познать вкус тающей на кончике клинка жизни, почувствовать последний удар сердца. Как иначе ты исполнишь предназначение?»

— Прикажи своим молодчикам бросить эти игрушки и выйти, — до ужаса ласковым голосом, потребовал Рунн. — Ты знаешь, что и трех стрел недостаточно, чтобы отправить меня на тот свет. Я просто хочу поговорить, но если ты и дальше будешь такой же бестолковой упрямой ослицей, придется выполоть вас всех, словно сорняки. Ты будешь первой, а остальным — как повезет. Уверена, что твоя несуществующая гордость того стоит?

— Рунн... — сдавленно прохрипела Крыса, одновременно рассеянно махая руками, будто позабыла, какой условный знак существует для такой ситуации.

— Для тебя, грязнуля, Наследник тени. Будем считать, что предыдущая болтовня была последней твоей вольностью. Ну так как, мы договорились? Честно, — он склонился к своей жертве и наигранно звонко чмокнул воздух около ее щеки, — мне до смерти хочется свернуть тебе шею прямо сейчас, а ты знаешь, как тяжело мне отказываться от своих желаний.

Женщина моргнула полными слез глазами. Через несколько мгновений из чащи стали появляться одетые в какую-то грязную рвань молодчики. Они не хотя прятали оружие в ножны, убирали стрелы в колчаны. Оценив обстановку, Рунн, наконец, ослабил хватку. Крыса совсем не грациозно упала в примятую траву около его ног.

— И так, веди, радушная хозяйка, и без глупостей, потому что твоя желторотая детвора уже успела познакомиться с моим вороньем. Просто поразительно, какая же ты все-таки дура. Только я начинаю думать, что ты хоть изредка думаешь головой, а не промежуточно, как ты тут же убеждаешь меня в обратном. Странно, как никто из этих славных парней до сих пор не выпустил тебе кишки.

На этот раз Крыса смолчала, но послала Наследнику тени убийственный взгляд. Рунн его проигнорировал, подошел к Киирис и широко беззаботно улыбнулся. Он вообще всегда улыбался, даже если собирался сказать распоследнюю гадость.

— Ты дрожишь, — сказал он, поглаживая ее по ноге. — Испугалась, рас'маа'ра? Честно говоря, я надеялся, что добром нам не договориться и рассчитывал устроить для тебя настоящую забаву.

— Что все это значит, Рунн? Воронье — это...

— Я просто перестраховался, — не дал закончить он. — Неужели ты думаешь, что я бы полез на рожон без крепкого тыла?

— Я думаю, что предосторожность была очень предусмотрительной, — после небольшой паузы, ответила она.

— Вот поэтому ты всегда будешь лучше всяких грызунов. — На этот раз в белозубой улыбке тенерожденного проскользнул настоящий соблазн. — Ты редко говоришь глупости, но даже если они и покидают твой хорошенький ротик, это так же естественно, как круговорот звезд на небе.

— Ты спал с ней, — сказала она шепотом, почему-то вспоминая, как несколько часов назад ее ногу точно так же поглаживала другая рука. — А только что чуть не убил.

— Одно другому не мешает. И потом — еще не вечер, а я все так же далек от желания сохранить ей жизнь. — Последнюю фразу он даже не пытался прикрыть шепотом.

«Так много риска в одном соблазнительном флаконе, — продолжала восторгаться Кровожадная. — Если бы Наследник тени дал мне перерезать парочку глоток, я бы сделала так, что он никогда не забыл предстоящую ночь»

Киирис проигнорировала и эту ее реплику. В последнее время обе ипостаси позволяли себе слишком много вольностей, в особенности в том, что касалось волеизъявления в пределах ее собственной головы. И это не сулило ничего хорошего.

Путаными ходами и тайными тропами, Крыса провела их дальше в чашу. Ее молодчики шли в окружении конных всадников Рунна, а сам наследник выглядел вполне удовлетворенным и даже насвистывал под нос какую-то незатейливую мелодию.

— Завеса, — с некоторым сомнением прошептала Киирис, когда Крыса остановилась перед непроходимой грядой черных деревьев. — Грязная работа.

— Полагаю, это все, что наши вынужденные друзья могут себе позволить, — отозвался Рунн, и первым проехал в открывшуюся с той стороны вежу.

Киирис последовала за ним, воины наследника тени замкнули их небольшой строй.

По ту сторону завесы расположилось настоящее поселение: малолюдное, грязное и негостеприимное. Здесь даже воздух вонял так, что глаза жгло, а в горле тотчас образовалась кислая слюна. Киирис не смогла сдержаться и сплюнула комок, но его место тут же занял следующий. Крыса с отвращением покосилась на нее.

— Полагаю, сейчас ты сильно оскорбила радушие этих, вне всякого сомнения, милых и добродушных людей, — гоготнул Рунн — и тоже смачно плюнул. Следом поплевали его всадники.

Их провели в самый приличный с виду дом среди этого нагромождения хибарок, больше напоминающих организованную мусорную кучу. Вход сторожили два здоровенных мужика, чьи необъятные животы и руки покрывали густые жесткие волосы. Этим двоим даже промозглый ветер был нипочем. Чего нельзя было сказать о гостях. Две пары мутных глаз неопределенного цвета оценили Рунна с неприкрытой враждебностью, хоть впереди него стояла хмурая Крыса и пыталась втолковать им, что привела человека для разговора с отцом. Ни один толстяк и с места не сдвинулся, а вот рука правого начала рассеяно блуждать около крепкого оголовья моргенштерна.

Киирис так и видела, как Рунн делает один из своих фирменных неуловимых финтов — и пальцы умника веером разлетаются вокруг, кровоточащие, словно нашинкованные черви. Оставалось верить, что до подобного не дойдет: в поселении, как ни крути, численный перевес был не на их стороне.

— Полагаю, даже у такого болвана должна быть хоть капля разума, которая подскажет, что лучше бы твоей руке вернуться на прежнее место, — беззаботно предупредил Рунн, хотя это прозвучало как неприкрытый вызов.

Возможно, толстяк бы принял вызов: в пользу такого развития событий говорили вздувшиеся вены на его шее и набыченный взгляд.

Но на этот раз Крыса нашла убедительные слова, чтобы успокоить его и убедить пропустить внутрь хотя бы одного Рунна. Наследник тени не преминул заявить, что без своей спутницы и с места не сдвинется, но охотно потягается с любым, кто попытается их разлучить. Киирис не понимала, почему он продолжает напрашиваться на неприятности: очевидно, что каждая живая душа в этом замызганном городишке только о том и помышляет, как бы отправить их на тот свет.

— Ты слишком многого хочешь, — прошипела Крыса, когда Рунн второй раз настойчиво повторил свою просьбу. — В твоём положении...

— В моем положении я в состоянии выдвигать и более абсурдные требования, грязнуля, так что вам лучше выполнить те, что не сулят никаких проблем. В противном случае, я могу начать высказывать более ... специфические пожелания.

Неизвестно, во что бы вылилось препирательство, если бы его не перебил противный скрип открывшейся двери. На пороге появился невысокий сухой мужчина в приличном, как для окружающего гадюшника, наряде. Киирис хватило одного взгляда, чтобы увидеть его очевидное яркое сходство с Крысой. Дочка или сестра? Следующей фразой мужчина пролил свет на ее догадку.

— Каждый раз, когда ты, дочка, приводишь эдаких гостей, я снова и снова спрашиваю себя: за каким хреном я не задушил тебя твоей же пуповиной?

Какая поразительная отцовская любовь. Мейритина выкроили мгновение, чтобы придвинуться ближе к Рунну, и спрятаться за безопасным уютом его плеча. И пусть Кровожадная хоть тысячу раз назовет ее трусихой, Киирис была убеждена, что в происходящем спектакле ее роль должна быть самой молчаливой и незаметной. До поры до времени.

— Я бы хотел сказать, что рад тебя видеть, старый Гриб, но, боюсь, такого концентрата лжи мне не простит ни один из богов. Даже за кровь девственницы на алтаре. Хотя, в наше время найти девственницу еще сложнее чем порядочного разбойника.

В повисшей паузе медленно зрело напряжение. Мужчина поглядывал то на Рунна, то на свою присмирившую дочь, а потом, нащупав взглядом мейритину, уставился на нее. Его взгляд был пропитан отвращением — и заинтересованностью. Очевидно, тенерожденный уловил это настроение, потому что мягким и все таким же невидимым движением обнял ее за плечи, вынуждая сделать шаг вперед.

— Твоя новая кобылка? — поинтересовался мужчина, оценивая интимные поглаживания, которыми Рунн щедро одаривал плечо Киирис, время от времени как бы невзначай скользя пальцами по краешку ее груди.

— Мое все, если тебе угодно, — сфальшивил Рунн. — Так тыпустишь нас в свою нору или мы оба будем продолжать делать вид, что не доверяем друг другу? У меня нет ни малейшего желания «наслаждаться» ароматами твоей лачуги, но еще меньше мне хочется говорить о деле и шкурных вопросах в присутствии стольких ушей.

На этот раз они нашли взаимопонимание. Главарь воров буркнул своим громилам, чтобы посторонились, и посулил вздернуть каждого, кто посмеет под любым предлогом помешать их разговору. Рунн и не думал давать ответные указания своим воинам. Он как будто упивался тем, что вопреки здравому смыслу и инстинкту самосохранения, хозяева вынуждены принимать игру на его условиях.

Внутри дома запахи и впрямь были отвратительными. Киирис с немой благодарностью уткнулась Рунну в плечо, тихо ликуя, что его аромат щекочет ноздри куда более соблазнительным букетом. Жаль, что это продолжалось недолго: Гриб провел их в довольно просторную комнатушку, напичканную дорогой, но потрепанной мебелью и шкафами со всякой утварью. В центре этой безвкусицы царствовал грубый деревянный стол в хороводе не менее грубых стульев.

Главарь занял место во главе, Рунн расположился напротив, а Киирис села справа от него. Она даже не скрывала радости по поводу того, что мужчин разделяет несколько метров столешницы. Конечно, если желание скрестить клинки будет достаточно велико, их ничто не удержит, но в разговоре расстояние послужит дополнительным сдерживающим фактором.

— Ты ограбил королеву-мать, — без вступления, огорошил собеседника Рунн. — Забрал то, что ее молодчики должны были передать ей лично в руки.

По тому, как на миг изменился цвет его лица, стало ясно, что мужчина совершенно точно знает, о каком грабеже идет речь, хоть он сделал все возможное, чтобы попытка «вспомнить» казалась натуральной.

— Я редко отказываюсь брать то, что само плывет мне в руки, — стараясь казаться беззаботным, выдал Гриб. — Если кто-то приходит на порог моего дома и кладет туда некоторые вещи — разве я не могу их взять?

— Конечно можешь, — охотно согласился Рунн, но прежде чем собеседник успел

насладиться триумфальной улыбкой, добавил: — Если, конечно, на такой случай у тебя припасена запасая жизнь. Ну или хотя бы пара рук.

Разбойник кашлянул в кулак, и молчал все время, пока Крыса не слишком-то любезно поставила на стол кружки и бутылку с каким-то пойлом. Его она так-сяк, проливая на стол, разлила по посудинам и водрузила кружки напротив Рунна и Киирис. Мейритина знала, что скорее проглотит унцию змеиного яда, чем сделает хоть глоток. И судя по тому, как тенеражденный покосился на стакан, он собирался поступить так же. Хозяин же сделал пару жадных глотков, как будто задницей чуял, что эта выпивка может стать последней в его жизни.

— Предлагаю вот что, — Рунн положил руки на стол, выстукивая кончиками пальцев какой-то несвязный мотив. — Ты вернешь мне кое-что. Одну вещь. А я сделаю вид, что знать не знаю, куда подевалось остальное. И со своей стороны могу пообещать, что если королева-мать спросит меня, не знаю ли я, куда подевалось ее добро, она услышит самое убедительное «нет». Как тебе такой вариант?

Киирис очень надеялась, что главарю разбойников хвати ума принять эту выгодную сделку. Будь она на его месте, согласилась бы не раздумывая. Но действительность множество разубеждала ее, что люди зачастую не способны оценить реальное положение дел, и вопреки голосу разума начинают идти на попятную там, где разумнее всего просто сказать «да».

— Щедрое... гммм... предложение. — Мужчина прочистил горло кашлем.

— Сран собачья, — отозвалась его дочь, продолжая кромсать Наследника тени безжалостным взглядом. — Он сдаст нас с потрохами, как в прошлый раз.

— Не припоминаю, чтобы разрешал открывать грязнуде рот, по крайней мере до тех пор, пока не спустил штаны, — отреагировал на ее реплику Рунн.

Его ни капли не смущал тот факт, что рядом сидел ее отец, которому эти недвусмысленные намеки могли быть, мягко говоря, не по душе. Хотя, когда Рунна вообще заботило чье-то душевное состояние, кроме его собственного?

— Нравится тебе это или нет, но она права, — подхватил реплику дочери Гриб. — И та история, и ее последствия, до сих пор свежа в моей памяти. Почему я должен верить тебе снова?

На этот раз пришла очередь Рунна делать вид, что он всерьез занят поисками подходящего ответа. Но он намеренно переигрывал и старательно корчился, доводя ситуацию до абсурда.

— Я тут подумал, что лучшим свидетельством тому, что я держу свое слово можешь быть... ты сам. Живой. И со всеми конечностями. С глазами и языком. Честно, на твоём месте я бы даже не думал задавать такие глупые вопросы.

— Они прирезали Улыбку, — продолжала шипеть змеей Крыса. — Убили ее, как какую-то падаль, даже не дали с достоинством умереть!

— Откуда у воров достоинство? — На этот раз Рунн выглядел неподдельно удивленным. — Откуда шакалам знать о чести, если они жрут объедки волчьей трапезы?

— Украсть у вора- дело чести. — Кажется, девчонка в самом деле не понимала, что играла с огнем и продолжала напрашиваться на неприятности. — Только не говори, что те сокровища из Керака королеве-матери достались по наследству.

— Я вообще не понимаю, почему должен что-то тебе говорить. Твое присутствие меня раздражает до такой степени, что я едва сдерживаюсь, чтобы не сделать то единственное, чего вы, пальчики, достойны — вырезать всех до единого, искоренить, как болезнь.

— Потому что мы оба знаем, что империи *нужны* падальщики, в особенности те, которые готовы сотрудничать, не задавая вопросов.

Киирис с любопытством ждала ответа. Ничего удивительного, что Рунн водит дружбу с

такими людьми: слава о нем была столь дурной, что он мог иметь знакомых и в самом пекле. Но Гриб неспроста подчеркнул слово «империя», потому что от имени всех нэтрэзов и покоренных ими земель мог говорить только один человек — Дэйн. И Киирис казалось невозможным, чтобы император марался о разговоры с ворами и разбойниками. Для подобного сброда у него мог быть лишь один разговор — приговор и плаха. Но грязные времена требуют людей, которые не слишком-то щепетильно относятся к чистоплотности своих поступков. Возможно, Рунн в этой цепочке был лишь связующим звеном? А раз так, Дэйн вполне мог знать о краже, и о том, в чьи руки попал таэри... Знать — и ничего не предпринять, чтобы завладеть им, хоть каких-нибудь пару недель назад использовал не самые чистые способы, чтобы попытаться ее «расколоть» и выпытать, где находится ключ. Что же успело измениться за такое короткое время?

В памяти всплыл его укор тем, что она ублажает Раслера. А о его инстинкте собственника не знал разве что глухой. Свою фаворитку он не делил ни с кем, Рунн обожал отпускать язвительные комментарии по этому поводу: мол, чихать ему на запрет «императорской задницы», захотел бы — трахнул сразу едва ли не у Дэйна за спиной. Но фаворитка, по заявлениям Наследника тени, не вызывала у него ничего, кроме брезгливости. «Не понимаю, как Дэйн может засовывать член в эту холодную гадину, и не боится, что тот окаменеет и отвалится». Киирис предпочитала не комментировать такие реплики, хоть имела на этот счет собственное мнение: мужчина вряд ли станет спать с одной и той же женщиной, если она не удовлетворяет все его потребности. Похоже, Иникера была именно такой женщиной.

Ох, Дэйн.

Киирис встряхнулась, едва ли не силой выталкивая из головы неприятные образы, заставляя себя вновь поймать нить разговора.

— Вы оба дьявольски сильно испытываете мое терпение, — рассеянно пробормотал Рунн, и Киирис поймала на себе его напряженный взгляд.

О боги, она что, произнесла имя императора вслух?!

— Что за вещь ты желаешь забрать? — сдался Гриб. Он выглядел как человек, который с самого начала знал, что ему придется уступить, но наивно решил подергаться напоследок чтобы, возможно, набить цену.

— Ошейник, — все так же разглядывая лицо Киирис, бросил тенеражденный.

— Там не было никакого ошейника, — поспешила заявить Крыса.

— Не сомневаюсь, что был. Какой он из себя, Киирис?

Под его не сулящим ничего хорошего взглядом, мейритине захотелось уменьшиться до размеров горошины, и закатиться куда-то под лавку.

— Массивный, золото и серебро, тонкая филигрань, камни: крупные на центральной ветке, помельче — на крайних. Напоминает свернутую в кольцо ветку терновника.

Рунн зачем-то согласно кивнул и, наконец, вновь устался на собеседников.

— Полагаю, вещь стоит дорого, поэтому вас обоих одолевает жадность, — безошибочно угадал он. — Но я сегодня добрый и избавлю вас от необходимости делать сложный выбор. Я хочу этот ошейник и ничто другое меня никоим образом не удовлетворит. Вы хотите сохранить свои жизни и продолжать побираться разбоем, коль скоро император предпочитает видеть вас скорее живыми, чем мертвыми. Делать это безголовыми, согласитесь, будет несколько проблематично. Поэтому, мы сделаем вот что: я получаю ошейник, прямо сейчас. Вы остаетесь живыми и невредимыми, и со всем остальным добром, которые прихватили вместе с ошейником. И не говорите, что старине Рунну не знакомо слово «щедрость».

Киирис изо всех сил надеялась, что разбойникам хватит ума согласиться, потому что она, похоже, сделала так, что от его привычной бесшабашности не осталось и следа. Вряд ли он настроен услышать «нет». А то, как Рунн откинулся на спинку стула и принялся раскачиваться на нем взад-вперед, означало одно: он чрезвычайно зол.

— Принеси ему ту вещь, — бросил Гриб.

Крыса вытаращила глаза и открыла рот, из-за чего ее красота растворилась без следа.

— Ты серьезно?! — громким шепотом спросила она отца.

— Делай, как велено — или не проси потом вытащить себя из петли, даже если наследник решит вздернуть тебя у меня на глазах.

Крыса одним залпом опустошила содержимое своей кружки, резко встала, перевернув стул — и скрылась за дверью. Киирис с облегчением незаметно выдохнула. Похоже, на этот раз все пройдет гладко. Но прежде, чем она успела подумать о чем-то другом, Рунн резко вскочил на ноги, в два прыжка оказался на столе и плавно, с какой-то садистской нежностью, воткнул стилет в правый глаз Гриба. Свободной рукой зажал ему рот, отчего разбойник напоследок подавился собственным предсмертным хрипом.

— Прости, но в твоих услугах больше нет нужды, — без намека на сожаление, «извинился» тенеражденный. Мужчина дернулся еще пару раз и навсегда затих. Рунн убрал руку и одним коротким рывком вырвал стилет, вытер его о рубашку мертвеца и оглянулся на Киирис. — Не надо смотреть на меня, как на чудовище, рас'маа'ра. Настоящее чудовище осталось дома и, вполне возможно, прямо сейчас трахает свою невестушку.

Киирис поднялась, держась за столешницу обеими руками. Мертвое тело разбойника осело на стуле и его голова с громким стуком опустилась на столешницу. Вокруг стремительно расползлось глянцевое пятно крови.

— Они же согласились на твои условия, — пробормотала Киирис.

— Недостаточно быстро. Я, знаешь ли, вообще не отличаюсь особым терпением, и предпочитаю делать так, чтобы слава об этом моем маленьком пороке распространялась повсеместно. Это многое... упрощает, когда на пути появляется кто-то, кто может дать мне то, что я хочу. Когда альтернативой непослушанию становится смерть, переговоры сразу становятся короткими и по существу.

В их короткий разговор вмешался звук распахнутой двери и громкий женский крик.

Глава четырнадцатая

Прежде, чем Киирис успела понять, что происходит, Крыса бросилась на Рунна. Вещь, которую она принесла, с грохотом ударилась об пол, в другой руке девчонки уже ощерился кинжал. Киирис отпрянула, и с удивлением обнаружила, что налетела спиной на стену. Странно, комната казалась куда больше, но визг Крысы как будто заставил стены сдвинуться.

Прежде чем девчонка успела хотя бы попытаться нанести удар, Рунн легко, как будто играл, нырнул ей под руку, прижал к себе и одним коротким движением свернул Крысу шею. А потом разжал руки, презгливо освобождаясь от тела. Крыса свалилась к его ногам и в ее остекленевшем взгляде Киирис увидела собственное изувеченное отражение. Как будто ее саму пропустили через каменную дробилку, а потом кое-как собрали по кускам.

Боги, это все происходит на самом деле?

Рунн подхватил оружие девчонки и молча бросил его Киирис. Кровожадная дернула ее руку вперед, ловко поймала кинжал за рукоять и взвесила на ладони.

— Мне нужна твоя помощь, пташка, — веселым голосом, будто их компанию не разбавляли целых два свежих трупа, сказал Рунн — и в комнату вторгся таран человеческих тел.

Киирис не собиралась пускать оружие в ход, она вообще не собиралась принимать участия в его кровожадно-бессмысленных играх, но у одной из ее ипостасей на сей счет имелось свое мнение. И чем больше мейритина сопротивлялась ее потребности контролировать тело, тем больше Кровожадная подчиняла каждый ее шаг. Пока Рунн в одиночку отбивался от десятка разбойников, Киирис проиграла собственному демону.

Как и всегда, когда Скованные подчиняли ее тело, стоило Кровожадной заполучить власть, для самой Киирис действительность превратилась в вялотекущий вязкий поток. В нем она барахталась в слабых попытках контролировать хоть что-нибудь.

«Просто расслабься и позволь ей делать то единственное, что она умеет делать хорошо — потрошить», — посоветовала Соблазнительница. Вот уж кто ни капли не переживал о происходящем. В самом деле, а с чего бы ей переживать? Ее собственное тело давно мертво, а участь провести всю жизнь в роли запертого в чужой голове паразита едва ли можно назвать радужной.

Кровожадная откинула волосы с лица, оскалилась и с низким звериным рыком бросилась в самую гущу поединка. Киирис и рада была бы закрыть глаза, но не могла. Когда ее рукой скованная вспорола брюхо одному из нападавших, и его теплая кровь обожгла ее кожу, Кровожадная окончательно вырвалась из-под контроля. Она завелась так сильно, так безудержно искала новую жертву, что этот азарт не мог не затронуть и саму Киирис. В своих мыслях она закрыла лицо ладонями, уговаривая себя не слышать и не видеть, но запах крови и сдавленные крики умирающих просачивались в нутро сквозь кожу будто дьявольская отравка. Сердце медленно и громко ударялось о ребра. Киирис даже начало казаться, что еще несколько таких толчков — и оно проломит грудную клетку, вырвется наружу свободолюбивой птицей.

Прошло меньше минуты, а от желающих отомстить за смерть главаря и его дочки остались лишь бездыханные тела на полу. Киирис рассеянно скользила взглядом по трупам, которые — это нельзя было не признать — были убиты с адской точностью. Что ж, по крайней мере, ни один из них не мучился перед смертью, зажимая в кулаке собственные внутренности.

— Славная пташка, — сбившимся, но еще более соблазнительным голосом, похвалил Рунн, поглядывая на свою напарницу из-под окровавленной челки. Смазанным движением откинул волосы с лица, обнажая россыпь красных капель на правой щеке. Чужая кровь смотрелась на нем... как изысканное украшение.

— Слишком быстро, — голосом Киирис проворчала Кровожадная, разглядывая стекающие с клинка тяжелые рубиновые капли. Мейритина буквально чувствовала ее разочарование из-за того, что потеха закончилась намного раньше, чем ипостась ею

насытилась. — Здесь все такие бесхребетные трусы или за стеной хибары нас ждет продолжение?

— Там женщины и дети, и несколько десятков молодчиков, которые еще могут быть нам полезны, — пожал плечами Рунн. — Уверена, что хочешь утолить жажду кровью невинных младенцев?

— Тьфу на тебя.

Кровожадная метнулась взглядом к украшению, но Наследник тени опередил ее: носком сапога подцепил ошейник, подбросил ее в воздух и с легкостью поймал свободной рукой. Он с недоумением повертел таэрн так и эдак, как будто выискивал в нем что-то особенное. Потом помахал ошейником прямо перед носом Киирис.

— Это и есть та самая вещь?

Мейритина кивнула — и затолкала Кровожадную обратно. После путь и не полного, но насыщения своей единственной страсти, та стала заметно спокойнее и почти не сопротивлялась. Но в следующий раз ее своенравность может обернуться потерей полного контроля. Возможно, пройдет не так много времени, и она, Киирис, станет той, что сидит и наблюдает, пока одна из скованных наслаждается безграничной властью над ее телом.

— Это мой таэрн, — ответила Киирис и бросила кинжал, словно ядовитую гадину, которая невесть откуда взялась в ее кулаке.

— Выглядит дорогой, — он взвесил ошейник на ладони, — чертовски тяжелой безделушкой. Наверное, носить его не так уж легко.

— Мало приятного, — согласилась мейритина, лихорадочно думая над тем, как бы разубедить тенеражденного заковать в эту ненавистную вещь ее шею. — Что ты собираешься с ним делать?

— Разве это не очевидно?

«Как только ошейник снова будет на тебе — ты снова потеряешь связь с теургией, — напомнила Соблазнительница. — Тик-так, Киирис, тик-так... Пока ты корчишь из себя оскорбленную невинность, ушастый подходит все ближе».

В самом деле — Рунн сделал несколько шагов по направлению к ней, и теперь они стояли так близко, что его личный запах заглушил соленую вонь крови. Три самых крупных камня в оголовье таэрна поблескивали зловещим фиолетовым светом, как будто предупреждали не ввязываться в спор: «Пусть уже оденет этот проклятый ошейник, потому что если ты скажешь ему нет *сейчас*, можешь запросто пополнить компанию мертвецов на полу».

— Я не хочу снова носить его, — пробормотала Киирис. — Это словно... почувствовать вкус свободы, а потом умереть.

— Ну меня никогда не держали на цепи, но, полагаю, я понимаю о чем ты. — Рунн продолжал поигрывать ошейником, но не предпринимал попыток заклеить им ее шею.

«Он дает тебе шанс переубедить его, дура!» — взвилась Кровожадная.

После кровавого развлечения ее возбуждение все еще щекотало Киирис нервы и пульсировало под кожей. Да, Кровожадная права: Рунн действительно как будто испытывает ее, ждет, на что она окажется способна ради призрачного шанса вернуть себе хотя бы часть силы.

— Только видишь ли... без ошейника ты превращаешься в что-то такое, что я сам не в состоянии понять. И твои поступки так же непредсказуемы, как и дождь зимой. Честно говоря, я не вижу ни единой причины оставлять тебя в таком состоянии, тем более, что мы знаем, как оно на руку королеве-матери.

— Дэйн отбил у нее желание восстанавливать Осколок.

Правда была в том, что Киирис сама не верила в то, что говорила. Мог ли поверить Рунн?

— Существует лишь один способ в чем-то разубедить ссуку Бергату — убить ее. — Наследник костей подбросил ошейник на ладони — и пристегнул его к поясу. — Видишь ли, пташка, дело в том, что мне, в некоторой степени тоже на руку, чтобы ты вышла из-под контроля. Возможно, когда ты станешь неуправляемой и не подчиняемой, рядом окажется кто-то... кто стоит на моем пути.

«Дэйн?» — мысленно спросила Киирис. Холодок страха пополз по позвоночнику, воткнулся куда-то в затылок, вытравливая из головы все прочие мысли, кроме одной: Рунну искал таэرن вовсе не для того, чтобы «усмирить» ее силу. Он собирается спрятать таэرن — и подсунуть ее брату, как отраву.

Мейритина сглотнула.

— Ты понятия не имеешь, с какими силами играешь, Наследники тени, — предупредила она, прекрасно зная, что Рунн не из тех, кто прислушивается к словам рабыни.

Он погладил ее по щеке, выживая из крови Киирис отголоски кровавого азарта ее безумной ипостаси. Кровожадной было плевать на то, что тенеражденный только что фактически признался в замысле убить императора, Кровожадная твердо решила, что этой ночью, где бы сумерки их не застали — в седле, в стогу сена или на лошадиной попоне — она отдастся этому мужчине вопреки желаниям самой Киирис. Оставалось одно: использовать этот шанс чтобы украсть таэرن. И уничтожить ошейник до того, как Наследник тени обнаружит пропажу и поквитается с воровкой тем единственным способом, который использовал со всеми, кто имел неосторожность его разозлить.

«Кажется кто-то передумал убивать императора?» — мурлыкнула Соблазнительница.

«Кажется, кто-то бесхребетное существо», — подхватила Кровожадная.

Киирис улыбнулась: если все получится, и если случится чудо и она останется жива... есть еще один способ покорить империю, не убивая человека, который ее создал.

«Например?» — заинтересовалось Кровожадная.

«Став императрицей, это же очевидно», — одобительно улыбнулась Соблазнительница, и впервые в жизни Киирис почувствовала, что в этом они будут заодно.

Глава пятнадцатая

Из деревни разбойников они уезжали в гробовой тишине. Киирис немного опасалась, что кто-то обязательно перегородит им путь, захочет отомстить за резню, которую устроили Наследник тени и ее собственная рука, хоть в тот момент ею руководило чужое сознание. Но инстинкт самосохранения как всегда взял верх над чувством мести и справедливости — ни один житель поселка не встал у них на пути. На фоне ее собственной неспособности совершить завещанное предками правосудие, их поведение казалось более, чем оправданным. Кроме того, Киирис была уверена, что еще одна загубленная ни за что жизнь окончательно уничтожит остатки ее самообладания. В голове до сих пор стояли образы мертвецов, в которых Рунн с истинным наслаждением потрошителя превращал живых людей.

— Они были разбойниками, головорезами, — сказал Наследник тени немного погодя, когда поселение осталось далеко позади, а на черные кроны деревьев напознала ночная тьма. — Вряд ли хоть кто-то из них не заслуживал собачьей смерти. Скажем так, я еще сделал им одолжение, потому что Дэйну никогда не дарит таким людям быструю смерть. Тем более с оружием в руке.

На это Киирис было совершенно нечего возразить. Да, они заслуживали смерти, вне всякого сомнения. И если бы не мастерство теневого, мертва была бы она.

— Мне казалось, ты сказал, что эти люди нужны Дэйну.

— Были нужны. Теперь найдет других. Как это обычно и случается. Головорезы — они как крысы, пташка. Их невозможно вывести полностью, но можно сделать так, чтобы они начали приносить хоть какую-то пользу. Главное не забывать проводить травлю, когда поголовье становится больше необходимого максимума.

Рунн выглядел полностью безразличным, но заметно успокоился, как будто расправа утолила его жажду крови. В этом они с ним были до смешного похожи, с той лишь разницей, что в душу наследника не подсаживали чужое сознание, обладающее собственной волей и ни на мгновение не прекращающее попытки взять власть в свои руки.

— Тебе понравилось? — В сгущающихся сумерках его светло-серебряный взгляд сверкал каким-то демоническим любопытством.

— Мне — нет. Но разве тебя интересует мое мнение?

— Меня интересует так много вещей, рас'маа'ра, что если я начну перечислять, мы вернемся в замок раньше, чем иссякнет список.

— А мы вернемся в замок? — Киирис надеялась, что не выдала своего волнения, и, похоже, преуспела в этом.

— Не сегодня, пташка, я плохой парень, но держу свое слово.

Они выехали из леса уже в полных сумерках. В безлунной ночи их проводниками были смазанные языки пламени на факелах едущих впереди всадников. Свернули налево — и поехали прочь от виднеющихся на горизонте стен Мерода. Киирис на мгновение показалось, что оттуда раздался долгий протяжный вой, но ...

— Тут неподалеку есть городишко под названием Красная яма. Весьма милое место, тебе понравится, — перебил ее попытки услышать Рунн. — В тамошнем публичном доме великолепные куртизанки.

— Ты везешь рас'маа'ру в публичный дом? — Когда Киирис начала верить, что удивить ее больше нечем, Наследник тени снова все перевернул с ног на голову.

— Почему тебя это так удивляет? Хотя, знаешь, я вовсе не собираюсь довольствоваться обедками, в которых побывала добрая половина гвардейцев имперской армии. Но, увы, это единственное приличное заведение на мили вокруг, где кровати не скрипят и нет риска подхватить вши.

Да уж, в самом деле «милое место».

Дорога заняла еще какое-то время, но к тому времени, как они оказались перед крепкими каменными стенами, Киирис утомилась настолько, что клевала носом и мечтала не о похищении таэрна, а о постели и подушке. Не слишком хорошее подспорье в предстоящем мероприятии.

Тут Рунна знали даже городские стражники, потому что их впустили не задавая лишних вопросов, хоть на всадниках не было никаких опознавательных знаков и тем более положенного в таких случаях штандарта с гербом.

За стенами Красной ямы городская жизнь давно растеклась по домам и закоулкам. Мощенные побитым кирпичом улицы были гостеприимно пустынными, и Киирис, с молчаливого согласия Наследника тени, скинула капюшон. Они миновали торговую площадь, захлавленную пустыми торговыми прилавками, свернули около лавки стекольщика и, проехав еще пару кварталов, оказались перед неприглядным серым зданием. Его единственным украшением была кованная дверь и вывеска в виде горящего стручка красного перца, на котором витиеватыми буквами значилось название: «Перчинка».

— Очень оригинально. — Киирис позволила себе реплику перед тем, как Рунн помог ей спешиться. Он нарочно задержал руки на ее талии, на миг придвинув к себе так тесно, что выдавил из груди Киирис остатки дыхания. — Разве нам не стоит прежде зайти внутрь?

— Будь моя воля, я бы взял тебя прямо на лошади, — осклабился он.

— Не уверена, что эта хорошая идея, Рунн. — Она позволила Кровожадной руководить ее действиями, и та, не мешкая, обвила руками шею Наследника тени. Их губы оказались в соблазнительной для поцелуя близости. — Мне нужна горячая вода, мягкая пена, масло. Полотенце в этот набор не входит.

Прежде чем он успел отреагировать, очевидно приятно удивленный ее реакцией, Киирис отодвинулась. Рунн растянул губы в плотоядной улыбке.

— Все, что захочешь, пташка, раз уж наши желания так идеально совпадают.

Внутри их взяли в плен запахи лаванды и земляники. Густые ароматы окутали Киирис, словно невесомый плащ, одновременно и успокаивая — и будоража странные желания. Нет, здесь определенно есть еще что-то, какой-то афродизиак, который расчетливая хозяйка подмешивает в масла для аромаламп. Вытяжка из корня полуночной росы или масло косточек сеархимских яблок. Этим премудростям наставницы из Керака обучали всех девушек. Знать, чем и как повлиять на похоть своего господина было так же важно, как и удовлетворить эту самую похоть. Иначе хозяин может решить, что игрушка ему наскучила и, чего доброго, избавиться от нее, чтобы завести новую.

Хозяйкой оказалась молодая женщина с перевязью на глазу. По щелчку ее пальцев все свободные девочки — целая стайка птиц в пестром оперенье крохотных клочков одежды — стеклись к Рунну, изображая трепет и восторг. Впрочем, после беглого изучения их лиц, Киирис нашла радость совершенно искренней. В те немногие моменты, когда Рунн позволял себе смелые ласки, ему удавалось заставить ее сердце биться быстрее, а это красноречиво свидетельствовало о его умении обращаться с женщиной. И судя по количеству улыбчивых и ждущих внимания девушек, многим из них перепала доля этого мастерства.

— Наследник тени. — Мадам поклонилась глубоко и почтенно, нисколько не смущаясь, что в ее низком декольте выглядывают края ореолов темно-коричневых сосков. — Позволь мне выразить радость по случаю твоего визита в наше скромное тихое местечко.

Рунн мимолетно поцеловал ей руку, одновременно небрежно поглаживая бедро прищипнувшей к нему брюнетки с ярко-голубых шароварах и обшитой разноцветными стекляшками короткой тунике.

— Скромное и тихое? — Тенерожденный выгнул бровь. — Я точно не ошибся адресом? Потому что если с момента моего последнего визита все настолько переменялось, я,

пожалуй, поищу место, где горячо и развратно.

Мадам, прикрыв лицо веером, засмеялась — и отошла в сторону, безмолвно предлагая наследнику располагаться, как ему удобно. Ее взгляд скользнул по лицу Киирис, затем уставился на рога мейритины. Одноглазую сжирало любопытство, но она не посмела приставать с расспросами к человеку, не отличавшемуся терпением.

— Я хочу мою любимую комнату, — высказал пожелание Рунн. Ему хватило одного взгляда, чтобы проститутки посторонились. Пальцы тенеражденного обвили запястье Киирис. — Много горячей воды и острого мяса. И еще фруктов — моя спутница та еще сладкоежка.

Рунн увлек спутницу на третий этаж, устремился в конец коридора, где их уже поджидал мужчина с огромной связкой ключей. Он молча открыл дверь, и Рунн, подхватив Киирис на руки, занес ее внутрь.

Первое, что она увидела, была поистине невероятного размера постель под простым, но идеально-белым покрывалом. Туда-то тенеражденный ее и бросил, и тут же улегся сверху, жестко проталкивая колена между ее ног. Киирис выдохнула через нос, чувствуя, что Кровожадная вот-вот завоюет от предвкушения.

— Мне все еще нужно смыть дорожную пыль... и кровь, — прошептала Киирис. Его прозрачный взгляд действовал, словно заговоренная вещь, от которой невозможно оторваться.

— Мне тоже, — куда-то ей в шею выдохнул Наследник тени. — Но это не означает, что я не могу слизнуть крем с вишни. Боюсь, пташка, вид тебя с тем кинжалом, вскрывающую глотку очередному подонку, слишком сильно подействовал на мое возбуждение.

Киирис запрокинула голову, позволяя его губам настойчиво продвигаться выше, до самого уха. Рунн мягко прикусил мочку — и тут же сжал губами место укуса, мягко и многообещающе посасывая.

Она попыталась, шутя, вывернуться, но Рунн крепко держал ее. Киирис стрельнула в него негодующим взглядом, но Наследнику тени определенно было все равно.

— Рунн... — Мейритина собиралась еще раз напомнить, что они так и остались грязными, но в этот момент пальцы наследника как раз оказались на ее груди и его мягкие ловкие поглаживания поверх ткани выбили из нее воздух.

— Обожаю, когда ты называешь меня по имени, — мурлыкнул он, приподнимаясь на локтях и разглядывая ее с видом охотника, заарканившего, наконец, желанную добычу. — Ты точно не плод моего воображения? Я так часто видел тебя во сне вот такую: подо мной, с горящими глазами, извивающуюся и сладко постанывающую мое имя, что теперь происходящее кажется мне всего лишь очередной шуткой сознания.

«Дай ему то, что он хочет, трусиха, потому что даже тем, у кого нет собственных глаз видно, что этот длинноухий красавчик слишком заведен, чтобы спокойно в который раз принять твое «нет»».

В предупреждении Соблазнительницы была вся суть сегодняшней ночи: Рунн не для того вывез ее за тридевять земель из замка, чтобы терпеть препирательства. Кроме того — чего уж там! — после всего произошедшего, после кровавого азарта и запала Кровожадной, она и сама была заведена до предела. Хотя, кого же она обманывает? Все дело в том, что здесь и сейчас...

«Даже не смей о нем думать, идиотка, — угрожающе прошипела Кровожадная, — не теперь, когда вы с Наследником тени, наконец, хотите одного и того же!»

Киирис на мгновение прикрыла глаза, но Рунн тут же напомнил о себе.

— Хочу, чтобы ты смотрела на меня, — приказал он с необычной серьезностью в прозрачно-сером взгляде. — Мне, знаешь ли, нравится осознавать, что, когда я трахаю очередную красотку, она не воображает на моем месте одного малолетнего девственника.

Она распахнула глаза — и застала тенерожденного за тем, что он стягивал окровавленную сорочку через голову. Киирис в который раз невольно залюбовалась прекрасным рисунком рушти на его теле: орнамент был словно создан для такого, как Рунн — острый и в то же время мягкий, вкрадчивый, но опасный, как случайный, наполненный смертельным ядом шип в сердце самого прекрасного цветка. Киирис не удержалась и погладила красную витиеватую нить, хитросплетенную со своими черными и серебристыми сестрами. Наследник тени швырнул сорочку куда-то себе за спину, проследил взглядом за движением пальца Киирис вдоль его предплечья к локтю.

— Откуда они? — она остановилась около плеча, вдруг осознав, что каждое прикосновение к его телу рождает в ней сладкие импульсы, сулящие так много наслаждения, что вряд ли она сможет противиться им сегодня. — Мне казалось, рушти не к лицу отпрыску благородной крови.

— Такой паршивой овце, как я, к лицу все, кроме смерти, — беззаботно отозвался он.

— Разве я прошу так много? — она удивилась, каким сладко-капризным стал вдруг ее голос. — Всего лишь одну историю.

— Это тяжело назвать просьбой, — согласился тенерожденный, а потом одним рывком заставил ее сесть. — Но если ты желаешь слушать байки, то тогда уж на моих условиях.

Он быстро расшнуровал ее корсет, потом недвусмысленно потянул за края блузки. Киирис помогла ему, вынув руки из рукавов. Когда на ней осталась лишь тонкий клочок ткани, прикрывающий грудь, Рунн вдруг перестал улыбаться. Его взгляд скользил по ее шее и груди, изредка недвусмысленно задевая пряжку ремня.

— Тебе определенно нравится то, что мои руки делают с твоим телом, — сказал он самоуверенно. Потом положил большие пальцы поверх сосков, поглаживая так, чтобы шершавая ткань плотно потирала затвердевшую плоть. — Одного не могу взять в толк: ты создана для секса, пташка, ты сама — чистая похоть, но при этом тебе удается оставаться дьявольски невинной. Это одна из твоих особенных сил? Внушать мужикам, что каждый раз с тобой он как первый?

— Я не могу ничего внушать, Рунн, и точно не способна заставить тебя думать что-то, чего ты сам не согласен придумать.

— Хочешь сказать, что трое здоровых половозрелых мужиков которую неделю носят с тобой, как с драгоценностью, только потому, что им сами так хочется?

Она мягко пожала плечами, чувствуя едва ли не раздражения, что из-за болтовни его поглаживания сошли на нет. И тут же ее слуха коснулось мягкое позвякивание. Киирис напряглась, повертела головой.

— Успокойся, рас'маа'ра, это всего лишь знак нам, что вода готова и мы можем насладиться купанием. Здесь у них все так устроено, что в купальни вход с отдельной стороны, чтобы, пока служки таскают ведра, клиенты могли как следует разогреться.

Тенерожденный помог ей встать и снять сапоги. Свои снял сам. К ее обуви присоединились брюки и остатки одежды. Сам Рунн остался в штанах.

— Ну вот, пташка, теперь я точно знаю, что твоя настоящая красота скрывается под опереньем.

В попытках поддаться внезапному порыву стыдливости, Киирис попыталась прикрыться руками, но вместо этого Рунн накрепко прижал ее к себе, фактически лишив возможности двигаться.

— Нет, Киирис, только не со мной и не сейчас.

Наследник тени игриво прикусил ее за кончик носа, и в этой неожиданной, почти дружеской ласке она нашла свое спасение. В самом деле, к чему этот стыд и смущение, которое не даст ничего, кроме горького послевкусия, когда все, наконец, случится? Они нуждаются друг в друге без условий, без правил, обнаженные не только внешне, но и внутренне. Да, возможно, Рунн — распоследняя сволочь в империи и задумал погубить старшего брата, чтобы занять его место, но... разве в стенах этой комнаты это имеет хоть

какое-то значение?

Вдвоем они зашли в арку, прикрытую расшитым пологом, за которой располагалась купальня. Конечно, все ее убранство не имело ничего общего с мраморными купальнями Замка туманов, но небольшая комнатка оказалась чистой и облаченной в приятный полумрак, поддерживаемый парочкой толстых свечей в массивных держателях на стенах. Посреди стояла лохань — достаточно большая, чтобы без труда вместить двух человек. Рунн бережно опустил свою ношу в воду. Киирис зажмурилась от удовольствия, когда тепло просочилось буквально в каждую клеточку тела.

У Рунна было великолепное тело: сухое, поджарое, как у крепкого жеребца. И он нарочно, скинув штаны, не спешил забираться в лохань, давая ей возможность оценить его целиком. Когда взгляд Киирис опустился ниже, вслед за вензелями рунических орнаментов, которые обвивали живот и опускались к паху, она невольно задержала дыхание. У него был идеальный член: ровный, аккуратный, словно его форму долго и тщательно отливали в мастерской сами создатели.

— Мне нравится твой взгляд, — Рунн чуть склонил голову на бок, из взлохмаченный светлых волос показался кончик длинного, украшенного красной стальной бусиной уха. — Нравится, что мы убрали это дерьмо между нами и не будем разыгрывать стесняшку и насильника.

— Тебе бы язык укоротить за такие слова, наследник, — в шутку пожурила она.

Удивительно, как ему всегда удается разжечь в ней эту бесшабашную игривость? Как будто он один знает, где сосредоточены центры ее похоти. Любовь? Нет, определенно нет, но обжигающее желание и самые низменные инстинкты. И при этом — доверие, будто они старые друзья, между которыми давно нет неловкости.

Глава шестнадцатая

Рунн забрался в лохань, отчего часть воды выплеснулась на пол. Ни слова ни говоря, Киирис придвинулась к нему, усаживаясь так, чтобы обнять его ногами. Он громко выругался, когда она как бы невзначай потерлась о его возбужденный член.

— Так откуда они? — Киирис потянулась за мочалкой, вылила на нее щедрую порцию пенного масла и принялась растирать кожу наследника едва ли не до красноты.

— Боги, девчонка, ты всерьез хочешь поговорить об этом сейчас? — Он откинулся на край лохани, попытался свалить дурака, но Киирис снова потерлась о его возбужденную плоть, и Рунн оказался способен лишь на очередную порцию ругани, на этот раз приправленную хриплым стоном.

— Я собираюсь услышать сказку, — передразнивая его в день их первой встречи, прошептала она, свободной рукой поглаживая твердые мышцы его живота. — И стоит ее придумать, если ты не знаешь ни одной.

— Вряд ли я способен соображать, когда все, о чем могу думать, сосредоточено между твоими восхитительными ножками. — Он все-таки выдавил улыбку, обнажил чуть более длинные и острые, чем у обычного человека, клыки. — Уверена, что это не может подождать?

— Уверена, что ты достаточно умел, чтобы контролировать себя, — продолжала дразнить она, опуская ладонь вниз по его животу. Когда пальцы сомкнулись на твердой плоти, Наследник тени прикрыл глаза и в его улыбке скользнул хищный сладострастный оскал. — Я жду, Рунн.

Он натянуто рассмеялся, перехватил ее руку и взгляд.

— Я делаю что-то не так? — Она намеренно игриво улыбнулась. После напряженного дня теплая вода и дурман благовоний расслабили ее, превратили мысли в вялый поток. Сейчас все то, что было сложным, превратилось в несостоящую внимания ерунду.

— О нет, пташка, я завелся от одних твоих пальцев. — Немного поколебавшись, он повел ее руку вниз и вверх, показал ритм. — Только делай это вот так, чтобы я не кончил слишком рано. Теперь, когда ты сдалась, это будет непростительной оплошностью.

Она снова погладила его, чувствуя, как влажная плоть в ее руках становится по настоящему каменной, как по выпуклым венам пульсирует кровь. Сейчас, в это мгновение, Наследник тени казался настоящей одой соблазну: разгоряченный, с влажными, прилипшими ко лбу волосами и тонкой свежей царапиной через щеку. И он целиком отдался ее власти, покорился, ничуть не смущаясь своей слабости.

— Я сделал рушти на спор, — сказал он и облизал губы. Потом снова запрокинул голову, застонал, когда ее пальцы сжались чуть сильнее. — Я тогда только собирал Воронов, носился по всей империи и находил самых отъявленных и беспринципных головорезов, которые отчаянно нуждались в деньгах и императорском помиловании. Была среди них одна зараза из-за моря. Черная, как грех, и такая же похотливая. Кажется, она сосала лучше всех женщин, которые у меня были.

— Это вызов?

Рунн вскинул голову, резко подтянул Киирис к себе — так, что ее рука оказалась пленницей между их телами. Одной рукой Наследник тени обхватил ее затылок, пальцами другой очертил линию ее рта. Сглотнул, прижался к ее губам в мимолетном поцелуе.

— У тебя просто восхитительный рот, рас'маа'ра. Не сомневаюсь, что вещи, которые ты способна им сделать, сведут меня с ума.

— Я польщена твоим доверием, — шутливо подразнила она и вернула поцелуй.

Его губы были сочными, словно вызревший экзотический плод. Одновременно твердыми и мягкими. И он совершенно точно знал, как завести женщину одним только поцелуем.

— Дай мне свой язык, Киирис, — шепотом потребовал он прямо в ее раскрытые губы.

Она выставила кончик языка, дала Рунну скользнуть по нему своим языком, обхватить губами, посасывая так заманчиво многообещающе. Она выдохнула, когда тенеражденный отпустил ее затылок и погладил ладонью спину, опускаясь ниже и ниже, пока не прихватил ягодицу. Другая его ладонь сомкнулась у нее на груди. Пальцы перекатывали твердый сосок, то сжимаясь, то отпуская. Не прекращая ласкать ее язык, Рунн соблазнительно толкнулся бедрами, напоминая о том, что его стояний член обделен вниманием.

— Рунн... — Она откинулась назад, потерлась промежностью о его живот, наслаждаясь новой порцией стога, который Наследник тени явно не без усилий вытолкнул из горла.

— Еще раз, — потребовал он. Мягко отвел руку на спину, побуждая ее доверчиво откинуться назад. — Ты просто само совершенство, пташка.

Его губы сомкнулись вокруг ее соска, прихватили и потянули, словно в его руках она превратилась в какой-то экзотический музыкальный инструмент. Киирис вскрикнула, когда вслед за мягкой лаской губ, он прикусил плоть зубами.

— Рунн, — повторила она, нарочно растягивая каждый звук. Похоже, этому мужчине доставляло особенное удовольствие слышать, как она перекатывает на языке его имя.

— Хватить зажиматься, пташка, — прошептал он, вновь целуя ее губы. — Ты готова отдаться, так какого дьявола продолжаешь держать себя в клетке?

Киирис до предела откинулась назад позволила волосам растечься по водной глади рыжим пятном. Пальцы снова сомкнулись вокруг его члена, яростно заработали вверх и вниз. Рунн подхватил бедрами ее ритм.

Нужно отпустить. Нужно выбросить из головы мечты и желания. Тело просит дать ему хотя бы немного передышки, оно само нашло лазейку и теперь проталкивает в нее распаленное до бела желание. Ну и что, что она бы отдала всю оставшуюся жизнь ради одного поцелуя хозяина непроницательных темных глаз. Ну и что, что ее влага между ног вся без остатка принадлежит ему, потому что с того момента, как Дэйн, играючи, подарил ей пару поглаживаний она буквально горит от одной лишь мысли...

— Дэйн... — выдохнули губы с болезненной страстью неудовлетворенной самки. — Боги, Дэйн...

— Если бы ты хоть раз повала меня вот так... — ответил ей грубый мужской голос. Бешенный и дикий одновременно.

— Проклятье, Дэйн!

Киирис встрепенулась, повернула голову так резко, что боль пронзила каждый шейный позвонок. Она так завелась, вспоминая его, что теперь у нее галлюцинации? Но почему они так реальны, и почему Рунн отодвинулся от нее и ругается так, будто повстречал саму смерть.

Хозяин Нэтреской империи стоял в арочном проеме, оборванный полог валялся под его ногами. Вид Дэйна не сулил ничего хорошего. Он даже не скрывал, что в мыслях уже множество раз разорвал на куски каждого из них, предал таким изощренным пыткам, о которых инквизиция не могла и помыслить.

— Дэйн, — совсем тихо произнесла она. Зачем-то прикрылась руками, хотя все они видели ее обнаженной.

— Заткнись, Киирис, — предупредил он. От резкой интонации задрожали оконные стекла. — Не смей открыть рот, пока я не разрешу. Поняла?

Она просто кивнула.

Рунн успел выбраться из лохани и в два счета влез в штаны. Удивительно, как ему это удалось за столь короткое время. Наверняка не обошлось без многолетней практики побегов от молодых жен накануне возвращения их увенчанных рогами супругов.

— Не помню, чтобы приглашал тебя присоединиться, — сально пошутил Наследник тени. — Я, знаешь ли, предпочитаю иметь в постели двух или даже трех женщин, но ни одного мужика. Не люблю смотреть на чужой член на своей территории.

— Ты пообещал вернуть ее в замок. — Дэйн с хрустом сжал кулаки.

— Как видишь, мы решили задержаться по уважительной причине.

— Вижу, что твоя рожа просит моего кулака, — предостерегающе зарычал император. Киирис впервые видела его таким бешеным. Он разве что не сжигал и не крошил все вокруг.

— Эй, погоди, — Рунн шутливо заглянул ему через плечо. — А где же твоя невестушка?

— Вон!

— Что?

Прежде чем кто-то успел понять, что происходит, Дэйн схватил брата за глотку. Рунн пытался увернуться, но расслабление после ванной определенно притупило его инстинкты. Императору понадобилась всего одна рука, чтобы оторвать брата от земли. Рунн вскинул руки и почти высвободился от его хватки, но Дэйн сам разжал пальцы. Наследник тени отскочил на пару метров, его босые ноги неустойчиво заскользили по полу.

— Я сказал — убирайся вон, пока я не исполнил свое обещание. Видят боги, сейчас я как никогда близок к тому, чтобы перегрызть тебе глотку.

— Что такое, Дэйн? — не желал отступать тенерожденный. — Обидно, что я поймел кого-то, на кого ты положил глаз? Обидно, что кто-то, кого ты выбрал для себя, не смог передо мной устоять?

Дэйн вопросительно посмотрел на Киирис.

Ну и глаза! Она едва не задохнулась от того, как беспощадно он подавил ее попытки сопротивляться.

— Мы не... — только и смогла сказать она, безошибочно угадав, что именно желает услышать этот беспощадный тиран.

— Я разрываю наш договор, Рунн. Больше никакого дележа, никаких сраных четных и нечетных дней, никакого сна в одной постели. Рас'маа'ра принадлежит мне, а вы, если желаете оспорить мое право владеть ею единолично, можете попробовать меня убить. Двоем или поодиночке.

Киирис громко выдохнула, все еще сомневаясь, что услышанное — не плод ее воображения. Он только что сказал, что не желает делить ее ни с кем? После стольких дней безразличия, унижительного отсутствия внимания — он вдруг пожелал владеть ею? Что успело произойти, из-за чего император превратился в жадного собственника?

«Он просто осознал, что тебя может не оказаться рядом, — сладко выдохнула Соблазнительница. — С мужчинами так иногда случается, особенно если они пытаются отмахнуться от женщины, которая успела проникнуть в их голову».

Пока мужчины убивали друг друга взглядами, Киирис выбралась из лохани, обернулась в одну из простыней, которые ровной стопкой лежали на узкой скамье у стены. Приторные благовония полностью растворились в запахе Дэйна: горячем, обжигающей аромате мужественности и злости, силы и власти.

Она едва не согнулась пополам от острого приступа сладкой боли между ног. Стоило взглянуть на его громадную фигуру, которая, казалось, вытолкнула наружу все свободное пространство, как в голове вспыхивали образы один другого непристойнее.

— Пташка, — Рунн раздраженно оценил ее заинтересованность братом. — Ты хочешь остаться с ним? Хочешь дать этому кретину снова получить то, что он хочет? Ты всего лишь трофей для него, игрушка, которую он сломает и бросит. Отдавшись ему, ты себя

погубишь. Так было всегда и со всеми.

Хотела ли она остаться с ним?

— Разве я могу выбирать? — Она сама поразилась невыносимой горечи в столь малом количестве слов. — Могу сказать, чего хочу для себя?

— Нет, не можешь, — обрубил ее Дэйн. — И Рунну, хочет он того или нет, придется убраться. Или сдохнуть.

«Боги, этот мужчина должен сегодня быть в тебе. — Соблазнительница издала низкий гортанный стон. — Если ты ему откажешь, я сделаю так, что тебе приспичит поиметь кого-то, когда поблизости будет команда голодных моряков. Представляешь, в какую потасканную тряпку ты превратишься после такого знакомства?»

Интересно, они могут в самом деле... причинить друг другу зло? Рунн, в отличие от Дэйна, совершенно безоружен — их одежда осталась в комнате, там же лежат его клинок и кинжалы. Впрочем, император не выглядит человеком, окончательно потерявшим голову. Вряд ли он дойдет до того, чтобы убить безоружного брата. Какие бы странные отношения между ними ни были.

И все же — что он тут делает? Как их нашел?

— Тебе придется убить меня, Дэйн. — Тенерожденный снова нахлобучил одну из своих непроницаемых насквозь фальшивых улыбок, за которыми имел привычку прятаться всегда, стоило делу или разговору приобрести серьезный оборот. — Можешь сделать это прямо сейчас, я не буду сопротивляться, — Рунн развел руки. — Как видишь, оружия у меня нет.

— Я не намерен играть в твои дурацкие игры, — отмахнулся от щедрого предложения Дэйна. — Убирайся, пока я не вышвырнул тебя в окно. Видят боги, сейчас это доставит мне величайшую радость.

Не успели слова императора смолкнуть, как Рунн, словно ягуар, налетел на него. Если бы их разница в росте и весе была менее выразительной, ему бы наверняка удалось сбить старшего брата с ног. Дэйн устоял, но под напором Рунна сделал несколько шагов назад. Наследник тени размахнулся для удара в лицо, император предсказуемо отклонился — и схлопотал кулаком под ребра. Он глухо выдохнул, а Рунн ударил снова, уже справа и под печень. Со стороны его тычки выглядели смазанными и простыми, но судя по тому, что после второго император снова попятился, Наследник тени точно знал, куда и как бить, чтобы заставить соперника прочувствовать каждый оттенок боли.

«Пусть бы они убили друг друга, — не без интереса наблюдала за происходящим Кровожадная. — Тогда бы остался только малолетний сумасшедший девственник, рядом с которым ты бы стала самой настоящей императрицей. Он будет молиться на тебя всю жизнь, когда ты лишишь его невинности каким-нибудь изощренным способом».

На этот раз Киирис смогла отгородиться от ее слов. В груди, в области сердца, растекалось тяжелое и обжигающее отчаяние. Она чувствовала, что должна сделать хоть что-то, чтобы остановить эту вакханалию — и знала, что не должна вмешиваться. Не смеет. Ведь именно сейчас происходит то, ради чего она здесь — волки вцепились друг другу в глотки, и их силы почти равны. Они могут достаточно сильно покалечить друг друга, чтобы не дожить до утра. И тогда...

— Дэйн... — вырвалось у нее, когда император перехватил занесенную для следующего удара руку брата. Схватил за запястье — и с силой вывернул за спину. Раздался противный многозначительный хруст, низкий вой Рунна.

Не обращая внимания на боль тенерожденного, Дэйн протаранил его лицо кулаком. От удара Рунн потерял равновесие, упал навзничь, неловко пытаясь шевелить сломанной рукой. Кровь щедро хлестала из его свернутого набок носа и разбитой губы.

Кровь... Киирис попыталась закрыть лицо руками, но древняя теургия, наконец, взяла

свое. Силы всколыхнулись в животе, превращаясь в неконтролируемую стихию, потекли по венам, сжигая и разрушая каждую эмоцию.

— Прости, пташка, что именно мне приходится это делать. — Рунн смотрел на нее с какой-то невозможной нежностью. Его голос дрогнул, но рука, с приставленным к ее горлу кинжалом, осталась крепка. — Ты знаешь, что так должно быть.

— Разве не я просила тебя об этом? — улыбнулась она в ответ и зажмурилась, чувствуя, как холодная сталь неумолимо вторгается в плоть...

Дэйн взял Рунна за шиворот, поднял. Он не считал нужным скрывать триумф победителя. Рунн пытался огрызаться, шипел и брыкался, но даже всего его мастерства оказалось недостаточно, чтобы одноруким противостоять сильному сопернику.

— Благодарю богов, что сегодня мне хватит своей сломанной руки, — бросил император. К нему понемногу возвращалась прежняя холодность и отрешенность. — Но ты больше не притронешься к рас'маа'ре.

— Лучше сразу убей меня, — в вялой улыбке Рунна мелькнули окровавленные зубы. — Я ведь тоже тебя достал, да, непобедимый император нэтрэзов?

Киирис громко выдохнула, когда теургия подскочила к самому горлу, сдавила невидимыми ледяными пальцами. По губам и подбородку Дэйна растекалось алое кружево.

— Пожалуйста, Дэйн... — Она стояла на коленях рядом с его стремительно теряющим кровь телом. — Пожалуйста...

Из его груди торчал обломок топора, в правом боку виднелась рукоять кинжала. Доспехи, некогда блестящие и идеально-чистые, были смяты и перепачканы грязью сражения.

— Дэйн, Дэйн...

— Береги... их... — Из последних сил пробормотал он. Попытался поднять руку, но ладонь замерла на полпути к ее лицу — и безжизненно упала.

Когда она поняла, что видения отпустили ее, в купальне было пусто. Лишь кровь на полу и расплесканная вода указывали на то, что случившееся не было плодом ее воображения. Киирис обхватила себя руками, подтягивая простынь к груди. В костях поселился озноб. Потребовалось время, чтобы собрать мысли в охапку и кое-как справиться с трясущимися коленями.

Она видела то, что не должна была видеть.

Киирис до боли прикусила губу. Боль немного, но отрезвила затуманенное всплеском теургии сознание.

— Похоже, она нас игнорирует, — произнесла насмешливая Кровожадная.

— Дай ребенку прийти в себя, — урезонила ее Соблазнительница.

Киирис медленно — едва ли не так же, как солнце оборачивается вокруг земли — повернулась. Боги, сделайте так, чтобы все это ей показалось, чтобы все это было каким-то ужасным сном, от которого она вот-вот проснется.

Они были там: белая, как снег, откуда она родом, дочь завоевателя навалилась плечом

на стену; смуглая и гладкая, с кожей оливкового цвета соблазнительница сидела на лавке, лениво перекатывая в ладони крохотную бутылочку с ароматическими благовониями.

— Хватит тарашиться на нас так, будто мы какие-то зловредные призраки, — огрызнулась Кровожадная. — Мы сидели в тебе все это время, можно было бы привыкнуть.

— Она имеет право испугаться, — вступилась за Киирис Соблазнительница. — Согласись, не каждый день получается вот так мило побеседовать со своим сердцем или почками. А мы все же куда ближе, чем внутренние органы. Мы — часть ее сознания.

Кровожадная искривила губы в злой усмешке, из-за чего ее красивое лицо махом потеряло половину своей привлекательности.

— Я — не часть этой бесхребетной поганки, — разграничила она. — И коль скоро теургия снова в ней, собираюсь воспользоваться шансом и вернуть свое тело.

— Это невозможно, ты же знаешь, — грустно выдохнула Соблазнительница.

— Возможно, вот только нашей чудесной рогатой оболочке, боюсь, придется потерять так много...

Киирис мелко задрожала. Это происходит на самом деле? Или теургия, которую она пока не может контролировать, превращает ее мозги в студень? Она никогда не видела тех двоих... живыми. Помнила лишь два накрытых тканью тела, которые находились на самой грани между жизнью и смертью. А потом, когда ритуальный кинжал отправил ее на тот свет, она с трудом осознавала саму себя. Она знала о них так много, но и помыслить не могла, как Скванные выглядели при жизни.

— Я контролирую вас, — сказала она после того, как приструнила часть страха. — Вы не можете покинуть мое тело.

— Очень даже можем, — мягко уверила Соблазнительница. — Но в твоей власти...

— Закрой рот! — прикрикнула на нее Кровожадная. Она нервничала — Киирис чувствовал каждую ноту ее волнения, потому что они все еще каким-то непостижимым образом были и ее собственным волнением.

— С кем ты, дьявол задери, разговариваешь?

В проеме появился император. Он пошарил взглядом по купальне и остановился на Киирис.

Глава семнадцатая

Скамейка у стены была пуста.

— Со своими демонами, мой император, — глухо отозвалась она. Вода на полу совсем остыла и теперь ее пятки покалывало от холода. — Мне нужно одеться, мой император. Могу ли я попросить разрешения с честью принять наказание?

Он подошел к ней: огромный, широкоплечий, настоящий таран, а не смертный мужчина. Какое-то время просто молча рассматривал ее лицо, как будто силился найти какое-то свидетельство с недавним его мыслям.

— Ты правда собиралась позволить ему взять тебя?

— Да, — честно призналась она.

Император скрипнул зубами.

— Почему?

— Потому что ты сам меня отдал. Им двоим. Потому что каждому из вас я нужна лишь для этого.

— Ты говоришь чушь, — резко пресек ее слова Дэйн.

— Я говорю правду, мой император. В конечном счете, каждый из вас, получив меня до конца, начал бы мечтать о том, как избавиться от ставшей ненужной игрушки. Рунн прав — я всего лишь экзотическое нечто, достаточно загадочное и непонятное, чтобы удерживать интерес трех таких разных мужчин.

Дэйн схватил ее за руку, выволок в комнату. Сейчас она уже не казалась такой просторной и соблазнительно пахнущей. Всего лишь четыре стены в дешевом декоре, с похабной кроватью, которая кричала, что на ней совокуплялись все, кто мог заплатить.

— Знаешь, зачем я приехал сюда?

— Мой император сам сказал — чтобы владеть мной единолично.

— Я не мог выдерживать вой Раслера, — сквозь зубы прошипел он. Схватил ее за горло, поглаживая большим пальцем артерию. Киирис сглотнула, когда его жесткое дыхание пощекотало ее искусанные в кровь губы. — Я люблю младшего брата. Оказалось, что люблю. Так сильно, что решил отыскать его игрушку и вернуть до того, чтобы он перестал биться башкой в стену.

Ему потребовалось одно движение, чтобы сорвать с Киирис простыню, прижать ее к себе. Сердце императора билось ровно и глухо, вколачивая в грудь Киирис каждое невысказанное слово.

— Ты отравила меня, мейритина, — прошептал он с таким злым отчаянием, что на миг его пальцы сжались сильнее, лишив Киирис способности дышать. — Я могу сколько угодно тебя игнорировать, но ты все время со мной.

— Дэйн... — Признание выбило из нее остатки воздуха.

— Возможно, самым разумным было бы отдать тебя королеве, — продолжал свои размышления император. — Дать ей убить тебя, чтобы эта попытка для нас троих, наконец, закончилась.

— Возможно, — не стала спорить она. Его губы так близко, они делали ее мысли вязкими, похотливыми. Готова ли она разменять одну ночь с ним на всю оставшуюся жизнь? Да! Тысячу раз да! — Возможно, ты должен убить меня прямо сейчас.

«Вопреки моим собственным видениям. И тогда ты спасешься».

— Проклятье, Киирис! Хоть раз в жизни скажи, чего хочется тебе самой!

Она отдалась в плен его жестоким, полным необузданной злости глазам. Утонула в них, распласталась на самом дне, с садистским удовольствием наслаждаясь той болью, какую испытает, когда все закончится. Но это будет когда-то потом.

— Я хочу тебя, Дэйн, — впервые в жизни она была настолько обнаженно-откровенной. Хотелось смеяться и плакать одновременно. Убежать — и приколотить себя гвоздями к этому мужчине, чтобы стать для него всем. — Только тебя, Дэйн. Всегда тебя. Я люблю тебя, мой император, и готова повторить это даже если ты прямо сейчас задушишь меня или свернешь мне шею. Поэтому, пожалуйста, прекрати меня мучить — и сделай то, что должен.

«Может быть, если это будет не Рунн, все изменится...»

— Некоторые вещи нужно делать сразу и наверняка, поэтому, мой император, если мне позволено последнее желание, я бы хотела попросить себе легкую и быструю смерть.

— Почему же ты так любишь болтать, — прорычал он и обрушился на нее с поцелуем.

Если бы поцелуи могли покорять, это должны были быть именно вот такие поцелуи. Он не пробовал, не просил и не прикасался к ней украдкой, как вор. Дэйн взял то, что считал своим — и не собирался расшаркиваться на такие мелочи, как согласие.

«Я только-что вручила себя ему, разве это не больше, чем согласие на поцелуй?»

— Ты такая мелкая, — прошептал он в ее раскрытые губы. Кажется, император даже улыбнулся.

И подхватил ее под бедра, поднимая выше. Киирис обхватила его ногами, обвиваясь вокруг него, словно росток вокруг живительного источника. Поддавшись желанию, запустила пальцы ему в волосы, оттянула голову назад.

— Хочу смотреть на тебя все время, мой император, — призналась с оглушившей ее саму откровенностью.

У него было совершенно потрясающее лицо в эту минуту: чуть сошедшие у переносицы брови, приоткрытые губы, хоть нижняя все еще кровоточила. Киирис намотала его волосы на кулак, обнажая острые скулы и крепкую шею. Откуда там шрам?

«Я же говорила, что он — само совершенство, — Соблазнительница издала гортанный стон. — Создан для того, чтобы объезжать таких упрямых девчонок, как одна рогатая дурочка».

«Все, чего он заслуживает — сдохнуть в грязи», — злилась Кровожадная. Киирис до сих пор чувствовала ее злость из-за того, что Дэйн прервал игру с Рунном.

— Прочь из моей головы! — выкрикнула мейритина.

— Что? — Дэйн склонил голову набок, рассматривая свою ношу в ожидании ответа.

— Он — мой! — упрямо выкрикнула Киирис, снова притягивая его к себе. — Только мой. Убирайтесь!

— Ты снова играешь со своими демонами, Киирис?

— Нет, мой император, я прогоняю их, чтобы здесь и сейчас были только ты и я.

Он перебил ее откровение, поцеловал. Жесткие губы раскрыли ее рот горячим поцелуем, язык погладил нижнюю губу и проскользнул внутрь. Киирис задохнулась, когда их языки слились в немом танце. Она едва могла дышать, полностью растворяясь в этих новых чувствах. Когда Дэйн прикусил ее нижнюю губу, она сладко выдохнула и вернула ему ласку.

— Не помню, чтобы разрешал это, — с показной сердитостью пожурил император.

— Хочешь, чтобы я была тихой и смирной? — В знак непослушания она снова прихватила зубами его губу, слизнула кровь из крохотной ранки, глотнула. — Твоя кровь — как амброзия, мой император.

Он усмехнулся, принимая похвалу, как данность. Одной рукой продолжал поддерживать ее под бедра, а пальцами другой добрался до ее влажного места между ногами. Погладил, словно какой-то экзотический цветок: твердо и уверенно, как будто хотел раз и навсегда заклеить ее своей лаской.

Киирис откинулась на его руке, запрокинула голову, раскрываясь для него. Она так долго ждала всего этого, но так долго пряталась от собственных желаний, что сейчас вся без остатка отдавалась каждой ласке. Дэйн раскрыл ее пальцами, нашел тугой комок удовольствия — и надавил. Она выкрикнула, дернулась, но он без труда удерживал ее даже одной рукой. Она закричала снова, словно была инструментом в руках опытного настройщика. Там, внизу, она словно загорелась, превратилась в соломинку, тлеющую в этой страсти.

— Мне нравится, как ты кричишь, Киирис, — похвалил Дэйн.

Она опомниться не успела, как оказалась прижатой его телом к постели. Посмотрела на его склоненное лицо так, будто он был сосредоточением всего мира. Дэйн приподнялся на локте, ни на мгновение не прекращая свои поглаживания. Она попыталась обнять его, но император отстранился.

— Лежи смирно, Киирис, — совершенно серьезно приказал он. — Иначе больше ничего не получишь.

Кажется, она хрипло засмеялась. Мысли путались, соскальзывали на обочину сознания, уступая место желанию, страсти, похоти. Боги, она сделает все, что угодно, лишь бы эта сладкая пытка длилась вечно.

— С этого момента, мейритина, — император обхватил ее лицо ладонью, пригвоздил к постели тяжелым взглядом, — ты — только для меня.

— Да, мой император, — покорилась она.

— Недостаточно громко. — Его палец лишь чуть-чуть скользнул в нее, выудил влагу и растер по клитору.

— Твоя, — выдохнула она самым сердцем.

— Громче, Киирис, — требовал он, потирая ее все сильнее и сильнее.

Боги, он тиран не только на троне!

— Всегда твоя! — выкрикнула она.

— Хорошая девочка, — он, наконец, получил желаемое.

И резко выпустил ее из рук, как раз, когда колени Киирис дрожали от подступающего удовольствия. О нет, она вцепится в него зубами, если это снова игра, попытка заставить ее расслабиться, чтобы выпытать о ключе.

Но нет: Дэйн присел на колени около кровати, схватил ее за лодыжки и потянул на себя. Развел ее ноги так широко, что заболели сухожилия. Киирис вскрикнула, когда почувствовала поцелуй на внутренней части бедра.

Боги, он собирается... сделать это?

Нельзя, нельзя... Ничего не получится, ведь она никогда раньше не получала ничего и близко похожего на удовольствие от таких ласк. Нужно заставить его остановиться.

Киирис потянулась к плечам императора, попыталась отстраниться, но Дэйн жестко ухватил ее за ягодицы, приподнял и раскрыл, словно жемчужницу.

— Даже не вздумай сопротивляться, мейритина, — предупредил он и в дополнение к словам укусил Киирис за кожу на сгибе бедра. Острая и в то же время одурманивающая боль прошла ее насквозь.

— Я не...

— Ты не... что?

Он осторожно прижался губами к ее влаге, слизнул языком капли ее удовольствия. Киирис дернулась, вцепилась пальцами в покрывало.

Боги, что это такое?!

— Мне остановиться? — Он прервал «поцелуй», но тут же вошел в нее пальцем. — Проклятье, ты такая узкая...

Остановиться? Когда она готова взорваться от одних лишь намеков на ласку?

— Пожалуйста, мой император... — взмолилась она. — Пожалуйста!

Вид его, сидящего между ногами и до сих пор одетого, был самой возбуждающей вещью на свете. А то, как он слизал с собственных губ ее влагу, раскололо мир на части. Возможно, когда-то давно, она была испуганной похищенной девчонкой, и не знала, что мужские ласки могут быть такими, но сейчас это все выветрилось из головы, будто дурной сон.

— Дэйн... — Почему это так сложно сказать?

— Да, Киирис? — Его темный взгляд обещал самый бессовестный секс, который только мужчина может дать женщине. — Тебе нужно лишь попросить.

— Боги, Дэйн, хочу твой язык! — Собственные слова смели еще одну преграду, разметали без труда, словно тот волк из детской сказки.

— Хорошая девочка, — похвалил он.

Его рот снова прижался к ней между ногами, но на этот раз язык раскрыл складки и погладил изнутри, пробуя на вкус, словно какое-то лакомство. Пальцы продолжали скользить внутри, но каждый раз, когда они оказывались максимально глубоко, он усиливал ласку скользким, бесконечно развратным движением языка. Снова и снова, с каждым движением поднимая ее все выше, за облака.

Она металась на простынях, сминая ткань в пальцах, будто та была единственным, что удерживать ее от хлещущего по ногам вожделения. Грудь болела, твердые соски требовали ласки, по коже будто растекалось оголенное обжигающее наслаждение.

— Дэйн! — Она не сдержала крик, когда император вынул пальцы и мягко, но неумолимо, раздвинул складки нижних губ. — О, Дэйн!

— Я весь тебя слушаю, Киирис, — подразнил он и ударил по клитору кончиком языка. А потом снова и снова, посмеиваясь над тем, как она каждый раз вскидывается в его руках.

Силы покинули ее. Тело столько дней копило возбуждение, изнывало от невозможности получить желаемое, что теперь Киирис не могла — да и не хотела! — сдерживаться. Лишь на миг приподнялась на локтях, чтобы увидеть, как язык Дэйна бесстыже танцует у нее между ног. После этого Вселенная окончательно растворилась, и остались лишь они одни.

— Давай, Киирис, покричи для меня, — потребовал он.

Она запрокинула голову, когда Дэйн снова надавил языком на твердый бугорок, когда погладил его всей шершавой поверхностью, то усиливая ласку, то отступая, заставляя Киирис кричать и молить о пощаде. Его пытка была невыносимой, но всякий раз, когда Дэйн возобновлял ласку, она взлетала все выше и выше. Пока, наконец, не взорвалась в долгом хриплом крике.

Кажется, она барахталась в простынях так долго, что Дэну пришлось лечь рядом и крепко прижать Киирис к себе. Он закинул ее ногу себе на бедро, одной рукой обнял за шею, другой поглаживал вздрагивающий живот. И так до тех пор, пока она не пришла в себя.

— Это было что-то новое для тебя, мейритина? — спросил он, и Киирис почувствовала

его губы где-то около своего виска.

— Да, мой император. — Когда страсть немного схлынула, ей на смену пришла сладкая теплая нега, в которой хотелось купаться, словно в чистом удовольствии. Киирис набралась смелости и потянулась к Дэйну. Он обнял ее еще крепче. — Я не знала, что может быть... так, — потихоньку призналась она, чувствуя себя распоследней развратницей.

Дэйн негромко хрипло рассмеялся ей в макушку.

— Вот так: искушенная куртизанка не знала, что удовольствие может быть еще и таким. — Кажется, это открытие его забавляло. Нотки веселости разбавили голос, сделали его похожим на рокот ленивого водопада. — Поделишься впечатлениями?

Киирис спрятала лицо у него на груди, чувствуя, что краснеет. Почему? Откуда этот стыд? Что вообще творит с ней этот мужчина? Выбивает почву из-под ног, превращает в слабую женщину, которая тает от одного лишь его голоса, от того, как он невзначай поглаживает ее бедро.

— Как ты нас нашел? — Вопрос не давал ей покоя с того самого момента, как Дэйн появился в дверях купальни.

— Я был бы плохим братом и еще более плохим императором, если бы не знал, где проводят время мои младшие родственнички.

— Он обещал вернуть меня, — напомнила Киирис.

— Рунн никогда ничего и никому не обещает, Киирис. Запомни это. А если Рунн что-то пообещал, значит, собирается нарушить это обещание. Он такой: сплошные противоречия, тем более, когда дело касается меня. Брат лучше изловчится и укусит себя за локоть, чем согласится играть на моих правилах. Единственная причина, по которой он мирится с моим правом старшего — страх. Знает, что как только переступит черту — отправиться на тот свет.

— Эта жестокость... так необходима? — осторожно спросила она.

Дэйн вздохнул, отодвинулся и лег так, чтобы их глаза оказались на одном уровне. Ее сердце рвануло быстрее, когда в памяти всплыли образы его губ и его языка...

— Эта жестокость — главное, на чем стоит империя, мейритина. Я бы покривил душой, если бы сказал, что мне это в тягость. Император должен быть безжалостным в первую очередь к тем, что стоит ближе всего. Именно среди братьев, матерей и жен зреют самые страшные заговоры. Согласись, что какой-нибудь жрице из Керака было бы куда сложнее подобраться ко мне, чем собственному брату, который даже в мою комнату может входить без стука.

— С этим тяжело поспорить, мой император.

— Я знаю обо всех похождениях Рунна, я знаю, чем живет Раслер, какие козни строит королева-мать и чем дышит моя будущая жена.

— Разве тебе не следует быть сейчас с ней? — осторожно, помня его предупреждение, рискнула спросить Киирис.

— А тебе бы хотелось, чтобы я был с ней? — В темных глазах Дэйна танцевала насмешка. Конечно, он знал, чего она хотела на самом деле, но жаждал услышать еще одно обнаженное признание.

— Я счастлива, что мой император предпочел мое общество обществу принцессы, — сказала она, надеясь, что не выдала боль. Сейчас он с ней, но придет утро — и все снова переменится. С другой стороны: ей ли сетовать на судьбу? В животе до сих пор сладко ныло от одного воспоминания о смелых ласках Дэйна.

— Этот брак нужен мне, — неожиданно серьезно сказал император. — Я не успел узнать своего отца. Он умер спустя год после моего появления на свет. Королева нехотя говорила о нем, словно он был каким-то проклятием. Позже я нашел его карты, письма,

планы... Еще мой отец хотел превратить Нэтреское государство в империю. Хотел подарить ее своим детям, чтобы они правили мудро. — Дэйн издал горький смешок, едва ли не впервые раскрыв Киирис крохотную грань своей боли. — Мне было семь, когда я понял, что родился на свет для воплощения его мечты. Он показал мне путь.

Мейритине хотелось прижать ладони к ушам. Она знала, что последует дальше, какую правду он расскажет через мгновение. Потому что эта правда была ее личным проклятием.

— Мне пришлось разрушить Нерушимый Аспект, — сказал император. — Иначе ничего бы не получилось. Иначе мои земли так и лежали бы в руинах, а люди умирали от голода и болезней.

— Так это был ты, — стараясь удивиться, произнесла Киирис.

И снова спрятала лицо у него на груди. Больше, чем осознавать вред, который Дэйн причинил своим поступком, было лишь понимание ее собственной вины. Она должна убить его, а не лежать в одной постели, нагая и счастливая. Сейчас он осветил ее, как солнце, возродил для чего-то нового, словно живая вода. Но уже завтра он снова станет императором нэтресов, человеком, которому ничего не стоило разрушить ее собственный мир.

— К сожалению, во мне еще есть что-то человеческое, иначе я бы приказал разрушить аспект одному из своих генералов. — Он говорил так, будто сожалел об этой оплошности. — Сама понимаешь, это не добавило мне любви и уважения, но зато мой народ сбросил оковы и снова научился жить. Моя собственная жизнь — невеликая цена за благополучие десятков тысяч нэтресов.

— Люди любят тебя, мой император.

— Лишь те, кто служат империи, Киирис, и тебе это отлично известно. К счастью, мне все равно до того, будет меня любить покоренный крестьянин или проститутка из разрушенного города. Я дал им выбор: покориться мне и исправно платить налоги — или сдохнуть. Ты сама бы что выбрала?

— Жизнь, — не раздумывая, ответила мейритина. Ладонь скользнула по его широкой груди, указательный палец мягко погладил выпуклый жгут старого шрама вдоль того места, где под ребрами ровно и уверенно билось сердце императора. — Человек всегда должен выбирать жизнь, потому что после смерти он превращается в прах и не может сделать уже ничего, чтобы... — «отомстить» чуть было не проговорилась она, но вовремя спохватилась, — ... чтобы что-то изменить.

— Сказала рогатая полубогиня, которая побывала за гранью, — поддразнил он.

— Я всего лишь капля крови богов, которая застыла между мирами, мой император, — смиренно отозвалась Киирис. — Подходящее тело и не более.

— Теругия так и не вернулась к тебе? — требовательно спросил Дэйн.

— Нет, мой император. — Боги, почему так сложно произнести даже столь малую ложь? Почему так тяжело просто спросить его, чем он готов пожертвовать ради торжества справедливости?

— Я думал, это более быстрый процесс.

— Не после того, как в моем теле сидят еще две Скованные, — придумала она еще одну отговорку, на этот раз — почти правдивую. Не будь в ней Кровожадной и Соблазнительницы, теургия давно вернулась бы с полной силой. И судя по тому, что обе уже нашли способ покинуть ее тело, скоро она снова станет самой собой — дочерью своего отца, голосом мщеницы. Но что делать с чувствами, которые горят в ней, несмотря ни на что? Она должна ненавидеть императора, а вместо этого мечтает стать для него всем.

— Ты так и не сказал, как же разыскал нас, — увела разговор Киирис. О разрушенном Аспекте они обязательно поговорят, но не сейчас, когда ее нервы слишком оголены для подобных откровений.

— Видишь ли, мейритина, во всей округе есть только одно заведение, которое он посещает с завидной регулярностью — эта помойка. После того, как он исполнил мой приказ — весьма своеобразно, гммм... — Рунн мог отправиться только сюда. Не настолько он безумен, чтобы соблазнять тебя на промерзлой земле или в какой-то замызанной гостинице.

Киирис сглотнула, снова и снова прокручивая в голове слова Дэйна.

— Так это ты приказал... — «Рунн же говорил тебе, идиотка!»

— Я приказал напомнить тем людям, что они нарушают условия нашего договора — вот и все. Средства и способы меня интересовали в последнюю очередь. То, что брат решил обезглавить эту болячку может означать лишь одно — уже сейчас у нее выросла новая голова, и какое-то время она будет послушно-покорной.

— До следующего раза... — вслух закончила за него Киирис.

— Такова жизнь, мейритина. Либо ты используешь людей, либо они используют тебя. Ты или охотник, или жертва. Мы все — головы Меродской гидры. И мы родились охотниками, убийцами и потрошителями. Иногда мне кажется, что мы не трогаем друг друга только из-за солидарности к себе подобным.

«Я знала, что они такие, — подумала Киирис, прижимаясь к Дэйну так сильно, как только могла. — Я знала, что он такой».

— Нам пора возвращаться в замок, мейритина, — сказал он, поглаживая ее по бедру. — Чувствую себя дерьмово, потому что пришлось делать это в притоне, где удовольствие продают за деньги.

— Мне все равно, мой император, — ответила она, мечтая лишь о том, чтобы эта ночь не заканчивалась. Чувствовала, как только они выйдут за дверь — он снова превратится в хозяина Нэтреской империи, станет жестоким и безучастным человеком, которому дела нет до того, сколько женщин изнывает от тоски в ожидании хотя бы одного его случайного взгляда. — Мы правда не можем остаться тут до утра?

Он властно взял ее за подбородок, заставил смотреть ему в глаза.

— Предпочитаю продолжить на моей территории, Киирис, — сказал искушающим шепотом. — Хочу сделать с тобой столько разных вещей, что за одни помыслы за них меня следует отдать на растерзание непорочным праведникам.

Как возможно, чтобы мужчина мог заставить женщину трепетать от одного лишь высказанного желания? Дэйну даже не потребовалось пускать в ход пальцы и язык, а она снова была готова отдаться ему. Сделать с ним то, чему обучали наставницы, а ее сестры любили шепотом говорить, будто от подобных ласк мужчина становится мягким, как оставленное под палящим солнцем масло.

— В таком случае, мой император, пока мы не уехали, могу ли я кое о чем тебя спросить?

— Если только это не касается моей невесты и моей наложницы.

— Нет.

— В таком случае — спрашивай.

— Рунн нашел таэрн. И забрал его.

К ее удивлению, это явно не было для Дэйна новостью. Но ведь их разговор утром был таким холодным. Они вовсе не выглядели братьями, которые обо всем договариваются заранее, чтобы в случае чего прийти на помощь. Скорее стервятниками, нацелившимися на одну и ту же добычу.

— Он отдал мне таэрн, — сказал Дэйн. — Сказал, что собирался с его помощью проверить, готова ли ты играть с ним или со мной.

То есть разговоры Наследника тени о том, что он собирается позволить ей уничтожить императора были лишь проверкой? Попыткой выяснить, будет она рада или попытается его отговорить?

Киирис растеряно перевернулась на спину. А ведь если бы ни его фальшивая угроза, она бы никогда не позволила себе зайти с ним так далеко. Если бы не отчаяние, которое подстегивало идти на отчаянные меры, лишь бы вернуть себе таэрн, она бы снова нашла причину и повод, чтобы удерживать Рунна на расстоянии.

— Спрашивай дальше, Киирис, — поторопил император.

— Как ты намерен им распорядиться?

— Я еще не решил.

Дэйн сел, свесил ноги с постели и прошелся пятерней по волосам, которые по обыкновению собрал в пучок на затылке. Киирис хотелось распустить шнурок, стягивающий его жесткую гриву, забраться пальцами в волосы и притянуть к себе для поцелуя. Но он жестокий император, а она всего лишь его наложница. И ему решать, когда и на что она будет иметь право. Хотя, никто не вправе ограничить ее желание. В конце концов, история знает два случая, когда нищенка становилась королевой, и один из них — его собственная мать.

«Вот только ты должна убить его, а не сесть рядом на трон».

— У тебя пять минут на сборы, Киирис, — сказал Дэйн, уже стоя в дверях. — И постарайся, чтобы нам не пришлось тебя ждать.

Она оделась куда быстрее, влажные волосы собрала в жгут и завернула вокруг головы, поверх накинула капюшон и плотнее укуталась в плащ. На улице Дэйн легко, словно пушинку, посадил ее на спину своего огромно жеребца, сам сел за ней. Сейчас, когда схлынула первая волна необузданной страсти, его близость дарила покой и тепло.

Кажется, она успела задремать, потому что проснулась, когда Дэйн нес ее куда-то вверх по лестнице. Бегло осмотревшись, Киирис поняла, что император направляется напрямик в ее комнату. Гвардейцы распахнули им дверь, а верная Корта смиренно пожелала ему здравия и процветания, как делала всегда, когда Дэйн появлялся на горизонте ее безрадостного существования.

Киирис уже собиралась поблагодарить его за заботу и даже предложить задержаться, когда замковые стены буквально взорвал громкий неистовый вой. От пронизывающих его боли и отчаяния у мейритины заныло в груди. Император чертыхнулся сквозь зубы, посмотрел на нее так, будто в эту минуту она была сосредоточением всего самого желанного на свете, и она снова едва не растаяла перед ним.

— Мой гениальный одаренный и совершенно безумный младший брат, — Дэйн снова выругался. — Боюсь, если я что-то не предприму, он в самом деле разmozжит себе голову.

— Возможно, я бы могла...

— Нет, Киирис! — рявкнул он, отменяя все дальнейшие попытки повлиять на его решение. — Больше я не стану играть в эти игры. Мне определенно не дано понять ход твоих мыслей, не найти ни единого объяснения почему ты так великодушна с теми, кто этого не достоин, но вот тебе мое табу: больше никто и никогда не смеет к тебе прикасаться. Кроме меня. А Раслер, коль скоро он желает снова наслаждаться тобой в постели, может делать это и дальше... но без рук и в своих фантазиях.

— Он просто хочет, чтобы его любили, — мягко возразила она.

— Я тоже, Киирис, — Дэйн взялся за ручку двери. — Я тоже.

Глава восемнадцатая

— Говорят, она понесла прошлой луной.

— Очередная выдумка, которую Алура пытается влить в уши нашему императору, чтобы продержаться на месте его любимицы еще хоть день.

— А вы видели его невесту? Боги, у нее совершенно серая кожа!

— Заткнись, Джи'я, она всего лишь гостя, и будем молиться, чтобы ею же отсюда и убралась. Не нравятся мне ее ссучьи глаза.

Киирис зажала нос рукой и с головой опустила в горячую душистую воду. Пожалуй, она слышала достаточно.

В купальнях по обыкновению царил пар и щебет наложниц из арахана. Она заняла отдельный бассейн в самом дальнем конце зала, как обычно, хотя сегодня решила сделать исключение и послушать, о чем сплетничают наложницы. Как оказалось, даже из пустой болтовни можно почерпнуть много чего полезного. В том числе о том, что из сея представляет заезжая «принцесса». Ведь именно она, а не заносчивая фаворитка, был сейчас первой фигурой в этой партии, и в отличие от своей бесправной соперницы и самой Киирис, ей было что предложить Дэйну, кроме, собственно, того, что у нее между ног. И Дэйн сам признался, что ее предложение слишком соблазнительное, чтобы отказываться: целый лакомый кусок земли, большая армия, которая не повернет против него оружие и не сговорится с врагом, чтобы ударить в спину. А еще у девчонка была пятым ребенком своей матери, и ее старшие сестры доказали, что способны рожать своим мужьям столько наследников, сколько те смогут сделать. И того: племенная кобыла с огромным куском земли и армией, готовой по щелчку пальцем императора встать под его знамена. На фоне этого даже ее серая кожа и дурной взгляд казались сущей незначительной мелочью.

Киирис вынырнула, откинула назад волосы и отерла с лица потоки воды.

— Госпожа, — Корта завернула ее в подогретое покрывало.

— Спасибо. — Киирис села в кресло, кивнула рабыне на подушку. — Присядь.

Бесполезно предлагать девчонке другое место: она достаточно выдрессирована, чтобы даже во сне или в полной темноте наощупь найти свое место. Возможно, это ее личный способ уйти от жестокой реальности: когда кто-то за тебя решил, что говорить и делать, как поступать и где сидеть, многие вещи становятся куда... бессмысленнее. Например, стремление получить свободу, где не будет кандалов и правил, зато появится целый ворох обязанностей и моральных дилемм.

— Она не может быть беременной, — вслух размышляла Киирис. Другие наложницы сторонились ее после того, как император высек даже собственную этару. И мейритину устраивало это одиночество: еще не хватало превратиться в одну из «безмозглой стаи вагин». — Те же слухи ходили едва ли не сразу, после того, как меня привезли в Керак. А она не демоница, чтобы получать овуляцию по щелчку пальцев. Думает, что Принцесса сбежит в слезах? Вот уж вряд ли, скорее та устроит ей занимательный полет вниз башкой с соблазнительно высокой башни.

Размышляя, Киирис доверилась рукам своей рабыни: та успела доказать, что понимает ее желания с полуслова и в состоянии сотворить с непослушными волосами госпожи настоящее волшебство. А Киирис использовала это время, чтобы расслабиться и поразмышлять.

На завтрашний вечер было намечено торжество по случаю появления в замке высокородной гостя, и слухи наперебой обсуждали, сделает ли Дэйн ей предложение, или отправит обратно, как и предыдущих соискательниц. На фоне стремительно множась слухов об интересном и благословенном положении фаворитки, ставки в пользу брака или отъезда постоянно колебались то в одну, то в другую сторону.

— Странно видеть тебя здесь, — сказал совсем рядом женский голос.

Киирис безошибочно узнала его и не потрудилась открыть глаза. Лишь подала знак рабыне, чтобы та продолжила заниматься волосами.

— Я жду ребенка, — продолжала докучать Алура. — Я зачала его в полную луну — это обязательно будет мальчик.

— Ждешь поздравлений?

— Жду, что ты извинишься.

Киирис нехотя приоткрыла глаза, оценила выражение лица иникеры. Даже если бы ее собственные нехитрые умозаключения не были достаточным доказательством вранья фаворитки, то лицо Алуры выдало ее с головой. Дэйн не производил впечатление человека, который одержим мыслью во что бы то ни стало наделать как можно больше наследников. Напротив, он как будто нарочно сторонился любых разговоров о детях. И отнюдь не из-за проклятия, которое тут пересказывали на все лады даже крысы, а из естественного желания уберечь еще не родившееся дитя от ужасной реальности.

— Я не собираюсь извиняться, — уверила ее Киирис. Даже не потрудилась выдавить лживую улыбку. Перед кем расшаркиваться? Перед женщиной, способной опуститься до вранья, лишь бы еще немного удержаться около мужчины, которому осточертела? — Полагаю, Дэйн будет очень рад узнать, что твой ребенок так же реален, как и твоя искренняя любовь к нашему императору.

Алура поджала губы, но в остальном выдержала удар почти достойно.

— Лекарь уже осмотрел тебя? — Киирис не смогла удержаться от желания ужалить зазнайку еще раз. Потом окинула собеседницу придирчивым взглядом. — И судя по тому, что на тебе нет ни одного стоящего украшения, император так же еще не узнал эту радостную весть. Так ответь мне на вопрос: для кого весь этот маскарад? Для Принцессы? Для меня? Для твоих собачонок? — Она кивнула ей за спину, где потихоньку собирались любопытные полуголые красотки.

— Для вас двоих.

— Смело, — похвалила мейритина. — Иногда жизнь заставляет нас совершать странные вещи, глупые и бессмысленно-опасные. Кто-то хотя бы пытается просчитать последствия и застраховать себя от самых опасных. Кто-то бросается в омут с головой. А кто-то просто мелет всякую ерунду, надеясь, как любитель «сладких грез», получить удовольствие прямо сейчас, а дальше будь, что будет. Раз ты успела так долго задержаться в роли любимицы Дэйна, значит, не можешь быть прямо такой идиоткой. — Снисходительной улыбкой Киирис подлила масла в огонь ее злости. — А раз так, то я делаю вывод, что ты просто в отчаянии. В чем дело: император больше не желает тебя в своей постели?

Алура пыталась держаться себя в руках, но взвилась, словно ужаленная. Киирис даже показалось, что наложница вот-вот ударит ее, но женщина в последний момент передумала: опустила занесенную руку, попыталась справиться с чувствами.

— Я просто хочу, чтобы ты больше не совала свой нос к Дэйну, рогатая уродина. — Фраза была произнесена нарочито громко, чтобы прихвостни императорской любимицы снова вознесли свою «королеву» на пьедестал. — И считаю, что очень щедро, раз прошу тебя об этом во второй раз.

— Или что? Убьешь меня?

Киирис поднялась, и верная корта набросила ей на плечи теплую накидку. Неприятно, конечно, что проклятая выскочка-фаворитка выше ростом, и чтобы смотреть ей в глаза, приходится униженно заирать голову, но что поделать?

— Я уже видела смерть, — загадочным шепотом призналась Киирис, мягко очертила линию шрама на горле, отчего в глазах заносчивой иникеры вспыхнул ужас. — И вернулась, откуда не возвращаются. Полагаешь, меня так просто испугать? Советую быть изобретательнее, Алура, потому что в следующий раз вода в купальнях может быть холоднее и я могу быть в дурном настроении.

Этой показательной порки хватило, чтобы ее уход провели оглушительным молчанием. Тишину нарушали разве что их с Кортой шаги и шуршание складок накидки.

Киирис торопилась в комнату. Подобные стычки сами по себе ничего не стоили: просто болтовня, обмен издевками, в котором она, кстати говоря, одержала полную победу. Но Алуре удалось зацепить ее, выудить из тщательно оберегаемого уголка души древнюю теуругию, которая с каждым днем становилась все сильнее. Контролировать зов крови было тем еще испытанием на прочность.

— Кровь богов, хватит меня избегать! — Раслер возник на пути так внезапно, словно материализовался из ниоткуда. — Мне казалось, мы договорились кое о чем.

— Правила изменились, Наследник костей, — ответила она. — Император пожелал больше не делиться мною. Ни с кем.

На миг на беспристрастном лице Раслера возник росчерк боли, но он все еще был единственным человеком на свете, кто умел настолько безупречно владеть своими чувствами.

— Император не видит дальше своего носа, — некромант пожал плечами.

— Ты тоже.

Киирис схватила его за запястье левой руку, подняла на уровень глаз: фиолетовый туман просачивался сквозь ткань, опалил кожу даже случайным прикосновением. Раслер сделал слабую попытку вырваться, но мейритина держала крепко. Потребовалось мгновение, чтобы сдернуть перчатку. Наследник поморщился, словно остался без штанов, но и после этого ни сделал и шагу. Просто смотрел, как и Киирис, разглядывал вспухшие чернильно-синие вены под кожей, и пульсирующий густой туман, который растекался вниз до самого локтя. Киирис задрала рукав сорочки, скрипнула зубами.

— Ты не можешь не знать, что вот это — прикосновение Костлявой, — сказала она. — Несколько дней назад этого не было.

— Три дня назад, — уточнил домин. — Даже за такое время многое может случиться.

Она безошибочно угадала, куда клонит Раслер, и успела трижды проклясть себя за то, что вместо побега, ввязалась в разговор, который не принесет ни одному из них ничего, кроме боли. И все же, бегать от Раслера там, где он знает каждый закоулок, казалось, по меньшей мере, глупостью.

— Мне очень жаль, домин, но мы больше не можем ... делать вид, что я просто игрушка, которую ты кладешь к себе в постель, чтобы уснуть. Это слишком больно для нас обоих.

— Я никогда не считал тебя игрушкой, Кровь богов, — сказал Раслер. Он снова и снова наткался взглядом на молчаливую Корту и хмурился все больше, как будто даже в безмолвии рабыни было что-то угрожающее его хрупкому внутреннему равновесию. — Я думал, мы оба нашли утешение друг в друге.

«Возможно, но больше оно мне не требуется, мой бедный сломанный Гений».

— Ты нужна мне, — твердо заявил он. — Нужна не когда-нибудь потом, когда император найдет новую девчонку, а уже сегодня, сейчас.

Слышать это было неприятно, но Раслер лишь озвучил то, что она сама боялась признать: возможно, вчерашняя ночь превознесла ее в глазах Дэйна, и Алуре придется подвинуться со своего пьедестала, но сколько это продлится? До завтрашнего вечера, когда у нэтрэзов появится новая императрица? Или чуть дольше, пока она не понесет законного наследника?

— Но ведь тебе я тоже нужна не просто так? Все еще ищешь способ восстановить Осколок?

— Если память меня не подводит, я достаточно ясно дал понять, что нашел его, — напомнил Раслер. И все-таки высказался: — Не могу с тобой говорить, когда ищейка Дэйна слышит и доносит каждое наше слово.

Киирис оглянулась на Кортю. Рабыня так и стояла, глубоко втянув голову в плечи, сутулая и безучастная. Доносчица Дэйна? Зачем бы ему понадобилась доносчица, когда после порки Сеа стала шелковой и кроткой, словно влюбленная новобрачная?

— Я знаю, о чем говорю, — словно прочитав мысли Киирис, продолжил Раслер. — Здесь повсюду глаза и уши Дэйна. Даже Рунн ходить на цыпочках.

— Если и так — нам нечего скрывать.

Раслер печально вздохнул, отчего его сиреневый взгляд превратился в настоящий омут печали — и в следующее мгновение мягко потянул Киирис на себя, одновременно ловко вычерчивая пальцем оголенной ладони невидимую фигуру за ее спиной. Мейритина попыталась отстраниться, но сразу поняла, что ее удерживает вовсе не его хватка, а теургия.

Что творит этот вздорный мальчишка?! Он знает, *чего* эта выходка может стоить им обоим, но не делает ничего, чтобы хоть попытаться защитить окружающих.

— Полагаю, тебе лучше закрыть глаза, Кровь богов, — просочился в ее замутненное сознание скрипучий голос Раслера. — И не открывай, пока я не разрешу.

Она и не думала возражать. Теургия такого порядка требовала исключительного обращения, безукоризненного мастерства и огранки, любое неповиновение могло обернуться катастрофой. А если к этому прибавить еще и ее собственную древнюю теургию, эта катастрофа запросто могла разрушить не только замок, но и значительную часть Мерода.

Сердце Раслера колотилось так громко и часто, что у Киирис заныло в груди. Как будто это ее собственное сердце готовилось взорваться от переполнявшей его неконтролируемой силы. Вскоре, этот безумный грохот оглушил ее, превратил мысли в бессмысленный набор образов и воспоминаний.

— Киирис, — позвал домин. На этот раз его голос был настоящим, бескровным и холодным. — Можешь открывать глаза.

Это оказалось не так просто. Киирис сморгнула молочную пленку, которая «съела» цвета окружающего мира, сделала образы мутными и расплывчатыми. Но чем больше реальности они обретали, тем сильнее Киирис снова хотелось зажмуриться.

Вокруг, куда хватало глаз, простиралась усыпанная трупами выжженная земля. Зловоние смерти просачивалось под кожу, отравляло изнутри. Кажется, кто-то еще был жив, потому что в уши то и дело просачивались отчаянные стоны о помощи: бедолаги продолжали верить, что им удастся вырвать жизнь из хватки Костлявой.

— Где мы? Куда ты меня привел, Раслер?

Тот постучал пальцем по своему виску

— В свою голову, Кровь богов. Точнее, в воспоминания, которые я там оберегаю.

Выходка вполне в его духе: затянуть беспомощную жертву туда, где им не сможет помешать ни один человек на свете.

— И что я должна здесь увидеть?

Вместо ответа Раслер задрал голову, и Киирис пришлось последовать его примеру.

О боги, эта кровоточащая рана в небесах... все, что осталось от Нерушимого аспекта?!

— Я был здесь, когда все случилось, — сказал Раслер, задумчиво почесывая подбородок. Наследник немного хмурился и с не меньшим, чем сама Киирис, интересом, рассматривал мир собственных воспоминаний. — Думал, что мне когда-нибудь удастся забыть, а когда понял, что не смогу, то решил сохранить все. Это моя кара за то, что не остановил его.

— Не остановил Дэйна? — осторожно спросила Киирис.

Небеса кровоточили, лили на землю кровавые слезы, которые, падая, превращались в облачка праха. Мейритина выставила ладонь, поймал пару капель — и едва не забыла от рухнувшего сонма боли. Отчаяние, крики, просьбы о милосердии сотен, тысяч погибших мейритов. Голоса ее крови, голоса тех, кто навеки ушел в Поток.

— Он решил, что должен сделать это, что родился для этой великой миссии — освободить мир живых от тех, кто выше нас по праву рождения и праву крови. От тех, в чьей власти управлять жизнью и смертью, повелевать погодой, приказывать небу и земле, рекам и океанам. Дэйн всю жизнь был одержим этой мыслью. Свобода для всех нас.

— Свобода... любой ценой, — пробормотала Киирис, дополняя его слова. Капли крови на ладони вспенились, превратились в горсточку бурого пепла и улетели, подхваченные несуществующим ветром.

Раслер взял ее за руку и повел в сторону белесого холма. Отсюда он казался далеким, как будто находился в нескольких часах езды верхом, но они добрались за пару минут. Киирис невольно плотнее прижалась к плечу Раслера, когда увидела, что это вовсе не холм. Они стояли у подножия костяной насыпи, такой огромной, что Киирис не могла увидеть вершину. Обугленные черепа смотрели на незваных гостей с явной неприязнью. Киирис поддалась вперед, когда заметила какую-то возню справа. Пригляделась — и зажала ладоням рот, чтобы не закричать. Конечно, это всего лишь воспоминание, эхо чужой памяти и его невозможно потревожить, но оно было слишком реальным.

— Я не знал, что делать, — сказал Раслер и его голос впервые предательски дрогнул. — Я должен был что-то сделать для всех них.

Киирис подошла ближе, присела около мальчишки на корточки. Тот поднял голову, как будто мог видеть ее. Подслеповатый заплаканный взгляд просочился сквозь нее, влага на щеках давно высохла, превратила пепел в грязные разводы. Боги, да ему всего десять лет! Юный Раслер пропускал прах сквозь пальцы и, шмыгая носом, выуживал оттуда осколки костей, чтобы присоединить их к куче. Сколько же времени он здесь провел?

— Я не мог не слышать их голоса, — продолжал говорить Наследник костей. — Они кричали так громко. Столько боли, столько отчаяния.

— Твоя теургия — их дар? — догадалась Киирис. Повинуясь импульсу, запустила ладонь в пепел, но тот превратился в ничто. Для нее это прошлое было лишь туманов на утренней реке: можно посмотреть, но, как ни старайся, нельзя потрогать.

— Да, Кровь богов. С тех пор они всегда со мной.

— Ты слышишь Поток?! — Она взвилась на ноги, схватила его за запястье обнаженной руки, наплевав на то, что голодная теургия терзает ее плоть.

Наследник костей просто кивнул и грустно улыбнулся. Настойчиво высвободил руку и сжал пальцы в кулак. Чернильные вены изуродовали бледную кожу, частые удары его сердца пульсировали в этих потоках яда, который стремительно убивал его изнутри.

— Я не просил давать мне что-то, Киирис. Думаю, тогда во мне говорил испуганный ребенок: я видел, что сделал Дэйн и я не сделал ничего, чтобы его остановить.

— Ты не мог.

— Мог, Кровь богов. Если кто и мог остановить императора, то лишь я.

— Ты не мог быть так силен...

— Я — нет, но мой отец был куда более одаренным теургом, чем сумасшедший родитель Рунна. Никому из смертных не позволено владеть такой силой, Кровь богов, и кому, как ни тебе, знать об этом.

Она кивнула, оглянулась на мальчика: его щуплое тело в грязных одеждах королевского наследника покрылось рябью, а потом и вовсе растаяло, напоследок подарив мейритине еще один пустой зареванный взгляд. Прошло десять лет, но с тех пор глаза Раслера остались такими же: мертвецки безучастными ко всему, что творилось вокруг. Он словно

и не жил, а лишь отсчитывал дни с того ужасного события, которое навеки разрушило старый порядок. Вот только то, что выросло на руинах пока что мало походило на достойную замену.

— В этом нет твоей вины, Раслер, — попыталась разубедить его Киирис. Как знать, возможно, если он перестанет нести на себе бремя чудовищного поступка Дэйна, то, наконец, найдет мир в душе.

— Ты не понимаешь, Киирис, — прямо мотал головой Наследник костей. И отходил всякий раз, когда она пыталась приблизиться. — Я помог своему отцу стать сильнее.

— Тебе было десять...

— Я был лучшим теургом на всем Рухане! — яростно перебил ее Раслер. — Дэйн собирался создать империю, но для этого ему нужно было разрушить старый порядок. Я видел записи его отца. Кровь богов, и, поверь мне на слово, они безумны и полны сумасшедших идей. Что это за идеальный мир, где за свободу сотни людей, должны отдать свои жизни тысячи? Я спрашиваю тебя — что это за сраный мир?!

От натуги вены на его шее вздыбились, глаза лихорадочно запылали, выжигая Киирис откуда-то изнутри, отнимая все то немного хорошее и светлое, что она с таким трудом хранила для минут отчаяния.

— Тебе не нужен мой ответ, Наследник тени, — мягко, чтобы затушить его боль, ответила она.

— Ты знаешь, каким он был? — продолжил задавать вопросы Раслер, будто и не услышал ее последних слов. — Знаешь, что он был за человек, Дэйн — наследник маленького королевства? Он был искрой, от которой загорались все вокруг: он мог и мертвого запалить своими идеями. Потому что, как и его безумный отец, был одержим мыслями о новом мире. О каком-то идеальном будущем, в котором нэтрэзы будут свободными и подарят эту свободу остальным. Что Нерушимый Аспект — это кандалы, которые мейриты оделили на нас из страха, что однажды мы дотянемся до них и сместим с пьедестала.

— Это не так, — одними губами сказала Киирис, хоть ему и не требовался ее ответ.

— Ты это знаешь и теперь это знаю я, но тогда мы видели лишь Дэйна: его азарт, его силу, его уверенность в том, что каждый шаг — он правильный. И что пара капель крови — справедливая цена за будущее, где смертные сами будут решать свою судьбу. Мы все горели вместе с ним: мой отец, королева, армия. Даже крестьяне и прокаженные. Мы все верили, что Дэйн сотворит чудо. Потому что мы все боялись даже помыслить о том, что он собирался совершить. Мы все были трусами, Кровь богов. Трусами, которым Дэйн подарил веру.

— Это не вера, это обман.

— Одно и то же, — отмахнулся от ее слов Раслер. — Дай заблудшей душе луч света — и она пойдет к нему, не задумываясь, солнце это или сжигающее пламя.

— Твой отец помог Дэйну разрушить Аспект?

— Да. — Раслер с трудом протолкнул слова в горло. — Он не был так одарен, как Туард, но я знал многое и охотно делился знаниями. Понятия не имею, откуда это во мне, говорят, я таким родился.

Киирис вспомнила рассказ Дэйна о том, что Рунн оказался совершенно «глухим» к теургии, в то время как его брат от другого мужчины родился едва ли ни чистым ее сосредоточением. Ничего удивительного, что Рунн так ненавидит младшего: в нем сосредоточено все то, чего Наследник тени так страстно желал для себя самого.

— Как вы разрушили Аспект? Это невозможно.

— Все, что создано, можно разрушить, Кровь богов. Просто цена может оказаться слишком высока. Некоторые отступают, поступают, как им кажется, малодушно. А другие идут до конца. Я остановился у края, потому что я очень-очень испугался. Потому что

увидел, к чему приведет наша жажда свободы, но Дэйн и отец оказались решительнее. Иногда мне кажется, что в последнюю минуту отец все-таки увидел последствия их поступка, возможно одумался и попытался остановить Дэйна. Но это лишь мои догадки. — Раслер криво усмехнулся. — Наивное детское желание хранить в памяти светлый образ последнего романтика, а не сумасшедшего одержимого фанатика.

— Раслер, прошу тебя, — Киирис сглотнула подступающие к горлу слезы, — расскажи мне, что здесь произошло.

— Ты увидела недостаточно?

— Я должна знать.

Раслер придвинулся к ней, притянул к себе одной рукой, в то время как другая болталась вдоль тела, сочась неконтролируемыми потоками теургии.

— Ищешь, за что бы зацепиться, Кровь богов? — ей в волосы прошептал Наследник костей. — Чтобы не сойти с ума от осознания того, что выбрала самого недостойного из нас?

Киирис оттолкнула его, затравленно заозиралась по сторонам. К чему этот разговор? Расшатать ее еще больше? Заставить испытывать угрызения совести?

— Расскажи мне все, я хочу знать. Чтобы самой сделать выводы.

Раслер безразлично пожал плечами.

— Что ты хочешь услышать? Дэйн разрушил Аспект с помощью моего отца. Я знал, что они собираются сделать, но был слишком мал, чтобы противостоять их планам. И еще я был трусом. Они привели сюда людей, Киирис. Множество сотен тех, кто, поддавшись идеям Дэйна, согласились добровольно пожертвовать своими жизнями. Ты знаешь, что такое кровь, Киирис, и знаешь, какую теургию она способна пробудить.

— Нужно слишком много крови, — пробормотала она. Мысли, которые только что метались в голове, словно всполошенные птицы, превратились в вязкое болото, где она добровольно тонула.

— Ты знаешь, что это возможно. И это произошло. — Раслер развел руки, словно собирался обнять весь мир разом. — Это была вакханалия, Кровь богов.

— Дэйн разрушил Аспект и ... мой мир?

— Конечно. Только так, по его мнению, мы могли обрести свободу: заплатив своей кровью и выпив вас без остатка. Всех мейритов за всех людей. Вы нас создали, а мы вас уничтожили. Есть что-то прекрасное в этом фатализме.

— В смерти нет ничего прекрасного, Наследник костей. Поэтому, вы все прокляты? Нет никакого иного проклятия, кроме того, которое тяготеет над Дэйном?

— Я не большой знаток проклятий, Киирис. Мне достаточно моего собственного. — Он с восторгом сумасшедшего уставился на свою изувеченную теургией руку.

— Ну и зачем тебе понадобилась я, Раслер? Пустишь мне кровь, воскресишь Осколок — и что дальше?

— Мне не нужна твоя кровь, Киирис, я ясно дал это понять еще в прошлый наш разговор. Разве что капля или две, не больше, чем если бы ты проколола иглой палец.

По тому, как Раслер продолжал разглядывать собственную руку, мейритина догадалась, о какой замене он говорил. И едва не поддалась искушению что есть силы, вложив в удар всю терзающую душу боль, ударить его. Ударить так, чтобы он перестал с улыбкой думать о собственной смерти во имя какой-то идиотской надуманной цели.

— Ты повернешь время вспять, Кровь богов. И сделаешь так, чтобы мой гениальный, но безумный брат не сотворил вот это. — Наследник костей ткнул пальцем в небо.

— Это безумие.

— Это лучше, чем империя на костях, тлеющие небеса, голод и болезни. Вместе мы сможем.

Догадка о том, что именно она должна будет сделать, обвилась вокруг сердца ледяной змеей. В голове колотилась одна единственная мысль, и она выжигала из души все тепло и нежность, оставляя по себе выжженную, как и сам мир, кровоточащую пустошь.

— Я не смогу, Раслер.

— Сможешь. Для этого ты здесь. Мы оба слышим Поток, Кровь богов.

— Так это *они* тебе говорят, что делать?

— Нам, — снова поправил ее Наследник костей. — И, боюсь, у тебя все равно нет выбора.

— Как всегда! — с горечью выкрикнула она.

А потом, повинувшись рвущему грудь желанию, повернулась к костяной насыпи — и закричала так громко, что оглушила саму себя. Выплескивала всю боль и ярость, всю ненависть и любовь, глядя прямо в пустые глазницы черепов.

— Отпусти меня, немедленно, — прошипела сквозь стиснутые зубы. — Выпусти меня из своей проклятой головы, Раслер, пока здесь не стало слишком тесно для нас двоих.

Глава девятнадцатая

— Госпожа. Госпожа, очнись. — Холодные ладони Корты мягко похлопывали ее по щекам.

Киирис разлепила веки, тыльной стороной ладони стерла застывшие на ресницах слезы, подслеповато глядя по сторонам. Если Раслер и был здесь, то давно ушел. Оно и к лучшему: после всех откровений Киирис не желала видеть ни его, ни Дэйна. Да и Рунна тоже, хоть в произошедшем апокалипсисе его роль, судя по всему, была минимальной.

Она приняла помощь рабыни, поднялась, все еще с трудом осознавая окружающий мир. Потребовалось несколько минут, чтобы прийти в себя и справиться со слабостью. Слабость — последнее в списке того, чем ей стоит вооружиться.

— Отведи меня в комнату, Корта.

Рабыня, придерживая ее за руку, исполнила приказ.

Вот только, как оказалось, личные покои оказались самым последним местом во всем замке, где Киирис было комфортно находиться здесь и сейчас. Потому что внутри ее ждал император. Дэйн стоял около кровати и что-то вертел в руках. Присмотревшись, Киирис рассмотрела тонкую витиеватую ленту серебряного ошейника, украшенного множеством крупных, средних и мелких камней. Вряд ли «подделка» стоила дороже оригинала, хоть и выглядела куда более жеманно, чем настоящий таэрен.

— Случилось что-то такое, о чем мне следует знать? — Император терпеливо ждал ответа, пока Киирис топталась около дверей с видом случайно зашедшей не в ту дверь служанки. — Киирис, что стряслось?

Ну и почему Кровожадная и Соблазнительница молчат теперь, когда нужны больше всего?!

От досады Киирис хотелось постучать себя по уху. С тех пор, как в проклятом борделе обе Ипостаси предстали перед ней во плоти, она больше не слышала ни их насмешек, ни советов. И все же, они где-то там, внутри нее, затаились и чего-то ждут. Еще одни претенденты в очереди на то, чтобы урвать кусок ее души.

Киирис едва удержалась от нервного смешка.

— Ничего не случилось, мой император, — беззаботно улыбнулась она.

— Предполагается, что я должен поверить в откровенное вранье? — Дэйн поманил ее подойти ближе, а когда Киирис послушно встала рядом, лично «окольцевал» ее шею новым украшением. Подтолкнул к зеркалу, пристально наблюдая за реакцией.

В свете закатного солнца закованные в серебро алмазы, рубины и сапфиры поблескивали словно зловещие предвестники беды. Мейритина погладила пальцами идеальные грани, одновременно разглядывая в зеркальном отражении спокойное лицо Дэйна.

«Он признался, что разрушил Нерушимый Аспект, слова Раслера не были новостью. Я не знала как, но разве это имело тогда значение?»

— Очень щедрый подарок, мой император.

— Ты будешь в нем сегодня на празднике. Один вечер. Потом делай с ошейником, что угодно — мне все равно.

— Что особенного в сегодняшнем вечере?

— К счастью, я не должен отвечать на твои вопросы, мейритина. — Дэйн потрогал застезжку, чтобы убедиться, что ошейник не так-то просто снять.

— Будут еще какие-то указания, мой император?

На этот раз чувства все-таки просочились через заслон ее самообладания, и вопрос прозвучал настоящим вызовом его терпению.

— Корта, — не глядя на рабыню, бросил Дэйн, — выйди вон и не заходи, пока госпожа сама тебя не позовет.

Рабыня выскользнула за дверь покорной тенью.

— Я даю тебе последний шанс сказать мне правду, Киирис. И боги тебя упаси думать, будто то, что случилось в борделе, дает тебе привилегии испытывать мое терпение.

— Ты не рассказал, как разрушил Аспект, — сказала она первое, что пришло в голову. Если уж говорить о том, что ее волнует, то так, чтобы не проговориться о планах Раслера.

Боги, но ведь если она дает ему шанс совершить задуманное, означает ли это, что так же и соглашается на отведенную ей роль?

— И ты вспомнила об этом только сейчас, спустя почти два дня? — Дэйн даже не скрывал, что забавляется над ее попытками скрыть очевидное. — Думаешь, я не знаю, что у тебя на уме?

Прежде, чем Киирис успела подумать о том, чтобы отойти и дать себе больше свободного пространства, император привлек ее к себе. Одной ладонью крепко перехватил ее руки за спиной, а другой сжал подбородок. Впервые в его взгляде промелькнуло что-то отдаленно напоминающее боль.

— Я уничтожил твой мир, мейритина, — по словам, будто боялся, что она снова спрячется от правды, сознался император. — Стер мейритов с лица земли. А спустя десять лет на пороге моего дома появляешься ты — последняя капля крови, что застряла между этим миром и тем. Кроткая рогатая химера. Кем бы я был, если бы хоть на мгновение поверил в твою искренность, Киирис? Уж точно не императором.

Он наклонился к ее губам, как будто собирался отбросить их игру в недосказанность и перейти к тому, что — они оба это знали — одним махом ломает клетки, в которых они прятались друг от друга. Киирис разомкнула губы в немом стоне, безмолвно взмолилась сделать это поскорее, убить правду в зародыше, пока она не убила их. Но у Дэйна, как всегда, на все были свои планы.

— Ты пришла убить меня, мейритина, — прошептал император прямо в ее гостеприимно приоткрытый рот. — Мой личный судья и палач, мое прекрасное и ужасное проклятие.

— Я просто наложница, мой император, — пробормотала она сухо, вытравливая из сердца всю нежность, которая стремилась к нему, словно ручной зверек. — Мечь и гордость мне не по карману.

Дэйн так резко отодвинул ее от себя, что Киирис едва не упала, зашаталась на слабых ногах. Он схватил ее за плечи, тряхнул, словно соломенную куклу, а потом снова поймал за подбородок, заставил смотреть прямо на него. Киирис пыталась отвернуться, сфокусировать внимание на столбиках постели за спиной Дэйна, на расшитом покрывале. Знала, что взгляд Дэйна — слишком сильное испытание.

И все-таки, император заставил ее смотреть на себя.

— Ты лгунья, мейритина, каких свет не видел, — сказал с шипящей злостью. Его пальцы с силой вдавливались в ее плечи, словно Дэйн боялся, что она недостаточно осознала все широкие границы его недовольства полученным ответом. — Тебе бы хотелось, чтобы кто-то другой делал грязную работу?

— Мне больно, — прошептала она, и на этот раз дрожь в голосе выдала ее с головой.

— Ты была бы рада узнать, что не я, а скажем, Рунн или Раслер уничтожили Аспект, а вместе с ним — всех вас?

— Они на это не способны, — ответила Киирис.

Дэйн изогнул губы в жестокой усмешке.

— Все верно, Киирис — в нашем дрянном выводке может быть лишь один подонок, и так

уж случилось, что этот подонок — я. Только, знаешь, что? — Он смахнул с Киирис накидку, одним рывком разорвал надвое тунику и стянул к ее ногам. — Мне не нужно утруждать себя, чтобы притворяться лучше или хуже. Я априори самый мерзкий человек в империи, и мне плевать, что и кто обо мне думает до тех пор, пока у меня есть покорность и подчинение.

Император отступил на шаг, любуясь ею, будто впервые видел обнаженной. Его взгляд обжигал, просачивался под кожу желанной отравой.

«Я не должна хотеть его после всего, что знаю теперь, но... я не могу... Боги...»

— Я тебе ненавижу, мой император, — прошептала она. Осколки трезвых мыслей колотились на отшибе сознания тревожными молоточками, предупреждая: эта откровенность совершенно точно была лишней.

— Кто тебе сказал, что мне нужна любовь рабыни? — Он передернул плечами, все еще не предпринимая ровным счетом ничего, чтобы обозначить свои намерения. — Подонкам не нужна любовь, мне вполне достаточно знать, что я могу владеть тобой в любое время суток так часто, как того пожелаю. И ты всегда будешь для меня гостеприимно мокрой.

— Нет! — слишком громко выкрикнула она.

— Да, — оскалился он. И в то же мгновение одной рукой привлек мейритину к себе, а другой на удивление мягко погладил ее между ног. — Да, Киирис, для меня это «да» будет бесконечно долгим.

Проклятье! Он сжигал ее всю без остатка одними лишь словами.

От невозможности что-либо предпринять, от жгучей обиды на предательство собственного тела, Киирис сделала первое, что пришло в голову: со всей злостью, с болью и отчаянием вонзила зубы в плечо Дэйна. Укусила, словно животное, которое хозяин всю жизнь держал на цепи и заставлял приносить палку, а потом однажды имел неосторожность повернуться к возвращенному собственной злобой монстру.

Она ожидала, что за вольность получит оплеуху, вслед за которой последует распоряжение о порке. Плевать.

Но император лишь выругался и, глядя прямо в ее широко распахнутые глаза, плотоядно улыбнулся. Боги, если бы она не желала его так сильно до этого момента, то этой улыбки хищника было бы достаточно, чтобы расправиться с ее ничтожными попытками не поддаваться безумному обаянию Наследника луны.

— Сильнее, — прошептал он ей на ухо, одновременно проталкивая сразу два пальца внутрь нее. — Покажи, как ты бессильна против собственного тела.

Киирис зарычала, срывая с него сорочку. Кажется, теперь Дэйн от души хохотал. Плевать, на все плевать! Она должна выплеснуться.

Ткань полетела на пол.

— Ненавижу тебя, мой император. Ненавижу, ненавижу, ненавижу, — снова и снова повторяла Киирис, одновременно яростно царапая ногтями его спину. Боги, пусть ему будет больно!

— Ты — само совершенство, мое рогатое проклятье, — продолжал насмехаться он. Его пальцы вошли на всю длину, расплавляя остатки ее самообладания. — Мое маленькое похотливое проклятие.

— Ненавижу, — выдохнула Киирис вместе со стоном. — Дэйн, боги, ненавижу тебя...

— Повторяй это снова, Киирис, и, возможно, убедишь в этом хотя бы собственную тень.

Он рывком поднял ее на руки, в два шага оказался около постели и бросил на покрывало. Прохладная ткань растеклась по спине, выуживая из Киирис новую волну дрожи. Боги, как же пусто без его пальцев!

— Не смей ко мне прикасаться, — прошипела она прямо в лицо императора и слизала с губ соленый дурманящий вкус его крови.

— Еще как посмею, — пообещал Дэйи. — И заставлю тебя просить меня сделать это снова и снова. И снова. — Он ослабил завязки на штанах, стащил до колен и чуть склонил голову на бок, предлагая Киирис полюбоваться его теперь уже полностью обнаженным телом.

Кажется, у нее остановилось сердце.

Он был слишком хорош во всем и везде. Его тело во множестве шрамов представляло собой настоящую оду войне, хаосу и порядку, которые император Дэйи насаждал с помощью меча и пламени. Как вообще возможно, чтобы мужчина был таким мускулистым и крепким? Он весь словно состоял из одних только мышц и рубцов, оставленных мечами врагов.

Боги, да он ее проткнет насквозь!

От одной мысли о том, что совсем скоро этот поистине могучий член скоро окажется внутри нее, Киирис самым бессовестным образом застонала, опустила пальцы на живот, пытаясь сдерживать рвущееся наружу желание воплотить в жизнь хотя бы часть тех многих непристойностей, которые ежесекундно приумножало ее сознание.

— Ну и каковы на вкус подонки и убийцы, Киирис? — Дэйи рассеянно прошелся ладонью по кровоточащему месту укуса.

Вместо ответа она, повинувшись древнему инстинкту, широко раскинула согнутые в коленях ноги, опуская пальцы еще ниже. Эта пустота была просто невыносима, она выжигала изнутри.

— Шире, Киирис, — приказал Дэйи.

Она разомкнулась полностью, открылась настолько, насколько похотливая самка может предлагать себя отвоевавшему ее у других самцу.

Дэйи опустился на колени между ее ног, темным от желания взглядом наблюдая за ее откровенными поглаживаниями. И чем жарче становился его взгляд, тем сильнее заводилась сама Киирис. Из горла вырвались первые стоны, поразившие ее саму столь откровенным недвусмысленным призывом. Этому мужчине даже не нужно прикасаться к ней, чтобы заставить изнывать от желания. Хотя в том месте, где его изрубцованная кожа касалась ее нежной внутренней поверхности бедра, тело пропахивали разряды первобытного желания.

— Попроси меня, — потребовал он. — Попроси достаточно убедительно, мейритина, иначе, клянусь всеми богами, я и пальцем к тебе не притронусь.

— Нет, ни за что, — в приступе последней отчаянной попытки сопротивляться, пробормотала она, хотя пальцы уже гостеприимно разомкнули ее для его вторжения.

— Уверена? — Дэйи придвинулся чуть ближе и, придерживая член рукой, осторожно поводит им по ее влажной промежности. — Самообман тебя не красит, мое рогатое проклятие, ты слишком умна для этого.

Эта ласка окончательно разрушила ее хлипкие бастионы. Возможно, он самый недостойный мужчина в мире и не заслуживает ничего, кроме презрения, но ее тело стремится к нему, ее душа разрывается на куски при мысли, что они не станут одним целым прямо сейчас. Позорное сокрушительное падение в самую бездну, имя которой: подчинение императору Дэйи. Добровольное и безоговорочное. Вряд ли хоть одна женщина в мире могла бы так же без остатка отдаться своему мужчине.

— Будь ты проклят, мой император, — прямо в его темные от страсти глаза, выплюнула Киирис. И с грудным воем взмолилась: — Возьми меня.

Он со свистом выпустил воздух сквозь стиснутые зубы, сомкнул пальцы на ее лодыжках, прижимаясь к самому входу. Толкнулся вперед — и остановился.

— Громче, — потребовал снова. — Громче и четче, Киирис.

— Умоляю... — мотая головой по подушке, взмолилась она. — Проклятье, Дэйн, прошу тебя!

— Вот так, Киирис, — с довольной голодной полуулыбкой, произнес он, — теперь между нами все предельно ясно.

Одним резким и решительным движением его член проскользнул в нее на всю длину. Дэйн зарычал, Киирис откликнулась громким оглушившим ее саму стоном. Медленно, чтобы она почувствовала каждый сантиметр его власти над ней, он почти выскользнул из нее, но лишь для того, чтобы вернуться еще одним ударом. И так снова и снова, удерживая ее широко разведенные ноги.

Это было больно и, одновременно, невыносимо, до сладкой дрожи в кончиках пальцев убийственно приятно. Как будто, пока они предаются чему-то порочному и грешному, весь остальной мир летит в тартарары, рушится куском за куском, грозя уронить их в пропасть этой ошеломительной страсти.

— Дэйн, — Киирис подалась ему навстречу, обвилась вокруг него, словно ядовитый плющ, впилась зубами в уже познавший ее укус плечо. — Дэйн, мой Дэйн...

Он с рыком уязвленного самца опрокинул Киирис на спину, завел руки ей за головы, растягивая, словно струну. В отместку мейритина обхватила его ногами, яростно вонзила пятки в его ягодицы, толкая еще глубже в себя.

— Тебе нравится? — Он буквально вколотил тело Киирис в перину, раскрыл новую грань ее криков. — Нравится быть покорной и подчиненной?

— Да, да. — От желания поцеловать его, по губам словно полоснули ножом. — Еще, пожалуйста, еще!

Он охотно удовлетворил ее просьбу. В конце концов, их тела набрали такой темп, что Киирис больше не могла отличить свои крики от его хриплых гортанных стонов. Их движения были так идеально слажены, будто с самого начала создавались богами лишь для того, чтобы однажды дополнить друг друга в этой постели.

— Дэйн, Дэйн, мой Дэйн, — повторяла она будто в горячечном бреде. Тело захлестнула волна пряной истомы, сулящей что-то такое, чего ей еще не довелось испытать. — Не останавливайся.

— Вот уж нет, — с видом взявшего еще одну неприступную крепость тирана, пообещал он. — Кричи для меня, Киирис.

И она закричала, заскулила от обволакивающего удовольствия. Взмолилась о чем-то, не разбирая собственных слов, с головой окунулась в наполненное запахом их страсти блаженство. И взлетела снова, когда его движения стали яростными и частыми, разламывающими на куски ее хрупкий внутренний мирок.

— Боги, Киирис, — выдохнул он, сокрушая ее последним, самым глубоким и жестким ударом. — Проклятье, ты стоишь всего этого...

Она растянулась на простынях не в силах даже пошевелиться. Дэйн вытянулся рядом. Его грудь часто поднималась и опускалась, светлые волосы разметались по подушке, переплелись в паутину с ее рыжими прядями.

Какое-то время оба наслаждались блаженной тишиной. Многие слова были сказаны только что, многое было сказано без слов. Чем были продиктованы ее собственные порывы? Страстью? Похотью? Безумной убийственной любовью к этому мужчине?

Киирис пощупала ошейник. Почему-то его присутствие на шеи не раздражало. Она так увлеклась желанием отдаться императору, что и думать позабыла об этом подарке. А ведь именно в качестве рабыни, игрушки, ей предстоит присутствовать на пиру. У иникеры будет куда больше привилегий.

— Что именно рассказал тебе Раслер? — спросил Дэйн.

Он сел на постели, размял плечи и с улыбкой потрогал вспухшие, налитые кровью места укусов. Кажется, ему доставляло удовольствие носить на своем теле болезненные свидетельства ее ненависти. В купе с исполосованной ее ногтями спиной, император представлял собой образчик мужчины, которому пришлось побороться с хищной кошкой. Хотя, кошка сдалась так быстро. Киирис вспомнила свои униженные мольбы, и, осознав, что не испытывает за них ни стыда, ни угрызений совести, мысленно оттолкнула все неприятные мысли. Она подумает о том, что делать дальше, это очевидно и необходимо. Но сейчас, когда он здесь и так соблазнительно раздет, думать хотелось лишь о какой-то бестолковой девичьей ерунде.

Если она и могла пасть так низко, то сегодня это случилось.

— То, что ради тебя люди пошли на смерть, — ответила она. В ее планы не входило открывать Дэйну все обстоятельства их с Наследником костей разговора. Дэйн, скорее всего, понятия не имеет обо всех талантах младшего брата.

— Он очень огорчен из-за этого?

Что за странные вопросы?

— Думаю, его еженощный вой более чем громко говорит о том, что да, Раслер огорчен.

— Он тебе нравится? — Дэйн потянулся за штанами, быстро оделся — сказывалась солдатская выправка. Потом последовал черед рубашки. — У меня не так много времени, Киирис, чтобы ждать, пока ты решишь, достоин я правдивого ответа или проглочу вранье. Помнится, я предупреждал насчет моего отношения ко лжи. Не заставляй меня применять к тебе те же методы, что и к другим. Может, я тиран и подонок, но ты стоишь последней в списке тех, кому бы мне хотелось причинить боль.

Киирис потянулась за одеялом, прикрылась, используя это время чтобы найти достойный и безопасный ответ. Нравится ли ей Раслер? А как он может не нравится? Это невинное безумие заразно и поражает окружающих, словно порча. К таким, как Наследник костей, совершенно точно нельзя относиться равнодушно.

— Он хороший человек, и очень одарен.

— Это все замечательно, мейритина, но я спрашивал о другом. — Дэйн повернулся к ней, на ходу заправляя сорочку в штаны. Волна страсти схлынула и теперь он снова стал собой: безжалостным императором нэтрэзов, который полностью контролирует каждый шаг своих «игрушек».

— У меня нет другого ответа, мой император.

— Хорошо, — на удивление быстро согласился он. — В противном случае я собирался подарить тебя ему после сегодняшнего вечера.

Мейритина выдохнула слишком громко, чтобы это не осталось незамеченным. Собирался подарить. Два слова, но они волшебным образом выветрили из ее головы всю романтическую чушь. Не важно сколько раз она раскроет перед ним душу, он не нуждается в сердце рабыни. В ее теле и только. Да и то, похоже, двух раз ему оказалось достаточно, чтобы сделать выбор в пользу фаворитки.

— Рада, что мой ответ тебя удовлетворил, — стараясь окрасить голос покорностью, ответила она.

Больше Дэйн не проронил ни слова, но с его уходом комната наполнилась невидимым отчаянием.

Он в самом деле сказал, что собирался подарить ее младшему брату?

Глава двадцатая

— Если бы я не был так в тебя влюблен, то сегодня наверняка бы валялся у твоих ног, пташка.

Киирис приняла комплимент с ничего не выражающей улыбкой. Слова «Рунн» и «влюблен» совершенно точно не сочетались друг с другом. Если тенерожденный и был способен на любовь, то лишь к собственному отражению в зеркале.

— Могла бы хоть для приличия сделать вид, что польщена, — не унимался Рунн. Валял дурака, как обычно, когда пытался спрятать неуверенность.

— Я здесь в качестве рабыни императора, — ответила Киирис. — Мне не стоит провоцировать никого из вас.

— Ты стала такой скучной с тех пор, как дала ему тебя поиметь, — скис Наследник тени.

— Просто забочусь о том, чтобы кожа на моей спине была в таком же виде, в каком она есть сейчас.

Мейритина пошарила взглядом по залу. Императора и Принцессы еще не было, но от количества гостей уже рябило в глазах. Дэйн нарочно пренебрег этикетом и отказался от торжественной части, где гостям следовало выстроиться в длинную очередь и отбивать поклоны после того, как кастелян огласит их имя. Кажется, королеву-мать это привело в бешенство. Пользуясь отсутствием сына, она лавировала между гостями в своем кроваво-красном платье и источала улыбки, словно воплощенное гостеприимство. Судя по тому, что слышала Киирис, добрая половину присутствующих так или иначе пострадала от ее руки.

— А вот и наша Совершенно Точно Беременная Потаскуха, — словно стих, продекламировал Рунн, и кивком указал на новоприбывших. — Слышал, они с Принцессой поладили.

Поладили? Киирис намеревалась отмахнуться от его слов, потому что они не могли быть ничем, кроме насмешки, но червь сомнения уже вгрызся в душу. Поладили? Будущая жена беременная наложница? Никто в здравом уме не пойдет на такое, а Принцесса, хоть и выглядела странной помесью стервы и одуванчика, вряд ли была наивной и бестолковой *до такой* степени. А шутка Рунна была слишком бестолковой, чтобы быть шуткой.

— В каком смысле «поладили»?

— Знал, что ты заинтересуешься. — Этот мужчина не упускал возможности самодовольно усмехнуться. — Мои Вороны слышат каждый шепот, пташка, каждое слово, даже если оно было произнесено в голове.

Киирис безразлично пожала плечами. Любопытство ело ее поедом, но показать свои заинтересованность Рунну означало добровольную сдачу в плен. Он непременно что-то потребует взамен. Нетрудно догадаться, что. И вряд ли сломанная братом рука, которую теурги почти вылечили, сделала его благоразумнее.

По случаю приглашения, Алура нарядилась в безупречное желтое платье, которое оттеняло ее кожу и делала глаза еще более золотыми. Все на ней, от прически до туфель, кричало о тщательной подготовке. Она явно пришла блистать, и статус наложницы ее не смущал.

— Я трахнул ее, — ни с того ни с сего, признался Рунн. — Точнее говоря, их обоих.

Киирис посмотрела на него так, будто впервые видела.

— Их — это...

— Ради богов, пташка, не притворяйся дурой, это совершенно тебя не красит. Ты и без разжевывания поняла, о ком речь. И если тебя это утешит — они обе совершенно пресные. Хотя Алура неплохо сосет, но я почти уверен, что ты, — Рунн большим пальцем

здоровой руки погладил ее нижнюю губу, — куда более хороша в этом. Я готов кончить от одной мысли о твоих губах у меня...

Конец фразы утонул в громогласных приветствиях, которыми гости встретили появление императора и его спутницы.

Киирис инстинктивно шагнула глубже в толпу, радуясь, что количество людей позволяет без труда затеряться в их плотных рядах. Не известно, что двигало Дэйном, когда он потребовал ее обязательного присутствия, но это было настоящим безумием. Три женщины так или иначе желающие заполучить самого влиятельного мужчину империи на одной территории — такое вряд ли выдержат даже трехсотлетние стены Замка туманов. Тем более, что на фоне расфуфыренных соперниц, Киирис, в простом черном наглухо закрытом платье, выглядела совершенно проигрышно. Единственным ее украшением был ошейник, и это радовало и огорчало одновременно. С одной стороны, даже если собрать все украшения на всех присутствующих в зале женщинах, их все равно будет значительно меньше, чем камней в ее ошейнике. И Киирис уже не единожды поймала на себе завистливый взгляд. А с другой: каждый в зале, даже дорожная пыль на сапогах, знают, что она — рабыня. По крайней мере на Алуре не было ни единого свидетельства ее статуса наложницы. Глупость принимать за обиды простой порядок вещей, но Киирис не могла отделаться от мысли, что Дэйн намеренно желал унизить ее перед соперницами.

Торжественная часть была короткой. Император пожелал всем собравшимся мира в доме и огня в очаге, его верные касхары пожелали того же взамен.

Принцесса — Киирис не могла заставить себя называть ее по имени «Торана» — явилась в дорогом шелковом платье. Слишком вычурном, как на вкус Киирис. Торана как будто кричала: «Я ваша будущая императрица, начинайте думать, чем меня умастить».

Она вела себя так, как ведет себя женщина, которая имеет все основания полагать, что победа уже у нее в кармане. Не слишком умная стратегия, но, возможно, у Тораны, в отличие от Киирис, была куда более спокойная и предсказуемая жизнь, в которой все шло по четко предопределенному плану.

По случаю торжества Дэйн сменил более простую одежду, которой отдавал предпочтение в повседневной жизни на кожаные штаны, белоснежную тонкую сорочку и кожаную верхнюю куртку, которая едва не трескалась на его широких плечах. Кровавые рубины в его короне словно напились света факелов и свечей: полыхали так ярко и зловеще, будто хотели напомнить всем окружающим, что перед ними — первый мясник Нэтресской империи.

Киирис скользнула за спину какого-то богато разодетого господина, благо, он пришел в сопровождении нескольких сыновей и за ними мейритина чувствовала себя почти невидимкой. Почти, потому что Дэйн сразу, будто точно зал, где она спрячется, нашел ее взглядом. Посмотрел с прищуром, как будто нашел какой-то существенный изъян — а потом сосредоточил внимание на своей гостье.

— Потанцуешь со мной? — Рунн определенно сам себя назначил ее кавалером на этот вечер.

— Уверен, что хочешь со мной танцевать? — Киирис как бы невзначай провела пальцем по ошейнику, поморщилась от холода камней. — Император не просто так окольцевал меня этой безделушкой. И мне казалось, вы все выяснили. Ты сам отдал ему таэРН.

Наследнику тени определенно не понравилось напоминание о его проигрыше. Он скривился, что-то пробурчал себе под нос, но остался стоять, где стоял. Киирис его компания начинала нравиться. По крайней мере, Рунн отвлекал ее от постоянного навязчивого желания наблюдать за тем, как император вежлив и обходителен со своей гостьей. Почему-то именно сегодня его безупречные манеры раздражали сильнее всего.

— У нас с ним был договор, Киирис. Остановимся на этом.

Она безразлично передернула плечами. Какая разница, что это за договор? Кусок земли или мешок денег, или какая-то другая привилегия? Лучше сосредоточиться на том, где сегодняшний вечер проводит Раслер: с самого начала праздника Киирис так и не

увидела его среди гостей. А домин был слишком значительной фигурой. Чтобы его появление осталось незамеченным.

Совсем скоро гостей позвали к столу. Под пиршество живота отвели южную часть зала, самую отапливаемую. Едва гости расселись по лавкам, в промозглые, наполненные гомоном стены потянулась вереница служанок с кувшинами, мисками и отрезами ткани в руках. Гости мыли руки, приговаривая каждый на свой лад слова охранных молитв. Первым блюдом подали разрезанного на куски оленя. К нему множество гарниров: печеный картофель в масле, фаршированные печенью грибы, помидоры с заморскими острыми орехами. Горячие вина с Теплых островов лились рекой.

Киирис была рада, что ее место за столом было на самом отшибе. Здесь ее не мог достать даже Рунн, которому, согласно заведенным правилам, полагалось сидеть по правую руку от брата. Натянутая улыбка на лице Тораны, когда тенерожденный наследник подвинул ее с места, куда она нахально уселась, вызвала у Киирис приятное чувство злорадства. В конце концов, она тоже живая кровь и имеет полное право радоваться скисшей улыбке на лице соперницы.

Соперницы? Мейритина быстро, пока никто не заметил, опустила взгляд в пустую тарелку. Есть совершенно не хотелось, равно как и пить. Лучше уж после, когда гости войдут в раж и выпадет возможность незаметно ускользнуть, перекусить чем-нибудь у себя в комнате. Верная Корта уже выучила ее повадки и наверняка найдет способ покормить госпожу.

После первых блюд музыканты ударили о струнам, а в зал снова потянулись служки с новыми угощениями: гранатами, финиками, приправленной кислыми фруктами рыбой, икрой. Гости пили не переставая, император смеялся и изредка потягивал вино из черного каменного кубка.

Все шло своим чередом. И когда Киирис, наконец, успокоилась и убедилась, что присутствует на празднике лишь в угоду его странной прихоти, Дэйн снова разрушил ее хрупкое внутренне равновесие.

Когда музыканты взяли тягучий меланхоличный мотив, император резко встал из-за стола, прошел в другой конец зала в сопровождении напряженно умолкнувших гостей, взял Киирис за руку и вывел ее в центр зала.

— Мой император, это противоречит...

— Просто переставляй свои ноги, мейритина, — посоветовал он тоном, не принимающим возражений. — Мне кажется, это вполне посильная задача.

Она подчинилась, тая и одновременно застывая в его руках. Он был ее личным огнем и стужей, распалил и превращал в лед одним лишь горчим выдохом в макушку.

— Ради богов, Киирис, в жизни не поверю, что рас'маа'ру не обучили премудростям танцев, — пожурил он. — Ты мне все ноги оттоптала.

— У меня есть веская причина, чтобы вести себя, как неуклюжая курица.

— Вспоминаешь утро? — Он прижал ее крепче, практически вдавил в свое тело. — Потому что ты обнаженная подо мной — это лучшее, что я видел в последнее время. И этот образ преследует меня, как смертное проклятие.

От того, как похотливо прозвучали эти слова, Киирис бросило в жар.

Нет, нужно успокоиться, взять себя в руки, сосредоточиться на том, что действительно важно: например, на следующем за ними по пятам взгляде Тораны. И на хищном блеске в глазах иникеры — вот уж кто не делает ровным счетом ничего, чтобы сохранить хоть видимость приличий.

— В чем была необходимость приводить всех троих женщин? — отринув чувство самосохранения, спросила Киирис. Отстранилась, чтобы иметь возможность посмотреть Дэйну в лицо. — В чем необходимость выставлять напоказ свою рабыню в ошейнике, за который можно купить целый город со всеми его жителями?

— Полагаю, я просто сукин сын, которому до смерти скучно на этом празднике жизни, — отозвался он. Даже не скрывал, что прячет истинную причину за насмешками. — Вот жду, которая из вас первой пустит в ход жало. Я слышал, что вот те ушлые ребята, — император кивнул на готовящихся к выступанию акробатов, — принимают ставки.

— И какие у меня шансы?

— Полагаю, они велики. Ты, в отличие от соперниц, можешь бодаться.

Киирис сделала все, чтобы проигнорировать его шутку, но было слишком поздно — губы сами собой растянулись в приступе веселья, а негромкий гортанный смех Дэйна ненадолго сотворил иллюзию, что так и должно быть. По крайней мере, на этот танец она получила императора всего без остатка. Это куда больше, чем возможность сидеть к нему поближе или врать направо и налево о его ребенке в животе.

— Киирис. — Его резко сменившийся тон одним мхом разрушил ее попытки насладиться самообманом. — Чтобы ни случилось — ты должна мерить мне.

— А что должно случиться? — насторожилась она.

— Ты задаешь не правильные вопросы. — Теперь его тон стал раздраженным. — Если ты не будешь доверять мне до такой степени, чтобы вручить свою жизнь по первому требованию, то я в тебе очень сильно ошибся.

— Я твоя рабыня, мой император.

— Ты снова прячешься за вещами, в которые сама же не способна поверить. Мне казалось, ты достаточно тесно и долго общаешься с Кортой, чтобы прочувствовать разницу между вами. Даже ослу понятно, что с первого дня твоего появления в замке, ты и часу не была рабыней по-настоящему.

К чему он клонит? Какую кровавую игру задумал теперь?

— Ты тоже желаешь заполучить мою кровь? — Киирис боялась, что его «да» окончательно сведет ее с ума, и одним богам известно, во что она превратится в таком случае.

— Нет Просто пытаюсь сказать, что ты...

Он резко умолк на полуслове, отодвинулся и посмотрел Киирис через плечо. Мейритина повернулась, с недоумением посмотрела на Торану: в каждой руке она держала по кубку. Один молча вручила Киирис.

— Впервые вижу живое свидетельство существования божественных наследников, — сказала она. Фраза наверняка была заранее отрепетирована, потому что прозвучала слишком безупречно, как будто Принцессе дела не было до того, что ее будущий муж пренебрег ею ради своей рас'маа'ры. А это точно шло вразрез с ее взбешенным взглядом.

Киирис молча искала поддержки у Дэйна, но тот выглядел отрешенным, как будто мысленно ушел куда-то далеко, где женщины не докучали своими попытками отвоевать хоть немного его внимания.

— Полагаю, раз уж ты здесь на особенном положении и совершенно исключено, что в ближайшее время мне посчастливится от тебя избавиться, будет лучше, если мы найдем способ взаимно существовать. Способ, который нас устроит.

— Не слишком ли рано говорить об этом? — Киирис заглянула на свое отражение в глянцевой винной глади губка. Пригубила самую малость, чтобы промочить горло и отлепить язык от сухого неба.

— Никогда не бывает рано совершить что-то себе на благо, — туманно ответила Торана. — Но для этого нужно быть смелым, дальновидным — и решительным.

Ее последние слова прозвучали глухо и смазано. Киирис сперва решила, что за время, пока они с Дэйном танцевали, гостя успела опорожнить не один кубок и хмель ударил

ей в голову. Но в эту минуту ее собственное горло словно вскрыли от подбородка до ямки на шее. Боль была такой сильной, что затмевала все прочие чувства. Киирис попыталась сглотнуть ее, сделать хоть что-то, чтобы уменьшить страдания, но агония стремительно выжигала глотку и стекала в грудь, где вскипала с новой силой.

Сквозь горячечный туман мейритина услышала отголосок серебряного звона, с которым кубок вывалился из ее слабых пальцев и покатился по полу. Вслед за обжигающей болью пришла сокрушительная слабость. Если бы не поддержка Дэйна, Киирис свалилась бы к ногам своей торжествующей соперницы.

Последняя более-менее окрепшая мысль была о том, что было очень неразумно забывать предостережение кормилицы Дэйна. Оказалось, ядами не брезгуют даже Принцессы.

Глава двадцать первая

— Если она не откроет глаза, клянусь, что перережу тебе глотку.

Даже сквозь пульсирующую под кожей боль Киирис смогла узнать голос Рунна. Хотя никогда раньше не слышала его таким взволнованным. Как будто длинноухому наследнику в самом деле было не безразлично, выживет она или умрет.

— Предлагаю тебе заткнуться, — спокойно осадил брата император. — А если не в состоянии держать язык на привязи и не разбрасываться пустыми угрозами, то лучше выйди вон. Я терплю твое общество только потому, что думаю, тебе не наплевать на ее состояние.

Киирис попыталась открыть глаза, но веки словно запечатали нерушимыми печатями. Руки и ноги тоже отказывались подчиняться, но она достаточно хорошо слышала и понимала происходящее вокруг. Значит, волею судьбы, была до сих пор жива. Что же, можно сказать, что она впустую разменяла еще одну жизнь.

— Раслер, не стой столбом, — продолжал рычать Наследник тени. — Плевать мне на твою возвышенную меланхолию, просто скажи, что рас'маа'ра в порядке. Выглядит, как свежий труп.

— Кровь богов определенно в порядке, — сухо отозвался Наследник костей. — Тебе не о чем беспокоиться.

— Почему все считают своим долгом ткнуть меня носом в то, о чем мне следует беспокоиться, а на что можно харкнуть с высокого утеса! — Кажется, Рунн прищелкнул языком. — Вам самим не тошно от всего... этого?

— В последний раз предупреждаю: либо ты закрываешь рот, либо я выброшу тебя в окно. — На этот раз Дэйн позволил ноткам ярости разбавить свое вездесущее самообладание.

Пока братья спорили, Киирис снова и снова пыталась вернуть себе способность шевелиться. Понемногу, это удалось. Сначала подчинились пальцы на ногах, потом она с горем пополам даже сжала край простыни в кулаке. А потом тихонько застонала:

— Пить...

— Костлявая задери, она в самом деле пришла в себя!

Послышались звуки короткой возни, злобное шипение Рунна, слабый разочарованный вздох Раслера. Вслед за этим кровать около Киирис прогнулась, и перед ее замутненным болью взглядом появилось расплывчатое лицо Дэйна.

— Ты меня слышишь, мейритина? Моргни, я пойму.

Она моргнула.

— Хорошо. Раслер говорит, что тебе еще какое-то время будет некомфортно, но это быстро пройдет. Вот, — она почувствовала прикосновение прохладного серебра к губам, — это нужно выпить.

Первый глоток показался таким же неистово жгучим, как и выпитая накануне отравы. Киирис попыталась выплюнуть питье, но не смогла разжать сведенные судорогой губы.

— Нужно выпить все, Кровь богов, чтобы ты почувствовала облегчение, — сказал Раслер.

— Воображаю, какое на вкус это варево, раз она выглядит так, словно проглотила коровью лепешку, — продолжал ворчать Рунн.

Киирис даже стало жаль, что она слишком слаба для благодарной улыбки. Кажется, генерожденный был единственным, кто не считал нужным прятать свое беспокойство. Надо же, Рунн — и вдруг так обнажен. Или она все-таки умерла и сейчас блуждает в закоулках своего разума, принимая желаемое за действительное, создавая свой идеальный мир, где сможет обрести счастье хотя бы после смерти. Бесплотное, но все-

таки счастье.

— Ты слышала его, Киирис, придется выпить все до дна.

Дэйн настойчиво подтолкнул кубок к ее губам. Глоток за глотком, она справилась. Вероятно, еще и потому, что то и дело отвлекалась на мысли, почему император лично ухаживает за своей наложницей, когда для этого у нее есть собственная расторопная рабыня.

Раслер не соврал, говоря об облегчении. Крепкое питье испепелило слабость, зажгло внутреннее пламя, от которого тело начало стремительно разогреваться. В конце концов, она окрепла настолько, что смогла, не без помощи Дэйна, сесть, опираясь на гору подушек.

— Я точно жива? — Попытка ущипнуть себя не увенчалась успехом — на половине пути рука беспомощно упала на покрывало. Киирис не нравилось чувствовать себя такой немощной, но пришлось смириться с тем, что все это — плата за императорское внимание. И собственную беспечность. Она-то была уверена, что на подобную мерзость способна только Алура. — Мне кажется, что вы все — призраки в моей голове.

— Уверю, ты жива, — сказал Дэйн. Несмотря на заботу, его лицо не выражало ровным счетом ничего. Разве что тень раздражения. Интересно, не потому ли, что из-за ее спасения пришлось покинуть пир, будущую жену и гостей?

«Он слишком умен и предусмотрителен, чтобы с самого начала не осознавать всех возможных последствий. Значит, его беспокоит что-то другое?»

— Мне нужно поговорить с мейритиной наедине, — тоном, не приемлющим возражений, потребовал император.

— А мне нужно, что бы ты меня в зад поцеловал, — проворчал Рунн. Покосился на Киирис с немым вопросом, в порядке ли она и, получив утвердительный кивок, направился к двери, ругаясь, на чем свет стоит. — Знал бы, что все так будет, не привез бы тебя в Мерод.

— Ты в самом деле думаешь, что это было твое решение? — бесцветно поинтересовался Раслер, следуя за братом.

— Ради богов, не начинай свои идиотские проповеди про перст богов, — осадил его генерожденный.

Когда дверь за ними закрылась, Дэйн покачал головой.

— Мне одному кажется, что иногда их слишком много?

Киирис видела, что он не нуждался в ответе, поэтому придержала при себе замечание, что ей эта забота была приятна. По-мужски грубая и суховатая, но все-таки забота. А она все же женщина, пусть и дважды убитая. Хотя, насчет второго раза с выводами лучше бы не торопиться. Дэйн не для того выставил братьев вон, чтобы теперь молча созерцать ее в постели. Пусть даже это одно на двоих молчание было слаще самого дорогого вина.

— Я отошлю отцу Тораны ее голову, — сказал император, пристально наблюдая за реакцией Киирис.

— И когда ты планируешь ее казнить? — Мейритина не собиралась испытывать угрызений совести.

— Уже, — последовал его короткий ответ. — Если пожелаешь, голову Алуры можешь забрать себе.

— Алуры?

— Почему тебя это удивляет?

— Но разве...

Киирис запнулась. Мысли резко застопорились, когда поперек дороги обрушилась его

короткая фраза. Она-то и перевернула все с ног на голову, вскрыла действительность, словно лекарь — гнойный нарыв. С той лишь разницей, что разыгранная Дэйном партия была поистине безупречной. Это была настоящая Большая игра, где роль каждой фигуре отводилась задолго до ее появления на доске.

— Ты... использовал меня?

Произнести это вслух оказалось куда сложнее, потому что взбудораженное сознание никак не желало мириться с мыслью, что и ее, в числе прочих, разыграли, как пешку. Подставили, чтобы противник соблазнился на легкую добычу, поддался импульсу — и обнажил тылы.

Боги, это было великолепно! Идеально, безупречно.

И бессердечно.

— Я использую всех, Киирис. Кого-то больше, кого-то меньше. — Дэйн, как и всегда, не отпирался от очевидного. Не считал нужным притворяться, чтобы хоть сохранить иллюзию человечности. — Ты не исключение. Разница в том, что я бы никогда не позволил кому бы то ни было причинить тебе вред. И предпринял некоторые шаги, чтобы обезопасить тебя.

— То есть, мне следует сказать «спасибо» за то, что я жива?

— Тебе следует сменить тон, мейритина, — предложил он. — Потому что, хоть все прошло в наилучшем виде, я все еще на взводе, и ты рискуешь отведать моего гнева. Мне бы этого не хотелось.

Киирис рассмеялась прямо ему в лицо. Плеснула щедрую порцию обиды и горечи, чтобы увидеть, как лицо Дэйна окаменеет, как его непроницаемый взгляд станет темнее грозового неба. Вероятно, он прямо сейчас отдаст приказ передать строптивую рас'маа'ру в руки скраг, а уж те знают, как поучить ее смирению. Ну и пусть. Зато она власть похочет сейчас. Вырвет из себя мерзкое чувство опустошения.

Вот только вряд ли этот трюк пройдет с чувствами, которые этот мужчина сумел в ней пробудить. Разве что она проткнет собственное сердце.

— Торана не знала, что подносит мне яд? — Киирис не сомневалась, что права. — Ее ошибка была в том, что она доверилась змее.

— Ее ошибка была в том, что она, равно как и ее гонористый папаша, решили, что императора нэтрэзов можно поиметь, словно бордельного мальчика с раздолбаной жопой, — не потрудился подбирать выражения Дэйн. — То, что она попытается навязать себя мне, было известно с самого начала. И поэтому я не стал противиться, когда королева-мать решила устроить наш брачный союз. В конце концов, мать как никто другой подходила на роль свахи.

— А я была цыпленком на веревке, которого ты заставил бегать перед голодными кошками.

— И ты была безупречна, моя порочная рогатая bestия, — похвалил он. — Кроткая, кричащая: «Я слишком слаба, чтобы пренебречь попыткой меня убить».

Киирис всем сердцем желала его возненавидеть.

Но, как ни старалась, не могла.

Потому что вопреки голосу разума, вопреки обиде за то, что ее, в который раз, использовали ради удовлетворения своих первобытных желаний, понимала — хозяйин Нэтрэзской империи убил одним махом сразу двух зайцев. И этот выстрел оказался безупречным.

— Торана никогда бы не отважилась совать тебе яд в открытую. Это только одна из твоих душ может запросто прирезать человека на виду у всех, большинству же требуется какая-то внутренняя борьба, долгие споры с собой и прочая чушь, которой люди обычно оправдывают свое бездействие. А я не мог позволить, чтобы она задерживалась здесь

дольше нескольких дней — и так едва сдерживался, чтобы не свернуть ей шею. Редкая женщина способна заставить меня испытывать такое острое чувство желать ей долгой и мучительной смерти. — Император брезгливо поморщился. — К счастью, Алура имела неосторожность трахаться с одним из моих гвардейцев. А потом заявила, что ублюдок, которого она носит — мой.

— Я была уверена, что она врет про свою беременность, — пробормотала Киирис.

— Теперь это не имеет значения: их обоих вздернули.

— Не слишком ли много смертей для одного вечера?

— В самый раз. Пусть мои болтливые гости на весь Рухан раструбят, какая я бессердечная тварь. Страх удивительным образом влияет на способность людей слушать и слышать. Никогда не понимал, отчего императора все непременно должны любить. Любят слабаков, которых потом же первыми ведут на бойню.

И с этим нельзя было не согласиться. Хоть каждое его слово было самым настоящим надругательством над человечностью.

— Алура знала, что Торана видит в тебе, а не в ней настоящую соперницу. А твое появление в ошейнике было слишком большим соблазном, чтобы папашина дочка не воспользовалась поводом унижить тебя.

— Одна разыгрывает приманку, другая подливает яд, третья дает этот яд приманке, а ты получаешь предлог объявить войну, — закончила за него Киирис.

— Я не мог напасть на засранца без более-менее стоящего повода. Не все касхары настолько безгранично мне преданы, чтобы встречать в войну, где за мной не будет ни одного доброго слова.

— А так у тебя появилась целая куча свидетелей того, что Торана желала пронести на торжество яд, желая отравить тебя, и лишь по счастливой случайности кубок попал в руки своей маленькой ручной обезьянки.

— Моей маленькой рогатой бестии, — поправил он. — Которая, так уж теперь выходит, стала единственной женщиной в моей жизни.

— И две предыдущих заплатили за это собственными жизнями, — сказала она скорее себе, чем ему.

Дэйн отклонился, нахмурился. Он определенно ждал другой реакции.

— Если ты начнешь лить по ним слезы, мейритина, значит, еще никогда в жизни я так сильно не разочаровывался в женщинах, — сказал он холодно. — Поэтому, пока я не продолжил, позволь узнать, что ты на самом деле думаешь.

— И если мой ответ тебя не устроит, моя голова станет... — Она сделала вид, что подсчитывает в уме, — четвертым украшением твоего триумфа?

— Ты прекрасно знаешь, что нет. — Теперь император выглядел озадаченным. Он даже встал и отошел в другой конец комнаты, разглядывая ее с видом вдруг прозревшего человека. — Я сказал, что никому не позволю причинить тебе вред. Насколько мне известно, с тех пор, как ты появилась в замке, тебя и пальцем никто не тронул. — Тут он потер лоб зажмурился, выживая неприятные для него воспоминания. — Кроме тех случаев, когда ты сама была не против.

Говорить о том, что было с Рунном и Раслером было последним, чего Киирис хотела в эту минуту. Если она переживет сегодняшнюю ночь — или уже утро? — то когда-нибудь эту тему нужно будет обсудить, но определенно не сейчас.

— Я бы соврала, если бы сказала, что мое пребывание здесь было ужасным.

— Тогда что не так?

«Вероятно то, что ты одной своей прихотью убил весь мой народ», — мысленно ответила

Киирис.

— Это из-за проклятого Нерушимого Аспекта? — Проницательности ему было не занимать. — Только из-за того, что твой народ погиб по... — Дэйн скрипнул зубами. — Потому что они погибли по моей вине?

— Теперь это не имеет значения, мой император.

— Очевидно, Киирис, что имеет. Потому что, так уж вышло, что я решил, будто нашел то, что отчаялся отыскать. Решил, что ты — женщина, которая мне нужна. Сильная, смелая, единственная, кто не боится сказать правду мне в лицо. Закаленная в боли и страданиях, но не бессердечная. Бездушных сук, Киирис, мне предостаточно на псарне, и я у меня нет никакого желания держать в постели одну из них.

Его слова отравляли соблазном. Возможно ли, что хозяин Нэтреской империи только что сказал ей, бесправной наложнице, что нуждается в ней? Что она — его женщина?

Боги, почему нельзя повернуть время вспять и заткнуть уши, чтобы не слышать его дурманящую откровенность?

— Очевидно, что это всегда будет между нами, — сказал он глухо. — Ты не сможешь переступить через прошлое, а я не собираюсь извиниться за то, что сделал. Знаешь, почему? Потому что абсолютно все, что я делал, было осознанным взвешенным поступком. Кроме разве что той ночи, когда я выдрал тебя из рук Рунна.

— Ты бы смог простить, мой император? — Оглушающая боль накрыла ее с головой. — Ты бы смог забыть хоть каплю пролитой кем-то крови тех, то тебе дорог?

— Последнее, что я буду делать, Киирис, так это строить дурацкие предположения. Предпочитаю решать вопросы по мере их появления, а рассуждать о том, что было бы и чего не было — уволь.

— Тогда хотя бы попытайся понять меня!

— Это с самого начала была дурацкая идея. — Дэйн будто и не слышал ее слов. — Мне нужна война, Киирис. Дьяволов кусок земли у меня в тылу нужен мне целиком и на моих условиях, со скрученными в бараний рог всеми нежелающими мне подчиниться. И чем раньше я его завоюю, тем лучше будет для всех. У меня нет времени возиться с тобой, словно с ребенком, подтирать нос и утешать. Очевидно, что я слишком черств для этой ерунды.

Киирис и не думала возражать: сочувствующий Дэйн казался такой же нелепостью, как и краснеющая шлюха.

— Я не жду, что ты станешь подтирать мне нос, мой император, — сказала Киирис.

— Тогда, демон все задери, в чем дело?! — Он порывисто сел на постели, ухватил пальцами за подбородок и вздернул ее лицо вверх, вынуждая полыхать под его гневным взглядом. — Мне казалось, несколько ночей назад, ты сказала, что любишь меня. И тогда это не было похоже на сладкую чушь, которую женщины постоянно мелют в постели.

— Люблю, — не стала отпираться Киирис. — Люблю!

Он придиричиво смотрел на ее рот, как будто искал в движении губ подтверждение правдивости ее слов.

«Боги, Киирис, что ты творишь!»

Любить императора — непростая задача, но любить беспощадное чудовище — настоящая пытка. Потому что это чудовище — воплощенный образчик силы, железной воли и истинной мужской харизмы. Он словно мощное дерево, в тени которого спокойно, тепло и безопасно.

Любить Наследника луны, императора Дэйна — вот ее личное проклятие.

Киирис порывисто подалась к нему, обняла за талию, и уткнулась лбом в ямку на плече. Она все еще была слаба и во власти головокружения, но вполне осознавала каждое слово и решение, которое собиралась принять. Самое сложное решение в ее жизни.

— Меня сложно любить, Киирис, — Дэйн с несвойственной ему заботой, погладил мейритину по голове. — А еще сложнее принимать меня таким, какой я есть. Надеюсь, ты понимаешь, что я не стану меняться?

Она мотнула головой, изо всех сил цепляясь в рубашку на его спине. Боялась, что стоит потерять эту опору — и она рухнет в пропасть собственных кошмаров, где всевидящий и всезнающий Поток проклинаяет ее на все голоса.

— Ты должна верить мне, Киирис. — Дэйн не просил — требовал. — Верить безоговорочно. Я смогу тебя защитить. Даже от себя.

— Знаю, знаю... — Она больше не пыталась подавлять рвущиеся из самого сердца рыдания. За столько дней их накопилось слишком много, а слова Дэйна лишь выпустили наружу их стремительный поток. — Никудашняя из меня рас'маа'ра, — пробормотала Киирис, когда император мягко отстранил ее от себя. — Совершенно не умею быть благодарной за то, что меня пожелал самый могущественный мужчина империи.

Он что, улыбается?

— Мое прекрасное рогатое проклятие и представить не может, что именно я желаю с ней сделать. Поэтому, — он уверенно смахнул слезы с ее лица, — сегодняшний день мы проведем только вдвоем. Будем делать все, что ты пожелаешь.

— А завтра ты поедешь мечом и огнем приколачивать к империи еще один кусок земли? — прямо спросила она.

— Война мне как мать, Киирис. Я обласкан ею куда больше, чем заботой женщины, которая носила меня в своем животе девять месяцев. И это тебе так же стоит принять. Но проклятье, почему мы должны говорить об этом сейчас? Смею тебя уверить, у меня не часто случаются такие приступы идиотского романтизма.

— Кто бы сомневался, мой император.

— Поэтому, я желаю услышать, чем бы ты хотела заняться? — Тут он склонил голову на бок, и подарил ей самый красноречиво-развратный взгляд, который только мужчина может подарить женщине. — Кроме очевидного желания отдаваться мне снова и снова, потому что я намерен сделать так, чтобы тебе было о чем вспоминать, пока я буду, — как ты там выразилась? — приколачивать кусок земли к своей империи.

Этот мужчина — воплощение самого большого ее греха. Греха слабоволия. Потому что Киирис бросило в жар от одних лишь многообещающих интонаций в его голосе.

— Отвези меня туда, куда тебе самому хочется меня отвезти, — предложила она.

Просьба его удивила и озадачила одновременно.

— Хорошо, — наконец, согласился Дэйн. — А сейчас тебе нужно как следует выспаться, потому что впереди будет несколько часов пути верхом, и меня беспокоит, что ты до сих пор слишком слаба для подобных вылазок.

— Не стоит меня недооценивать, мой император.

— И в мыслях не было. — Упрек пришелся ему не по душе. — Я всего лишь беспокоюсь о тебе.

Император поднялся, и после его ухода постель стала неуютно-пустой. Киирис опустила на подушки, зажмурилась. Стоило Дэйну покинуть комнату, как в голове буквально взорвался сонм голосов: крики, укоры, проклятия. Она закрыла уши руками, замотала головой, но от этого сделалось еще хуже. Поток стремительно рушил ее хрупкое внутренне равновесие, которое Киирис с таким трудом выстроила между долгом и любовью. В голове яркими вспышками проносились показанные Раслером картины: гора костей, пустые глазницы обугленных черепов, огненная рана в небесах,

кровоточащая жизнью ее народа.

— Думала, что будет так просто отмахнуться от того, что этот убийца угробил весь твой род?

Киирис подняла голову, посмотрела на сидящую прямо на столе Кровожадную. И поняла, что несколько не удивлена ее живому визиту. В последнее время обе ее ипостаси вели себя на удивление молчаливо, что могло свидетельствовать лишь об одном: их душит древняя теургия. Истребляет, словно паразитов, которые мешают ей распухнуть во всей своей разрушительной красоте.

— Что тебе нужно? Пришла позлорадствовать?

— Пришла дать дружеский совет: воспользуйся этим шансом и прирежь мясника его же мясницким тесаком. Именно такой смерти он заслуживает. Если, конечно, в тебе осталась хоть капля гордости и чести.

В ней много чего осталось, но все это никак нельзя было уместить в хрупкий внутренний мирок без страха разрушить его до основания.

— Хватит ерничать, — осадила Кровожадную Соблазнительница. Эта ипостась заняла место на краешке кровати и смотрела на Киирис с неподдельным сочувствием. — Разве ты не видишь, что наша девочка совсем запуталась.

— Я не запуталась. Просто...

— ... просто не знаешь, как выбрать между горячим и мокрым, — огрызнулась Кровожадная. — Если бы в тебе была хоть капля храбрости, ты бы сделала это уже давно!

— Вы — всего лишь отголоски чужой души в моей голове, — безразлично возразила ей Киирис. — И лишь благодаря моей древней теургии вы обе в некоторые моменты становитесь материальны. Если не станет меня, вы тоже исчезнете.

— Думаешь, меня пугает смерть? — Кровожадная все сильнее распялась. Ее светлые глаза полыхнули ядовитым зеленым огнем, на безупречном белокожем лице появилась россыпь уродливых трещин, сквозь которые просачивался тусклый пар. — Если бы только я могла исчезнуть, освободиться, я бы с радостью заплатила за эту возможность своим теперешним существованием. Нет ничего более отвратительного, чем сидеть на привязи у бесхребетной игрушки, которая не способна думать ничем, что выше промежути.

Соблазнительница сокрушенно покачала головой, при этом в ее взгляде Киирис тоже без труда нашла разочарование. В их прежней жизни каждая была едва ли не наилучшим образчиком женщин своего народа, и каждая занимала высокое положение: Киирис чувствовала это, могла бы даже увидеть отдельные фрагменты их личных воспоминаний. И каждая делала то, в чем была щедро одарена: одна воевала наравне с мужчинами, кровью и ранами выгрызая свободу для своего народа, другая плела интриги и заговоры, одним лишь взмахом ресниц подчиняя даже самых непокорных королей. Немудрено, что каждой не по душе, что вместе с ними их таланты поместили в негодное, недостойное тело, вся уникальность которого была лишь в том, что оно могло принять в себя их душ.

— К счастью, мне не нужно ваше одобрение, — Киирис перевела взгляд на дверь, за которой только что скрылся император. — И за все свои ошибки и неверные поступки, я заплачу сполна.

— В таком случае поспеши, — взбрыкнула Кровожадная, и на этот раз его взгляд даже через расстояние обжег мейритину презрением. — Потому что очень скоро я вырву нас обоих из твоего проклятого тела. И заберу с собой вот это.

Она брезгливо стряхнула с ладони темные сгустки теургии.

Киирис сглотнула — и наткнулась на обеспокоенный взгляд просочившейся в дверь рабыни. На руках верной Корты скулил и брыкался щенок фира. И именно сейчас присутствие подаренного императором нежеланного зверя стало настоящей отрадой.

— Помоги мне привести себя в порядок, Корта, — поглаживая неугомонного щенка под челюстью, приказала рабыне Киирис. — Император повезет меня на прогулку.

Глава двадцать вторая

— Ты взяла с собой щенка, — сказал Дэйн, когда Киирис, в сопровождении рабыни, появилась на внутреннем дворе в условленное время. — Честно говоря, я был уверен, что он тебя раздражает.

— Самую малость, — не стала лукавить она. У фира была ужасная привычка хватать ее за ноги, выражая тем самым какую-то свою собачью привязанность. А так как за прошедшее время он заметно подрос, часть его укусов превращалась в совсем не безобидные раны. — Но, боюсь, он любит меня бескорыстно и целый день ходит по пятам, как привязанный.

Дэйн окинул щенка заинтересованным взглядом — и хохотнул.

— В таком случае, не лучше ли оставить псину в замке и показать королев-матери, что хуже воя ее младшего сына может быть только вой ее младшего сына и твоего щенка?

— Отличная идея, мой император, как и все, что приходит в твою светлую голову, — поддалась она его игривому настроению.

Он легко подхватил ее за талию и усадил на спину лошади. Несколько мгновений всматривался в ее лицо, как будто выискивал там что-то и, наконец, сказал:

— Ты все еще очень бледная, Киирис.

— Это пустяки, которые не стоят того, чтобы ради них жертвовать возможностью побыть рядом с моим императором еще немного.

— Не сказал бы, что мне так уж лестно твое внимание и жертвенность.

— Разве не такой должна быть женщина хозяйина целой империи?

На это Дэйн ничего не ответил, но за мгновение до того, как убрать ладони с ее тали, его лицо неожиданно переменялось. На лбу вспухла уродливая рана, и кровь из нее щедро заливала глаза и нос.

— Дэйн, — пробормотала Киирис — и страшные отметины растворились без следа.

— Ты определенно слишком слаба, — попытался вмешаться Дэйн.

— Прошу тебя — не лишай нас обоих этого дня, — почти взмолилась она. В груди стало вязко, тяжело, словно туда поместили пожирающего все эмоции червя. И от его усердия Киирис застывала, превращалась в пустую, неспособную чувствовать тепло болванку. — Я не доставлю хлопот.

Когда они выехали за ворота, все, о чем она думать, как сказать Дэйну о том, что смерть уже пришла за ним. Как сказать ему то, что уже медленно уничтожает ее саму?

— Мне кажется, ты не очень рада возможности провести со мной день, — сказал император, когда они отъехали достаточно, чтобы и башни замка, и городские стены Мерода превратились в бесформенные тени за их спинами. — Мы можем вернуться.

— Нет. Я просто ... не очень хорошо себя чувствую.

— Это из-за твоей теургии?

Киирис вскинула голову, удивленно посмотрела на своего спутника. Откуда император знает? Она была абсолютно уверена, что ни словом, ни жестом не выдала происходящих в ее теле метаморфоз.

— С чего ты взял?

— Ты сама говорила, что чем дольше будешь оставаться без таэрна, тем скорее к тебе вернется сила крови твоих предков. А времени прошло более, чем достаточно.

В самом деле — именно так она и сказала. Интересно, что бы он сделал, если бы узнал,

что держит на поводке то, что может погубить его и многих других?

Киирис подняла голову к небу, позволила дождю из пепла припорошить ее щеки. Сколько времени прошло, а рана в небесах до сих пор кровоточит. Так будет, пока Поток не получит заслуженное возмездие. И Раслер, даже если она откажется ему помогать, совершит возмездие в одиночку: голоса уже вприснули в его безумие щедрую порцию этой агонии.

— Я в состоянии держать себя в руках, мой император. Тебе не о чем беспокоиться.

— Похоже, что я беспокоюсь о чем-то, кроме твоего благополучия?

Киирис виновато улынулась. Да уж, намекнуть на его трусость было не самой лучшей идеей, но, к счастью, Дэйн не стал развивать тему. Удачно разыгранная партия сделала его благодушным.

Некоторую часть пути они ехали молча. Не доезжая до черного леса, в котором Киирис с Рунном недавно устроили кровавую вакханалию, свернули направо, а дальше — извилистой разбитой дорогой в Красные холмы. Сердце Киирис забилось сильнее, когда она поняла, куда именно везет ее Дэйн. От беспокойства поерзала в седле и поглядывала на императора, чье лицо оставалось привычно сосредоточенным и уверенным. Когда спустя еще час езды стало понятно, что она не ошиблась, Киирис рискнула задать мучивший ее вопрос.

— Зачем ты везешь меня туда?

— Ты сама попросила привезти тебя туда, где бы мне хотелось быть вместе с тобой, — ответил он, даже не глянув в ее сторону. — Разве ты не хочешь преклонить колени перед костями предков?

Мейритина беззвучно выдохнула и приказала себе не открывать рта пока они не придут на место назначения. Боги, неужели император не понимает, что ее присутствие там может повлечь за собой самые непредсказуемые последствия? А если понимает — для чего провоцирует?

Красные холмы располагались много южнее Мерода, и воздух в тех краях оглушительно вонял серой и сожженной человеческой плотью. Земля под копытами лошадей противно и влажно хлюпала от крови, а ветер носил куски лохмотьев, словно знамена армии мертвецов. Здесь не было ни единого живого существа, ни единого слабого зеленого роста, ни звука. Здесь была лишь смерть.

В виски Киирис вонзилась знакомая пульсация, от желания прикоснуться к тому, что само просилось в ладони, пальцы свело судорогой. А когда впереди показался знакомый белесый холм, голова едва не раскололась на куски от хлынувших внутрь голосов. Крики отчаяния, громки плач и вопли ужаса: многоголосье людей сплелось с голосами рухнувших с небес мейритов. При жизни они были так же далеки друг от друга, как небо и земля, но смерть уравнила всех своей беспощадной мерой.

— Это жестоко даже для тебя, — пробормотала Киирис, когда Дэйн помог ей спешиться.

— Жестоко? — Он выглядел удивленным. — Здесь — все, что осталось от твоей крови, Киирис. Немного, но это лучше, чем ничего вовсе. Ты можешь совершить траурные почести, как у вас принято. Разве тебе не должно стать легче?

— Думаешь, мне станет легче, если я пошепчу бессмыслицу над парочкой рогатых черепов?

На этот раз император помрачнел и отступил. На миг Киирис почти различила на его лице проблеск разочарования, но он быстро взял себя в руки.

— В любом случае, Киирис, у тебя есть столько времени, сколько потребуется, чтобы найти мир с терзающими тебя демонами. Дай мне знать, когда закончишь.

— И что дальше? Вернемся в замок и сделаем вид, что ничего не произошло?

— Тебе бы этого хотелось? Притвориться, будто я не повинен в твоих горестях?

Она запретила себе сказать желанное «да», потому что это было бы слишком малодушно. Если уж любить кровожадного тирана, то с широко распахнутыми глазами. Возможно, так ей будет проще принять его следующую кровавую арию на благо империи.

К счастью, Дэйн и сопровождавшие их воины оставили достаточно пространства, чтобы Киирис не чувствовала себя зажатой в тиски пристального внимания.

— Ты не можешь притворяться, что ничего не произошло, — фыркнула присевшая на единственный камень в поле зрения, Кровожадная. — Совершенно очевидно, что сейчас самое время притвориться и нанести удар в спину. В постель-то он ложится без доспехов.

— Дура, — прикрикнула на нее Соблазнительница. Киирис было легче от того, что по крайней мере одна из ипостасей не противиться ее выбору. — Этот мужчина не носит доспехи вне поля боя. Странно, что ты не заметила. Он слишком крепко закалился в горниле войны, чтобы беспокоиться о таких пустяках, как кинжал убийцы.

— Самонадеянность губит и куда более искушенных, и удачливых.

На искаженном презрением лице Кровожадной снова вспучились зеленоватые трещины. Даже ее взгляд теперь то и дело лихорадило неестественной зеленью. Дурной знак. Еще немного — и эта ипостась вырвется из-под контроля, превратившись в ходячий сгусток бесконтрольной теургии. И тогда ей не нужно будет уговаривать свою хозяйку совершить кровавое возмездие, потому что тело Киирис перестанет быть ее клеткой.

— Чего ты хочешь? — Мейритина опустилась на колени перед той самой кучей костей, которую видела в воспоминаниях Раслера. Остатки древней теургии, боль и смерть словно спрятали это место под колпаком, где время было над ним не властно, где все было так, как и годы назад. — Чтобы я совершила месть? Или Поток теперь говорит и твоим ртом тоже?

Судя по тому, как Кровожадная поджала губы, предположение Киирис оказалось верным. Как это в духе Потока: не найдя способа сломать ее решение, обойти — и нанести удар в спину. Сначала отравленный их голосами безумный Раслер, теперь душа внутри ее собственной плоти. Кто еще должен стать инструментом Потока, чтобы он получил удовлетворение?

— Мы имеем право на месть, — прошипела Кровожадная.

— Может быть тогда ты перестанешь прятаться за этой личиной и откроешь свое истинное обличие?

Киирис провела пальцем по массивному черепу с обугленными рогами. Касание воскресило в ее голове образ: мужчина, играющий с парой годовалых малышей. Рога на головах мальчиков едва прорезались, и мужчина не упускал случая полюбоваться на это свидетельство силы их божественной крови. Словно почуяв, что за ними наблюдают, все трое подняли головы. Их души были здесь. Каким-то непостижимым для Киирис образом, они не превратились в Поток, но сохранились здесь. Прорости среди боли и ужаса, словно цветы на камнях. Их боль была такой сильной, что мейритина не смогла сдержать слез. Но об руку с болью за прерванное будущее, она ясно чувствовала прощение.

— Это самообман, — вторглась в ее одиночество Кровожадная. Теперь черты ее лица смазались, превратились в мутное пятно, на котором выделялись лишь глаза: обжигающе-ядовитые сгустки пульсирующей зелени.

— Они здесь, я их слышу, — Киирис прикоснулась к черепу поменьше: он принадлежал пожилой мейритине, которая бесплотным призраком бродила среди костей своего народа. Она тоже простила. — Многие простили и жаждут освобождения.

— Они такие же бесхребетные существа, как и ты, — ощерилась в бессильной злобе Кровожадная.

— Ты не смеешь удерживать их силой. — Киирис поднялась, стряхнула с колен куски влажной алой грязи. — Ты — всего лишь Поток, а не бог на земле. Не тебе решать, как

совершится мщение и каким оно будет. Не тебе решать, когда и кого отпустить.

На этот раз Кровожадная сдержалась. Как будто знала, что время вспыхнуть со всей силой еще не пришло, и потому замерла, чтобы копить силы дальше.

— Ты не можешь сопротивляться неизбежному, — с поддельным сочувствием сказал Поток изувеченным ртом Кровожадной. Киирис была удивлена, что от низкого гула этого голоса ее череп не расколосся на части. — И раз уж ты решила поджечь хвост и думать одним местом, то наслаждайся ролью зрителя в первом ряду, потому что без тебя это представление никак не состоится.

Они обе исчезли, а Киирис, повинаясь инстинкту, выудила из костяной насыпи невесть откуда взявшуюся тряпичную куклу. Странно, что она сохранилась такой почти чистой и не тронутой огнем. Возможно, игрушка и лежала здесь все это время лишь для того, чтобы однажды перекочевать в руки последней и недостойной дочери своего богоподобного народа.

— Ты нашла мир в своей душе, Киирис? — спросил Дэйн, когда мейритина вернулась к нему.

— Да, мой император, — рассматривая его удивительные темные глаза, призналась она. — Спасибо, что привез меня сюда. Мне следовало прежде попросить прощения у предков.

— Прежде, чем что?

— Чем позволить всему, что мне дорого, стать пеплом.

Он даже не пытался скрывать, что ждал иного ответа, но ограничился лишь многозначительным взглядом. Потом усадил Киирис на спину своего коня и приказал гвардейцам ехать вперед. Киирис прижалась к его груди, чувствуя, как за одеждой глухо и сильно бьется его сердце.

— Сколько у нас осталось времени, мой император? — спросила мейритина, когда стало ясно, что они возвращаются в замок.

— Мое войско выступает на рассвете. Три армии касхаров встретят нас на пути. У проклятого Вриада не будет шанса противиться армии, которая втрое превышает его. Если он не совсем свихнувшийся идиот, то собственноручно вручит мне знамя и ключи от столицы.

— После того, как твои гонцы вручили ему голову дочери?

— Голова его дочери — это всего лишь голова его дочери. Он может спасти всех — ну, почти всех — если не будет ставить свои интересы выше благополучия своего народа. Возможно, тебе тяжело в это поверить, но я всегда даю шанс сдаться и редко, когда от этого страдает простой народ. В конечном счете, со временем эта стратегия начала приносить полезные всходы.

Киирис об этих всходах была наслышана еще от Рунна. Как Наследник тени ни ненавидел брата, он мог часами говорить о его военном гении и о том, что Нэтреская империя становится сильнее с каждым днем именно благодаря Дэйну. Киирис множество раз слышала от Рунна признания в желании сесть на трон, но вряд ли он был готов сделать это на самом деле. Просто болтал то, что, по его мнению, досаждало старшему брату.

— Ты должен быть острожен.

— При такой расстановке сил, мое рогатое проклятье, моей жизни ничего не угрожает.

Киирис вспомнила образы, где видела его окровавленным и едва живым — и дернулась, словно от крепкой оплеухи. Вспомнила и Рунна, с прижатым к ее горлу ножом, и сбивчиво бормочущем прощения. Все это было неспроста, и всем этому было суждено сбыться. Но, возможно, если она сделает шаг первой, то сможет обогнать судьбу. И спасет их всех, даже если ради этого придется пожертвовать собственной жизнью.

Глава двадцать третья

Киирис была уверена, что перед отъездом Дэйн пожелает провести с ней ночь, но стоило им вернуться в замок, как императора окружили его генералы. Судя по случайно пойманному отрывкам фраз, военная компания началась не так гладко, как планировалось, и Дэйн полностью переключился на грядущие приготовления. Киирис и огорчалась этому, и радовалась. С одной стороны, его поведение еще раз засвидетельствовало то, что Дэйн навсегда останется прежде императором, а уже потом — мужчиной, которому не чужды человеческие радости. Война всегда будет для него на первом месте, и никакой любви, даже самой самоотверженной, не будет достаточно, чтобы переломить хребет его принципам. Возможно, не будь Дэйн именно таким, все сложилось бы иначе.

С другой стороны — именно сегодня ей как никогда сильно хотелось побыть одной. Закрыться от мира, заткнуть уши и до самого рассвета шептать молитвы, наивно надеясь, что они спасут ее от себя самой. Глупая и бессмысленная попытка спрятать голову в песок.

Щенок фира резко бежал впереди нее, не упуская случая облять каждого встреченного гвардейца, как будто всерьез считал, что даже не став взрослым сильным зверем, он все равно в состоянии защитить хозяйку. Когда за одним из поворотов она нос к носу столкнулась с Раслером, ощущение было таким, будто на нее налетел призрак.

— Киирис. — Наследник костей окинул взглядом парочку гвардейцев, которых Дэйн выделил из своей личной охраны, чтобы присматривать за ней. — Нам нужно поговорить.

— Если не возражаешь, и разговор может подождать до утра...

— Не может, Кровь богов, — с сожалением в голосе, перебил он. — И этот разговор должен быть приватным.

Она пожала плечами. Приватным, так приватным. Спорить с этим упрямым не было ни желания, ни моральных сил.

До комнаты он провел ее, придерживая за локоть, будто какую-то пленницу. Киирис не сопротивлялась: Раслер был последним человеком в замке, кого она заподозрила бы в желании причинить ей вред. Даже если при этом он же оставался и самым безумным из всех.

— Что у тебя за дело? — Она позволила Кorte снять с нее сапоги и заняться волосами. Поездка верхом привела с таким трудом сооруженную прическу в нагромождение растрепанных локонов, с которыми не справлялись даже многочисленные шпильки. — Я не хотела бы говорить о прошлом, если речь пойдет об этом.

Раслер молча и задумчиво следил за движениями рабыни, всем видом давая понять, что когда говорил о приватном разговоре, это означало и отсутствие рабыни тоже.

— Может скажешь, в чем все-таки дело? — Пришлось отправить Кorte на кухню, чтобы, наконец, разговорить подозрительно таинственного молчуна. — Если речь снова пойдет о мести, то, извини, но это без меня.

Взгляд Раслера стал удивленным, потом — непонимающим. А следом в его фиолетовых глазах вспыхнуло раздражение. Было видно, что Наследнику костей стоит больших усилий держать свою теургию на коротком поводке.

— Я думал, мы здесь заодно, — сказал он, подавив вспышку гнева. — То есть, мне казалось, что я показал достаточно, чтобы ты поняла всю глубину происходящего. В том, что должно свершиться, нет ничего, на что бы могли повлиять ты и я. Судьба привела тебя ко мне, Кровь богов.

— И имя той судьбе — королева-мать.

— Ты же понимаешь, что это был лишь один из вариантов. С таким же успехом ты могла оказаться здесь любым из десятков возможных поводов.

— Я понимаю, что ты очень хочешь выдать желаемое за действительное, домин. — Киирис поднялась, охнула, когда боль в копчике прострелила по позвоночнику до самого затылка. Почти целый день в седле не мог пройти без последствий. — Ты не должен слушать Поток.

Раслер порывисто кинулся к ней, схватил за плечи и потрянул с такой силой, что голова Киирис мотнулась из стороны в сторону. В глазах на мгновение потемнело.

— Ты не можешь говорить эти бессмысленные вещи, Кровь богов, — беззлобно приказал он. — Мы должны быть едины, чтобы свершить правосудие.

— Императора — твой брат, и он любит тебя. — Попытка высвободиться из его железной хватки ни к чему не привела. — Возможно, он меньше всех людей на свете заслуживает любви, но не тебе судить его поступки.

— Я слышу их голоса в своей голове, Киирис! — Раслер отпустил ее, схватился за уши, как будто всерьез полагал, что этого может быть достаточно. — Они говорят со мной с тех самых пор, как Дэйн разрушил Нерушимый Аспект. Каждый день, снова и снова, они шепчут мне, что я должен совершить правосудие и наказать убийцу.

Киирис не рискнула вторгаться в его сбивчивое бормотание. Просто стояла и слушала, как вместе с потоком слов Раслер исторгает из себя старые душевные травмы. Вряд ли он смог забыть хоть малую толику увиденного. Может быть, увидь она произошедшее собственными глазами, то тоже никогда бы не смогла простить убийце. Но сегодняшний день стал во многом определяющим. Невозможно любить и ненавидеть одного и того же человека. Невозможно отдаваться этим чувствам наполовину. Ее сердце не умело любить и ненавидеть иначе.

— Как ты можешь жить с этим, Кровь богов? — Его взгляд был одновременно и ясным, и безумным. — Как ты можешь слышать их — и не сходить с ума?

— Я просто не позволяю чему бы то ни было определять меня, домин. Ты — это только ты. Твои решения — это твои решения. Никто не может диктовать тебе, что делать.

— Но я хочу делать то, что они говорят! — вскипел он. Сиреневый туман пробивался сквозь перчатки, жестко и часто пульсировал, потрескивал накопленной мощью. — Я должен, хоть раз в жизни, совершить справедливость. Довольно притворяться, будто мы все такие же, как он. Это. Не. Так! — Последние слова он почти прокричал ей в лицо.

Киирис с трудом подавила желание отступить. Его боль была такой оглушающей, что проникала под кожу и отравляла желанием уступить, чтобы облегчить страдания заточенного внутри взрослого тела маленького испуганного ребенка.

— Притворство мне осточертело, — прошипел Раслер. Потянулся к ней, чтобы взять за руку, но так и замер с занесенной рукой. — Откуда у тебя... это?

Киирис проследила за его взглядом. Раслер смотрел на куклу, которую она нашла в груди черепов и зачем-то прихватила с собой. Вид у наследника был такой, словно вместо куклы у нее за поясом торчала охалка ядовитых змей.

— Дэйн отвез меня туда, где все это произошло. Чтобы я могла попрощаться.

— Откуда у тебя это? — Раслер, казалось, не расслышал ее слов.

— Нашла среди... черепов.

Его рука заметно подрагивала, когда Наследник костей взял тряпичную куклу и сжал вокруг нее пальцы. Он выглядел растерянным, обескураженным. И чем сильнее пальцы вжимались в ткань, тем более отрешенным он становился. Как будто в комнате Киирис осталась лишь бесплотная оболочка.

— Я подумала, что должна взять что-то на память. Чтобы не забывать о том, какой жестокой и несправедливой бывает жизнь.

— Разве не ты сказала, что простила? — Раслер, не мигая, таращился на куклу.

— Простить и забыть — разные вещи. Мне не нужна месть, которая отравит душу. Но нужна память о случившемся, чтобы передать ее достойному человеку. История рассудит...

Она не смогла закончить, потому что когда безумный пустой взгляд Наследника костей снова прожег ее лицо, мир вокруг перевернулся с ног на голову.

Они снова были в его воспоминаниях: тот же противный до одури запах свежей крови и горящей плоти воткнулись в сознание, будто ржавый гвоздь.

Вот только на этот раз что-то все же отличалось. Киирис потребовалось несколько минут, чтобы собраться с силами и встать на ноги. В этом месте все было против нее, исторгало, словно чужеродный предмет. В прошлый раз она, по крайней мере, чувствовала гостеприимство его хозяина, но сегодня, хоть Раслер и затащил ее в свой искалеченный внутренний мир, его самого поблизости не было.

Зато был его знакомый вой.

Киирис попыталась определить, откуда он раздается, но едва ли преуспела в этом: казалось, что звук чужой агонии исторгают сами небеса.

— Раслер! — позвала она как можно громче — и закашлялась от забившегося в рот и нос пепла. Вкус тлена на губах взбудоражил желания, которые, как она думала, ей удалось похоронить.

Проклятое место. Если она не выберется отсюда в ближайшее время, то может окончательно потерять остатки того контроля, которым кое-как сдерживает свои изувеченные теургией души.

— Раслер! — снова прокричала Киирис, но и на этот раз ответа не последовало. Только новая порция агонирующего болью вопля отовсюду сразу. — Прошу тебя, перестань прятаться и скажи, зачем ты снова привел меня сюда?

Или, может быть, для него произошедшее стало такой же неожиданностью? Та кукла с пепелища — один ее вид превратил лицо Наследника костей в маску, за которой не осталось ничего, кроме ужаса. Как будто Раслер увидел что-то такое, что превратило его из безучастного потрошителя в испуганного ребенка.

Киирис попыталась вспомнить злосчастную куклу: тряпичная, сделанная вручную, хоть и довольно умело. Точно не игрушка крестьянского ребенка. И еще меньше похожа на оккультный предмет для ритуалов. Их практиковали еще в прошлой эпохе и те знания давно считались порочными и забытыми, но Наследник костей вполне мог прочесть о них в книгах, которые, несмотря на запреты, наверняка водились в замковой библиотеке.

Но даже если он увидел в простой игрушке что-то такое, о чем не знала и Киирис, откуда бы такой вещи взяться посреди пепелища давно отгремевшей битвы?

— Раслер, хватит играть в кошки-мышки, — попросила она, смягчившись. Очевидно, что он дьявольски испуган, а в этом мире наверняка не существует вещей, способных пробудить столь острые эмоции в его флегматичной и безучастной душе. Что бы там ни было, она обязана узнать его природу и причину, по которой Раслер спрятался в собственных воспоминаниях, иначе они оба могут застрять тут... навсегда.

Ее внимание привлекли возникшие из сгустков тумана фигуры. Одна щуплая, невысокая, другая, напротив, крепкая и рослая. Кажется, они о чем-то спорили, но до Киирис доносились лишь отголоски фраз, которые не давали ни малейшего представления о сути перепалки. Мейритина ускорила шаг, надеясь, что успеет хотя бы к развязке. Но действительность оказалась куда ужаснее.

Она взобралась на треклятый обрыв за миг до того, как юный Раслер — именно он был тем щуплым призраком прошлого — перехватил руку стоящего перед ним мужчины. Ни ужас на лице незнакомца, ни его перепачканное сажей лицо не могли скрыть их очевидного сходства. В пользу того, что перед ней последний, третий муж кровожадной королевы, говорила и подвеска с огромным рубином, который пульсировал красным даже сквозь теургическую мантию.

— Раслер, остановись.

Киирис не успела среагировать на голос, потому что он принадлежал человеку, поднявшемуся следом за ней. Его бесплотный образ просочился сквозь нее облаком бесформенного тумана, чтобы потом вновь обрести знакомые черты.

Дэйн? Сейчас он выглядел куда моложе, и в его взгляде еще сохранилась ярость безразличия.

— Не подходи, — прошипел мальчишка Раслер, в то время, как теургия переползала с его ладони на руку отца. Мужчина упал на колени, завопил от боли, но юный Наследник костей, казалось, напрочь забыл о его существовании. Все внимание Раслера было приковано к Дэйну. — Сделаешь еще хоть шаг — и я испепелю тебя следующим.

— Хорошо, — подчинился Дэйн. Остановился и миролюбиво поднял ладони вверх. — Видишь, я стою и не пытаюсь к тебе подойти. А теперь — отпусти его.

— Ты знаешь, что не могу. — Наследник костей безразлично пожал плечами, скосил взгляд на изнывающего от боли мужчину. С минуту Раслер изучал его попытки освободиться от потоков теургии, которая сочилась все выше по его руке, пока, наконец, не обхватила глотку тугим кольцом. — Я не могу закончить, пока он жив.

— Ты можешь, Раслер, — с нажимом сказал Дэйн. — Мы сами творим свою судьбу. А ты просто... немного запутался.

— Полагаешь, я настолько глуп, что поверю в эту ересь?! — Юный Раслер рассмеялся совсем не юным смехом. Звуки, которые исторгало его горло, скорее походило на хохот озлобленного мучителя. — Странно, что у меня одного оказалось достаточно смелости, чтобы совершить поступок.

— Прошу тебя, Раслер — отпусти его, а потом мы будем говорить так долго, как ты пожелаешь.

Киирис вдруг осознала, что никогда не видела Дэйна таким покорным и отчаявшимся.

— Ты делаешь больно своему отцу, — продолжал увещать младшего брата Дэйн.

— Я делаю больно бесхребетному слизняку.

— Он одумался, и всего лишь хотел помочь и тебе тоже вынырнуть из мира иллюзий.

— Он решил, что может отступить и оставить меня одного. Что он такое дьявольски важное звено, без которого мне не справиться. Но, как видишь, по крайней мере один из нас использует яйца по назначению.

Киирис проследила за безумным взглядом Наследник костей. Прямо вверх, выше и выше, до самой кровотокающей дыры в небесах.

— Я не знаю, какими демонами ты одержим, Раслер, но знаю, что как только их голоса перестанут нашептывать тебе, ты будешь сожалеть обо всем, что натворил.

— Ради богов, Дэйн, не ты ли говорил, что готов на все ради того, чтобы избавиться от необходимости во всем им подчиняться?!

Раслер снова и снова тыкал пальцем в зияющую рану небес, откуда исторгались бесконечные потоки изувеченных тел. Они глухо падали на землю, загорались — и превращались в кости и пепел. Груда росла так быстро, что Киирис хотелось сделать хоть что-нибудь, лишь бы прекратить это безумие.

— Не такой ценой, Раслер. — Дэйн попытался приблизиться к нему, но охнул, неудачно став на правую ногу. Он едва не упал, но вместо этого с шумом выпустил воздух сквозь зубы, опустился на одно колено и без прелюдий, одним резким движением, выдернул торчащий из лодыжки обломок стрелы. — Посмотри на него, дьявол тебя задерит.

Удивительно, но на этот раз Раслер послушался. Вид страдающего от боли отца вряд ли вызвал в мальчишке хоть каплю сочувствия, скорее уж, он наслаждался очередным

свидетельством силы своей теургии. Наверняка подобный трюк Наследник костей мог проделать с десятком, сотней, тысячей человек.

Внезапно вскрывавшаяся истина заставила Киирис изо всех сил запечатать ладонями рот, как будто это могло выдать ее присутствие давно случившемуся прошлому.

— Ты будешь жалеть об этом всю свою оставшуюся жизнь, — прохрипел Дэйн. Попытку встать провалил с треском, и лишь зло стиснул зубы. Окровавленные волосы свисали вдоль его лица, на затылке виднелась запекшаяся кровь. — Он — твой отец, и он тебя любит.

— Кто сказал, что мне нужна любовь?

Взгляд Раслера вспыхнул фиолетовым за секунду до того, как туман ставил голову его отца. Несчастный теург выдохнул имя жены — и его голова, словно срезанная бритвой, упала к ногам Наследника костей. Еще какое-то время тело так и продолжало сидеть, а кожа на шее шипела и подворачивалась в невидимом пламени. Потом тело беспомощно покачнулось, словно какая-то невидимая сила желала, наконец, увидеть его поверженным — и полетело вниз с обрыва.

Дэйн громко выругался.

Раслер присел на корточки около головы отца, безучастно изучая застывшую в его глазах смерть. Стало так тихо, будто от произошедшего замерла даже сама жизнь. Киирис не могла смотреть — и не могла не смотреть на разворачивающееся вокруг представление. И все же, ее внимание привлекло что-то белесое за поясом у Наследника костей. Она осторожно подступила ближе, обошла Дэйна справа, чувствуя себя едва ли не вором, который без спроса проник в чужие воспоминания. В прошлый раз Раслер сам показал их ей, но сегодня... Сегодня, похоже, она без спроса проникла в ту часть его разума, которая была либо перевернутым зеркалом, либо — жестокой реальностью.

За поясом Раслера была та самая кукла — Киирис не могла бы ошибиться. Безжизненные глаза-камни смотрели будто прямо на мейритину, а на лишенном черт бесформенном лице легко угадывалась злая насмешка. Киирис с трудом подавила желание выхватить игрушку и швырнуть его в пропасть за спиной Раслера, такой жестокой была ее аура. Возможно, сейчас, в реальности, это действительно всего лишь игрушка, но в прошлом в тканевом существе была заключена отнюдь не доброжелательная сущность.

— Он выглядит ... странно, ты не находишь? — В безумном взгляде Раслера, обращенном на брата, не было ни капли сострадания, одно лишь любопытство. — Я множество раз проделывал этот фокус для отца, но почему-то был уверен, что его собственная голова будет выглядеть как-то иначе. Мы всегда идеализируем тех, кого любим.

— Сейчас здесь будут воины, Раслер, и когда они увидят, что ты сделал — тебя убьют. Даже я не смогу запретить им совершить возмездие.

— Ты? — Наследник костей разразился нечеловеческим хохотом. — Ты сейчас преклонил передо мной колени, братец. И знаешь, кого я вижу? Труса, неспособного совершить поступок на благо своей страны и счастья своих людей.

— Ты прав, цена оказалась слишком высока, — даже не пытался юлить Дэйн.

— Кто-то должен делать грязную работу.

Раслер распластал ладонь с оттопыренными пальцами над отрубленной головой и туман с его тонких немощных пальцев переполз на мертвую плоть, впитываясь в нее, будто вода в сухой песок. Глаза мертвеца превратились в черные маслянистые озера, а кожа потемнела, словно ее покрыли жидким эбонитом.

— Хочу ее сохранить, — шепотом, будто боялся, что их могут подслушать, сказал Наследник костей. — Придется еще поработать, чтобы довести до совершенства, но отец определенно станет украшением моей коллекции.

Закончив с головой, Наследник костей переключил внимание на брата. Дэйн каким-то невероятным усилием воли нашел силы, чтобы встать. Он был бледным и злым, и его

руки, хоть и миролюбиво висели вдоль тела, подрагивали, выдавая его желание пустить в ход меч. Раслер не мог этого не замечать, но не делал ровным счетом ничего, чтобы защититься или опередить намерения брата. Он весь, казалось, был поглощен разглядыванием Дэйна с ног до головы, будто видел перед собой совершенно другого человека чем тот, что сидел на троне.

— Тебе нужно спрятаться, Раслер, — сказал Дэйн. — Я слышу, как земля дрожит под их ногами. — Спрятаться и переждать, пока я все не улажу.

— Что ты можешь уладить? — Раслер хохотнул. Казалось, что в теле десятилетнего мальчишки сидит душа и разум старца, такими едкими и прожженными были его слова и жесты. — Мне не нужна ничья защита, Дэйн. Тем более защита человека, не способного справиться даже с собственной трусостью. Вы оба — были для меня всем. — Он без сожаления подтолкнул голову носком сапога, и та медленно покатила вниз по склону. — Вы были людьми, способными на поступок, а на самом деле оказалось, что ни один из вас не смог даже приблизиться к собственным громким обещаниям. И в этом мы отличаемся: я всегда исполняю свои обещания и угрозы, брат. А ты... ты просто плывешь по течению, надеясь, что в самый важный момент удастся схватиться за корягу и дальше поток справится как-то без тебя. Ведь ты — будущий император и не должен марать руки столькими невинными смертями.

— Раслер, — Дэйн перевел дыхание, одним отточенным движением вынул меч. На лезвие сохранились пятна запекшейся крови и грязи. Огромный рубин — единственной украшение эфеса — пыл тусклым и испачканным. — Ты должен...

— Не указывай мне, что я должен! — вскипел Наследник костей. Теургический туман между его пальцами закипел с новой силой. — Я с трудом подавляю желание уничтожить и тебя тоже. Твоя голова не годится носить корону Императора нэтрэзов, теперь это очевидно нам обоим.

Дэйн покорно кивнул, и Киирис даже показалось, что он собирается отступить... но будущему императору потребовалось всего одно движение, чтобы оказаться около Раслера и оглушить его одним точным ударом рукояти в висок. На мгновение в фиолетовых глазах Наследника костей мелькнуло недоумение, а потом его худощавое тело обмякло и мир вокруг погрузился в непроглядную черноту.

От пустоты и холода вокруг Киирис задрожала. Она отчаянно пыталась храбриться, держалась за надежду, что это всего-навсего провал в его воспоминаниях, который она должна преодолеть, чтобы увидеть, что случилось потом. Обхватив себя руками за плечи, мейритина последовала дальше, наобум. Где-то здесь должен быть выход и лучше бы найти его до того, как сознание Раслера затянет ее слишком глубоко.

— Раслер, — снова позвала она, но слова ударились в темноту прямо перед ней, очевидно не преодолев и пары метров. — Пожалуйста, не прячься больше. Нам всем нужно осознать свое прошлое, чтобы двигаться дальше. Выпусти меня — и мы вместе справимся с правдой.

— Ты совершенно точно в этом уверена? — раздался справа насмешливый женский голос. — Хорошенькая добренькая Киирис, принцесса мейритов, последняя капля крови богов, отголосок того, что перестало существовать множество лет назад.

Киирис присмотрелась, пытаясь угадать, как Кровожадная оказалась здесь, внутри чужого прошлого, но та опередила ее, обозначив свое присутствие пульсирующим сиреневым светом. Ее лицо все еще хорошо угадывалось за трансформировавшимся чертами.

— Кто ты?

— Воительницам из холодных земель, — насмешливо ответила та.

— Это всего лишь маска, которой ты искусно прикрывалась все эти годы. И дурачила... не только меня одну?

Кровожадная передернула плечами, улыбнулась с таким нарочитым безразличием, что осколки поддельного обличия посыпались на пол, обнажая в трещинах истинное лицо

владелицы.

— Я всего лишь делала то, что должна была сделать, Киирис. Как и все мы, той или иной степени. Каждый рождается для того, чтобы совершить поступок, но не всем хватает смелости осознать и принять свою участь. Кто-то слишком тщеславен, — она вскинула ладонь, показывая туманный образ королевы-матери, окутанной цепями собственной неудержимой жажды власти. — Кто-то — слишком слаб. — Вместо королевы появился сражающийся со множеством своих же отражений Рунн. — Кто-то безумен от рождения. — Теперь появился Раслер, блуждающий среди теней придуманных наваждений.

— И лишь один человек оказался тебе не по зубам, — продолжила за Кровожадную Киирис. — Дэйн.

— Мне?! — Собеседница расхохоталась и еще несколько осколков маски поддельной личности упали в пустоту. — Вы с ним так похожи, что мне даже начинает казаться несправедливым, что в итоге ты остановила свой выбор на императоре, а не на его безумном младшем братце. Была бы истинная парочка: оба одержимы попытками убежать от себя самих.

— Кто ты? — снова повторила вопрос Киирис.

— Разве я не разрешаю тебе обнажить меня? — Кровожадная подошла к ней вплотную, заложила руки за спину. — Только мы обе знаем, что ты боишься правды.

Дрожащими руками Киирис отломала еще один кусок того, что раньше было лицом, а теперь стало яичной скорлупой. Снова и снова, осколок за осколком срывала фальшивый покров, не заботясь о том, что острые края полосуют пальцы в кровь.

Нет...

Этого не может быть...

Киирис зажала в кулаке последний осколок, надеясь, что боль отрезвит ее, заставить проснуться от кошмара.

— Я — правда, Киирис, — произнесло ее собственное отражение. Она тряхнула головой, сбрасывая последние, теперь уже бесполезные остатки подделки, и ее волосы стремительно потемнели, а на затылке появились украшенные колокольчиками рога. — Я — это мы. Я — это ты. Мы — проклятие нэтреский ублюдков, палачи Меродской гидры. Хватит уже прятаться за выдумками, потому что мне начинает надоедать этот маскарад с «добренькой милой Киирис, которая боится собственной тени». Пришло время нам всем расплачиваться за свои ошибки.

Мейритина отступила на несколько шагов, потрогала шрам на горле.

— Не было никакого ритуала, — прошептала Киирис. Похороненное за сотнями печатей прошлое вдруг вырвалось наружу из вспыхнуло. — Нет никаких других душ. Вы обе — это я. И та кукла, которой был одержим Раслер...

Она так и не смогла заставить себя закончить.

— Легко быть почти богиней, — голосом Соблазнительницы мурлыкнуло Отражение. — Можно превратиться во что угодно, стать кем угодно и нашептывать, нашептывать... — Хотя должна признаться, быть куском тряпки было до чертиков скучно.

— Так вот откуда у маленького мальчика такая сильная теургия. Это все ты?

— Мы, — раздраженно поправило Отражение.

— Я бы не стала убивать собственный народ! — завывала Киирис. Сердце колотилось так быстро, что, казалось, готово разорваться от следующего же удара.

Отражение скрипнуло зубами, ошетинилось, словно одинокий голодный волк в ливень.

— Оказалось, что мальчишка слишком безумен. Дьявол, да он вцепился в меня, словно

клещ!

— И я потеряла контроль над его поступками.

— И он ... заигрался в бога.

— И вместо того, чтобы уничтожить старшего брата, уничтожил тех, кто дергал за ниточки, — снова перехватила инициативу Киирис. — Жертва убила палача его же топором.

— На самом деле план был идеальный, — с придыханием Страстной, сказала Отражение. — Мы — ты — читали будущее в Зеркале мира с такой же легкостью, как другие читают старые книги. Будущее казалось таким ясным и предопределенным. Нужно было лишь выбрать время, место и способ. Все было так безупречно.

— Тем больше оказалось падение? — предвидя ее следующую реплику, спросила Киирис.

— Кто же знал, что мальчишка окажется безумен *до такой* степени.

— Мысли об уничтожении одной зарождающейся империи и ее императора превратились в мысли об уничтожении кукловодов?

От осознания всей бессмысленной глупости произошедшего, Киирис хотелось безудержно хохотать и плакать одновременно.

— Ты гравила их всех, с самого начала. — Киирис, вспоминая, погладила шрам на горле — и ужаснулась глубине и коварству обмана. — Даже разрешила убить себя, чтобы стать одной из смертных.

— Ты, моя дорогая, — злобно кривляясь, поправило Отражение. — Даже если ты еще не все помнишь, это не дает тебе права переложить ответственность на прошлое. Ты сделала то, что сделала — и кто теперь скажет, в чем и когда была самая главная ошибка? Да и стоит ли теперь об этом задумываться? Теперь, когда ты начинаешь вспоминать, пришло время сделать финальный ход этой партии. Согласись, они все и так прожили слишком долго.

Киирис упрямо мотнула головой.

— Я и так натворила слишком... много. — Верить в это не хотелось до сих пор. Часть сознания, которая не помнила ничего, кроме фальшивых воспоминаний, по-прежнему твердила, что обличительная истина — просто вранье. Этакая попытка заставить ее потерять ясность рассудка и действовать вопреки голосу сердца.

— Пока что, мы не сделали равным счетом ничего.

— Кроме того, что убили свой народ.

— Брось, последствия этого риска осознавали все. Помнишь, что сказал тебе отец, перед тем, как бросить к смертным? — Отражение сделало характерный жест ребром ладони вдоль горла — и он отозвался вспышкой обжигающей боли в самом сердце.

Киирис помнила. Как будто это воспоминание все время было здесь, рядом — и стоило лишь открыть глаза, чтобы увидеть образ далекого прошлого.

— «В этой войне выживет не сильнейший, Киирис, а тот, кто ударит первым», — повторила она слово в слово, и собственный шепот показался громогласным набатом.

Боги, что они все натворили?

Что натворила она?

Во имя чего было совершено такое злодеяние?

Она знала ответ, но вряд ли это знание принесло хоть немного облегчения.

— Убирайся из его головы, — прошептала Киирис. Силы стремительно покидали ее,

источалась, словно тень, хрупкая связь, которая еще удерживала ее теперешнюю личность в теле, где теперь жило слишком много демонов, жаждущих сыграть главенствующую роль. Если она ослабеет и позволит хотя бы одному из них подавить ее сознание — Нэтреская империя исчезнет с лица земли, как некогда с небесного свода исчезли мейрити. Исчезнет Раслер, Рунн, Дэйн... — Убирайся! — глядя в глаза своему Отражению, вкладывая в слово всю боль и отчаяние, закричала Киирис. — Оставь нас в покое!

Отражение брезгливо поморщилось, передернуло плечами.

— Полагаю, теперь это уже не имеет значения. Мы знаем, что император обречен. Обречены они все. А ты обречена стать их палачом. По-моему, достойная плата за то, что посмели мнить себя богами. Они понятия не имеют, что такое кровь богов, и нам, моя дорогая, предстоит показать им всю ее силу: без оков и без жалости.

Киирис слепо пошарила вокруг, все еще надеясь отыскать в кромешной тьме прошлого Раслера хотя бы одну спасительную зацепку. Должно быть хоть что-то, что пробудит его точно так же, как пробудил ее. Ведь, в конце концов, они так похожи: каждый искалечил себя своими же руками и каждый спрятался за выдуманном прошлым, чтобы облегчить ношу собственной ответственности.

Если кто и может вернуть ее обратно в реальность, то лишь хозяин этого места. И до тех пор, пока он будет блуждать в лабиринте, убегая от собственных демонов, она останется полностью уязвимой.

— Раслер, мы все делаем ошибки, — сказала она негромко, потому что знала — Наследник костей услышит ее. — Мы все, в конечном итоге, за них расплачиваемся. Нельзя вечно играть в прятки с прошлым. Когда-нибудь придется остановиться, посмотреть ему в глаза и попробовать правду на вкус, какой бы горькой и отравляющей она ни была. Дэйн ни в чем не виноват. — Она рассеянно смахнула слезы с лица. Сейчас не время для слабости, даже если сил держаться не осталось совсем. — Это сделали мы — ты и я. Мы совершили ужасный поступок, но мы можем не допустить еще одного. И мне ни за что не справиться самой. Пожалуйста, помоги мне. Ради человека, который любит тебя настолько, что согласился стать убийцей.

Вместо ответа тишину расцарапал хриплый смешок Отражения.

— Ты правда веришь, что этот слабак...

Она не успела закончить, потому что возникший позади нее Раслер прикрыл ей рот ладонью. Обычный и пустяшный жест, но Отражение страшно выпучило глаза и скорчилось от боли. Наследник костей же, напротив, казался отрешенным и еще более потерянным, чем обычно. Он улыбнулся лишь раз, когда увидел слезы в глазах Киирис.

— Не плач, Кровь богов. Помнишь, я как-то сказал, что никому не позволю причинить тебе вред? Я — брат императора, в конце концов, и я держу свое слово, даже если теперь оно стоит меньше свиного навоза.

— Ох, Раслер, — мейритина грустно улыбнулась в ответ, — что мы натворили?

— Ошиблись, Киирис. Смертным свойственно ошибаться. Уходи, пока я держу ее. Не уверен, что на это у меня осталось так уж много времени и сил.

— Раслер, мы должны сделать то, что ты говорил. Чтобы спасти его.

— Обязательно, Кровь богов. И пусть нам помогают боги, которые еще не брезгают слышать наши молитвы. Я буду ждать тебя здесь. Ты знаешь, что нужно делать.

Глава двадцать четвертая

— Дэйн! Дэйн!

Киирис налетела на перегородивших пусть в императорские покои гвардейцев. Двое здоровенных воинов в черных полных латах стояли, словно скала, и не было ни единой возможности сдвинуть их с места.

— Дэйн, пожалуйста, нам нужно поговорить!

Мейритина отчаянно заколотила кулаками по стальным нагрудникам, но мужчин это вряд ли хоть сколько-то обеспокоило. Они стояли на ее пути, словно черная скала, о которую она сможет разве что убиться, но и в таком случае не пройдет.

Дверь за спинами гвардейцев распахнулась, и Киирис с облегчением выдохнула, когда увидела за ней Дэйна.

— Пожалуйста, мой император,пусти меня, — взмолилась она. Гордость, сила, желание быть несгибаемой — все это больше не имело никакого смысла, стало незначительным и лишним, потому что истинные чувства давно взяли верх над шелухой. — Прощу тебя, Дэйн.

Он сделал жест гвардейцам — и те отступили.

Киирис проскользнула в комнату, дождалась, когда Дэйн закроет дверь и вопросительно посмотрит на нее отнюдь не с самым радушным видом. Она скользнула взглядом по комнате — и оцепенела, когда увидела на стойке начищенный до зеркального блеска его боевой доспех.

— Киирис, в чем дело? — Дэйн проследил за ее взглядом. — Мое к тебе отношение не дает тебе права врваться ко мне в покои, да еще и с таким эффектным воплем. Мне кажется, я предельно четко обозначил, что не могу уделить тебе время сверх того, что мы провели днем.

— Ты не должен ехать, мой император, — выпалила она. — Ты должен остаться здесь.

— Что за ересь? — Дэйн нахмурился и рубины в его короне зловеще вспыхнули алым.

— У меня было видение о тебе. — Киирис потребовалось все мужество, чтобы произнести следующую фразу. — Тебе не вернуться живым. Я слышала твои предсмертные слова, мой император.

— В таком случае, мне остается лишь попросить тебя исполнить мое пожелание на сметном одре. Полагаю, ты исполнишь его хотя бы из уважения к моим костям.

— Что ты такое говоришь?

— Я говорю, что никогда, ни разу с тех пор, как повел в бой свою первую армию, не прятался за спинами своих солдат. Лишь трусы боятся смерти в бою, а трусы не становятся императорами, Киирис. Знаешь, почему моя армия никогда не знала поражения в бою? Потому что я всегда стоял перед солдатами и они верили, что смерть найдет их там же, где она, возможно, найдет и их императора. И это в некоторой степени делало нас равными. Я становился простым солдатом, они становились подобными мне. Людям нужно чувствовать себя чем-то большим, чем мясо, которое должно сдохнуть за чьи-то амбиции.

Киирис с трудом выдохнула.

— Даже ты не можешь быть таким упрямым и самонадеянным.

— Как раз я и могу, — отмахнулся от ее слов Дэйн. — Думаешь, я стал бы тем, кем стал, если бы боялся умереть? Единственная вещь, которая меня страшит — вероятность того, что империя перейдет в руки человека, который не сможет ее удержать.

Император прошел до стола, на котором лежала придавленная каменными фигурками карта. С видом хозяина, он положил ладонь поверх начертанного контура Нэтреской

империи.

— Как только мое сердце остановится, Киирис, все это затрещит по швам. Думаешь, Рунн способен править так же разумно и жестоко?

— Нет, — без раздумий ответила она. — Никто из Наследников не сможет заменить тебя, и именно поэтому, мой император, тебе не следует так бездумно разминивать свою жизнь.

— Это решено, мейритина. Армия не пойдет в бой без своего императора. А от исхода этого боя зависит жизнь каждого крестьянина, каждого ремесленника, каждого мужчины, женщины и ребенка. В этот раз нам нужно что-то гораздо большее, чем просто удача и отвага. И сейчас это единственное, что меня беспокоит, но никак не твое пророчество, даже если я уверен, что оно — правдиво.

— Это... бессмысленно.

— Я поступил бы точно так же и для наших с тобой детей, Киирис.

— Но их не будет, если ты умрешь!

Она набросилась на него, как фурия, слепо колотила ладонями по груди. Что за осел! Проклятый упрямец! Безумец!

Дэйн мягко перехватил ее запястья, уткнулся губами ей в макушку и выждал, пока Киирис кое-как совладеет со своими чувствами.

— Почему ты не сказал мне про то, что это сделал Раслер? — Она была уверена, что ни за что в жизни, даже под пытками, не станет спрашивать об этом, но вопрос родился сам собой, против ее воли.

— Разве это имеет значение?

— Для меня — да.

Дэйн подхватил ее на руки, попятился и сел на кровать, а Киирис посадил себе на руки. Его взгляд потеплел, но лишь от того, что теперь усталости там было больше, чем вездесущего упрямства.

— Я говорил тебе, что люблю своих братьев, хоть их поступки порой испытывают мое терпение. Судьбе было угодно сделать меня старшим и с момента, как замок огласил крик новорожденного Рунна, я знал, что мне предстоит заботиться о его благополучии. Позже, когда появился Раслер, забот стало вдвое больше. И, кажется, я был отвратительным братом.

— Мне кажется, ты был лучшим братом на свете. — Она ни капли не лукавила.

— Вероятно, это могут с точностью сказать только наши потомки. Раслер... Он не виноват, в том, что сделал. — Дэйн ненадолго умолк, как будто мысленно вернулся в прошлое, чтобы вспомнить и заново пережить те события. — Он всегда был немного странным, Киирис. Замкнутым одиночкой, который сам себе на уме. Мы все знали, что с ним будет много хлопот, но никто и помыслить не мог, что в итоге Раслер окажется способен на такое. Им словно что-то... овладело. Не знаю, как объяснить. Когда я понял, что он собирается сделать, что было уже слишком поздно. Это целиком моя вина, Киирис, и мне наверняка придется дорого ответить перед богами за то, что не предотвратил это. А с другой стороны — все случилось так, как случилось. И тогда мой выбор был очень прост: сказать мальчишке правду, которая уничтожила бы его — или позволить ему верить, будто все случившееся моих рук дело. Поверь, я смалодушничал, когда взял вину на себя. Это было куда проще, чем сказать десятилетнему пацану, что он угробил небожителей и оторвал голову собственному отцу.

Киирис сглотнула, уверенно высвободилась из его рук и отошла на расстояние. Хотела она того или нет, помнила ли прошлое всего лишь отрывками, но Дэйн заслуживал знать правду. Он и так слишком долго носил в себе ее отраву. Носили они все.

— Это я свела Раслера с ума, — сказала она так твердо, как могла. Выдержать его

непроницаемый взгляд оказалось настоящим испытанием: что император думает о ее признании, решит ли наказать или «смиловывается» и вышвырнет за порог? — Вряд ли я смогу объяснить, как, потому что и сама толком не понимаю, но все это — один большой обман. Чтобы уничтожить тебя до того, как ты создашь империю, способную сместить мейритов с их пьедестала. Не было ничего, кроме одной бесконечной лжи, мой император. Я и есть ложь. Нет никаких душ внутри меня, есть лишь множество осколков меня самой. — Киирис горько улыбнулась. — Все они — порождения моей ненависти и любви, предательства и подлости. Вряд ли во всей твоей империи есть существо более достойной самой мучительной смерти, чем я, и менее достойное твоей симпатии.

— Как будто мне есть до этого дело, Киирис, — спокойной ответил Дэйн. Если истина и потрясла его, то он ничем не выдал своих чувств. Он словно услышал то, что давным-давно знал, хоть вряд ли мог знать.

— Тебе не может быть все равно.

— Почему?

— Потому что я сделала то, что нельзя простить.

— Знаешь, почему я позволил тебе думать, что это уничтожил Нерушимый Аспект?

Она промолчала, зная, что какой бы ни была догадка, она все равно ошибется. С этим мужчиной так было всегда: он был еще большей загадкой, чем она сама. Загадкой, которую она видела насквозь и которую не могла бы разгадать даже будь у нее все время мира.

— Я хотел, чтобы ты осознала, что я поступить точно так же, потому что, мое рогатое проклятье, я бы не задумываясь совершил то же самое, если бы знал, что это — единственный способ добиться чего-то большего для моих людей. Хочешь правду? Поступок Раслера заставил меня задуматься все ли я делаю правильно. В конце концов, если бы не его... ваша безумная выходка, мы бы, возможно, до сих пор были всего лишь марионетками мейритов, которые могли уничтожить нас в любой момент одним лишь щелчком пальцев. Каждый ребенок в Нэтресе мечтал их уничтожить, но путь от мечты до реальности хватило сил пройти лишь моему безумному брату. С твоей ли помощью или без — теперь это не имеет значения. Страница в истории империи уже написана, и для потомков именно я буду тем, кто уничтожил последних живых детей богов. На остальное мне, строго говоря, плевать.

Киирис казалось, что каждым своим словом император отламывал большой кусок ее внешней оболочки, срывал покровы, которые она носила, словно броню. Она была куколкой уродливой бабочки, которой он помогал переродиться во что-то такое, что мейритина сама до конца не понимала.

— Ты не злишься на меня? Не прикажешь отвести меня на плаху? Не обелишь свое имя? — Вопросы, какими бы бессмысленными они ни казались теперь, сыпались из нее вместе с потоком рвущейся из-под контроля теургии.

— Нет, нет и нет на каждый твой вопрос. Ты слишком глубоко во мне, мое рогатое проклятие, чтобы даже помыслить о подобных глупостях. Мне все равно, что ты натворила в прошлом, все равно, скольких людей ты убила и какими были твои мотивы. Это было в прошлой жизни. До тебя. До нас. Тебе не нужно мое прощение или наказание, Прости себя сама — и иди дальше вместе со мной, даже если наша дорога заканчивается за следующим поворотом. — Дэйн поманил ее и Киирис послушно приблизилась. — Возможно, последняя мейритина, быть со мной и есть твое наилучшее наказание.

Вместо того, чтобы что-то ответить, она обхватила его руками так крепко, как только могла. Древняя теургия пульсировала в висках, стучала тревожным набатом, подбрасывая все новые и новые образы будущего, которое уже стояло на пороге их с Дэйном одной на двоих жизни. Теперь они связаны чем-то большим, чем мечь — они связаны грехами друг друга.

«Я не позволю ему исчезнуть».

Она едва ли понимала, что делает, когда потянулась к своему единственному мужчине не губами, но своей расколотой душой. Она так остро нуждалась в нем, что все прочие мысли отступили за задний план. Даже если завтра мир рухнет и все они превратятся в ничто — сегодня она будет принадлежать ему вся без остатка.

— Я всерьез собирался прогнать тебя, — выдохнул Дэйн, но не сопротивлялся, когда Киирис опрокинула его на кровать. Ладони императора скользнули вверх по ее бедрам. — И до сих пор не уверен, что раздумал.

— Иногда даже императорам нужно позволять кому-то одержать над собой победу, — прямо ему в губы выдохнула Киирис. Он собирался поцеловать ее, но Киирис отстранилась, зажала его волосы в кулаке, оттягивая голову назад. — Сегодня, император, ты будешь мой весь без остатка.

Он с минуту пристально изучал ее лицо, как будто собрался высмотреть там причины столь резкой смены настроения, и мейритина не препятствовала этому. Пусть смотрит, пусть хорошенько запоминает ее, потому что теперь они прикованы друг к другу, будут вместе до самого конца. И осознание неизбежности грядущего, словно острый нож, полоснуло по оголенным нервам.

— Мое рогатое проклятие, — прошептал император, и, казалось, наслаждался тем, что на этот раз инициатива в ее руках. Он снял корону и с величайшей осторожностью возложил ее на голову мейритине, а затем властно стянул рукава туники с плеч Киирис. — Ты создана для нее.

Ей было все равно, значит ли это признание или просто слова мужчины, который — она это знала с самого начала — одержим желанием владеть ею. Ей было все равно, даже если бы весь мир за окнами замка превратился в прах. Здесь и сейчас имело значение лишь одно: она будит любить своего Дэйна так сильно, как только способна — и даже больше того. Она подарит ему что-то большее, чем любовь — саму себя. Ведь только так сможет, наконец, освободиться из заточения, в котором оказалась по собственной воле.

Император мягко очертил пальцами ореолы ее сосков, наслаждаясь тем, как стремительно ее тело отреагировало даже на такую незначительную ласку. Киирис вытянулась на нем, словно струна, и чтобы не упасть, уперлась ладонью в его колено, второй рукой продолжая удерживать его за волосы, хоть теперь уже и не так настойчиво.

— Мне нравится видеть, как идеально ты мне подходишь, — прошептал он, а затем осторожно потянул губами возбужденный твердый сосок. Прикусил, выживая из нее стон боли, но лишь для того, чтобы в следующее мгновение слизать эту боль языком. — Ты сводишь меня с ума, мейритина.

Она хотела было ответить, что это же утверждение справедливо и для нее тоже, но новая порция ласки вырвала из головы все мысли разом. Были лишь он и она, два израненных демонами собственного прошлого тела, которые собирались найти облегчение в обладании друг другом. Вопреки судьбе и здравому смыслу снова и снова пытаться найти хотя бы крупицу надежды сохраниться в глазах своего отражения.

Киирис потребовалось одно движение, чтобы спуститься ниже по его бедрам. Не отрывая взгляда от лица Дэйна, она ослабила завязки на его штанах. Император приподнял бедра, помогая себя раздеть. Точно так же, как и она, Дэйн не собирался ждать долгой прелюдии.

Она чувствовала, что он старался не быть грубым, но его голод, ненасытность и желание обладать ею без остатка рвались наружу с каждым нетерпеливым движением. Киирис нравилось ощущать, как его требовательные пальцы с силой вжимаются в ее тело, вынуждая подняться выше, занять свое место у него на бедрах.

— Киирис, ради Богов... — Он сперва хрипло рассмеялся, потом застонал.

Этот великолепный сильный мужчина нуждался в ней в эту минуту так же сильно, как она нуждалась в нем с момента, как впервые увидела. Она хотела дразнить его собой бесконечно долго, но тело рвалось к нему, тянулось каждой своей клеточкой. Раствориться в нем без остатка — слишком просто и слишком блекло. Он должен принадлежать ей весь без остатка, чтобы она проникла в него всей своей душой. Только

так все возможно будет вернуть вспять. Лишь отдав ему частичку своей жизни она сможет вернуть своего Дэйна, где бы он ни был.

Киирис мягко опустилась на его член, наслаждаясь тем, как он прикусывает нижнюю губу, сдерживая рвущиеся наружу стоны. Не было ничего необычного или экзотического в том, как они соединились, но именно сейчас Киирис знала — они были как никогда близки. Обнажены друг перед другом.

— Мое прекрасное проклятье... — Дэйн резко толкнулся в нее, выживая из груди Киирис долгий всхлип. — Отдайся мне вся, дьявол тебя задержи!

Он так резко сел, что Киирис снова охнула: проникновение стало таким бесконечно плотным, что теперь уже она была заложницей, а не поводырем. Она выдохнула, когда Дэйн приподнял ее за бедра — и снова резко опустил на себя, снова доказывая, что может быть еще глубже.

— Я твоя, — выдохнула она, наматывая его волосы на кулак и оттягивая голову назад, чтобы поцеловать в кончик щетинистого подбородка.

— Моя Киирис решила сыграть главную партию? — подыграл император.

— Я — лишь отражение тебя, Дэйн. — Она с наслаждением втянула губами его прерывистое дыхание, когда он снова проник в нее на всю глубину.

Мир, наконец, дал трещину.

Все реальное, грязное и греховное стремительно покрылось паутиной множество расколов. Миг за мигом, с каждым новым стоном и всхлипом, трещины становились все больше, растекались по мутной реальности, словно паутина.

— Дэйн...

Она задыхалась без его поцелуев, жадно впиалась в искусанные губы, зная — так больше не будет. Этот мир слишком справедлив и идеален, чтобы в нем было место для такой, как она. И последнее, что еще можно попробовать получить, прежде, чем стать воспоминанием — Дэйн. Он — ее личное прощение. И то, что они делают в эту минуту — искупление.

Их движения стали более резкими, грубыми, бесконтрольными. Шепот потерял всякий смысл, звуки страсти растворялись в поцелуях. Весь проклятый мир перестал существовать, потому что здесь и сейчас они создали свою реальность, а которой сегодняшняя ночь будет вечностью.

— Посмотри на меня, Киирис, — приказал Дэйн, когда она почти сорвалась в пропасть.

Оказалось невероятно сложно сфокусировать на нем внимание, при этом балансируя на грани с самым сладким, и самым болезненным удовольствием в жизни. Глаза Дэйна стали того самого безупречно-серого цвета, каким бывает небо в самую безумную грозу. И сейчас она видела его насквозь: сильного, смелого безо всяких оговорок, немного безумного и обнаженного каждой своей эмоцией только для нее одной.

— Я люблю тебя, мое прекрасное проклятие, — выдохнул он вместе с последним движением, словно хотел запечатлеть эти слова с наивысшим пиком их единения. — Так сильно, что мне впервые в жизни страшно.

В ответ Киирис просто обняла его. К чему повторять то, что он узнал задолго до ее собственного признания?

— Пообещай мне, что дождешься меня, — потребовал Дэйн чуть позже, когда схлынула первая волна удовольствия и они потихоньку справлялись с дыханием.

— Конечно, — ответила она. — Я всегда буду с тобой, мой император.

«Даже в сотнях других жизней...»

Глава двадцать пятая

— Привези его домой, Рунн.

Судя по выражению лица Наследника тени, она была последней, кого он думал увидеть за несколько минут до отъезда. Киирис пришлось постараться, чтобы поймать его там, где разговор не могли потревожить случайные свидетели.

— Если ты думаешь, что я трусливо сбегу с поля боя, то нашла не лучший способ высказать мне столь невысокое мнение, — отмахнулся от ее просьбы Рунн. Шнуровка на запястьях перчаток волновала его куда больше, чем ее предостережение. — Я не сбегу, пташка. Я, видишь ли, засранец и гуляка, но не трус.

Если бы Киирис не была так измотана минувшей бессонной ночью и приготовлениями, то обязательно бы задала этому болтуну трепку. Благо ее теперешнее положение позволяло совершать некоторые вольности без страха лишиться жизни. Кроме тех случаев, когда эти вольности могли касаться императора лично. Несмотря на признание Дэйна, Киирис не позволила ни на секунду забыть, что имеет дело не с вздорным мальчишкой, а с человеком, который бросил в застенки монастыря собственную мать. Эту «пикантную подробность» она узнала только утром, случайно подслушав разговор рабынь на кухне. К чести своей, Дэйн и здесь остался верен себе: не стал превращать ссылку в показуху. Для всех королева-мать отправилась поправлять здоровье куда-то в теплые земли империи. Похоже, то, что ее истинное местонахождение разболтал тоже Рунн. Иначе откуда простым служкам разноухать о том, что знали лишь наследники?

— Ты можешь выслушать меня без кривляний, Рунн? — стараясь держать в руках рвущуюся наружу злость, попросила Киирис. Время шло на часы: теургия рвалась наружу вместе с той ее безумной частью, которая теперь слилась воедино с прочими Ипостасями, и Киирис знала — если упустить время, ей никогда уже не справиться с этой бестией.

— Послушать и...? — Рунн вопросительно вскинул светлую бровь, скрестил руки на груди, разглядывая собеседницу так, словно у Киирис отросла вторая пара рогов.

— ... и сделать в точно так, как я скажу.

— Не задавая вопросов, само собой.

— Именно.

— Почему я не удивлен. Слушай, пташка, — Наследник тени склонился к ее лицу, оскалился в улыбке паяца. — Мне плевать на то, как высоко ты сейчас летаешь. Понимаю, что наездница императорского члена может плевать на порядки с высокой колокольни, и вертеть на одном месте всех и вся, но вот так уж распорядилась судьба, что на меня это дерьмо не действует. Скорее уж раздражает. Скажем так: ты стала девочкой для траха на пару следующих месяцев. До очередной вот такой экзотической Киирис-шмиирис.

Конечно же, в нем говорила лишь ущемленная гордость и самолюбие: впервые у Дэйна была женщина, которая устояла перед вездесущими чарами его среднего брата. И по злой насмешке судьбы именно эту женщину он так отчаянно желал заполучить. Киирис не нужно было угадывать: все это ясно чувствовалось в каждом взгляде Рунна, которые преследовали ее повсеместно. И если бы она так остро не нуждалась в его помощи, то непременно высказала бы по этому поводу парочку острых замечаний, чтобы хотя бы на какое-то время приструнить его длинный язык. Но то, что она собиралась совершить, никак не могло обойтись без участия Рунна. Без участия их всех. И ради конечной цели Киирис была готова пойти на гораздо большее, чем молчаливый глоток очередной порции незаслуженных оскорблений. Плевать. В конце концов, осталось совсем немного.

— Мне просто нужна твоя услуга, Рунн, — повторила она. — Если тебе хоть немного не безразлична судьба империи.

— Вот только не нужно этого дерьма, пташка. Мне не безразлично лишь то, что находится в кругу моих интересов. Ты теперь на его окраине.

— Речь не обо мне. — Боги, почему мужчины бывают такими упрямыми, как только речь заходит об их уязвленной гордости? — Пожалуйста, Рунн. Обещаю, что это последнее, о чем я тебя прошу.

Она будет молить, если потребуется. Но лучше бы этот осел наскреб хоть немного терпения до того, как глашатай протрубит отъезд. И до того, как их застукают досужие сплетники.

— Сильно сомневаюсь, пташка, но я, пожалуй, запомню, что ты будешь должна мне ответную услугу. Так о каком возвращении идет речь?

— Привези Дэйна в замок.

— Думаешь, он напьется на радостях от победы и не сможет сидеть на лошади? Я бы ни за что не пропустил такое-то зрелище, но императорская задница не любит отдаваться хмелю. Только войне и крови.

— Просто... привези его. Это только ты сможешь сделать.

— Я все еще ни дьявола не понимаю из того, что ты говоришь, но считай, что у тебя есть мое «да». Даже у голодных сук на псарне нет столько мольбы во взгляде. — Он чуть помедлил, а потом, прогнав улыбку с лица, хмуро сказал: — Если ты опасешься за жизнь этого засранца, то зря. Я не первый раз стою с ним плечом к плечу, и, поверь мне, нет такой стрелы или меча, или топора, которые бы отправили его к Костлявой. Не знаю, прокляты мы все или нет, но Дэйн точно заговоренный.

Киирис множество раз слышала сплетни о том, что император выживал после таких ран, что свалили бы с ног и великана. В некоторой степени, и на разговорах о его проклятии и бессмертии зиждилось бесстрашие нэтрезских воинов. Он был прав, когда говорил, что просты солдатам нужно что-то большее, чем храбрый человек: им был нужен бог.

Мейритина сглотнула набежавшие слезы. Будь оно все проклято трижды и навеки! Образ умирающего Дэйна со слипшимися от крови волосами и кровавой росе на светлых ресницах вонзился в сердце так не вовремя! Если она срочно не возьмет себя в руки, то даже бесшабашный Рунн может заподозрить неладное.

— Ты его брат, — сказала она так твердо, как могла. Может хоть теперь до этого длинноухого упрямяца дойдет истинный смысл их кровной связи. — Ты должен быть его опорой на случай, если император... упадет.

— Вот демонова задница, звучит почти как пророчество меня на трон. — Он снова скабрезно разулыбался, потом невзначай потрепал Киирис по голове. — Ладно, пташка, раз уж ты тут чуть не слезы льешь, то придется тебе уступить. Считай, что за тобой большой долг.

Она лишь молча энергично закивала. Большой долг. Очень-очень большой.

— Кстати, ты не видела Раслера? — ни с того, ни с сего спросил Рунн, когда Киирис уже вынырнула из укромного уголка в тени стройного ряда колонн. — Уже которые сутки его не вижу. Уверена, что он от горя не ... того? — Наследник тени затянул на шее призрачную удавку. — Кажется, этот псих в тебя втрескался не на шутку.

Киирис могла бы много сказать о том, что все они принимали за любовь лишь отраженную в ее глазах собственную мечту о любви, но вместо этого лишь передернула плечами: мол, откуда мне знать?

На этом разговоры закончились. Мейритина поскорее вернулась в комнату, откуда наблюдала за тем, как вереница всадников во главе с императором и Рунном, покидает внутренний двор. Ничего помпезного, ничего громкого: просто две сотни людей покинули Замок туманов на рассвете. Их не провожали рыдающие женщины и сопливые дети, не желали удачи дворяне, а служки не орошали следы лошадей дорогим вином на удачу. Просто мужчины ехали воевать за то, что им дорого: за безмятежный сон своих жен и детей.

Киирис не нашла в себе сил проститься с Дэйном. Просто не смогла. После того, как они насытились друг другом ночью, император уснул. Она разглядывала его безмятежное

лицо, заставляя память вобрать в себя каждую морщинку вокруг глаз, каждую случайную полуулыбку сквозь сон и стук сердца. А потом потихоньку выскользнула из постели и трусливо сбежала к себе в комнату. Прощаться сил не было. То немногое. Что еще удерживало ее на грани безумия, понадобится для самого последнего и самого безупречного теургического мастерства.

— У меня все готово, Кровь богов. — Бесцветный голос Раслера выудил ее из меланхолии.

Киирис даже не смогла удивиться его внезапному появлению в комнате, откуда, как она думала, был лишь один вход и выход. Раслер столько лет блуждал по замку в погоне за призраками своего забытого прошлого, что наверняка лучше всех знал каждый вход и выход, каждый закоулок и каждый потайной ход.

Она хотела сказать ему — напомнить — что у них не будет второго шанса, но одного взгляда на бесцветное лицо Наследника костей было достаточно, чтобы понять — он осознает весь риск куда больше нее самой.

— Тогда давай соберем Осколок, Раслер, и пусть боги катятся в задницу.

Ее нарочитый азарт сделал свое дело: по лицу Наследника костей скользнула тень улыбки. Киирис вдруг с отчетливой ясностью вспомнила слова отца: «Даже самые страшные вещи проще вторить с улыбкой». Вт уж по истине: без изрядной доли безумного задора им лучше и не начинать, потому что цена за провал будет стоить слишком многих жизней.

— Я не могу тебя потерять, Кровь богов, — прошептал Наследник костей, когда Киирис поравнялась с ним и взяла за руку. — Мы не можем.

— Я всегда была с тобой, Раслер. — Она прижала вторую ладонь к груди наследника, замерла, слушая, будто музыку, частые глухие удары его сердца. — Я и так в тебе.

В ответ на это он поднял их руки со скрещенными пальцами: фиолетовый туман теургии яростно растекался по их коже, глубоко и жестко впивался в плоть.

— Киирис?

— Да?

— Отпусти меня, когда все закончиться. Отпусти... насовсем. Я больше не могу так страдать. Эти голоса. — Раслер с шумом выдохнул через стиснутые зубы. — Я становлюсь безумнее с каждым часом. Не могу больше контролировать это, и слышать не могу.

Она пообещала ему одним взглядом. Хоть знала заранее, что эту клятву сдержать не сможет.

Раслер снова привел ее в свою комнату, приоткрыл, поморщившись, Завесу, за которой скрывалось его личное убежище. О внимания Киирис не укрылось то, как тяжело ему далось одно просто прикосновение к теургии. Как будто все то, что раньше было его силой и опорой, в одно мгновение стало раскаленной отравой. Мейритина догадывалась, что все дело в его осознании себя. Раньше он принимал свои способности как что-то данное свыше, благословение давно ушедших богов, редкий талант, рядом с которым выдающийся дар отца Рунна тускнел и таял, словно снег в грязной луже. После того, как она разметала его с таким трудом выстроенную защиту от самого себя, Раслер, наконец, понял, кем и для чего был так щедро «одарен» даром убивать одним лишь усилием воли. До боли знакомые чувства, которые переживала и она сама.

В комнате, где раньше царил упорядоченный покой, теперь всецело властвовал хаос. Сундуки и коробки валялись на полу изувеченные и изогнутые, как будто их долго и упорно колотили железным прутком. Раслер даже не смотрел по сторонам, вел ее дальше, вглубь, туда, где раньше не было ничего, кроме тьмы. Вот, значит, где он пропадал все это время. Как и она, искал утешения в том, что было близким и знакомым, за что можно было ухватиться в минуты слабости и самого сильного отчаяния. Вот только ее личное испытание болью вышло на новый виток, куда более сильный и непокорный, чем предыдущий.

— Я думала, никто не знает, где Пыль забвения, — сказала она, когда Раслер втоптал ее в узкий и совершенно непроницаемый коридор. Теперь она могла положиться лишь на него, и слепо шла вперед, с каждым шагом проваливаясь как будто в самую тьму.

— Ты думала не правильно, Кровь богов, — ответил его грустный голос.

— Но разве не ты сказал, что если бы Остатки осколка нашли, то Королева-мать...

— Я много чего обычно говорю, Киирис. — Она услышала его горький смешок. — И не всегда это повод безоговорочно мне верить. Как казалось, я тот еще мастер самообмана.

Она не стала его разубеждать. Сейчас она не могла позволить себе роскошь тратить хоть каплю сил на самобичевание.

Коридор резко свернул и им в лица ударил тяжелый раскаленный воздух, наполненный запахом смерти. Киирис прикрыла нос рукой, но это едва ли заглушило тошнотворный смрад.

«Интересно, что он использовал для алтаря?»

Словно прочитав ее мысли, Наследник костей ускорил шаг, и они буквально выбежали в необъятно большой зал. Только теперь Раслер отпустил ее руку и торопливо отошел на безопасное расстояние. Здесь было достаточно светло, чтобы Киирис увидела его руки: практически черные, высохшие, как у старика, но странно крепкие. Казалось, он умирал и становился сильнее одновременно.

— Ты должен ей сопротивляться, Раслер, — твердо сказала Киирис. — Теургия не подчиняться слабакам, она их беспощадно ломает.

— Я хочу быть сломанным, Кровь богов, — устало обронил он и указал перед собой. — Надеюсь, я все сделал правильно.

Мейритина проследила за его жестом и с шумом втянула воздух через ноздри. Только так, чтобы не завывать от хлынувшей в душу боли. Будь оно все трижды проклято старыми богами и новыми, живыми и мертвыми, если не на таком же алтаре, много лет назад один тщеславный отец собственной рукой перерезал горло своей восьмилетней дочери.

— Ты в порядке? — Раслер тронул ее за плечо, в ответ Киирис зашипела, словно слеза на раскаленной сковороде. — Все правильно?

— Да, — кое-как ответила она. Первым порывом было бегство. Прямо сейчас, без оглядки, хоть в самую раскаленную глотку Костлявой, но подальше отсюда. Подальше от того, что сокрушает и стреноживает ее смелую мечту, что все еще можно изменить. — Я... Мне просто нужно немного воздуха.

— Это все, что я смог найти.

Киирис жестами дала понять, что ценит его старания. Раслер действительно проделал огромную работу: собрал кости мейритов, нарастил на них плоть и даже попытался придать им подобие человеческого облика. Правда, в итоге их подвешенные вдоль стен тела скорее походили на жертвы опытов большого мясника. Хотя, какая разница, если свою функцию они исполняют точно так же, как исполняли и при жизни: вместе с холодной бесцветной кровью вытекают по костяным трубам прямо в огромное овальное углубление в центре обсидианового алтаря.

Проклятый запах! Его слишком много, чтобы игнорировать.

— Так вот что ты имел в виду, когда говорил, что никто не пострадает, — пробормотала она. Это было безумно и гениально одновременно. И слишком... просто, чтобы все сработало. — Сомневаюсь, что у нас получится создать Осколок из мертвой жизни, Раслер.

Наследник костей провел рукой над почти заполненным желобом, мимолетно улыбнулся каким-то своим мыслям.

— В любом случае у нас нет выбора, Кровь богов, — философски заметил он и снова

покривился, когда рука, вопреки его желанию, почти притронулась к жидкости. Раслер отодвинулся, завел руку за спину и несколько минут беззвучно шептал что-то себе под нос. Когда, наконец, он справился с непокорной теургией, его бледное лицо вновь стало непроницаемо отрешенным. — У нас все получится, Киирис. Вера будет нашим главным компонентом.

Она не стала говорить, что ее личной веры хватит едва ли на то, чтобы заставить себя лечь в эту дрянь. И что ей никак нельзя умирать сейчас, поэтому и права на ошибку нет.

— Где Пыль?

Раслер обошел алтарь по широкой дуге, поманил Киирис следом. Приблизившись, мейритина увидела то, что все это время пряталось в странной почти молочной дымке. На куске черного маслянистого, изрезанного древними рунами камня, стояла рама в виде неправильного треугольника. А перед ней, похожая на простую горсть пепла, высилась горка Пыли забвения. Киирис не смогла удержать ироничный смешок: надо же, то, что способно переигрывать само время и переигрывать чужие судьбы, похоже на сор.

— Я не смог собрать все, но все же здесь большая половина.

— Этого должно быть достаточно. Совсем не обязательно делать Осколок таким же, как и предыдущий. — «В конце концов, мне будет достаточно видеть в нем хотя бы отражение своих глаз». — Но на раму у меня вряд ли хватит сил.

— Ты всегда можешь на меня положиться, Кровь богов, — в который раз заверил Раслер. И, чуть помедлив, наконец сказал: — Ты... готова?

Вместо ответа она подала ему руку, безмолвно предлагая быть ее личным проводником в эту негостеприимную каменную постель. Раслер подал ей руку, придержал, пока Киирис выскальзывала из сандалий и, морщась, примерялась босыми ступнями к холодному полу.

Шаг, еще шаг. Вперед, к ее личной пыточной машине.

Раслер помог ей встать на край алтаря, после чего Киирис с благодарной улыбкой, настойчиво высвободила ладонь из его остервенелой хватки. В тот момент, когда их пальцы разомкнулись, на лице Наследника костей схлестнулись боль и отчаяние, и беспомощность.

«Прости, но дальше я сама», — был ее безмолвный ответ.

Глава двадцать шестая

Не растягивая неизбежное, Киирис переступила за край. Жизнь давно умерших мейритов омыла ее ноги вязким и теплым обещанием агонии. Киирис зажмурилась, присела, помогая себе руками. Главное, не уступать панике. Она сможет. Не ради себя — теперь ее собственная жизнь всего лишь катализатор, чтобы совершить предначертанное. Возможно, в Замок туманов ее привели собственные алчные демоны, но теперь той мейритины больше нет. Осталась она: фальшивая рас'маа'ра, однажды выбравшая своего единственного мужчину — и теперь отдающая ему всю себя без остатка.

«Боги не говорили, что любить так больно».

Она легла на спину, до боли сжала кулаки, сцепила зубы. Тело будто захлебнулось в приступе невообразимой боли. Ерунда, просто немного перетерпеть. Не щадить себя, не оглядываться, не думать о том, что мертвая жизнь предков набросилась на ее плоть с жадностью своры голодных собак.

— Киирис, я здесь.

Она с трудом различила голос Наследника костей сквозь сонм собственной агонии. Но все же слегка пошевелила рукой, давая понять, что его слова достигли цели.

— Я не сделаю тебе больно, Кровь богов, — жарко пообещал он.

И в следующее мгновение ее расколотую душу окатила волна огня.

«Папа, пожалуйста, не делай этого!»

«Прекрати это немедленно! Ты носишь кровь богов, Киирис, ты не имеешь права плакать и жаловаться на судьбу. Тебе дарована возможность смотреть в будущее, видеть то, что будет. Думаешь, боги сделали это просто так?»

«Я еще не знаю, что видела... не понимаю».

«Мы все понимаем, что ты видела то, чему должна противостоять. Твоя неуверенность — лишь страх взять на себя ответственность за будущее всех нас. Глупый постыдный страх».

Киирис с громким выдохом села, подслеповато озираясь по сторонам.

Темно.

Душно.

И в груди болит так сильно, будто туда вонзили осколок и медленно проворачивают, раз за разом все глубже погружая в плоть. На всякий случай Киирис притронулась рукой к больному месту: нет, ничего, просто кожа, прикрытая пропитанной вязкой липкой жидкостью тканью туники.

Зато, когда глаза немного привыкли к темноте, она сразу заметила, что именно не так. Ее руки и ноги: по их внутренней стороне, словно странные отростки, тянулись длинные красные нити, достаточно толстые, чтобы не разорвать их руками. Противно влажные и скользкие на вид, они больше походили на растянутые мышцы. И в громогласной тишине Киирис слышала характерное неприятное чавканье.

Осколок, ну конечно. Чтобы восстановить древнюю реликвию нужно что-то гораздо большее, чем часть души и воли. Нужна кровь и плоть богов.

Странно, но боли от методичной работы «присосок» она почти не чувствовала, в отличие от все возрастающей пульсирующей агонии в груди. И каждый новый вдох давался с трудом, обжигал легкие воздухом, словно она вдыхала отраву.

«Я... все понимаю, отец. Я сделаю то, что должна».

«Ради всех нас. Ради того, чтобы мир оставался таким, каким его задумали наши

создатели. Ради того, чтобы мы были там, где должны быть, а люди знали свое место».

Киирис мысленно застонала, отмахиваясь от потока воспоминаний. Здесь, в каком-то промежуточном состоянии между жизнью и смертью, она была слишком слаба, чтобы сопротивляться давно забытому прошлому. Или, скорее, нарочно забытому.

Здесь она была полностью обнажена и беззащитна перед раскаянием, перед совершенными ужасными ошибками, перед собой.

Киирис прижала обе ладони к груди, надавила, словно это ничтожное усилие могло вытравить из нее хоть часть сумасшедшей боли.

«Теургия наших богов всегда с тобой, дочь моя. Даже если ты рухнешь с небес, даже если станешь такой, как смертные — ты все равно будешь кровью и плотью самого мира. Обманывай, лги, уничтожай и стравливай этих ничтожеств до тех пор, пока они не уничтожат сами себя. Ты рождена нашей мессией. Пусть люди на всю оставшуюся смертную и ничтожную жизнь запомнят голос мейритов».

«Да, отец».

«Не плачь».

«Я не плачу. Это просто соль и немного воды».

Все было именно так. Все началось, когда она, сбив ноги в кровь, неслась к своему венценосному отцу, чтобы сказать ему, что увидела в новом видении. Сказать о том, что видела падающих с неба, тлеющих мейритов, и мужчину, который потешался над их смертями, и мальчишку, который пытался остановить мясника. Пытался, но не смог, потому что был слишком слаб.

Киирис собралась с силами, потянулась к краю алтаря, едва ли не силой вытаскивая собственное тело из вязкой жидкости. Здесь, по ту сторону реальности, в нескольких шагах от обители Костлявой, внешний мир едва просматривался: причудливые образы комнаты, в которой она-реальная неподвижно лежала на алтаре в ожидании приговора выглядели тусклыми разливами на поверхности бесцветного мыльного пузыря. Обратная сторона реальности с ее оттенками серого казалось более настоящей, чем другой, внешний мир.

С трудом, но мейритине удалось выбраться из западни. Пол под босыми ступнями оказался колючим и холодным. Каждый следующий шаг давался сложнее предыдущего, но она должна была идти. Туда, где в треугольной раме мерцала голубоватая дымка. Туда, где ее ждал Осколок.

Ненавистные пророчества, проклятые видения. Будь проклята та девчонка, что снова и снова, как заговоренная, повторяла отцу: «Люди убьют нас!» Почему он так охотно в это поверил? Почему не попытался выждать время?

Потому что боялся. Потому что они все уже множество лет ютились в тесной клетке собственных страхов. Боги давно не говорили с ними, а древняя теургия вырождалась, словно ее и не было. Нити, которые держали их с прошлыми устоями, неудержимо рвались сами собой, и не было никакой возможности удержать целыми те немногие, что еще уцелели. И Нерушимый Аспект источался, и в этом не было вины людей. Просто мир, каким он был прежде, умирал и сползал с реальности, словно линялая кожа.

Киирис остановилась перед пустой рамой. Тянущиеся из ее тела живые нити встrepенулись, запульсировали с новой силой, а груд обдал новой вспышкой боли. Чтобы устоять на ногах, Киирис вцепилась в раму. Плевать, что в ладони тут же впился недружелюбный туман: это практически не ощущается в сравнении с куда более сильными приступами боли.

— Давай, стекляшка, будь ты неладна. — Мейритина выдохнула, закашлялась. — Я — Кровь богов, я — то, из чего ты создано. Ты будешь мне подчиняться.

Дымка на мгновение замерла, а потом всколыхнулась, словно водная гладь во внезапно налетевший шторм и оскалилась в некоем подобии распахнутой голодной пасти. Вряд ли

она походила на человеческую или мейритискую, но в ней легко угадывались черты всех смертных и бессмертных.

— Мне все равно, что ты самостоятельная думающая дрянь, — зло выплюнула Киирис. — Мне все равно, что в тебе есть частичка бога. Ты будешь подчиняться мне, потому что в тебе сейчас течет моя кровь, и моя кожа, мои кости и мясо воскрешают твою дурацкую плоть!

В отчаянии Киирис что есть силы хлопнула по раме раскрытой ладонью. Туман дрогнул, хищная пасть размазалась новыми волнами.

— Ты будешь делать то, что я тебе прикажу, стекляшка. У меня нет другого выхода. Но есть время. Несколько дней времени за которые, можешь мне поверить, я найду способ разделить с тобой каждую грань моей боли. Уверена, это слишком много даже для Осколка.

Не помня себя, Киирис снова и снова колотила ладонью по раме, вытравливая из непроницаемых глубин тумана тщеславие и непокорность. Ей некуда отступить и нечего терять. Разве что собственную жизнь, которую Киирис берегла для другого случая, где от нее будет больше толку.

Киирис не знала, сколько времени провела вот так, но когда очнулась, то ее ладони превратились в сплошные истерзанные раны. Бесцветная кровь стекала по раме, просачивалась в каждый желобок и завиток.

Но Осколок... Осколок медленно возвращал материальную форму. Вот уже она может различить в зеркальной глади свои ноги, колени, прилипшую к телу ткань.

Киирис едва ли успела с облегчением выдохнуть, когда увидела себя целиком: вымученную, с запавшими глазами, искусанными губами и натянутой на кости кожей. Что ж, от нее прежней осталось не так уж много, но она, по крайней мере, жива.

— Вряд ли надолго, — зловеще прошипело отражение и, высунувшись из рамы, схватило ее за руки.

Рывок был такой чудовищной силы, что у Киирис потемнело в глазах, а хруст собственных лопнувших костей заглушил все прочие звуки. Собственное отражение утаскивало ее туда, где — Киирис могла лишь догадываться — не было ничего, кроме наполненной теургией пустоты. Утаскивало ее туда, где теургия перемолотит ее тело, словно жернова — хрупкое пшеничное зерно.

Нет, не сейчас! Еще слишком рано.

Она попыталась вырваться, попыталась изобразить потуги сопротивления. Тщетно: восстановление Осколка слишком сильно ее измотало, а собственная плоть в его новой реинкарнации предательски жаждала соединиться с прежней хозяйкой. Вырваться из этих тисков было равносильно попыткам выбраться из зыбучего песка: чем больше сопротивляешься, тем сильнее тонешь, вязнешь в будущей могиле.

— Пожалуйста, еще слишком рано... — У Киирис не осталось сил даже на крик. Она была так близко, что теперь явно видела различия со своей зеркальной копией.

— Я же говорила, что не дам тебе помешать, — оскалилась Кровожадное порождение ее собственной души и еще сильнее дернула Киирис на себя. — Ты всего лишь ошибка, бестолковое сознание, которое должно было сидеть в чулане и не мешать нам делать то, что мы должны были сделать.

Киирис попыталась освободиться, но на помощь Кровожадной пришла Страстная. Она смотрела на Киирис полными сожаления глазами и, крепко удерживая ее за правую руку, помогала сообщнице.

— Вы всего лишь порождения моей совести! — отчаянно сопротивляясь, выкрикнула Киирис. — Пустышки, которые ожили благодаря злости испуганного ребенка. Я могу вас контролировать!

Хоть, по правде говоря, это удавалось из рук вон плохо. Возможно, они и были выдумкой,

ожившими тенями маленькой, потерявшей бессмертие мейритины, но она слишком хорошо и долго кормила их собственными страхами, чтобы в итоге обе ипостаси превратились в сильных и беспощадных тварей.

В какой-то момент она настолько выдохлась, что осознала — ее руки уже наполовину утонули в зеркальной глади. И с ужасом догадалась, что одновременно с этим та, Кровожадная душа, выбирается наружу, занимая ее место. Она хочет ее подменить?

Перед затуманенным от боли и бессилия взглядом, как калейдоскоп, замелькали картинки будущего: Кровожадная перед воскрешенным Осколком уверенно и беспощадно поворачивает время вспять. Она не боится умереть, отдав Осколку слишком много, потому что знает: живет лишь для свершения мести, существует, чтобы поднять взгляд к нему и закричать что есть силы: «Я хорошая дочь!». Образы маленького Раслера и молодого императора Дэйна расплывались, становились нечеткими. Прошлое менялось так стремительно, что Киирис с трудом успевала различать каждую его новую грань. Вот обезумевший от ее нашептываний Раслер убивает своего венценосного брата, а вместе с ним обрушивает всю мощь неподконтрольной, чужеродной его тщедушному телу теургии на головы тысяч и тысяч жителей молодой и беспомощной Нэтреской империи. За считанные часы огненные бури сжигают камни и плоть, превращают кости в прах. Через несколько дней материк превращается в выжженную рану на теле мира, который отказался подчиниться старым порядкам и захотел выбраться из-под ига тех, кто впитал в себя кровь богов. Эта бойня будет во сто крат ужаснее и беспощаднее той, что существует в этой реальности.

Пока еще существует.

«Если они победят, то больше ничего не будет иметь значения. Потому что мир смертных больше никогда не будет прежним. Мейрити не совершат ту же ошибку, не позволят несчастным поднять голову так же высоко. Они убьют мечту о свободе в самом зародыше. В том будущем нам уготована лишь одна участь: колодки и цепи, клетка, роде той, в которой королева-мать привезла меня в Мерод».

Нам... Киирис нашла мгновение среди болью и борьбой, чтобы улыбнуться. Что же, дорогой отец, ты слишком рано выбросил меня из нашего дома, а я слишком долго прожила среди смертных, чтобы забыть, каково это — быть бессмертной мейритиной. Я — смертная женщина, и этот мир — он мой».

— Ты же не думала, что я оставляю тебя одну, — раздался над ухом знакомый печальный голос. — Двое против трех не слишком большой перевес, но лучше, чем ты одна.

Раслер. Она не видела его, лишь почувствовала уверенное сильное объятие, тяжелое горячее дыхание в макушку. Откуда он тут? Разве не знает, что здесь ему не место?

И все же Раслер успел как раз вовремя. На последнем выдохе вырвал Киирис из цепких лап ее собственных отражений. Он все еще был бестелесным, но ощущался так явно, что она могла без труда различить контуры его тела, стекающую по черны пальцам теургию.

— Сделай то, что должна, Кровь богов.

Теперь он стоял перед ней, и Киирис с ужасом заметила отплетающиеся вокруг невидимки жадные руки. Пальцы Отражений алчно вдавливались в плоть, и окрашивались алым: на фоне бесцветного мира она казалась такой неестественно-яркой, что слепила и обжигала взгляд. И все же Киирис не могла не смотреть, как Кровожадная и Соблазнительница утягивают его в свой зеркальный мир. Утаскивают туда, откуда никто и никогда не вернется, где нет ничего, кроме первозданной разрушительной теургия, которая пожрет его и размолотит, и превратит в часть себя.

— Раслер... — Сейчас, когда они оба предельно ясно сознавали свое предназначение, слова были лишними. Но и молчать Киирис не могла. Что-то внутри нее, там, где пульсировала выжигающая душу боль, отчаянно сопротивлялось такому исходу. Это она, а не он, должна за все заплатить. Это она должна утонуть в безвестности теургии. — Ты лучший из мужчин, кого я знала.

На лице Раслера, теперь уже наполовину тусклом из-за зеркальной изнанки, появилась болезненная улыбка. Наследник костей и не думал сопротивляться, он принимал судьбу

так же смиренно, как и она. И в этом их тела и души были едины и неделимы.

— Но любишь ты все-таки его, — сказал он с горечью, и когда его тело почти скрылось в зеркале, добавил: — Эта битва еще не проиграна, моя Кровь богов. Уходи, пока они увлечены мной, боюсь, меня на долго не хватит — Дэйн всегда говорил, что я слишком костлявый.

Киирис кивнула, надеясь, что последнее увиденное им была ее решительная улыбка. Сквозь слезы.

Ее тело мягко качнулось, стало невесомым, как семечко на ветру. Мейритина не сопротивлялась, позволила невидимой силе оторвать ее пола и поднимать все выше и выше, туда, где не существовало ничего, кроме бесконечности.

Когда она снова открыла глаза, то оказалась все в той же комнате, наполненной запахом свечей и обгоревшей плоти. Ложе было сжим и истрескавшимся, как будто за этот короткий миг ее жизни время скакало безудержным галопом. Когда глаза привыкли к темноте Киирис заметила, что свечи превратились в оплывшие лужицы и, кажется, пребывали в таком виде целую вечность

Потребовалось время, силы и терпение, чтобы с горем пополам вытащить свое тщедушное тело наружу. Она едва могла передвигаться, едва могла дышать. Выход наружу маячил впереди белесым расплывчатым пятном. Оставалось только одно — идти на этот путеводный луч света. И не позволять слезам и горю разрывать то немного, что осталось от ее души.

Надежда на то, что Раслер нашел свое успокоение, была слишком слаба.

Он был прав: эту битву еще только предстояло выиграть.

Осколок в треугольной раме выглядел как обычное зеркало, не смертоносная реликвия. Киирис взяла его, и заметно наклонилась под тяжестью веса.

Наверное, прошла целая вечность, пока она выбралась наружу. Комната Наследника тени представляла собой воплощенный хаос: мебель опрокинута, вещи выпотрошены из шкафов, книжные полки разбиты. Книги, множество книг валялись вокруг подстреленными птицами с ободранным белоснежным оперением. Киирис оглянулась: теургическая Завеса, которая скрывала от посторонних глаз путь в его тайное убежище медленно и неумолимо истончалась. Вот и все, последняя хрупкая преграда между прошлым и настоящим превратилась в мерцающую паутину. Скоро не останется и этого.

Направляясь к двери, Киирис зацепилась взглядом за свое отражение в зеркале. Вряд ли в ней осталось так уж много от той, прежней мейритины. Даже в клетке, избитая и измученная, она выглядела куда более живой. Сейчас осталась лишь серая костлявая тень, такая хрупкая и беспомощная, что сломить ее мог даже сквозняк. Разве что рога остались прежними, хоть теперь казались какими-то нелепо-массивными. Впрочем, теперь это не имело значения. Ничего не имело значения. Она должна идти, даже если каждый новый шаг отнимает все больше сил, истощает ее и без того опустошенное тело.

За дверью комнаты Наследника костей оказалось непривычно пусто: ни гвардейцев, ни факелов. Только длинная пустынная галерея, отданная на откуп приглушенным шорохам и голосам. Куда все подевались?

Киирис шла дальше, вниз по лестнице. Шаг за шагом спускалась в место, где все было знакомо — и незнакомо одновременно.

Когда впереди громыхнуло так сильно, что лестница взбрыкнула и заходила ходуном, внутри Киирис все перевернулось. А громкий вопль отчаяния лишь подтвердил ее догадку:

— Спасите императора!

Глава двадцать седьмая

Она не помнила, как оказалась внизу. Приползла или скатилась кубарем — какая разница? Главное, что Осколок был целым, и она держала его так крепко, что кровоточили пальцы. Лишь краем сознания Киирис отметила, что те немногие встреченные ею люди, смотрели на нее, будто на призрака и осеняли себя охранными знаками, словно увидели восставшего из могилы призрака. Сколько ж она пробыла на той стороне? Недели? Месяцы? Сколько могла длиться проклятая война, которая вот-вот отнимет у нее самое дорогое?

— Хозяйка... — прошептала вставшая на пути Корта. Рабыня так побледнела, будто из нее разом выкачали всю кровь. — Где ты...

Киирис отмахнулась от нее. Вопросы, догадки, предположения — шелуха и суета, которая замедляет ее, отнимает возможность сказать самое важное, прежде чем вступить в последний поединок с самой собой.

В главном зале было еще пусто, хотя взбудораженные дурными вестями люди уже стекались отовсюду, перешептываясь, чтобы не произносить вслух того, что могло навеки изменить мирный уклад их жизни. К счастью, Корта больше не задавало вопросов, но молча и уверенно помогала своей госпоже продвигаться дальше.

— Пожалуйста, Дэйн...

Киирис с трудом узнала в этом хриплом, надломленном от невыносимых страданий голосе Наследника тени. Да и сам он выглядел не лучшим образом. Избитый, изуродованный рваным шрамом через всю переносицу, окровавленный и грязный, Рунн из последних сил нес на руках своего умирающего брата. Дэйн был слишком большим для него, Наследник тени едва переставлял ноги, едва держался ровно. Каждый новый шаг рвал его грудь криком, в котором безысходности было больше, чем жалости к своему изувеченному войной телу.

— Дэйн, засранец, не умирай!

Рунн все-таки сдался. Упал на колени, прижимая к себе тело брата. Служки бросились к ним, но тенеражденный зарычал на них, как сторожевой пес: он, словно безумец, молил о помощи, но не был готов ее принять. В мгновение ока в руке Рунна появился измазанный, давно требующий чистки кинжал. Наследник тени бесцельно и отчаянно размахивал им из стороны в сторону, отпугивал каждого, кто осмелился приблизиться.

— Проклятье, Дэйн, — горечь разорвала его голос, превратила то ли в стон, то ли в рык, — не оставляй меня одного. Кем я буду без тебя...

Еще никогда Киирис не видела, чтобы мужчина плакал так отчаянно. Еще никогда она не видела, чтобы правда, которая вскрылась спустя столько лет, была такой сокрушительной.

И никогда в жизни она не видела, чтобы так сильно изувеченный человек все-еще оставался жив. Голова Дэйна свисала бок, светлые волосы превратились в кроваво-грязный комок. Кровь залила все его лицо и, как вор, украла любимые черты. Доспехи смялись в так многих местах, что вряд ли в теле Дэйна осталось так уж много целых костей. И все же, хозяин Нэтреской империи был до сих пор жив. И его взгляд их-под окровавленных ресниц смотрел прямо на нее, сквозь молчаливую толпу тел.

Киирис рванула вперед — откуда и силы взялись! Оказалась рядом наплевав на то, что в порыве безумной братской любви Рунн успел полоснуть ее кинжалом по плечу. Боли не было, она растворилась во внутреннем огне, который становился все жарче с каждой секундой.

— Дэйн, слушай меня. — Киирис обхватила его лицо ладонями, наклонилась так близко, что его редкое прерывистое дыхание коснулось ее губ предсмертным поцелуем. — Посмотри на меня, мой император. Сосредоточься на том, что я тебе скажу.

— Ему нужен лекарь, — скупо бросил Рунн.

— Лекарь ему уже не поможет, — огрызнулась Киирис. — Но ты можешь кое что сделать, Наследник тени. Например, вспомнить о том, что ты — следующий наследник империи. И отдать приказ не прикасаться к телу твоего брата.

— Ты... безумна!

— О да! — Киирис нанизала его на свой беспощадный взгляд. — Достаточно безумна, чтобы сделать то, что должна сделать независимо от того, поможешь ты мне или нет. Но лучше бы ты доказал любовь к брату не словом, а делом.

— Где Раслер? — зачем-то спросил он.

— Там, откуда не возвращаются.

Сухой кашель Дэйна прервал их разговор. Боги, он даже пытался улыбнуться!

— Киирис, — кровь обильно затекла в трещинки на его губах, сделал их неестественно алыми, словно у демона из детской страшилки. — Не нужно делать ... глупостей.

— Я никогда еще не мыслила так трезво и ясно, мой любимый император, — ответила она. Слез не было, потому что слезы — это всего лишь слабость, которая больше была ей не по карману. — Не слушай никого, мой император. И иди только на мой голос.

— Ты такая упрямая, мое рогатое проклятие, — пробормотал Дэйн и закрыл глаза. Он таял, словно призрак, становился все бледнее.

— Не упрямей мужчины, который создал империю всем наперекор, — ответила она. — Иди за мной, Дэйн. Не оборачивайся назад, ищи мой голос. Ты нужен своим людям, своей стране. Помнишь, ты говорил, что должен заботиться обо всех нас? Так и есть. Поэтому, прошу тебя, не уходи.

Она знала, что сейчас уже ничего нельзя изменить, но все равно с отчаянием ждала еще хотя бы одно его слово. Плакала, роняя слезы на его лицо, и мысленно умоляла судьбу сжалиться над ним.

Дэйн уже не открыл глаз, но все-таки выдохнул. Потянулся к ней, застонал, и Киирис внезапно остро осознала, что впервые видит его слабость.

— Киирис, пообещай позаботиться о них. — Его голос была едва слышен. — Ты сильная, ты сможешь.

— Я сделаю кое-что получше — позабочусь о моем императоре.

Вряд ли он услышал ее последние слова.

Император Дэйн, Наследник луны больше не открыл глаз и не произнес ни слова.

Киирис притронулась к его еще теплым губам поцелуем, в который вложила всю свою любовь, и всю отчаянную веру в то, что в этом мире он еще сможет совершить множество грандиозных вещей. А она будет существовать по ту сторону реальности, зная — в нем навсегда останется частичка ее души.

— Он... умер? — пробормотал Рунн.

— Мне нужно совершить траурные приготовления по законам моего народа. — Киирис нарочно проигнорировала бессмысленный вопрос. Времени горевать, плакать и заламывать руки у нее не было. Это бессмысленная тщета присуща смертным, а она, Кровь богов, делает то, к чему давно и безоговорочно готова: вырвет у Костлявой своего Дэйна, и пусть хоть боги восстанут из своих небесных могил и загородят ей путь — она не остановится.

— Ну? — поторопила Киирис, когда Рунн так и не пошевелился. — Император умер, ты можешь и дальше изображать скорбь, но лучше делай это, помогая мне.

Когда до окружающих дошел смысл ее слов, ропот пронесся над толпой. Киирис мысленно сосчитала до трех и — так и есть: вперед уже протискивались генералы и министры, советники, которые остались в Замке туманов присматривать за делами, пока

император отвоевывал для своего народа еще один кусок земли и безопасность заодно.

— А вот и стервятники, — негромко, так, чтобы услышал лишь Рунн, прокомментировала она. — Ты обещал мне, помнишь?

Наследник тени кивнул, а следом за этим по его лицу скользнула тень подозрения.

— Ты с самого начала знала, что ... мой брат не вернется живым?

— Да. — А к чему юлить? Ложь лишь украдет у нее время, которое в данный момент было их с Дэйном единственной ценностью. — И знаю, что должен сделать ты. Или Наследник тени решали, что достаточно силен, чтобы нести бремя императорской короны?

Тенерожденный отшатнулся, словно она вlepила ему увесистую оплеуху. Этот удар попал точно в цель, потому что они ба знали, что Рунн мечтал о короне лишь на словах. Болтал о власти без умолку, чтобы позлить старшего брата за детские обиды, в которых обвинил его просто потому, что больше винить было некого.

— Я не хочу быть императором, — ответил Рунн. Твердо и решительно.

— Рада, что мы оба понимаем это, но впредь не кричи об этом в мир, — зашипела на него мейритина. Еще не хватало, чтобы все эти советники и жадные до власти прихлебатели ухватились за повод растащить империю по куску, словно шакалы, до того, как она совершит задуманное. — Сейчас тебе придется им стать, хотя бы на какое-т время.

К счастью, он не стал расспрашивать, что именно она собирается сделать. Вероятно, не хотел знал того, что не вкладывалось в его рамки нормальности. Или просто отказывался взвалить на свои плечи еще и этот груз ответственности. Киирис не осуждала, лишь с мольбой во взгляде просила новоиспеченного императора дать ей то небольшое, что она просила: время и тело Дэйна. Он дал. И когда советники преклоняли колени перед новым императором, пообещал, что лично убьет каждого, кто посмеет встать между мейритиной и телом его брата.

Траур до самого вечера утонул в рутине, в которой, стараниями верной Корты, Киирис узнала главное: их с Раслером считали пропавшими уже несколько месяцев. Среди жителей замка самым любимым был слух о том, что безумный Наследник костей воспользовался отсутствием брата, чтобы прибрать к рукам его любимую рабыню, а потом, когда и Раслер не объявился, история обросла более романтическим флером: влюбленные решили сбежать из-под гнета властного Дэйна, и теперь счастливо живет где-то в домишке у моря. Возвращение Киирис без своего «верного принца» накануне печального события сочли дурным предзнаменованием. Если бы не запрет Рунна прикасаться к ней под страхом смерти, Киирис бы давно бросили в темницу.

Единственным, кто до последнего ждал ее возвращения, был подаренный Дэйном щенок фира. Корта с грустью рассказала о том, что животное сперва долго сидело около комнаты Раслера и сменил пропавшего наследника на посту воющего по ночам. Корта подкармливала фира, потому что оказалась единственной, кому он позволял о себе заботиться. Эти двое, казалось, понимали друг друга без слов. Киирис попросила Рунна отпустить Кортю. Она была почти уверена, что тот откажет, но Наследник тени сразу согласился. Корта ушла на закате, и фир ушел вместе с ней. Киирис знала — эти двое смогу друг о друге позаботиться.

Киирис попросила, чтобы тело императора опустили в склеп, где был похоронен его отец. В происходящей вокруг вакханалии замок со всеми его обитателями стал слишком шумным местом. В каменном пристанище склепа она нашла покой, тишину и уединение с любимым. Киирис долго и неторопливо омывала его тело, вычесывала длинные волосы и наслаждалась каждой чертой бесконечно родного лица. Он не умер, нет. Он стоит за дверью и ждет ту, что укажет ему обратный путь. Потому что она лишь крохотная частичка, без которой мир не рухнет в пропасть, а Дэйн — скала, о которую разобьются все невзгоды многотысячной империи. Мир не станет лучше или хуже, если она, последняя мейритина, превратится в имя без воспоминаний, судьбу без будущего.

Осколок она поставила так, чтобы видеть в его отражении лицо Дэйна. Где-то там, по ту сторону реликвии, ее император бродит бестелесной неприкаянной тенью, и каждая

минута промедления отдаляла их друг от друга в этом бесконечном лабиринте.

Рунн, как она и просила, появился, едва село солнце. Он больше не выглядел затравленным, но и счастья от обретенной власти на его лице не было. Только бесконечная тоска и желание найти хотя бы крохотную лазейку, чтобы сбежать от власти, которая оказалась для него непосильной ношей.

— Осколок? — Рунн посмотрел на него с отвращением. — Он как-то связан с исчезновением Раслера?

— Если тебя действительно интересует ответ, я могу сказать, но это все равно уже ничего не изменит. Мы все стали заложниками обстоятельств и каждый нашел свой путь на свободу. Раслер, как ты и, сделал выбор. Мне не хочется думать, что его жертва была напрасной.

Рунн не стал лукавить и остался верен своей нелюбви к младшему брату: новость об исчезновении Раслера его несколько не огорчила. В стремительно крушащемся мире эта стабильность предавала Киирис уверенности. По крайней мере, это место не будет испачкано ложью.

— Ты должен сделать это, Рунн. Одной мне не справиться.

Ей не нужно было объяснять, что именно от него требовалось: Наследник тени все понял без слов. Понял — и во второй раз за день оступился, пятясь назад. Киирис пошла на него, поймала за руку до того, как он оказался на лестнице и затащила обратно. Он не упирался, но получив свободу, обязательно бы снова попытался сбежать. Пришлось вцепиться его ладонь смертельной хваткой: если и вырвется, так уж вместе с рукой.

— Во мне слишком много ... меня. — Как же ему объяснить, что только избавление от реальности позволит ей ослабить остатки своих душ? — Я — цена за его жизнь, Рунн. Ты либо принесешь в жертву меня, либо останешься в веках никудышным императором. Мы оба знаем, что не ты был рожден для этого, мы оба знаем, что твой главный поступок в жизни еще только предстоит совершить. Не сражайся против того, что было решено не нами. Просто исполни свое предназначение.

— Я не могу, — обреченно простонал тенерожденный.

— Можешь. — Если потребуется, она станет утесом, об который разобьются все волны его нерешительности. Лучше бы, конечно, не затягивать с этим слишком долго. — Можешь и сделаешь.

— Ненавижу тот день, когда привез тебя в Мерод, — выплюнул ей в лицо Рунн. Обхватил ее за талию, притянул к себе.

Плевать, он говорит это от бессилия.

Все они любили ее, каждый по-своему. И она, по-своему, дорожила каждым из них. Возможно, когда-нибудь, когда они и их дети, и внуки, и дети внуков станут прахом в земле, ей будет даровано прощение. То, которое Киирис не хотела и не могла дать себе самой.

— Ты обязательно еще будешь счастлив, Рунн, — сказала она, услужливо подставляя шею.

Его рука не дрогнула, и мастерское прикосновение к шее оказалось почти приятно-ласковым. Киирис услышала, как где-то внутри ее головы раздался разочарованный вопль и счастливо улыбнулась.

Рунн бережно уложил ее около брата, так, чтобы перед смертью Киирис могла видеть в зеркале отражение Дэйна. Она не разобрала его сбивчивый шепот, потому что была слишком слаба, чтобы хвататься за ненужную и бессмысленную реальность. Ее место было там, в Осколке.

Жизнь медленно и неумолимо вытекала из нее, превращаясь в подобие дорого красного шелка для их с Дэйном странного ложа. Киирис отчаянно тянулась к зеркалу, звала реликвии и подчиняла своей воле. А когда, наконец, гладкая поверхность распахнулась

перед ней, мейритина схватила тень Дэйна за руку и одним рывком, в который вложила все силы, вытолкнула в реальность.

«Пожалуйста, пусть все получится. Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста...»

Мир расплывался перед глазами, ее стремительно утаскивало в зеркальный водоворот, в мир, где живым не было месте. В мир, где она разменяла себя на куда более важную жизнь человека, которого любила всем своим израненным сердцем.

Но перед тем, как она окончательно перешагнула за грань, Киирис все же увидела в отражении, как дрогнули светлые ресницы Дэйна, как он, морща лоб, с трудом открывает глаза, пробуждаясь словно ото столетнего сна.

— Киирис...?

Она все-таки успела подарить ему последнюю улыбку — и упала. Без сожаления, без раскаяния, точно зная, что не желала бы прожить иной жизни, если только так могла узнать своего императора. И прожила бы такую же жизнь снова и снова, множество раз, лишь бы еще хоть раз увидеть лучики морщинок вокруг его глаз.

«Я же говорил, что тебе здесь не место, Кровь богов».

«Говорил, — согласилась она, — как и тебе».

Раслер хрипло и жестко рассмеялся. Киирис не хотела оглядываться, не хотела видеть, чем он успел стать, раз каким-то чудом сохранил жизнь, да еще и так запросто рассказывает там, где ему не место. И все же, она посмотрела.

Точно так же, как и она, он был предназначен судьбой для того, чтобы стать вот этим: безупречным, идеальным владельцем этого мрачного последнего пристанища заблудших душ. Он больше не выглядел потерянным двадцатилетним молодым мужчиной, он был жестким хозяином самой смерти, едва ли не таким же полноправным, как и сама Костлявая. Его тело пульсировало разрушительной аурой. Боги, он же...

«Дэйн всегда учил меня: покори то, с чем не можешь справиться, — вторгся в догадку его голос. — Жаль, не могу показать тебе сотни миров, где я успел побывать, Кровь богов. Жаль, ты не можешь разделить со мной это тончайшее наслаждение. — И уже тише, с почти прежней грустью. — Жаль, что тебе уже пора уходить».

«Я не могу, я умерла».

«Когда этакая безделица меня останавливала?» — усмехнулся он.

А потом утопил пальцы в ее бестелесной плоти, вырывая, словно проклятые наросты, то небольшое, что осталось от отравляющих ее ипостасей. Облегчение было таким сокрушительным, что Киирис непременно упала бы, но Раслер привлек ее к себе.

«Ты теперь сама смерть, Наследник костей? Первозданная теругия?»

«Я — это всего лишь я, Кровь богов. Уходи, — он брезгливо стряхнул с пальцев темные сгустки ее покалеченных душ, — живи за нас двоих».

«Пойдем со мной!»

«И разменять божественное на смертное? Может быть, когда-нибудь, когда мне надоест эта тишина...» — Раслер ухмыльнулся — и вытолкнул ее обратно.

Эпилог

Шесть лет спустя

Лошади были прекрасны. Два белоснежных жеребца, длинноногих и стройных, крепких и норовистых. На каждого из пары пришлось выдать по два конюха, но и такому тандему было сложно справиться со свободолюбивыми животными.

— Я знала, что Рунн не оставит племянников без особенного подарка в день их пятилетия.

Киирис потихоньку встала: ноша второй беременности была очень приятной, но она готовилась родить уже к концу следующей недели и, честно говоря, порядком устала чувствовать себя неуклюжим колом. Словно услышав ее мысли, ребенок в животе несколько раз недовольно пнулся.

— Нельзя быть такой вредной, маленькая наследница, — ласково пожурила ее Киирис, успокаивающе поглаживая живот ладонью. — Ну, по крайней мере, до тех пор, пока твой отец не даст на это своего разрешения.

— Если то же самое ты говорила близнецам, мои императрица, то я начинаю понимать, откуда их своенравие и непослушание.

Дэйн отобрал повод у конюхов, спокойно выдержал дурную реакцию коня на попытку его усмирить: животное встало на дыбы, застучало копытами по воздуху, грозя оставить на наглеце отпечатки подков. Император рванул повод, вынуждая коня угомониться. И сделал это еще несколько раз, пока жеребец, наконец, не устал сопротивляться. Только потом позволил себе слабость потрепать коня по голове, погладить холеный лоснящийся бок.

Император нэтрэзов усмирять и покорять все, что желал умирить и покорить, и за шесть лет совместной жизни Киирис не помнила ни единого исключения из данного правила. В этом был весь Дэйн: его воля была первой и последней непреложной истиной. Раньше Киирис казалось, что именно в этом и заключается его тирания, но каждый день совместной жизни доказывал обратное: только наведя порядок, научив людей видеть и понимать правильные вещи даже сквозь туман войны, можно научить их мыслить и жить. Именно так прозрела она сама.

— Как будто я не могу купить своим сыновьям коней, — делано проворчал Дэйн, хоть и слепой бы увидел — он доволен. И не столько подарком, сколько тем, что Рунн, впервые за шесть лет после бегства, дал о себе знать.

Это послание было немногословным: всего пара строк на дорогом пергаменте с золотой печатью. Пожелания Наследнику тумана и Наследнику огня расти крепкими и смелыми, сильными и мудрыми, как их отец. И ни намек о том, что с ним теперь и в какой стороне света его искать.

— Их сбруя стоит нескольких деревень, — заметила Киирис, приблизившись к мужу. — Твой брат говорит, что у него все хорошо, и где бы он ни был, кем бы ни стал, по крайней мере, он не бедствует.

— Да уж, если Рунн сыт и окружен женщинами, то его будущее ясно, как солнечный день.

— Уверена, брат еще не раз тебя удивит.

Оба жеребца косились на Киирис голубыми глазами, не проявляя ни капли дружелюбия. Она не боялась, ведь рядом был Дэйн — ее скала от всех невзгод. Его любовь стала пристанищем для ее израненной души, исцелила то, что, казалось, было безоговорочно уничтожено.

Мальчишки выскочили во внутренний двор, словно два урагана: высокие и крепкие как для своих пяти лет, светловолосые и темноглазые. Точные копии своего венценосного

отца. Уже сейчас было видно, что они вырастут такими же сильными великанами со стальными характерами. Киирис до сих пор не понимала, чем заслужила эту радость — стать матерью двух его отражений. После всех ошибок она и не мечтала о счастье. Уже одно то, что судьбе было угодно позволить ей остаться рядом с Дэйном, казалось настоящим чудом. Судьбе... или Раслеру?

— Этот будет мой, — заявил Наследник огня, нарочно выбрав того жеребца, которого еще не успел усмирить отец. — Он сильнее и больше.

— Они одинаковые, — спокойно осадил его брат. — Хотя, выбирай любого, а я выберу того, что останется.

Наследник огня прищурился, явно озадаченный такой доброжелательностью. Киирис прекрасно знала этот взгляд: если император не вмешается, мальчишки зададут взбучку друг другу. Киирис никогда не вмешивалась в их мальчишескую возню, все равно повлиять на эти своенравные ураганы мог только Дэйн. И ей нравилось такое положение вещей: он обязательно вырастит их настоящими мужчинами, достойными преемниками его выстраданной кровью и собственной жизнью империи.

— Вперед. — Дэйн отступил, «великодушно» разрешая мальчишкам подойти ближе. — Кто объедит первым?

Киирис молча ждала разрешения ситуации. Наследники переглядывались, но не торопились доказывать отцу свою смелость. Только теперь они поняли, что бахвальством позволили увлечь себя в ловушку. И Дэйн не преминул ею воспользоваться.

— Думаю, у вас еще есть подарки, которые можно распаковать, — пришла на помощь сыновьям Киирис.

Взъерошила белокурые волосы Наследника огня, расправила непослушный вихрь на затылке Наследника тумана. У обоих мальчишек рога появились лишь год назад. Пройдет еще несколько лет, прежде чем свидетельство их божественной крови вырастут и окрепнут в полную силу. И все же, они оба были отчасти мейритами, и осознавать, что она не станет последней в роду, было невероятным облегчением.

— У них столько подарков, что если они начнут их распаковывать, то это займет весь день до вечера, — глядя вслед убегающим мальчишкам, сказал Дэйн. Потом жестом приказал конюхам уводить лошадей. Во внутреннем дворе стало тихо. — Уверена, что тебе не нужно отдохнуть, моя императрица?

Дэйн притянул ее к себе, прижал спиной к своей груди, одновременно опуская ладони на выдающийся живот Киирис.

— Отпусти их, — попросила она, пользуясь тем, что муж находился в приподнятом настроении. — Вряд ли эти люди хотели оскорбить меня, они просто говорили правду.

— На каждом углу. Громко и очень приукрашено, — уточнил Дэйн.

— Я не против, если люди называют меня Мертвой императрицей Киирис.

— Я не против, если тебя будут называть просто императрицей.

Киирис улыбнулась, вспоминая, как он обозначил свое желание сделать ее, испачканную прошлым рас'маа'ру, своей женой и императрицей. На справедливое замечание о том, что империи нужна титулованная хозяйка благородных кровей и желательно без химерных рогов, Дэйн категорично заметил: «Моя империя и мне решать, какой будет императрица. Если придется устроить парочку показательных казней, чтобы заткнуть досужих болтунов, я сделаю это». Кем она была, чтобы отказывать императору? Всего лишь бесконечно влюбленной в него женщиной без прошлого и с туманным будущим.

— Я прикажу, чтобы болтунам как следует всыпали и отпустили на все четыре стороны, — смилостивился император. — Но предупреждаю, Киирис — это последний раз, когда я готов поступиться принципами. И лишь ради того, чтобы не огорчать свою беременную жену. Впредь прошу тебя не вступаться за тех, кто настолько не ценит свою жизнь, что готов разменять ее на пару бессмысленных басенок об императрице. Иногда

лучше искоренить глупость до того, как она даст всходы. Я не из тех слабохарактерных идиотов, которым страшно управлять умным народом.

Она с благодарностью прижала его ладонь к своим губам. Никто не говорил, что женой императора быть проще, чем его рабыней. А Дэйн не позволял себе слабости нигде, кроме их спальни, где они сбрасывали одежды и короны, и снова становились простыми смертными, которые находили успокоение друг в друге.

— Не возражаешь, если я оставлю тебя одну? Нужно написать целую гору чинушам из Торговой лиги, пока они не возомнили, будто могут сесть мне на шею. Точно не хочешь подняться вверх?

— Нет, мой император, я хочу еще немного побыть здесь. Погода чудесная, мне не хочется прятаться от солнца в четырех стенах. — Киирис не стала добавлять, что за ней и так повсюду таскались по меньшей мере четверо его вышколенных гвардейцев, готовых, если потребуется, отдать жизнь за императрицу. — Но ты можешь помочь мне сесть в кресло. Чувствую себя совершенно неуклюжей короной, — посетовала мейритина.

— А я вижу перед собой женщину, ради которой пойду на край света и даже дальше. — Он поднял ее на руки, осторожно закружил, пока Киирис не сдалась и не позволила беззаботному смеху развеять внезапный приступ меланхолии. Потом Дэйн усадил ее в кресло, опустил на одно колено и мягко погладил два росчерка шрамов на шее. Они уже давно не болели, но иногда напоминали о себе, как любая старая и ноющая рана. — Я вижу женщину, которая пожертвовала для меня большим, чем кто-либо, — прошептал он, разглядывая ее так, будто и не было этих шести лет и они впервые обнажили друг для друга свои души. — Вижу императрицу, которая заботится о людях, которые не стоят и капли ее любви. Вижу женщину, подарившую мне двух крепких сыновей с кровью богов. Сейчас мне до боли жаль, что я не могу любить тебя еще больше, ведь ты и так целиком в моем сердце.

Киирис потянулась к нему, отдалась поцелую со всей любовью, которая — она знала — не потускнеет даже, когда их тела станут лишь воспоминанием. В конце концов, их сказка оказалась тяжелой и мрачной, но много счастливее прочих. Потому что они заплатили за нее болью, кровью, страданием и собственными жизнями.

Когда Дэйн ушел, она с наслаждением подставила лицо теплым солнечным лучам. Пошел уже второй год, как пустынные земли вокруг Мерода начали зеленеть, и даже здесь, под охраной Аспекта, Киирис ощущала, как медленно разрушается тяготеющее над империей проклятие сгинувших мейритов. Когда-нибудь, и в эти края вернутся птицы, и первые люди привезут на телегах свой нехитрый скарб. Она больше не слышала теургию, но все еще иногда могла видеть будущее. Пусть отрывисто и неясно, словно разглядывала причудливые узоры, нарисованные ветром в облаках.

Она приложила к глазам ладонь, всматриваясь в белоснежные хлопья на безупречно-синем небе — и выше, туда, куда не мог заглянуть никто. Выше и дальше, сквозь время, сквозь сущность мироздания.

«Я знаю, что ты там, Раслер, — произнесла мысленно, когда взгляд опустился с небес прямо на заснеженные, обледеневшие равнины чужой, неизвестной земли. — Я знаю, что ты, наконец, проснулся. И я скажу императору, что тебе понадобится его помощь, чтобы отвоевать Северное королевство. Поверь, я точно знаю, что даже богам иногда никак не обойтись без помощи смертных».

КОНЕЦ

Примечания

1

Висты — раса.

2

Домин (с ударением на второй слог) — обращение к наследнику империи.

3

Таэри — специальный ошейник.

4

Названия монстров.

5

Рухан — название континента, где происходят события.

6

Арахан — группа женщин, которые живут во дворце на правах наложниц и служат лишь для того, чтобы удовлетворять желания Наследников.

7

Теургия — искусство обращение с энергетическими потоками.

8

Этара — рабыня, личная тень своего хозяина, его глаза и уши. Как правило следит за тонкостями жизни в замке и обо всем доносит своему хозяину.

9

Расы.

10

Paca.

Ночной дурман — особенный вид растений, которые цветут лишь одну ночь в жизни и только в лунном свете.

Скрага — буквально «та, что приносит справедливость».

13

Скалта — портовый город на юго-западе Нэтреской империи.

14

Сеах — личная рабыня-горничная при благородной девушке.

15

Paca.

Запечных дел мастер — палач.

17

Тхашар — молочный сын.

Риаг — женский наряд с брюками и сорочкой, поверх которой обязателен корсет. Так же обязательным атрибутом являются высокие сапоги. Риаг позволительно носить лишь девушка, которые уже утратили невинность. Обычно носится во время конных прогулок, а так же в ситуациях, где уместен более строгий наряд.

Касхары — аналог князей, владельцы разделенной на обусловленных правах территории (в данном случае под территорией подразумевается Золотая долина — обширный кусок земли, на востоке граничащий с Нэтреской империей).

20

Фир — порода собак. Отличаются большой выносливостью и крупным размером.